

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 16, № 5, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 5, 2023

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

**The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS**

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир	9
---	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е. Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики	32
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Голованов О.А., Тырсин А.Н., Васильева Е.В. Моделирование рисков экономической безопасности регионов России в условиях санкционного давления.....	49
Атаева А.Г., Орешников В.В. Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты	66

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Флек М.Б., Угнич Е.А. Факторы, проблемы и перспективы трансфера знаний в организации высокотехнологичного сектора	83
--	----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Финансовые балансы территорий как инструмент моделирования эффективности пространственного развития	101
Белехова Г.В. Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки	117

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Определение региональных очагов потенциальной геополитической активности на основе демографического эффекта масштаба	138
Одинцова Е.В., Чашина Т.В., Мочалов Д.А. Особенности уровня жизни и трудового положения домохозяйств с детьми и без детей	155

Хотеева Е.А. Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе	172
Якушева У.Е., Максимов А.М., Малыгина М.В. Факторы миграции населения в сельских районах европейской части Российской Арктики	188
Косыгина К.Е. Роль местных сообществ в развитии малых территорий	210

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Привлечение в вузы образовательных мигрантов: обзор институциональных ресурсов	230
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Фан Фан, Груздева М.А., Тань Жоюй, Чжан Сяоя. Опыт России и Китая в преодолении возрастного аспекта цифрового разрыва	247
Дургун Ф., Даянир А. К проблеме изучения взаимосвязи между экономическим ростом, человеческим капиталом и качеством окружающей среды	262
Люй Хунин, Ван Чао. «Один пояс, один путь»: достижения и перспективы (к десятилетию инициативы)	279

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	294
Правила приёма статей	306
Информация о подписке	307

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. From “Munich-2007” to “Valdai-2023”:
Sixteen Years That Changed Russia and the World 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Kuvshinnikov O.A., Rybalchenko S.I., Shestakova T.E. Public Health Promotion
as a Priority for Regional Governmental Policy 32

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Golovanov O.A., Tyrsin A.N., Vasilyeva E.V. Modeling Economic Security Risks
for Russian Regions in the Context of Sanctions Pressure 49
- Ataeva A.G., Oreshnikov V.V. Assessing the Level of Social Development in Russia’s
Regions: Methodological and Applied Aspects 66

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Flek M.B., Ugnich E.A. Knowledge Transfer to High-Tech Sector Organizations:
Factors, Problems and Prospects 83

PUBLIC FINANCE

- Zakharchuk E.A., Pasyukov A.F. Financial Balances of Territories as a Tool for Modeling
the Effectiveness of Spatial Development 101
- Belekhova G.V. Financial Well-Being of Older Adults: Theoretical and Methodological
Aspects and Assessment Issues 117

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Balatsky E.V., Ekimova N.A. Identifying Regional Foci of Potential Geopolitical Activity
on the Basis of Demographic Scale Effect 138
- Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. Features of the Standard of Living
and Labor Situation in Households with Children and without Them 155

Khoteeva E.A. Motives of Youth Migration to the Arctic Zone of the Russian Federation at the Present Stage.....	172
Yakusheva U.E., Maksimov A.M., Malygina M.V. Rural Areas Population' Migration Factors in the European Part of the Russian Arctic	188
Kosygina K.E. The Role of Local Communities in the Development of Small Territories.....	210

SCIENTIFIC REVIEWS

Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Attracting Educational Migrants to Universities: An Overview of Institutional Resources.....	230
--	-----

GLOBAL EXPERIENCE

Fang Fang, Gruzdeva M.A., Tan Ruoyu, Zhang Xiaoxia. The Experience of Russia and China in Addressing the Age Aspect of the Digital Divide	247
Durgun F., Dayanir A. Revisiting the Linkages Between Economic Growth, Human Capital and Environmental Quality.....	262
Lyu Hongying, Wang Chao. The Belt and Road: Achievements and Prospects (to the Tenth Anniversary of the Initiative)	279

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	294
Manuscript Submission Guidelines	306
Subscription Information	307

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 5 октября 2023 г. Президент РФ В.В. Путин выступил на юбилейном XX заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» с речью, которую многие эксперты оценили как продолжение его выступления на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. За прошедшие 16 лет ключевые тезисы, изложенные главой государства в Мюнхене (о том, что «однополярный мир не состоялся», и о том, что «Россия – страна с более чем тысячелетней историей... не собирается изменять традиции проводить независимую внешнюю политику»), приобрели реальные очертания и конкретные формы. Будущее России как суверенного государства-цивилизации, являющегося частью многополярного мира, стало очевидным, естественным и неизбежным, о чем и заявил Президент РФ на Валдайском форуме 2023 года. Как иллюстрация этого тезиса, в статье подробно рассматриваются результаты избирательных

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 9–31. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2023). From “Munich 2007” to “Valdai 2023”: Sixteen years that changed Russia and the world. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 9–31. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.1

кампаний, прошедших в России 10 сентября 2023 г., убедительно подтвердивших поддержку большинством избирателей действующего курса внешней и внутренней политики, реализуемого главой государства. В статье приведены авторские расчеты, осуществленные по официальным данным, представленным в базе ЦИК РФ; проведен углубленный сравнительный анализ итогов региональных выборов 2018 и 2022 гг.; проанализированы результаты голосования по областным центрам; рассмотрены факторы, оказавшие влияние на явку избирателей. Это позволило выявить новые, более углубленные характеристики общественных настроений, сигнализирующие о потребности значительной части избирателей в приведении в соответствие действующих элит (политических, экономических, культурных) декларируемой государством общественно-политической повестке, связанной с целями специальной военной операции и с позиционированием России как государства-цивилизации. В целом анализ показал, что как внутри России, так и на международной политической арене существует еще очень много сил, отчаянно цепляющихся за «старый» мировой порядок и препятствующих естественному ходу происходящих изменений. Это говорит о том, что процесс трансформации России и всего мира, по сути, начатый 16 лет назад, еще не завершен и, по-видимому, эта задача откладывается на период 2024–2032 гг. — потенциально новый президентский срок В.В. Путина. При этом главным условием её реализации было и остается успешное достижение всех целей специальной военной операции.

Ключевые слова: Валдайский форум, «мюнхенская речь», специальная военная операция, угрозы национальной безопасности, элиты, Единый день голосования, выборы.

5 октября 2023 г. Президент РФ В.В. Путин выступил на XX заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» с речью, которую многие эксперты охарактеризовали как продолжение «мюнхенской речи» главы государства 10 февраля 2007 г.

Эксперты о выступлении В.В. Путина на Валдайском форуме 5 октября 2023 г.:

1. **«Выступление президента России Владимира Путина на 20-м заседании клуба „Валдай“ по масштабам и значению может сравниться только с Мюнхенской речью 2007 года... В 2000-х Россия только возвращалась на арену большой политики, но 16 лет спустя Москва определяет глобальные тенденции всего мира. Если в середине 2000-х наш лидер обозначил вектор национальных интересов России и первым из руководителей стран выступил против произвола Запада, то сегодня Путин задает ориентиры будущего развития всего человечества, архитектуру глобального мироустройства, которую желают видеть миллиарды людей по всему миру»¹.**
2. **«Выступление президента России на пленарной сессии XX заседания Международного дискуссионного клуба „Валдай“ анонсировалось как весьма содержательное и очень важное, что вызывало ожидания, сопоставимые с Мюнхенской речью 2007-го и Валдайской же речью 2014 года. И такие ожидания не были необоснованными»².**
3. **Концепция международных отношений, представленная В. Путиным – «серьезно подготовленная, и обдуманная, и прочувствованная»³.**

¹ Мнение политолога, аналитика Центра экспертного сопровождения политических процессов П. Колчина (источник: Газета.ру. 05.10.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/10/05/21438397.shtml>).

² Маслов А. Валдай-2023: перезагрузка по-путински. URL: https://zavtra.ru/blogs/valdaj-2023_perezagruzka_po-putinski

³ Мнение директора Центра политического анализа и социальных исследований П. Данилина (источник: РИА-новости. 05.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231005/putin-1900826706.html>).

4. «Президент остается верен себе, он всегда выступает с очень программными речами. Нынешнее выступление дает представление о том, как Путин и все российское руководство видит окружающий мир, о том, как мы будем в ближайшее время выстраивать наши международные отношения, что для нас важно, какие позиции важны во внешней политике... **очень много внимания было уделено вопросу цивилизаций: как они будут взаимодействовать между собой, сосуществовать.** Все это, конечно, будет обсуждаться в течение ближайшего года экспертами на международном уровне и в России»⁴.

В ходе выступления В.В. Путин отметил: «Мир слишком сложен и многообразен, чтобы его можно было подчинить одной схеме, пусть даже за ней и стоит мощь, огромная мощь Запада, накопленная веками колониальной политики... Прочный мир установится только тогда, когда все станут чувствовать себя в безопасности, понимать, что их мнение уважается и что в мире существует равновесие, когда никто не способен по собственному желанию заставить, принудить остальных жить и вести себя так, как это угодно гегемону»⁵.

По сути, оценку мировой ситуации, которую дал В.В. Путин, можно считать квинтэссенцией геополитических процессов и событий, происходящих на наших глазах с момента начала специальной военной операции (СВО).

СВО идет уже 18 месяцев, и на этом фоне всё динамичнее и отчетливее проявляются контуры многополярного мира:

✓ вслед за шестью странами, которые станут новыми участниками БРИКС с 2024 года, **более 40 государств** выразили заинтересованность в присоединении к БРИКС, из них 22 уже подали официальные заявки⁶;

✓ в III международном форуме «Один пояс – один путь», который проходил в Пекине 17–18 октября 2023 г., приняли участие **130 стран и 30 международных организаций**. Причем российский президент являлся почетным гостем данного мероприятия, а из всех государств так называемого «коллективного Запада» в форуме участвовал только премьер-министр Венгрии В. Орбан.

«В основе этого процесса лежит объективная реальность. Многополярный мир создаётся сам по себе, по факту. Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить и, может быть, добьётся какого-то снижения темпа строительства многополярного мира. Но его создание неизбежно. Оно происходит само по себе, и происходит оно в связи с ростом потенциала многих стран, в том числе и не в последнюю очередь с ростом потенциала Китайской Народной Республики. Индия растёт в Азии, Индонезия растёт и многие другие государства, в Латинской Америке – Бразилия, Россия встаёт на ноги и крепнет. Во всех наших странах есть свои проблемы, а где их нет? Всегда есть. Дело не в этом, **дело в росте потенциала**, а этот рост является очевидным, в том числе в сфере экономики»⁷.

«Именно через призму подъёма многополярности и упадка однополярности стоит интерпретировать основные мировые события... Россия удерживает фронт, и это для многополярной волны очень важно. Может быть, важнее всего остального. Ведь именно Россия первой вступила в прямой военный конфликт с упирающейся однополярной глобалистской системой, которую отчаянно пытается спасти администрация Байдена и ориентирующие её неоконцы»⁸.

⁴ Мнение политолога Н. Бурлиновой (источник: Взгляд. 05.10.2023. URL: <https://vz.ru/news/2023/10/5/1233597.html>).

⁵ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

⁶ Российская газета. 22.09.2023. URL: <https://rg.ru/2023/09/22/strategicheskij-prioritet.html>

⁷ Интервью В. Путина медиакорпорации Китая 16 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508>

⁸ Дугин А. Многополярная волна // Изборский клуб. 04.10.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24799>

При этом обстановка на поле боя в ходе достижения целей самой СВО — главного «триггера» глобальных изменений и формирования многополярного мира — продолжает оставаться под контролем Вооруженных сил Российской Федерации.

«Пройдена весенняя наступательная кампания, как планировали украинские власти, летняя, теперь уже осенняя – и ни в одну из этих кампаний какого-либо успеха, существенного успеха достичь не удалось... В целом обстановка выглядит устойчиво, уверенно. Войска ведут очень и очень профессиональные действия, проявляют на многих направлениях героизм, уверенность в том, что они не только удержат позиции, но и, естественно, продолжают реализацию тех планов, которые мы наметили»⁹.

Однако реальная ситуация в мире указывает на то, что мировой гегемон и его сателлиты еще очень далеки от того, чтобы признать объективность и неизбежность наступления многополярности. Разгоревшиеся военные конфликты в Нагорном Карабахе¹⁰, в секторе Газа¹¹, попытки в очередной раз найти «русский след» в подрыве финского газопровода Balticconnector¹², передача «киевскому режиму» дальнобойных ракет АТАСМС со стороны США¹³, — всё это указывает на то, что коллективный Запад продолжает отчаянно сопротивляться утрате своего могущества, что в конечном итоге приводит к многочисленным человеческим жертвам и всё большей дестабилизации мировой безопасности, причем не только на Ближнем Востоке, но и внутри государств самого коллективного Запада (на фоне конфликта в секторе Газа «Европу накрыла волна протестов в защиту Палестины»¹⁴).

⁹ Совещание по оперативным вопросам при Президенте РФ 16 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72510>

¹⁰ 19–20 сентября 2023 г. происходили боевые действия в Нагорном Карабахе между вооружёнными силами Азербайджана и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР). Они закончились подписанием соглашения о прекращении огня. 28 сентября 2023 г. глава НКР С. Шахрамьян подписал указ о прекращении существования Нагорно-Карабахской Республики с 1 января 2024 г.

Анализируя причины обострения армяно-азербайджанского конфликта, эксперты отметили: «С одной стороны, речь идет о застарелом конфликте, который никак не разрешался, хотя Россия предпринимала значительные усилия, чтобы не допустить военного сценария. С другой стороны, Запад и США заинтересованы в том, чтобы по периметру Союзного государства обстановка пылала. А так как Запад терпит поражение на Украине, то ему хотелось бы, чтобы Россия расплыла силы на другие направления. Думаю, что в этом одна из причин обострения ситуации» (мнение политического эксперта, председателя Белорусского общественного объединения «Русь» Н. Сергеева. Источник: <https://ru.sputnik.kg/20230921/ssha-zapad-nato-armeniya-karabah-sobytiya-konflikt-prichiny-1078794752.html>).

¹¹ 7 октября 2023 г. палестинские террористические группировки, крупнейшей из которых является ХАМАС, вторглись на территорию Израиля из сектора Газа, в ходе чего были произведены массовые убийства гражданских лиц, значительная часть людей была взята в заложники. 9 октября Израиль ввел полную блокаду сектора Газа; начались массовые ракетные удары, жертвами которых стали мирные жители сектора Газа; готовилась наземная операция.

10 октября Управление Верховного комиссара ООН по правам человека официально осудило решение Израиля о блокаде сектора Газа как нарушающее международное право.

По оценкам некоторых экспертов, «власти США используют разгоревшийся с новой силой палестинско-израильский конфликт, чтобы скрыть провал на Украине... Внимание журналистов сейчас сконцентрировано на происходящем в Израиле, и США это на руку, поскольку украинский конфликт стал для Запада крупным провалом» (источник: <https://ura.news/news/1052696678>). По словам посла МИД РФ Р. Мирошника: «США абсолютно устраивает происходящее в секторе Газа... Происходящее сегодня там и отсутствие на это адекватной международной реакции, я имею в виду на уровне ООН, — вина непосредственно США» (источник: ТАСС. 22.10.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19085745>).

¹² 8 октября 2023 г. из-за подозрений на утечку был перекрыт эстонско-финский подводный газопровод Balticconnector. 11 октября представитель центральной криминальной полиции Финляндии М. Симола заявил, что следователи обнаружили «внешние следы» на морском дне. В этот же день экономист из Эстонии Л. Цингиссер заявил, что в стране повреждение газопровода преподносится как «акт недружественного воздействия российского происхождения». В настоящее время расследование продолжается. (источник: https://iz.ru/1592380/2023-10-19/politicia-finlandii-zavershila-osmotr-na-meste-povrezhdennogo-gazoprovoda?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop)

¹³ Российская газета. 18.10.2023. URL: https://rg.ru/2023/10/18/zhurnalists-repke-peredannye-vsu-atacms-ne-imeit-gps-iz-za-rossijskih-sredstv-reb.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

¹⁴ «Дни гнева»: Европу накрыла волна протестов в защиту Палестины // Рен-ТВ. 19.10.2023. URL: <https://ren.tv/longread/1153504-dni-gneva-evropu-nakryla-volna-protestov-v-zashchitu-palestiny>

По словам российских экспертов, США «создали как минимум пять точек напряжения, каждая из которых может перерасти в мировой конфликт: это конфликт России и НАТО на Украине, конфликт на Ближнем Востоке, вмешательство американской администрации во взаимоотношения между Китаем и Тайванем, конфликт между Азербайджаном и Арменией, наконец, Корейский полуостров»¹⁵.

Непосредственно для России отчаянные попытки коллективного Запада воспрепятствовать объективному процессу наступления многополярности представляют особую угрозу.

Отчасти потому, что Россия продолжает оставаться «в эпицентре геополитической турбулентности».

Отчасти исходя из исторически сложившейся «философии», «парадигмы» коллективного Запада «додавить» любое государство, проявляющее хоть какие-то признаки укрепления суверенитета.

«С февраля 2022 года, с момента разворачивания специальной военной операции (СВО) России на Украине, стартовала деглобализация мирового геополитического пространства. В ходе таких событий Россия оказалась в эпицентре геополитической турбулентности и выступает в качестве главного действующего лица коалиции Не-Запад»¹⁶.

В частности, как отмечают эксперты, в войне с Россией коллективный Запад «в любой момент может взорвать ситуацию на Южном Кавказе, если примет решение открыть второй фронт... особенно в свете провала украинского контрнаступления»¹⁷.

Попытки дестабилизировать мировую ситуацию и сохраняющиеся угрозы национальной безопасности для нашей страны указывают на то, что

«Россия в начале 90-х годов готова была на все..., чтобы выстроить свои отношения с западными странами. Что мы получили? Поддержку сепаратизма и терроризма на Кавказе, прямую причём: и политическую, и информационную, и финансовую, и даже военную. Знаете, я же в это время был сначала директором ФСБ, с удивлением смотрел на то, что происходит, думал: «Зачем? Мы же вроде как теперь все вместе, зачем они это делают?» Но они же это делали, не стесняясь. Ответа нет, честно говоря, даже до сих пор.

Я полагаю, что это просто какое-то отсутствие образования, что ли, непонимание тенденций, непонимание того, как мир устроен, как Россия устроена, к чему это может привести. Просто желание силой додавить, додавить, додавить – ничего, кроме силы...

Даже, более того, когда какие-то откровенные разговоры были, у меня были еще нормальные отношения с некоторыми лидерами, когда мне говорили: «Надо додавить», я говорил: «Зачем?», – ответа нет. Просто так, философия такая сложилась, парадигма, надо решать вот так – додавить...»¹⁸

«прочный мир», о котором говорил В.В. Путин на Валдайском форуме, наступит еще очень нескоро. И пока Россия по-прежнему находится «в эпицентре геополитической турбулентности», ключевое значение для её стабильности и внешней безопасности продолжает играть положение дел внутри страны; готовность широких слоев населения поддерживать курс внешней и внутренней политики, реализуемой Президентом РФ, несмотря ни на экономические санкции со стороны коллективного Запада, ни на постоянно растущие угрозы военной безопасности.

¹⁵ Исаев А. (депутат Государственной Думы РФ). Программа «60 минут». Эфир от 16.10.2023. URL: <https://smotrim.ru/video/2698951>

¹⁶ Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 53.

¹⁷ Дугин А. К геополитике Закавказья // Завтра. 15.10.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/k_geopolitike_zakavkaz_ya

¹⁸ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. (ответы на вопросы) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

С точки зрения глобальных процессов и роли России в них следует анализировать результаты одного из наиболее важных внутренних политических событий – выборов, которые являются наиболее репрезентативным инструментом измерения отношения общества к власти и оказывают прямое влияние на расклад политических сил в стране.

Результаты выборов федерального уровня за последние 20 лет (президентских, парламентских, а также итоги общероссийского референдума по поправкам к Конституции, которые были инициированы главой государства в январе 2020 г.¹⁹) показывают, что большинство населения страны поддерживает курс внутренней и внешней политики, проводимой В.В. Путиным и действующей партией власти «Единая Россия», которая в настоящее время обладает конституционным большинством в Государственной Думе.

Так, на последних президентских выборах (18 марта 2018 г.) доля голосов, отданных за В.В. Путина, составила 77%; его инициативу по внесению изменений в Конституцию РФ поддержали 79% избирателей (табл. 1). За «Единую Россию» на последних трёх парламентских выборах (в 2011, 2016 и 2021 гг.) проголосовали 50–54% избирателей (табл. 2).

Однако между ключевыми (федеральными) выборами в стране ежегодно проходят выборы регионального и муниципального уровней, важность которых определяется, с одной стороны, тем, что они представляют собой промежуточный «срез» оценки обществом деятельности органов власти (формирующийся, в том числе, с учетом текущей политической и экономической ситуации в стране, в конкретном регионе); с другой стороны, тем, что они затрагивают местный уровень публичной власти, наиболее приближенный к конкретным проблемам, ожиданиям и потребностям населения.

Таблица 1. Динамика поддержки российскими избирателями действующего курса внутренней и внешней политики на выборах федерального уровня (президентские выборы)

	Президентские выборы										Общероссийское голосование по поправкам к Конституции 25 июня – 1 июля 2020 г.	
	26 марта 2000 г.		14 марта 2004 г.		2 марта 2008 г.		4 марта 2012 г.		18 марта 2018 г.			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%		
Число и доля голосов, отданных за В. Путина*	39 740 434	52,94	49 565 238	71,31	52 530 712	70,28	45 602 075	63,60	56 430 712	76,69	57 747 288	78,45
* Включая число и долю голосов избирателей, отданных за Д. Медведева на президентских выборах 2 марта 2008 г., а также за внесение поправок в Конституцию, инициированных В. Путиным в 2020 г. Источник: официальные данные Центральной избирательной комиссии РФ (http://www.vybory.izbirkom.ru).												

Таблица 2. Динамика поддержки российскими избирателями действующего курса внутренней и внешней политики на выборах федерального уровня (парламентские выборы)

	Выборы в Государственную Думу РФ									
	7 декабря 2003 г.		2 декабря 2007 г.		4 декабря 2011 г.		18 сентября 2016 г.		17–19 сентября 2021 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Число и доля голосов, отданных за «Единую Россию»*	22 776 294	37,56	44 714 241	64,30	32 371 737	49,31	28 527 828	54,20	28 064 200	49,82
* В 2003 г. – глава партии Б. Грызлов; в 2007, 2011 гг. – В. Путин, в 2016, 2021 гг. – Д. Медведев. Источник: официальные данные Центральной избирательной комиссии РФ (http://www.vybory.izbirkom.ru).										

¹⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

Именно благодаря этим двум особенностям результаты региональных и муниципальных выборов представляют особый интерес в плане оценки текущего состояния самого общества, в частности его психологической устойчивости и готовности продолжать терпеть определенные лишения на фоне внешних вызовов и связанных с ними вынужденных внутренних ограничений, с которыми Россия столкнулась после начала СВО.

Каждый год выборы проходят при определенных внешних и внутренних политических, экономических, социальных и психологических условиях, оказывающих влияние на мнение избирателей и в конечном итоге отражающихся в результатах голосования. Так, например, 14 сентября 2014 г. региональные и муниципальные выборы проходили на фоне «крымской весны» и валютного кризиса, вызванного, в том числе, экономическими санкциями Запада в отношении России. Региональные и муниципальные выборы, состоявшиеся 9 сентября 2018 г.²⁰, во многом проходили в условиях негативного восприятия большинством российских избирателей пенсионной реформы, законопроект которой был внесен в Государственную Думу распоряжением Председателя Правительства РФ Д. Медведева 16 июня 2018 г.

10 сентября 2023 г. в России состоялся очередной Единый день голосования. Как отметили эксперты, он стал «крупнейшим за несколько лет и последним перед президентской кампанией 2024 года»²¹.

Избирательные кампании и местные референдумы различного уровня состоялись «в 85 из 89 субъектов Федерации»²² в совершенно особых для страны условиях, связанных с несоизмеримо более высоким уровнем угроз национальной безопасности, включая продолжающиеся боевые действия в ходе достижения целей СВО, теракты и диверсии на террито-

рии российских регионов, санкции, попытку вооруженного переворота, осуществленную руководителем ЧВК «Вагнер» Е. Пригожиным 24 июня 2023 г., и т. д.

Это предопределило общий лейтмотив голосования: «Одной из ключевых черт этой избирательной кампании можно считать то, что она проходила в условиях беспрецедентной консолидации общества, объединения вокруг президента и флага»²³. Кроме того, осознание масштабов угроз национальной безопасности повлияло на итоговые результаты выборов: «Явка стала рекордной за десять лет – с 2013 года на выборах этого уровня, не считая федеральных голосований... Все действующие губернаторы, а также врио сохранили свои посты. Из них только двое глав регионов избирались от КПРФ, все остальные – единороссы»²⁴.

Однако, не умаляя значение главных итогов прошедшего голосования, следует обратить внимание на отдельные его нюансы, также отражающие отношение общества к власти и являющиеся своего рода «сигналами», которые необходимо учитывать, чтобы иметь адекватное и полное представление о ситуации в стране.

Во-первых, прошедшие выборы продемонстрировали рост поддержки не только «Единой России», но и остальных (оппозиционных) партий. Эксперты отметили: «О победах отчиталась „Единая Россия“, но, как оказалось, успехи сопутствовали не только партии власти. КПРФ, ЛДПР, „Справедливая Россия – За правду“ (СРЗП) и даже „Яблоко“ смогли сообщить о своих относительных достижениях»²⁵.

Во-вторых, существенный рост явки, по сравнению с предыдущими выборами, имел место лишь на незначительном количестве территорий. Так, на выборах высших должностных лиц субъектов РФ доля избирателей, принявших участие в голосовании, ощутимо увеличилась только в четырех из 21 субъекта РФ (табл. 3; вкладки 1А–2А).

²⁰ Рассматриваются именно 2014 и 2018 гг., потому что в эти годы проходили региональные и муниципальные выборы в тех регионах, которые принимали участие в Едином дне голосования в 2023 году.

²¹ Региональная кампания – 2023 будет масштабной, но предсказуемой. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5758775>

²² История Единого дня голосования в России. URL: <https://tass.ru/info/18683417>

²³ Аналитики Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) назвали выборы-2023 консолидирующими российское общество. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/12/analitiks/>

²⁴ Памфилова назвала рекордной явку в 46%. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2023/6501c3fe9a7947ea85beaf37>

²⁵ Гармоненко Д., Родин И. На выборах смогли победить все системные партии // Независимая газета. 11.09.2023. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-09-11/1_8823_elections.html

Аналогичная ситуация характерна для областных центров регионов: на выборах высших должностных лиц субъектов РФ явка существенно увеличилась в пяти муниципальных образованиях, снизилась – в девяти (вкладка 1Б). На выборах в законодательные органы власти ощутимый прирост явки отмечается только в трех областных центрах, снижение – в десяти (вкладка 2Б). На выборах депутатов представительных органов муниципальных образований явка увеличилась в четырех муниципальных образованиях, снизилась – в семи (вкладка 3).

Следует отметить, что одним из важных факторов, оказывающих влияние на динамику участия людей в выборах, выступают уровень и качество жизни населения. Об этом свидетельствуют данные официальной статистики. Например, в регионах, продемонстрировавших в 2023 году наибольший прирост явки на выборы высших должностных лиц субъектов РФ, доля

«В нынешнем сезоне показателям явки уделяется особое внимание. Видимо, потому что через полгода им нужно будет уже придавать особое значение ввиду президентских выборов марта 2024-го»²⁶.

населения, живущего за чертой бедности, составляет в среднем 8–9%; в регионах, где явка ощутимо снизилась – 10–12% (табл. 4). Показатели оборота розничной торговли на территориях, продемонстрировавших рост и снижение явки, составляют, соответственно, 173 и 142 тыс. руб. на душу населения. Объем оказания платных услуг населению в регионах, где явка увеличилась, возрос с 59 до 64 тыс. руб. на душу населения; в регионах, показавших снижение явки на выборы – уменьшился с 63 до 55 тыс. рублей.

Таблица 3. Динамика явки на выборы высших должностных лиц субъектов РФ в регионах с приростом явки на 10 п. п. и более, % от числа избирателей

Территория	Единый день голосования 9 сентября 2018 г.	Единый день голосования 10 сентября 2023 г.	Изменение (+/-)
Московская область	38,59	60,53	+22
Нижегородская область	40,51	56,01	+16
Кемеровская область – Кузбасс	66,47	81,01	+15
Город Москва	30,94	43,18	+12
ИТОГО	44,13	60,18	+16

Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

Таблица 4. Динамика показателей уровня и качества жизни в регионах, продемонстрировавших максимальный прирост и снижение явки на выборах 2023 г.

Группа регионов	Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границы бедности, % от общей численности населения			Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.			Объем оказания платных услуг населению на душу населения, тыс. руб.		
	2018	2022	(+/-)	2018	2022	(+/-)	2018	2022	(+/-)
Регионы с максимальным приростом явки в 2023 г. по сравнению с 2018 г.*	9,33	7,48	-1,85	183	173	-9	59	64	+5
Регионы с максимальным снижением явки в 2023 г. по сравнению с 2018 г.**	12,33	10,38	-1,95	128	142	+14	63	55	-9

* Московская область, Нижегородская область, Кемеровская область – Кузбасс, г. Москва.
 ** Магаданская область, Алтайский край, Чукотский авт. округ, Омская область (более подробно – см. вкладку 1).
 Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

²⁶ О 60 миллионах голосов для президента в марте 2024-го // Независимая газета. 13.02.2023.

Вкладка 1

Динамика явки на выборы высших должностных лиц субъектов РФ 10 сентября 2023 г. в сравнении с 9 сентября 2018 г. (ранжировано по снижению явки в % от числа избирателей в 2023 г. по сравнению с 2018 г.)

Субъект РФ	ЕДГ 2018		ЕДГ 2023		Изменение (+/-)	
	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.
1А. По субъектам РФ						
Прирост явки на 10 п. п. и более						
Московская область	2144961	38,59	3682447	60,53	+1537486	+22
Нижегородская область	1046586	40,51	1401663	56,01	+355077	+16
Кемеровская область – Кузбасс	1337419	66,47	1549241	81,01	+211822	+15
Город Москва	2259080	30,94	3325120	43,18	+1066040	+12
ИТОГО	6788046	44,13	9958471	60,18	+3170425	+16
Прирост явки на 1-9 п. п. / отсутствие изменений						
Красноярский край	593491	28,94	730876	35,55	+137385	+7
Амурская область	194752	31,25	233415	38,74	+38663	+7
Воронежская область	831091	44,83	928805	51,08	+97714	+6
Самарская область	1143198	48	1296989	53,79	+153791	+6
Смоленская область *	225607	29,67	250378	33,71	+24771	+4
Новосибирская область	628945	29,52	695492	31,86	+66547	+2
Тюменская область	1241452	49,09	1359024	50,76	+117572	+2
Ивановская область	265768	32,9	261605	33,92	-4163	+1
Псковская область	195407	36,91	194082	37,8	-1325	+1
ИТОГО	5319711	36,79	5950666	40,80	+630955	+4
Снижение явки						
Приморский край**	680098	46,35	655226	45,58	-24872	-1
Республика Саха (Якутия)	321536	50,69	314926	48,41	-6610	-2
Республика Хакасия	160090	41,88	155823	39,54	-4267	-2
Орловская область	364850	57,77	337273	55,98	-27577	-2
Магаданская область	38737	39,58	33954	35,09	-4783	-4
Алтайский край	683339	37,28	547926	31,04	-135413	-6
Чукотский авт. округ	17987	60,19	15972	53,48	-2015	-7
Омская область	666627	43,6	510514	34,51	-156113	-9
ИТОГО	2933264	47,17	2571614	42,95	-361650	-4
1Б. По областным центрам субъектов РФ						
Прирост явки на 10 п. п. и более						
г. Нижний Новгород	225948	25,47	388680	41	+162732	+16
г. Самара	330136	36,6	460357	49,35	+130221	+13
г. Кемерово	247257	62,08	298346	73,96	+51089	+12
г. Москва	2259080	30,94	3325120	43,18	+1066040	+12
г. Благовещенск	39269	23,43	56210	33,44	+16941	+10
ИТОГО	3101690	35,70	4528713	48,19	+1427023	+12
Прирост явки на 1-9 п. п. / отсутствие изменений						
г. Красноярск	163103	22,42	203736	30,65	+40633	+8
г. Орел	69560	34,62	94979	38,23	+25419	+4
г. Смоленск*	72288	27,72	76752	29,63	+4464	+2
г. Владивосток**	168456	37,17	177683	38,51	+9227	+1
г. Абакан	47415	36,55	49682	36,97	+2267	0
г. Воронеж	171696	20,74	163687	20,37	-8009	0
ИТОГО	692518	29,87	766519	32,39	+74001	+3
Снижение явки						
г. Якутск	92720	46,19	101088	45,35	+8368	-1
г. Иваново	78869	25,53	74232	24,75	-4637	-1
г. Новосибирск	250581	21,22	233842	19,92	-16739	-1
г. Псков	49092	29,84	41526	28,39	-7566	-1
г. Анадырь	3761	45,61	4169	42,62	+408	-3
г. Тюмень	168986	43,37	234231	38,85	+65245	-5
г. Магадан	24221	35,01	19462	28,93	-4759	-6
г. Омск	310391	34,36	220917	24,84	-89474	-10
г. Барнаул	173914	32,96	82748	16,59	-91166	-16
ИТОГО	1152535	34,90	1012215	30,03	-140320	-5

* Предыдущие выборы проходили 13 сентября 2020 г.
 ** Предыдущие выборы проходили 16 декабря 2018 г.

Источник: рассчитано по официальному данным ЦИК РФ (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

Существенный (более 10 п. п.) прирост явки на выборы высших должностных лиц субъектов РФ отмечается только в четырех регионах (Московская обл., Нижегородская обл., Кемеровская обл. – Кузбасс, г. Москва) и пяти областных центрах (г. Нижний Новгород, г. Самара, г. Кемерово, г. Москва, г. Благовещенск). Для сравнения, снижение явки на эти выборы было отмечено в восьми регионах и девяти областных центрах.

Вкладка 2

Динамика явки на выборы депутатов законодательных органов субъектов РФ 10 сентября 2023 г. в сравнении с 9 сентября 2018 г. (ранжировано по снижению явки в % от числа избирателей в 2023 г. по сравнению с 2018 г.)

Субъект РФ	ЕДГ 2018		ЕДГ 2023		Изменение (+/-)	
	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.
2А. По субъектам РФ						
Прирост явки на 10 п. п. и более						
Кемеровская область – Кузбасс	1335562	66,39	1549102	81,01	+213540	+15
Смоленская область	182057	23,67	250318	33,70	+68261	+10
ИТОГО	1517619	45,03	1799420	57,36	+281801	+13
Прирост явки на 1-9 п. п. / отсутствие изменений						
Забайкальский край	176009	22,04	205177	26,62	+29168	+5
Республика Башкортостан	1498019	49,08	1545913	51,72	+47894	+3
Ненецкий авт. округ	12165	35,96	12865	37,69	+700	+2
Ивановская область	265797	32,91	261562	33,92	-4235	+1
ИТОГО	1951990	35,00	2025517	37,49	+73527	+2
Снижение явки						
Архангельская область	276877	29,34	250524	28,08	-26353	-1
Республика Хакасия	159969	41,85	155852	39,57	-4117	-2
Республика Саха (Якутия)	321454	50,69	314582	48,36	-6872	-2
Иркутская область	491580	26,33	443843	24,22	-47737	-2
Ярославская область	296694	29,27	271964	27,41	-24730	-2
Республика Бурятия	270193	39,55	254757	36,3	-15436	-3
Ростовская область	1447331	45,43	1357364	42,83	-89967	-3
Ульяновская область	404478	40,31	330841	34,68	-73637	-6
Владимирская область	372645	32,92	268448	24,77	-104197	-8
Республика Калмыкия	111802	54,03	84291	42,04	-27511	-12
ИТОГО	4153023	38,97	3732466	34,83	-420557	-4
2Б. По областным центрам субъектов РФ						
Областной центр	ЕДГ 2018		ЕДГ 2023		Изменение (+/-)	
	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.
Прирост явки на 10 п. п. и более						
г. Уфа	12685	19,81	33574	32,11	+20889	+12
г. Кемерово	247267	62,08	298346	73,96	+51079	+12
г. Смоленск	47078	18,02	76750	29,63	+29672	+12
ИТОГО	307030	33,30	408670	45,23	+101640	+12
Прирост явки на 1-9 п. п. / отсутствие изменений						
г. Чита	243782	16,9	241139	18,69	-2643	+2
г. Нарьян-Мар	5708	33,19	4562	34,81	-1146	+2
г. Ярославль	118389	23,4	106455	22,91	-11934	0
ИТОГО	367879	24,49667	352156	25,47	-15723	+1
Снижение явки						
г. Якутск	92562	46,12	100918	45,28	+8356	-1
г. Абакан	52555	37,54	49252	36,64	-3303	-1
г. Иваново	78905	25,54	74235	24,75	-4670	-1
г. Улан-Удэ	87683	29,9	81784	27,43	-5899	-2
г. Иркутск	101957	22,14	84638	18,58	-17319	-4
г. Архангельск	14230	23,72	10026	18,57	-4204	-5
г. Элиста	32302	37,74	24830	29,36	-7472	-8
г. Ростов-на-Дону	377859	48,08	327949	39,97	-49910	-8
г. Владимир	84866	30,93	58266	21,5	-26600	-9
г. Ульяновск	165525	32,57	92343	22,97	-73182	-10
ИТОГО	1088444	33,43	904241	28,51	-184203	-5

Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.vyboru.izbirkom.ru>).

На выборах депутатов законодательных органов субъектов РФ явка ощутимо увеличилась в двух регионах (Смоленская и Кемеровская обл.) и трех областных центрах (г. Уфа, г. Кемерово и г. Смоленск). В десяти субъектах РФ и десяти областных центрах явка избирателей на эти выборы снизилась.

Вкладка 3

**Динамика явки на выборы депутатов представительных органов муниципальных образований
областных центров субъектов РФ 10 сентября 2023 г. в сравнении с 9 сентября 2018 г. (ранжировано
по снижению явки в % от числа избирателей в 2023 г. по сравнению с 2018 г.)**

Муниципальное образование	ЕДГ 2018		ЕДГ 2023		Изменение (+/-)	
	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.	чел.	% от числа изб.
Прирост явки на 1-9 п. п. / отсутствие изменений						
г. Майкоп	28259	21,83	40377	31	+12118	+9
г. Красноярск	168451	23,35	223513	29,71	+55062	+6
г. Белгород	59983	21,25	70993	25,63	+11010	+4
г. Волгоград	173861	24,1	186642	26,16	+12781	+2
г. Абакан	45636	35,56	47711	35,84	+2075	0
ИТОГО	476190	25,22	569236	29,67	+93046	+4
Снижение явки						
г. Магас	2162	81,96	3917	81,18	+1755	-1
г. Рязань	91350	21,87	84595	20,53	-6755	-1
г. Якутск	80528	43,11	84688	41,36	+4160	-2
г. Архангельск	71858	26,91	63655	25,23	-8203	-2
г. Великий Новгород	42581	24,09	36121	20,9	-6460	-3
г. Тюмень	225671	43,02	234275	39,47	+8604	-4
г. Екатеринбург	286644	26,66	230991	20,71	-55653	-6
ИТОГО	800794	38,23	738242	35,63	-62552	-3

Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.uvoryu.izbirkom.ru>).

На выборах депутатов представительных органов муниципальных образований максимальный прирост явки был отмечен в г. Майкопе (на 9 п. п., с 22 до 31%). В целом явка увеличилась в четырех городах (г. Майкоп, г. Красноярск, г. Белгород, г. Волгоград); снизилась — в семи.

В-третьих, выборы 2023 года сопровождались рядом изменений в самой процедуре голосования, и эти особенности также внесли свой вклад в итоговый прирост явки и поддержки «Единой России» в 2023 г. по сравнению с 2018 г.

✓ Например, многодневный формат голосования: в большинстве субъектов РФ выборы проходили с 8 по 10 сентября²⁷.

✓ В 25 субъектах РФ применялся формат дистанционного электронного голосования (ДЭГ), причем в 18 регионах – впервые²⁸. Как отметила председатель ЦИК РФ Э. Памфилова, «в дистанционном электронном голосовании приняли участие более 3 млн избирателей»²⁹.

На выборах высших должностных лиц субъектов РФ в среднем по регионам явка на выборы в электронной форме (96 п. п. в % от числа избирателей, зарегистрировавшихся для участия в ДЭГ) существенно превысила среднюю явку по региону (45 п. п. в % от числа избирателей; *табл. 5*). Однако поддержка кандидатов от «Единой России» была чуть ниже (77 п. п. по итогам ДЭГ против 80 п. п. в среднем по региону).

✓ Наконец, в 2023 году в выборах впервые принимали участие новые российские регионы – ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области, которые показали более высокий уровень явки и поддержки «Единой России», чем в среднем по остальным субъектам и муниципальным образованиям РФ (*табл. 6*).

Таблица 5. Итоги выборов высших должностных лиц субъектов РФ 10 сентября 2023 г. на территориях, в которых проводилось дистанционное электронное голосование

Территория	Явка		Доля голосов, отданных за «Единую Россию»	
	ДЭГ, % от числа зарегистрировавшихся	В целом по региону, % от числа избирателей	По результатам ДЭГ, % от явки	В целом по региону, % от явки
Алтайский край	88,56	31,04	79,25	76,12
Воронежская область	86,00	51,08	59,81	76,78
Московская область	88,22	60,53	79,23	83,60
Нижегородская область	86,91	56,01	81,80	82,69
Новосибирская область	85,48	31,86	71,66	75,67
Псковская область	90,55	37,8	87,76	86,17
г. Москва	98,22	43,18	77,05	75,16
ИТОГО	95,62	44,5	76,65	79,46

Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

²⁷ Большая часть регионов выбрала трехдневное голосование с 8 по 10 сентября, кроме Тюменской и Омской областей (один и два дня соответственно) – на губернаторских выборах; республик Башкортостан и Бурятия (по одному дню) – на голосованиях в местные парламенты; Ингушетии и Тюменской области (один день), а также Хабаровского края и Свердловской области (два дня) – на выборах в административных центрах.

²⁸ Центризбирком опубликовал список из 24 регионов, где на выборах 2023 года (10 сентября) будет работать дистанционное электронное голосование (ДЭГ). 18 из них подключат к системе ДЭГ впервые. На территории всего субъекта ДЭГ на выборах губернаторов будет работать в Чувашии, Алтайском крае, Архангельской, Владимирской, Воронежской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Псковской, Томской и Ярославской областях, а также Ненецком автономном округе. На отдельных выборах в местные парламенты проголосовать дистанционно позволят в Карелии, Камчатском и Пермском краях, Белгородской, Калининградской, Курской, Оренбургской, Свердловской, Тульской и Челябинской областях. На дополнительных выборах депутатов Госдумы – в Крыму и Липецкой области.

Впервые ДЭГ применили на выборах в Госдуму в сентябре 2021 года. Такая возможность тогда была у жителей Москвы, Севастополя, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областей (источник: <https://daily.afisha.ru/news/76836-cik-utverdil-spisok-regionov-gde-na-vyborah-mozhno-budet-progolosovat-distancionno/>).

²⁹ Взгляд. 10.09.2023. URL: <https://vz.ru/news/2023/9/10/1229705.html>

Таблица 6. Сравнение итогов выборов 10 сентября 2023 г. по новым регионам и остальным субъектам РФ

Итоги выборов	По новым субъектам РФ	По остальным субъектам РФ	Изменение (+/-) по новым субъектам РФ в сравнении с остальными регионами
Выборы в законодательные органы власти			
Явка, % от числа избирателей	71,14	38,31	+33
Доля голосов, отданных за «Единую Россию», % от явки	77,52	56,52	+21
Выборы в представительные органы муниципальных образований областных центров субъектов РФ			
Явка, % от числа избирателей	63,54	33,14	+30
Доля голосов, отданных за «Единую Россию», % от явки	77,46	50,68	+27
Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (http://www.vybory.izbirkom.ru).			

Таким образом, и локальные успехи оппозиционных партий, которые отмечают эксперты, и проведенные нами расчеты по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ, и нововведения в процедуре голосования, которыми характеризовались выборы 2023 года и которые повлияли на прирост уровня явки, позволяют согласиться с оценкой экспертов, утверждающих, что **результаты прошедших выборов «явление куда более сложное»³⁰, чем просто «эффект сплочения» или «единения вокруг флага».**

«Конечно, в электоральном фоне существенную роль играла тревожность на фоне СВО, повышался запрос на стабильность и предсказуемость, пусть даже самого близкого и понятного, жизни „за забором”...

В стране, где лишь за один год прошла мобилизация, случились громкие неудачи на фронте, провалился военный мятеж, а в тылу пошли резко вверх цены на товары первой необходимости и продукты питания. Было и много позитивного, **но именно перечисленные явления чаще всего давят на избирателя и провоцируют переоценку состояния командно-политического звена»³¹.**

На самом деле итоги Единого дня голосования 10 сентября 2023 г. сигнализируют о том, что на фоне общей консолидации большинства населения (вполне естественно вызванной актуальностью внешних и внутренних угроз, с которыми столкнулась Россия после начала СВО) **в обществе продолжает накапливаться запрос к власти по приведению в соответствие поведения и конкретных действий элит публично декларируемой риторике государства.**

Поддерживая общий курс Президента РФ и партии власти на защиту суверенитета и национальных интересов страны, люди не находят ответ на вопрос, как отдельные факты, которые существуют внутри России и тоже являются характеристикой действующей системы государственного управления, соотносятся с образом будущего, активно декларируемого органами власти, а именно – с образом социального государства, основанного на традиционных культурных ценностях и обладающего полным национальным суверенитетом.

Во вкладке 4 представлены примеры фактов, о которых идет речь. Нужно отметить, что в науке, культуре, экономике, системе государственного управления случаи, подобные статье директора Института США и Канады В. Гарбузова «Об утраченных иллюзиях уходящей эпохи» или фактически рекламе книги писателя-иноагента Д. Быкова* на страницах правительственного издания «Российской газеты» встречаются не впервые.

³⁰ Скоробогатый П. Выборы-2023: эффект сплочения // Выбор народа: информационный портал. 20.09.2023. URL: <http://vybor-naroda.org/stovyborah/248163-vybory-2023-jeffekt-splochenija.html>

³¹ Там же.

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Некоторые факты, противоречащие публично декларируемой политике государства в условиях СВО

1. Выдержка из открытого письма руководителя фракции «Справедливая Россия – За правду» в редакцию «Российской газеты» «О примирении с русофобией и русофобами»:

«В „Российской газете“ почти одновременно появились два материала, объединенные одной темой, одним смыслом: общество не должно отвергать творческих людей, которые, скажем так, не принимают судьбоносные перемены в жизни страны. **Одна публикация, а точнее интервью с филологом Галиной Марченко, обращена в прошлое – к жизни и творчеству писателя Ивана Шмелева, который, проживая в годы оккупации во Франции, сотрудничал с нацистской прессой. Вторая – автор „РГ“ сообщает о новой книге Быкова* „VZ“ и предлагает ее прочитать.**

Достаточно того, что несколько лет назад Быков*, рассуждая о „свободной России, освобожденной гитлеровцами“, выражал абсолютную уверенность в том, что, если бы не истребление евреев, Гитлер бы добился популярности в России. В другое время другой эмигрант – Иван Шмелев назвал нападение Гитлера на Советский Союз „великим подвигом Рыцаря, поднявшего меч на Дьявола“. И вот сегодня на страницах официального издания применительно к жизненному пути Шмелева заходит разговор о примирении...

В целом адвокаты творческих личностей требуют от общества очень многого. „Мы должны ценить наши русские таланты, даже если не совпадаем с ними идеологически“... Тот же Быков* так отзывался о 85% населения России: „Ребята, я вам в лицо хочу это сказать: вы – идиоты“. Спасибо за современность. Только почему мы должны принимать тех, кто нас отвергает; ценить тех, кто нас открыто презирает и ненавидит...

Если представить, что в сегодняшнем судьбоносном противоборстве мы потерпим поражение, не сомневаясь: все эти тонкие творческие натуры, которых нам предлагают ценить и принимать, прискачут в Россию вслед за своими Героями и Рыцарями. И не для того, чтобы вызвать к милости и толерантности, к миру и пониманию, они будут требовать казнить, жечь и вешать... Сейчас действительно время выбора. И этот выбор несомненным с попытками – в том числе с помощью правительственных масс-медиа – стереть грани между добром и злом, выдавать беспринципность за гуманизм, предательство за „идеологические разногласия“ и рассуждать о судьбе творческой личности, выгораживая патентованных русофобов и русофобию»³².

2. 29 августа 2023 г. в «Независимой газете» была опубликована статья директора Института США и Канады В. Гарбузова «Об утраченных иллюзиях уходящей эпохи». Как отметили эксперты, «основные тезисы этой статьи Гарбузов опубликовал в научном журнале своего института ещё в мае 2022 года, правда, в завуалированном виде... Автор пыгается „усидеть на двух стульях“, описывая специальную военную операцию как неизбежность в контексте антророссийской украинской и западной политики и одновременно с этим многократно выражая негативное отношение к СВО... В. Гарбузов проводит вызывающие прямые аналогии между Веймарской республикой, Третьим рейхом и современной Россией; описывает „геополитический тупик“ фразами типа „формирование у части российской элиты тоски по утраченному величию, которая со временем вылилась в гипертрофированный постимперский синдром“³³, говорит об «атмосфере псевдопатриотического безумства», «получей реставрации сталинизма», невозможности России «составить реальную конкуренцию США и Китаю» и т. д.

2 сентября 2023 г. В. Гарбузов был отстранен от своей должности, однако некоторые эксперты прокомментировали эту ситуацию следующим образом: «В ответ на демарш Гарбузова всему Институту США и Канады грозит расформирование. Может, в этом и состоял замысел этого демарша, чтобы навегда искоренить возможные попытки трезвого профессионального изучения США, потенциально глубокую и реалистичную американистику?»³⁴

* Внесен в реестр иностранных агентов.

³² О примирении с русофобией и русофобами. Открытое письмо руководителя фракции «Справедливая Россия – За правду» в редакцию «Российской газеты» // Российская газета. 09.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/09/otkrytoe-pismo-rukovoditelja-frakcii-spravedlivaia-rossia-za-pravdu-v-redakcii-rossijskoj-gazety.html>

³³ Гончаров А. За что на самом деле сняли директора Института США и Канады // Загва. 05.09.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/za_chno_na_samom_dele_snyali_direktora_instituta_ssha_i_kanadi

³⁴ Там же.

3. Налоговый маневр 2023 г. «Вопреки ряду инсинуаций, резкое подорожание и последующий дефицит топлива был вызван не активизацией боевых действий, а всецело самой управляющей системой. **Нынешние события были запрограммированы в 2018 году**, когда либералы правительства Медведева реализовали „налоговый маневр“ – отказ от обложения экспортной пошлиной сырой нефти с переносом фискальной нагрузки на добычу и переработку нефти в России, стимулируя экспорт сырой нефти и подавляя ее переработку (и в целом использование) в стране. **Это был естественный шаг в либеральной политике закрепления положения России как экономической колонии – страны, экспортирующей сырье и импортирующей (если позволят) продукцию его переработки...**

В августе 2023 года в условиях профицита федерального бюджета Минфин, насколько можно судить, внезапно, „без объявления войны“, в классическом стиле Гайдара... почти вдвое сократил дотирование НПЗ... **Имитационное государство, как обычно, закрывало глаза на все эти им же запущенные процессы...** Отмена налогового маневра (в преддверии СВО распространенного либералами и на черную металлургию – и с тем же эффектом) является в прямом смысле слова условием выживания России. Именно поэтому либералы, несмотря на все усилия премьера Мишустина, по-прежнему управляющие ключевой частью экономики в интересах совокупного Запада, рассматривают его **в качестве краеугольного камня на уже подготовленном им могиле ненавидимой ими страны**»³⁵.

4. 11 октября в Московском государственном институте международных отношений, являющемся подведомственным учреждением Министерства иностранных дел Российской Федерации, в качестве лектора объявился И. Ургант. Пресс-секретарь университета В. Калашникова в разговоре со СМИ опровергла факт появления шоумена в стенах учебного заведения... Однако 14 октября выяснилось, что Ургант, покинувшего вместе с семьей Россию сразу после начала СВО и распространившего украинистские видеоролики, прочитав лекцию пригласил профессор МГИМО, заместитель декана факультета международной журналистики, генерал-майор **Службы внешней разведки в отставке Юрий Кобаладзе.**

Эксперты прокомментировали это событие следующим образом: «Любопытно, что студенты МГИМО, зная общественно-политическую позицию Урганта, не вышли из зала, а с любопытством прослушали „лекцию“ шоумена до конца. Это говорит о многом. Возможно, кто-то вышел, но судя по видеофрагменту, который попал в социальные сети, лекционный зал был полный. И это будущие дипломаты России?»³⁶

5. В ответ на запрос авторской программы Н. Михалкова «Бесогон» в администрации Президента относительно продолжения творческой карьеры певицы А. Лорак в России, несмотря на её заявления против СВО, а также перевод финансовых средств в поддержку ВСУ, был получен следующий ответ: «После начала СВО А. Лорак, находясь под эмоциональным информационным воздействием о начале активных боевых действий, в своих социальных сетях разместила несколько постов в поддержку Украины... В настоящее время А. Лорак принимает активное участие в благотворительном сборе для детей, пострадавшим в период проведения СВО, а также оказывает финансовую помощь ГБУ «Шахтерский детский дом-интернат для инвалидов» в ДНР.. **За лояльность А. Лорак поручился заместитель Руководителя Администрации Президента РФ – пресс-секретарь Президента Д.С. Песков**»³⁷...

В следующем выпуске программы «Бесогон»³⁸ Н. Михалков представил данные (телефонное интервью с директором ГБУ «Шахтерский дом-интернат для инвалидов»), которые **опровергают информацию, предоставленную из Администрации Президента, и свидетельствуют о том, что А. Лорак никак не участвует в жизни дома-интерната.** Отсюда вполне логично возникают сомнения в поручительстве заместителя Руководителя Администрации Президента РФ – пресс-секретаря Президента Д.С. Пескова, к прямым цитатам которого Н. Михалков в своей программе обращается уже **в шестой раз**³⁹ (с момента начала СВО).

³⁵ Делягин М. Как обанкротить наркоманию. Налоговый маневр – причина топливного кризиса. URL: <https://delyagin.ru/articles/191-materialy-mgd/110273-kak-obankrotit-narkomafiju-nalogovuyu-manevr-prichina-toplivnogo-krizisa>

³⁶ Иванов А. СМИ узнали, кто пригласил «испуганного патриота» Ургант в МГИМО // Завтра. URL: https://zavtra.ru/events/smi_uznali_kto_priglasil_ispugannogo_patriota_urganta_v_mgimo

³⁷ Бесогон ТВ. Выпуск № 225 от 30.09.23 «Mille pardons под одеялом». URL: <https://besogontv.ru/videos/mille-pardons-pod-odeyalom/>

³⁸ Бесогон ТВ. Выпуск № 226 от 21.10.23 «Если Бога нет, всё дозволено». URL: <https://besogontv.ru/videos/esli-boga-net-vsye-dozvoleno/>

³⁹ Выпуск: 1. «Эффект Титаника» (15.04.2022). 2. «Былает ли ярость благородной?» (29.04.2022). 3. «Давос и ныне там» (04.06.2022). 4. «Вой среди чужих» (11.11.2022). 5. «Жены маркиза Карабаса» (10.02.2023). 6. «Mille pardons под одеялом» (30.09.2023).

Приведенные примеры являются прямым следствием того, что в российских элитах (не только политических, но и культурных, экономических) сохраняется «либеральный туман»

«Три десятилетия назад был расстрелян съезд народных депутатов и Верховный совет России – высший орган государственной власти. Последствия этого события ощущаются до сих пор – оно фактически предопределило траекторию эволюции России на эти тридцать лет. И будет дальше определять, если мы не осудим это преступление и не сделаем соответствующие выводы...

Главным недостатком авторитарной системы власти является **безответственность должностных лиц, которые в обмен на лояльность руководителю позволяют себе злоупотребления служебными полномочиями в личных интересах.** Для таких систем характерна **коррупция и некомпетентность**, которые являются естественным результатом рекрутирования кадров по критерию личной преданности. В итоге образуется хорошо известный по опыту стран третьего мира так называемый **„блатной капитализм“** – лишенный стимулов к развитию авторитарно-олигархический режим правления приближенных к верховному правителю лиц... **Без исправления дисфункций в деятельности различных ветвей власти одержать Победу над многократно превосходящим по своей финансово-экономической мощи противником едва ли возможно»⁴⁰.**

предшествовавшего СВО 30-летия, который установился в России после государственного переворота в октябре 1993 г. Он принял форму «блатного» капитализма, который сегодня представляет собой реальную угрозу недостижения целей СВО, а следовательно – угрозу самого существования России как государства. Причем не только вследствие прямого игнорирования и невыполнения чиновниками поручений Президента, но и вследствие того, что такое поведение вступает в противоречие с официально декларируемым органами власти, Президентом РФ образом будущего России, вводя общество в состояние «грогги», делая его уязвимым для внешних информационных, идеологических воздействий.

Ощущение то ли беспомощности, то ли непонимания, то ли предательских настроений отмечается в оценках представителей элитарных кругов (бизнеса, власти, науки) относительно действующего курса, реализуемого главой государства. Об этом сигнализируют результаты социологических опросов ВЦИОМ, проведенных, в том числе, среди участников Петербургского международного экономического форума, который прошел 14–17 июня 2023 года⁴¹:

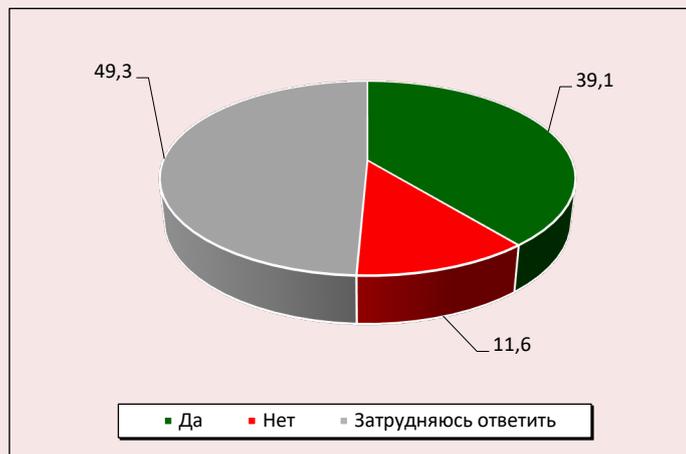
✓ **49% российских предпринимателей и чиновников затрудняются ответить на вопрос «Как Вы считаете, нынешняя экономическая политика Правительства России соответствует концепции суверенного развития России или нет?» (рис. 1);**

✓ **30% считают, что «властям страны следует стремиться к отмене санкций, даже если для этого придется пойти на некоторые уступки во внешней политике» (рис. 2).**

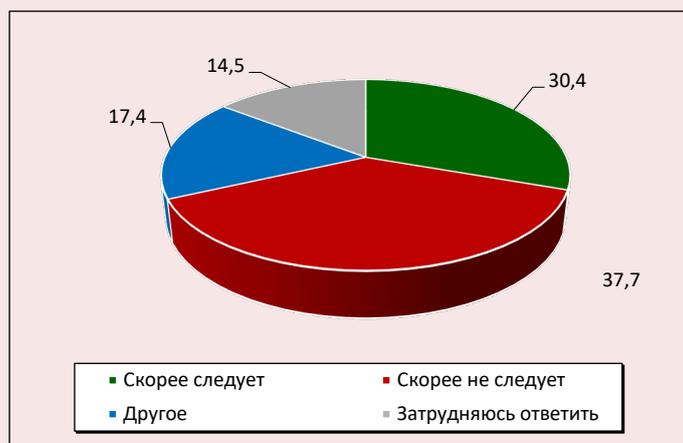
⁴⁰ Глазьев С.Ю. Преступление без срока давности. URL: <https://glazev.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/110325-prestuplenie-bez-sroka-davnosti>

⁴¹ Суверенитет как путь к процветанию. Аналитический доклад ВЦИОМ. 2023. С. 11, 15. Доклад подготовлен на базе количественного онлайн-опроса пользователей Единого личного кабинета Фонда Росконгресс, принявших участие в Петербургском международном экономическом форуме 2023, а также экспертных интервью представителей бизнес-среды, деловых ассоциаций, научного сообщества, органов исполнительной и законодательной власти РФ.

Рис. 1. Как Вы считаете, нынешняя экономическая политика Правительства России соответствует концепции суверенного развития России или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от числа всех опрошенных)

Рис. 2. Следует ли российской власти добиваться отмены санкций, даже если для этого придется пойти на некоторые уступки во внешней политике?*
(закрытый вопрос, один ответ, % от числа всех опрошенных)

* Точная формулировка вопроса: «Есть мнение, что российской власти не нужно обращать внимание на западные санкции, а следует держаться текущего курса во внешней политике. Другое мнение, что властям страны следует стремиться к отмене санкций, даже если для этого придется пойти на некоторые уступки во внешней политике. С каким из мнений Вы в большей степени согласны: добиваться отмены санкций российской власти скорее следует или скорее не следует?»

Источник: Суверенитет как путь к процветанию. Аналитический доклад ВЦИОМ. 2023. С. 11, 15.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в кругах российских элит по-прежнему наблюдается раскол в понимании и отношении к сути исторического момента. Несмотря на то, что глава государства продолжает принимать решения, нацеленные на поддержку участников СВО и укрепление в нынешних и будущих поколениях российского общества информационно-идеологической повестки, соответствующей духу СВО (вкладка 5), многие эксперты справедливо

обращают внимание на то, что в России до сих пор не сформулирован целостный идеологический проект, который можно было бы транслировать ключевым участникам сегодняшних геополитических процессов и который бы являлся объединяющей идеей для всех слоев российского общества.

Представляется, что без такого идеологического проекта, нацеленного прежде всего на внутреннюю российскую аудиторию (и особенно её элитарные круги), будет крайне сложно реализовать более конкретные управленческие решения, необходимые сегодня для укрепления российской экономики и повышения её возможностей эффективно развиваться в условиях внутренних и внешних вызовов (вкладка 6).

«Мы ведём фронтальную и массивную контр-пропаганду, но нацелена она практически исключительно на внутрироссийскую аудиторию... У нас практически отсутствует трансляция каких бы то ни было смыслов и векторов на Украину. Что мы делаем на этой земле, внятно до украинцев мы донести не можем и, кажется, не собираемся, оставляя огромную территорию психологической войны противнику.

Перед Западом мы почему-то по-прежнему оправдываемся и жалуемся на двойные стандарты... Мы продолжаем – видимо, по инерции – занудное препирательство с теми, кто нас не видит, не слышит и знать не хочет...

Коллективному не-Западу мы также предлагаем самому догадаться, что мы делаем, зачем и ради чего. Никакого внятного послания мы ни Китаю, ни исламскому миру, ни Индии, ни Африке, ни Латинской Америке так и не послали. Единственным исключением является фундаментальная идея многополярности, где, действительно, есть смыслы, и они предельно глубоки. **Но обозначив этот важнейший вектор, мы его никак не возделываем, не развиваем, не насыщаем содержаниями, не развёртываем структуры»⁴².**

«Президент России сделал первые шаги по исправлению самых очевидных пороков сложившейся после госпереворота 1993 г. политической системы. В Конституции отменена презумпция международных обязательств над национальным законодательством, отмечено значение традиционных семейных ценностей, упомянут Бог. **Из этого следует необходимость восстановления основанной на традиционных ценностях идеологии.**

Необходимо сделать следующий шаг – установить принципы персональной ответственности должностных лиц и политической ответственности исполнительной власти за объективные результаты своей деятельности...

Для нашей Победы в мировой гибридной войне нужно быстрее выбираться из губительной трясины безответственности, некомпетентности, коррупции и безнравственности, в которой мы надолго застряли вследствие государственного переворота осенью 1993-го»⁴³.

⁴² Дугин А. Творение империи и скорость войны // Изборский клуб. 21.08.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24651>

⁴³ Глазьев С.Ю. Преступление без срока давности. URL: <https://glazev.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/110325-prestuplenie-bez-sroka-davnosti>

Вкладка 5

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 21 августа по 22 октября 2023 г.⁴⁴

<p>МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ</p>
<p>4 сентября – Указ «О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325, и в Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». Предельный возраст предоставления отсрочки от призыва на срочную службу для IT-специалистов повышен до 30 лет.</p>
<p>11 сентября – Указ «О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащим военнослужащих».</p>
<p>28 сентября – Ф3 «О ратификации Соглашения о совместном материально-техническом и медицинском обеспечении Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности».</p>
<p>МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ</p>
<p>28 сентября – Ф3 «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона „О днях воинской славы и памятных датах России”». Устанавливается новая памятная дата России – 30 сентября – День воссоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области с Российской Федерацией (2022 год).</p>
<p>19 октября – Ф3 «О денонсации Российской Федерацией Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств». Денонсируется Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, подписанная от имени Российской Федерации в г. Страсбурге 28 февраля 1996 года и ратифицированная Российской Федерацией 18 июня 1998 года. Резолюцией Комитета министров Совета Европы от 27 сентября 2022 года были существенно ограничены полномочия российского эксперта в Консультативном комитете, созданном для осуществления мониторинга выполнения государствами – участниками Рамочной конвенции своих обязательств в области защиты национальных меньшинств. Кроме того, Российская Федерация лишится в рамках указанного мониторингового механизма возможность участвовать в выработке решений по интересующим вопросам и отслеживать на международном уровне случаи нарушения прав национальных меньшинств, в первую очередь русскоязычного населения за рубежом.</p>
<p>20 октября – Распоряжение «О подписании Договора об учреждении Международной организации по русскому языку». Договор основывается на Концепции создания под эгидой Содружества Независимых Государств международной организации по поддержке и продвижению русского языка, утвержденной Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 14 октября 2022 г. Цель организации – создать условия для укрепления всестороннего взаимовыгодного сотрудничества по вопросам поддержания и продвижения русского языка как языка межгосударственного общения и средства коммуникации.</p> <p>Как отметили эксперты, «подобная инициатива на межправительственном уровне выглядит более чем необходимым действием с нашей стороны в той глобальной гибридной войне, которую ведет против нашей страны коллективный Запад. Возможно, его стоило сделать и гораздо раньше, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда»⁴⁵.</p>

⁴⁴ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

⁴⁵ Винников В. В открытые моря // Завтра. 15.10.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/v_otkritie_morya

Предложения экспертов по повышению эффективности экономики России⁴⁶

«Какie нужно принимать меры в управлении экономическим развитием, чтобы вывести экономику России на траекторию опережающего развития в соответствии с объективными возможностями (до 8% прироста ВВП и 20% прироста инвестиций в год), хорошо известно. Но для их реализации необходимо преодоление указанных дисфункций. А для этого необходимо введение сквозного механизма институциональной и персональной ответственности по всем уровням управления развитием экономики, включая следующие первоочередные меры:

- ✓ **Добиться практической реализации закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».** Создать при Президенте специальный межведомственный Государственный Комитет по стратегическому планированию.
- ✓ **Переориентировать деятельность государственной банковской системы на решение задач повышения инвестиционной активности в соответствии с установленными приоритетами развития экономики.** Вписать деятельность государственных банков, исходя из показателя роста объемов возвращаемых инвестиционных кредитов производственными предприятиями.
- ✓ **Привести полномочия и политику ЦБ в соответствие с его конституционными обязанностями и целями развития экономики.** Усилить государственный контроль за его деятельностью путем расширения полномочий Национального финансового совета, превратив его из формального органа надзора за хозяйственной деятельностью Банка России в орган формирования денежно-кредитной политики с учетом целей и установок президентских указов. Привести денежно-кредитную политику в соответствие с целями экономического развития и общепринятой в развитых странах практикой обеспечения расширения производства экономики.
- ✓ **Законодательно ввести процедуры ответственности деятельности правительств за достижение установленных Президентом целей социально-экономического развития и повышение уровня жизни народа.**

- ✓ **Восстановить государственный контроль над процедурами банкротства, централизовав его в одном ведомстве с сохранением возможности саморегулирования в данной сфере.** Провести декриминализацию института банкротства путем введения прозрачных автоматизированных процедур проведения аукционов и механизма ответственности арбитражных управляющих за эффективное управление имуществом, исключив манипуляции с результатом торгов. Допустить в процедуру банкротства корпоративное управление и трудовые коллективы. Для защиты добросовестных предпринимателей от „залогового рейдерства” распространить юрисдикцию суда присяжных на „экономические” статьи, предполагающие доказательство умысла обвиняемого. Исключить из ведения силовых ведомств коммерческие дела, связанные с конфликтами хозяйствующих субъектов».

⁴⁶ Глазьев С.Ю. Преступление без срока давности. URL: <https://glazev.ru/articles/10-vlast-i-obshhestvo/110325-prestuplenie-bez-stoka-davnosti>

Выдержка из выступления Президента РФ В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г.⁴⁷

6 пунктов образа будущего многополярного мира:

«...надо отдавать себе отчёт в том, к чему мы стремимся, к чему мы хотим прийти. И такое понимание в России есть:

Первое. Мы хотим жить в открытом, взаимосвязанном мире, в котором никто и никогда не будет пытаться возводить искусственные барьеры на пути общения людей, их творческой реализации и процветания...

Второе. Мы хотим, чтобы многообразие мира не просто сохранялось, а было фундаментом всеобщего развития. Навязывание любой стране или народу, как им жить, как чувствовать себя, должно быть запрещено...

Третье. Мы за максимальную представительность. Никто не имеет права да и не может управлять миром за других или от имени других...

Четвёртое. Мы за всеобщую безопасность и прочный мир, построенный на уважении интересов всех: от великих, больших государств до малых стран. Главное — освободить международные отношения от блокового подхода, от наследия колониальной эпохи и холодной войны...

Пятое. Мы за справедливость для всех. Эпоха эксплуатации кого бы то ни было, я уже сказал об этом дважды, в прошлом... Всем должен быть обеспечен доступ к благам современного развития, и попытки его ограничить для любой страны или народа должны рассматриваться как акт агрессии, именно так.

Шестое. Мы за равноправие, за различие потенциалов разных стран. Это абсолютно объективный фактор. Но не менее объективно и то, что больше никто не готов подчиняться, ставить свои интересы и нужды в зависимость от кого бы то ни было, и прежде всего от более богатых и сильных. Это не просто естественное состояние международного сообщества, это квинтэссенция всего исторического опыта человечества».

Россия как государство-цивилизация:

«В Концепции внешней политики России, принятой в этом году, наша страна охарактеризована как самобытное государство-цивилизация. В такой формулировке точно и ёмко отражено то, как мы понимаем не только наше собственное развитие, в ней — основные принципы мирового устройства, на победу которых мы надеемся...цивилизаций много, и ни одна из них не лучше и не хуже другой. Они равноправны как выразители чаяний своих культур и традиций, своих народов... Основные качества государства-цивилизации — многообразие и самодостаточность. Вот два основных компонента, на мой взгляд... Цивилизационная опора — необходимое условие успеха в современном мире, в мире беспорядочном, к сожалению, опасном и утратившем свои ориентиры.

По-настоящему эффективная и прочная государственная система не может насаждаться извне. Она вырастает естественным путём из цивилизационных корней стран и народов, и Россия в этом отношении — пример того, как это происходит в жизни, на практике».

⁴⁷ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

Возможно, шесть пунктов образа будущего многополярного мира, а также четкое понимание России как государства-цивилизации, которые В.В. Путин сформулировал в своем выступлении на Валдайском форуме 2023 г., смогут стать именно такой, объединяющей все слои российского общества идеей. Некоторые эксперты назвали это сочетание «концепцией цивилизационной синергии, явно и полностью противоречащей концепции Great Reset («Великого Сброса») от современного глобализма»⁴⁸. Однако нельзя не согласиться и с тем, что **жизнеспособность этой концепции во многом будет решаться «на земле», «на поле боя».**

«„Основным блюдом” стала концепция цивилизационной синергии, явно и полностью противоречащая концепции Great Reset („Великого Сброса”) от современного западного глобализма. Какая из них в большей мере соответствует „логике обстоятельств” современного мира, будет решаться „на земле”, „на поле боя”, но теперь, очень похоже, всему человечеству заявлена альтернатива, подкрепленная не только силой российского оружия, но и силой российской идеи»⁴⁹.

Именно поэтому представляется важным не только фиксировать консолидационные процессы, происходящие в российском обществе на фоне СВО, но и обращать внимание на внутренние угрозы, способные помешать их развитию. В том числе на те, о которых просигнализировали результаты прошедшей в 2023 году избирательной кампании: чем более сознательным и «граждански зрелым»⁵⁰ будет наше общество (а именно эту тенденцию показал прирост явки людей на выборы), **тем сильнее будет его запрос к власти на смену управленческих элит**, не желающих или не способных соответствовать национальным интересам страны в новых для неё условиях, наступивших с началом специальной военной операции.

Сегодня очевидно, что за 16 лет, прошедших с момента «мюнхенской речи» главы государства, курс России на укрепление национального суверенитета не просто неизбежен, а является **единственно возможным**, так же как и вектор трансформации всей мировой архитектуры от однополярной гегемонии коллективного Запада к формированию многополярных отношений суверенных государств-цивилизаций. **Это можно назвать итогом прошедшего периода и главным результатом деятельности Президента РФ.**

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁴⁸ Политолог Н. Бурлинова. URL: <https://vz.ru/news/2023/10/5/1233597.html>

⁴⁹ Маслов А. Валдай-2023: перезагрузка по-путински. URL: https://zavtra.ru/blogs/valdaj-2023_perezagruzka_po-putinski

⁵⁰ Встреча В.Путина с избранными главами регионов 28 сентября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72378>

Ilyin V.A., Morev M.V.

From “Munich-2007” to “Valdai-2023”: Sixteen Years That Changed Russia and the World

Abstract. October 5, 2023, at the 20th anniversary session of the Valdai International Discussion Club Russian President Vladimir Putin delivered a speech that many experts believe to be a continuation of what he had said at the Munich Security Conference on February 10, 2007. Over the past 16 years, the key theses that the President voiced in Munich (that “the unipolar world did not take place” and that “Russia is a country with a history that spans more than a thousand years and has practically always used the privilege to carry out an independent foreign policy. We are not going to change this tradition today”) have acquired real outlines and concrete forms. The future of Russia as a sovereign civilization-state, which is part of a multipolar world, has become obvious, natural and inevitable, as the President stated at the Valdai Forum in 2023. As an illustration of this thesis, the article examines in detail the results of the election campaigns that took place in Russia on September 10, 2023 and convincingly confirmed that the majority of voters support the current course of foreign and domestic policy implemented by the head of state. The article presents our calculations based on official data of the Central Election Commission of the Russian Federation; we carry out an in-depth comparative analysis of the results of the regional elections of 2018 and 2022, and analyze voting results in the context of regional centers; we also consider factors that influenced voter turnout. This makes it possible to identify new and more in-depth features of public sentiment, according to which a significant part of voters demands that the current elites (political, economic, cultural) be brought in line with the national socio-political agenda related to the goals of the special military operation and the positioning of Russia as a civilization-state. In general, the analysis has shown that both inside Russia and in the international political arena, there are still a lot of forces desperately clinging to the “old” world order and hindering the natural course of the changes taking place. This suggests that the process of transformation of Russia and the whole world, which in fact began 16 years ago, has not yet been completed and, apparently, this task is postponed for 2024–2032 – the period that may become the next presidential term for Vladimir Putin. At the same time, the successful achievement of all the goals of the special military operation was and remains the main prerequisite for the implementation of Russia’s transformation.

Key words: Valdai Forum, “Munich speech”, special military operation, threats to national security, elites, Single Voting Day, election.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.2

УДК 614.2:38.465.4 ББК 51.1:65.495

© Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е.

Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики

**Олег Александрович
КУВШИННИКОВ**
Губернатор Вологодской области
Вологда, Российская Федерация

**Сергей Игоревич
РЫБАЛЬЧЕНКО**
АНО «Институт научно-общественной экспертизы»
Комиссия Общественной палаты РФ по демографии, защите семьи, детей
и традиционных семейных ценностей
Москва, Российская Федерация

**Татьяна Евгеньевна
ШЕСТАКОВА**
Ассоциация по улучшению состояния здоровья и качества жизни населения
«Здоровые города, районы и посёлки»
Общественный совет при Министерстве здравоохранения Российской
Федерации
Череповец, Российская Федерация
e-mail: zdorovyegoroda@gmail.com

Для цитирования: Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е. (2023). Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 32–48. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.2

For citation: Kuvshinnikov O.A., Rybalchenko S.I., Shestakova T.E. (2023). Public health promotion as a priority for regional governmental policy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 32–48. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.2

Аннотация. В статье раскрываются аспекты управления общественным здоровьем на региональном и муниципальном уровнях, что является остроактуальной задачей ввиду высокого потенциала регулирующего воздействия данных уровней власти на благополучие людей. Цель работы — обосновать авторский подход к пониманию управления общественным здоровьем на уровне региона (и муниципалитета), предложить инструмент оценки управленческого влияния. Осуществлен обзор научной литературы по проблематике общественного здоровья, а также региональных и муниципальных стратегических и программных документов в сфере сохранения и укрепления здоровья населения. Проведена систематизация компонентов управления общественным здоровьем в стратегическом планировании и проектном управлении на региональном и муниципальном уровнях (на примере Вологодской области), рассмотрены отдельные инструменты укрепления общественного здоровья. В целях оценки эффективности развития муниципальных программ, связанных с укреплением общественного здоровья, разработан индекс здоровья и благополучия населения и осуществлена его апробация в двух вариациях: для применения на региональном и муниципальном уровне управления, что составляет научную новизну исследования. Выявлены ключевые проблемы оценки управления общественным здоровьем. Предложены рекомендации по их решению и совершенствованию методологического и информационного инструментария.

Ключевые слова: общественное здоровье, национальные проекты, центр общественного здоровья и профилактики, проектное управление, индекс здоровья и благополучия населения.

Введение

В настоящее время сохранение здоровья населения выдвигается на уровень национальной безопасности. В условиях глобальных политических, экономических, социальных и морально-нравственных перемен в мире возникает новая, соответствующая современным вызовам цель — создание системы сохранения и укрепления физического, психического и социального здоровья россиян, способных отстоять безопасность, суверенитет и процветание страны сегодня и на протяжении десятков и сотен лет в будущем. Укрепление общественного здоровья — межсекторальная миссия, которая не может быть решена исключительно в рамках компетенций служб здравоохранения, поэтому созданием инструментов общественного здравоохранения занимаются не только медицинские специалисты, но и представители смежных отраслей¹.

В качестве основы межсекторного взаимодействия в сфере управления здоровьем выступают 12 национальных проектов, направленных на реализацию задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях

и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года». Пять из них ориентированы на формирование здоровья населения, семь — на создание комфортной, безопасной, здоровьесформирующей муниципальной среды. Особое место принадлежит национальному проекту «Демография» и его ключевой составляющей — федеральному проекту «Укрепление общественного здоровья», т. к. общественное здоровье объединяет все факторы, влияющие на физическое, психическое и социальное благополучие людей, связанные с образом их жизни и средой, в которой они осуществляют свою жизнедеятельность. При этом важное значение имеет муниципальный уровень — как точка, где реализуется взаимодействие органов исполнительной власти и местного самоуправления в целях улучшения качества и увеличения продолжительности жизни людей, сохранения и укрепления их здоровья, создания здоровьесберегающей муниципальной среды при активной включенности в эти процессы самих граждан.

Многолетний опыт деятельности Ассоциации «Здоровые города, районы и поселки» под руководством председателя — Губернатора Вологодской области, в настоящее время объединяющей 146 муниципальных образований страны, и опыт

¹ Национальные программы управления общественным здоровьем (2021) // Московская медицина. № 6 (46). С. 8–21.

развития здоровьесберегающей и здоровьесформирующей деятельности в Вологодской области позволили сформулировать авторский подход к понятию «общественное здоровье» как ресурсу национальной безопасности², характеризующему качество человеческого потенциала. Деятельность по охране общественного здоровья реализуется на основе взаимодействия государственных, муниципальных, общественных и иных секторов общества путем воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд и преданной своему Отечеству личности; охраны и укрепления здоровья; предупреждения болезней; формирования здорового образа жизни; формирования личной ответственности человека за свое здоровье; создания здоровьесберегающей, комфортной, безопасной среды для жизнедеятельности граждан.

В свете реализации национальных целей и приоритетов возникает необходимость разработки инструментов мониторинга общественного здоровья, особенно в контексте проектного и стратегического управления. При этом важно, чтобы в основу таких инструментов легла научно обоснованная методология и релевантная информационная база. В настоящее время приоритетное значение приобретает обоснование концептуальных подходов к созданию интегрированной информационной базы, необходимой для разработки оптимальных стратегических решений в обеспечении наибольшей эффективности управления межсекторальной деятельностью, направленной на увеличение потенциала здоровья и благополучия населения, оценки их роли в достижении национальных целей развития (Каткова, Рыбальченко, 2020). Цель данной работы — обосновать авторский подход к пониманию управления общественным здоровьем на уровне региона (и муниципалитета), предложить инструмент оценки управленческого влияния.

В работе проанализированы региональные и муниципальные стратегические и программные документы в сфере сохранения и укрепления здоровья населения.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>; Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). ст. 5351.

Применены *методы систематизации* компонентов управления общественным здоровьем в системе стратегического планирования и проектного управления на региональном и муниципальном уровнях (на примере Вологодской области), а также *метод визуализации с помощью построения графических схем*.

Для того чтобы оценить эффективность развития муниципальных программ укрепления общественного здоровья, был разработан и рассчитан *индекс здоровья и благополучия населения*. Для вычисления использовались как статистические, так и ведомственные данные. Индекс рассчитан с применением метода главных компонент.

Общественное здоровье и управление его формированием

Общественное здоровье как важнейшая характеристика социально-экономического и демографического развития рассматривалось в работах отечественных учёных-медиков и гигиенистов (Бедный, 1972; Лисицына, 1987; Медик, Юрьев, 2012; Юрьев, 1993), экономистов и демографов (Прохоров, 2007; Здоровье..., 2007; Назарова, 2007; Шабунова, 2010), а также социологов (Журавлева, 2006; Лебедева-Несевря, Гордеева, 2011). Однако в научной литературе до сих пор не сформировалось как единого определения общественного здоровья, так и его универсального «измерителя».

Общественное здоровье понимается как социальная политическая концепция, направленная на улучшение здоровья, продление жизни и улучшение качества жизни всего населения в целом — путем укрепления здоровья, профилактики болезней и других видов и форм вмешательства³. Данное определение отражает идею, в которой обозначены общеизвестные пути продления жизни и улучшения качества жизни, ограничивающиеся укреплением здоровья и профилактикой заболеваний.

Общественное здоровье — это и «состояние общества, которое обеспечивает условия для активного, продуктивного образа жизни, не стесненного физическими и психическими заболеваниями, т. е. это то, без чего общество не может создавать материальные и духов-

³ Глоссарий терминов, используемых в серии по достижению здоровья для всех. ВОЗ: Женева, 1998.

ные ценности, — это и есть богатство общества» (Лисицын, 2010), и «свойство населения определенной территории, обеспечивающее демографическое развитие, максимально возможную продолжительность жизни и трудовую активность, формирующееся при комплексном воздействии биологических, социально-экономических, социокультурных и экологических факторов» (Шабунова 2010; Шабунова, 2011).

В ряде случаев общественное здоровье тесно связывается с системой здравоохранения. Например: «деятельность государственных муниципальных, общественных и иных структур, осуществляемая на основе межсекторального и межведомственного взаимодействия и направленная на реализацию мероприятий по охране и укреплению здоровья, предупреждению болезней, формированию здорового образа жизни и созданию благоприятной среды для жизнедеятельности граждан» (Стародубов и др., 2016).

Данный подход оптимален с точки зрения управления общественным здоровьем, поскольку он, во-первых, констатирует роль государственных структур в управлении здоровьем населения и, во-вторых, определяет его факторы и соответствующие направления работы: охрана и укрепление здоровья, формирование здорового образа жизни и создание окружающей среды, способствующей обеспечению общественного здоровья.

Общеизвестно, что факторами общественного здоровья являются образ жизни, окружающая среда, медицинское обеспечение (Лисицын, 2010). Исследователи выявляют все новые грани и проявления влияния этих групп факторов на общественное здоровье.

Одна из самых известных концепций, объясняющих динамику общественного здоровья, разработана А. Омраном. Она получила название «эпидемиологический переход» (Omran, 1971; Омран 1977).

Роль системы здравоохранения в сохранении общественного здоровья подтверждается и оценками избыточной смертности от коронавирусной инфекции, пандемия которой стала существенным вызовом демографическому развитию. Так, например, доказано, что в Германии в 2020 году практически не было избыточной смертности, в Швеции она составила 3% без учета увеличения продолжительности

жизни и 8% с учетом увеличения продолжительности жизни, в Испании — 15% (Kowall et al., 2021). В ряде государств Северной (Эстония, Латвия, Литва, Норвегия, Финляндия, Словакия), Южной и Восточной Европы (Португалия, Венгрия, Австрия, Швейцария, Израиль и Словения) не было зафиксировано статистически значимой избыточной смертности, что свидетельствует о том, что они хорошо справились с эпидемией и показывают смертность, которая близка к ожидаемой или даже ниже её (Vanella et al., 2021).

Пандемия COVID-19 высветила важность развития цифровых технологий в здравоохранении и роль эффективных систем эпидемиологического надзора (Wong et al., 2022), а также остроту грамотного управления здравоохранением, в том числе материальное обеспечение отрасли (Liang, Kiang, 2023), обеспечение кадрами (Yeager et al., 2023) и квалифицированными управленцами (Bickley, Torgler, 2021; Schenck et al., 2023). Кроме того, задача формирования здоровьесберегающего образа жизни, ответственного самосохранительного поведения может решаться через просвещение и воспитание людей, для чего необходимо понимание причин выбора ими поведенческих стратегий (Hobbs et al., 2021).

Таким образом, общественное здоровье включает параметры, измеряющие его уровень и свойства, а также группы факторов, идентифицирующие параметры окружающей среды и образа жизни, медицинского обеспечения.

Опыт Вологодской области в управлении общественным здоровьем

Укрепление общественного здоровья выступает одним из условий социально-экономического развития территорий и выдвинуто на уровень национальной безопасности. Данная задача является приоритетной для Правительства Вологодской области. В 2016 году в регионе была сделана ставка на *народосбережение* как на ключевое направление Стратегии социально-экономического развития на период до 2030 года⁴. С утверждения национального проекта «Демография» приоритеты региона со-

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 №920 // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>

шлись с приоритетом государства. Интеграция укрепления общественного здоровья как самостоятельного направления в документы стратегического планирования началась с изменения главного документа региона — *Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года* (далее — *Стратегия*). Для закрепления задач по созданию необходимых условий в сфере общественного здоровья в структуре Стратегии был выделен раздел «В сфере укрепления общественного здоровья». В Вологодской области Стратегия реализуется через применение **проектного подхода**, который учитывает межведомственный, межсекторальный характер решения поставленных в ней задач развития. Это позволило в короткие сроки интегрировать в Стратегию **региональный проект «Укрепление общественного здоровья»** как инструмент достижения закрепленных за регионом задач социально-экономического развития.

Практика региона показала необходимость применения новых инструментов в решении вопросов по данной теме. Важно было найти инструмент, который позволил бы декомпозировать задачи регионального целеполагания на муниципальном уровне и на нижестоящие документы стратегического планирования. Для этого Правительством области проведена широкая работа по обозначенным направлениям. В 2017 году, еще до появления национальных проектов, в Вологодской области был создан *Координационный совет по охране здоровья населения*, с 2021 года его председателем стал Губернатор Вологодской области. Данный орган координирует деятельность и организует взаимодействие с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти по субъекту Российской Федерации, исполнительными органами государственной власти субъекта РФ, органами местного самоуправления в субъекте РФ. Межведомственные координационные советы также были созданы во всех муниципальных образованиях области.

Одной из задач проекта «Укрепление общественного здоровья» стала трансформация центров медицинской профилактики в *региональные центры общественного здоровья и медицинской профилактики* (далее — ЦОЗиМП), что было реализовано и в Вологодской области.

В соответствии с приказом Минздрава РФ от 29 октября 2020 № 1177н⁵ контроль общественного здоровья в субъекте закрепляется именно за региональными ЦОЗиМП. Помимо этого, они выполняют важнейшую функцию технического координатора по организации межсекторального взаимодействия в укреплении общественного здоровья на региональном и муниципальном уровнях путем подготовки заседаний и контроля реализации решений координационно совета по охране здоровья населения. На уровне муниципальных образований такой контроль осуществляют городские центры общественного здоровья, взрослые и детские центры здоровья и отделения/кабинеты медицинской профилактики поликлиник. Главными инструментами контроля стали **региональные, муниципальные программы общественного здоровья и корпоративные программы укрепления здоровья на рабочем месте**. Для разработки вышеизложенных программ Минздравом России доведены до субъектов Российской Федерации рекомендации по их наполняемости и утверждению.

Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» содержит три задачи: формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек; мотивирование граждан к ведению здорового образа жизни посредством осуществления информационно-коммуникационной кампании, а также вовлечения граждан и некоммерческих организаций в мероприятия по укреплению общественного здоровья; разработка и внедрение программ укрепления здоровья на рабочем месте (корпоративных программ укрепления здоровья).

В Вологодской области в настоящее время поставлена задача по формированию целостной системы укрепления общественного здоровья, которая заложит принцип «единого здоровья» не только на все уровни управления, но и на межсекторальные взаимодействия исполнительной власти региона всех уровней с опорой

⁵ Об утверждении Порядка организации и осуществления профилактики неинфекционных заболеваний и проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в медицинских организациях: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.10.2020 № 1177н. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/24840>

на Хельсинкское заявление «синтез здоровья — во все стратегии социально-экономического развития». Суть учета принципов здоровья во всех мероприятиях планов социально-экономического развития и национальных проектов заключается в том, что разработчик любого уровня, любого ведомства при подготовке мероприятий обязан ставить себе вопрос «Как мое планирование скажется на здоровье и качестве жизни жителей моего города (села)?».

Главным нормативным документом, регламентирующим развитие системы общественного здоровья в Вологодской области, является *региональная комплексная программа «Общественное здоровье — в центре внимания»*⁶, утверждённая правительством региона в 2020 году. Основные направления программы: формирование мотивации населения на здоровый образ жизни; создание безопасной, здоровой и комфортной для жизнедеятельности среды. Ключевыми нормативными документами муниципального уровня являются *рекомендации по разработке и реализации муниципальной программы «Укрепление общественного здоровья» и библиотека лучших практик*⁷. Также предполагается развитие *локальных здоровьесформирующих программ* (медицинскими организациями — укрепление репродуктивного здоровья; здоровье беременных; здоровое начало жизни; *службами социальной защиты* — программа «Здоровая семья»; *организациями и предприятиями* — здоровьесформирующий детский сад; здоровьесформирующая школа; здоровьесформирующий вуз; укрепление здоровья на рабочем месте; активное долголетие).

Еще одним нормативным документом, регламентирующим развитие общественного здоровья на муниципальном уровне, стала *модельная корпоративная программа «Укрепление*

*здоровья на рабочем месте»*⁸, направленная в муниципальные образования области для ее внедрения в организациях и на предприятиях разной организационно-правовой формы.

В соответствии с Федеральным проектом к 2024 году во всех муниципальных районах области должны быть утверждены муниципальные программы укрепления общественного здоровья. В 2021 году Губернатором Вологодской области на заседании координационного совета по охране здоровья было дано поручение утвердить программы в течение года, т. е. на 3 года раньше намеченного срока. В Вологодской области уже к концу 2021 года такие программы были утверждены в каждом муниципальном районе.

Муниципальные программы стали одним из главных компонентов системы общественного здоровья в регионе. Комплекс мероприятий муниципальных программ общественного здоровья становится более продуктивным, если они наполнены *здоровьесберегающими и здоровьесформирующими технологиями*. Развитие системы общественного здоровья и медицинской профилактики в Вологодской области, а также многолетний опыт деятельности *Ассоциации «Здоровые города, районы и поселки»* в субъектах Российской Федерации и ближнем зарубежье позволили накопить целый арсенал научно обоснованных прорывных технологий формирования здоровья населения и создания здоровьесберегающей, комфортной и безопасной среды в муниципальных образованиях⁹. В настоящее время стоит задача их внедрения в практику деятельности муниципальных образований путем реализации программ укрепления общественного здоровья на основе обучающих мероприятий, семинаров и конференций.

Муниципальные программы в большей степени затрагивают вопросы мотивации населения территории к здоровому образу жизни, но

⁶ Об утверждении региональной комплексной программы укрепления общественного здоровья «Общественное здоровье — в центре внимания» на территории Вологодской области на 2020—2024 годы: Постановление Правительства Вологодской области от 30.11.2020 № 1386 // Консультант Плюс. URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/3130640/

⁷ Рекомендации по разработке и реализации муниципальной программы «Укрепление общественного здоровья» и библиотека лучших практик / БУЗ Вологодской области «Вологодский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики». URL: <https://volprof.volmed.org.ru/index.php?page=ozdorovje>

⁸ Модельная корпоративная программа «Укрепление здоровья на рабочем месте» / БУЗ Вологодской области «Вологодский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики». URL: <https://volprof.volmed.org.ru/index.php?page=ozdorovje>

⁹ Здоровый город — здоровый мир (2022): сборник лучших муниципальных практик участников III конкурса «Здоровые города России» / сост. Т.Е. Шестакова, ред. В.А. Полесский. Череповец: Череповецъ. 279 с.

стоит отметить, что внешние факторы, такие как общественная среда, также играют большую роль в вопросах укрепления общественного здоровья. Именно этот аспект стал главным при принятии решения о разработке *стратегического проекта области «Общественное здоровье»*, в который в 2022 году была переформатирована региональная комплексная программа «Общественное здоровье — в центре внимания». Проект позволил не только привлечь муниципальные образования области как соисполнителей для достижения результатов, но и дать органам местного самоуправления возможность потенциального финансирования поставленных задач в сфере укрепления общественного здоровья. Таким образом, он стал инструментом еще более тесного взаимодействия региональных органов власти с муниципальными образованиями.

Укрепление общественного здоровья как многоуровневая сложная система требует соответствующего механизма управления. В настоящее время для интеграции вопросов общественного развития в документы стратегического планирования региона, вовлечения муниципальных образований области в управление общественным здоровьем, необходимо сформировать *единое цифровое пространство* для мониторинга основных процессов, оценки эффективности проводимых мероприятий в сфере общественного здоровья.

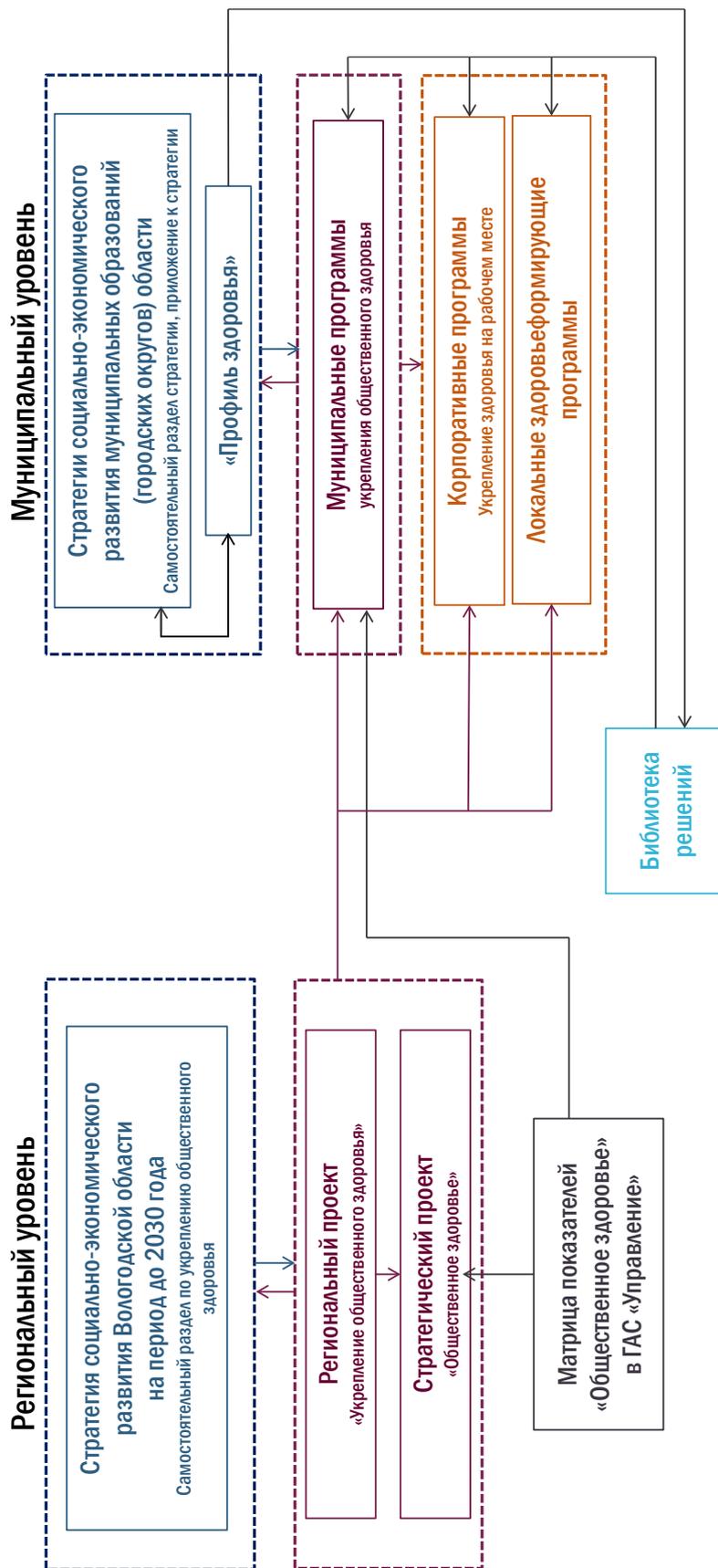
Взаимодействие с муниципальными образованиями в рамках стратегического проекта позволило проработать и закрепить задачи общественного здоровья в проектной деятельности региона. Исполнение мероприятий стратегического проекта проводится с использованием *информационной системы «Управление инвестиционной и проектной деятельностью Вологодской области»* (далее — ВЕГАС). Она дает возможность работать с большим количеством участников, сократить затраты на их взаимодействие, осуществлять постоянный контроль реализации проекта и своевременно принимать управленческие решения. Но одновременно с этим возникла потребность не только в организации процессов взаимодействия, но и в проведении анализа и мониторинга достижения поставленных целей. Возможности ВЕГАС в этом отношении оказались ограничены,

поэтому мониторинг процессов укрепления общественного здоровья в регионе осуществляется посредством другой информационной системы — *ГАС «Управление» Вологодской области*. В ней для оценки общественного здоровья сформирован перечень показателей, характеризующих развитие системы управления общественным здоровьем в регионе и муниципальных образованиях области. Для этого была разработана *матрица показателей здоровья*. Она содержит индикаторы, аккумулированные по блокам: *население, смертность, заболеваемость, распространение факторов неинфекционных заболеваний, экология, безопасность на дорогах, социальная безопасность, благосостояние, реализация здоровьесберегающих программ, инфраструктура, культурный потенциал*. Наполнение матрицы осуществляется как за счет данных статистических органов, так и за счет ведомственных. Использование цифровых решений позволяет автоматически выгрузить и сформировать матрицу показателей здоровья. Благодаря этому каждое муниципальное образование может видеть пробелы в достижении отдельных индикаторов, оперативно реагировать и управлять риском неисполнения. Использование информационной системы помогло определить для муниципальных образований цель развития по этому направлению, согласовать ее со всеми участниками, верифицировать данные в системе и довести их до исполнителей. Кроме того, обобщенное представление данных в разрезе каждого муниципального района позволяет определить лидеров в вопросе укрепления общественного здоровья, изучить их управленческий опыт и распространить его на другие муниципалитеты с учетом их социально-экономических и территориальных особенностей.

Для тиражирования успешного опыта в систему укрепления общественного здоровья внедрена *«библиотека решений»*, которая представляет собой *совокупность лучших практик в сфере укрепления общественного здоровья, а также набор лучших решений по устранению недостижимых результатов*.

Формирование матрицы стало основой для более широкого применения в регионе еще одного инструмента управления — *«профиля здоровья»*, который является источником информации о состоянии здоровья населения,

Рис. 1. Укрепление общественного здоровья на региональном и муниципальном уровнях на примере Вологодской области

Источник: составлено авторами.

окружающей его среды и отражает изменения показателей общественного здоровья, процессов, организованных для укрепления общественного здоровья.

Использование всех инструментов (проекты, программы, матрица, «библиотека решений», «профиль здоровья» и т. д.) составляет управленческую систему в сфере укрепления общественного здоровья в регионе. На *рисунке 1* показано место укрепления общественного здоровья в системе стратегического планирования и проектного управления региона.

Методика расчета индекса здоровья и благополучия населения

При всей масштабности и количестве показателей возникла задача сопоставления оценки эффективности муниципальных образований. Для ее решения и для оценки всей системы укрепления общественного здоровья в регионе был разработан специальный интегральный **индикатор — индекс здоровья и благополучия населения, в двух вариациях: для применения на региональном и муниципальном уровне управления.**

Первый этап — определение факторов, наиболее выразительно влияющих на общественное здоровье, которые будут объединять набор исходных показателей. Как уже отмечалось ранее, общественное здоровье не сводится лишь к медицине, в данном случае должна учитываться его многофакторность. Исходя из классификации факторов здоровья Ю.П. Лисицына (Лисицын, 2010) выделены три основных: *образ жизни, окружающая среда, медицинское обеспечение.*

Далее был определен исходный набор показателей, отражающих здоровье и благополучие человека. Учитывая сложную синтетическую сущность рассматриваемой категории (здоровье и благополучие), начальный набор индикаторов определялся посредством экспертных мнений, т. е. эвристически.

К отобранным показателям предъявлялись следующие требования, выдвинутые д-ром физ.-мат. наук С.А. Айвазяном (Айвазян, 2012).

1. Представительность (релевантность). Подразумевает, что показатели охватывают все аспекты укрепления общественного здоровья, в нашем случае, отвечает трем выбранным факторам.

2. Доступность. Оценки отобранных показателей общедоступны и регулярно обновляются в соответствии с проводимыми в их рамках мониторингами.

3. Достоверность. Показатели взяты из официальных источников статистической информации и могут быть верифицированы.

Кроме того, как отмечает С.А. Айвазян, набор показателей для измерения одной и той же сущности, но на разном уровне своего проявления (например, страна, регион, предприятие) должен и может быть различен (Айвазян, 2012).

В данном случае для расчета индекса из 150 релевантных и доступных в статистике были отобраны 46 показателей для муниципального уровня и 34 показателя — для регионального.

Второй этап — проверка индикаторов на мультиколлинеарность в целях исключения дублирующих показателей.

Для каждого показателя был рассчитан абсолютный выборочный линейный коэффициент парной корреляции Пирсона r . Смысл расчета заключается в том, что по каждому показателю складываются все полученные подобные оценки, находится некая сумма $\sum_i |r_i^j|$, относительно которой строится рейтинг индикаторов.

В соответствии с ним из дальнейшей обработки исключаются показатели, имеющие наибольшую сумму.

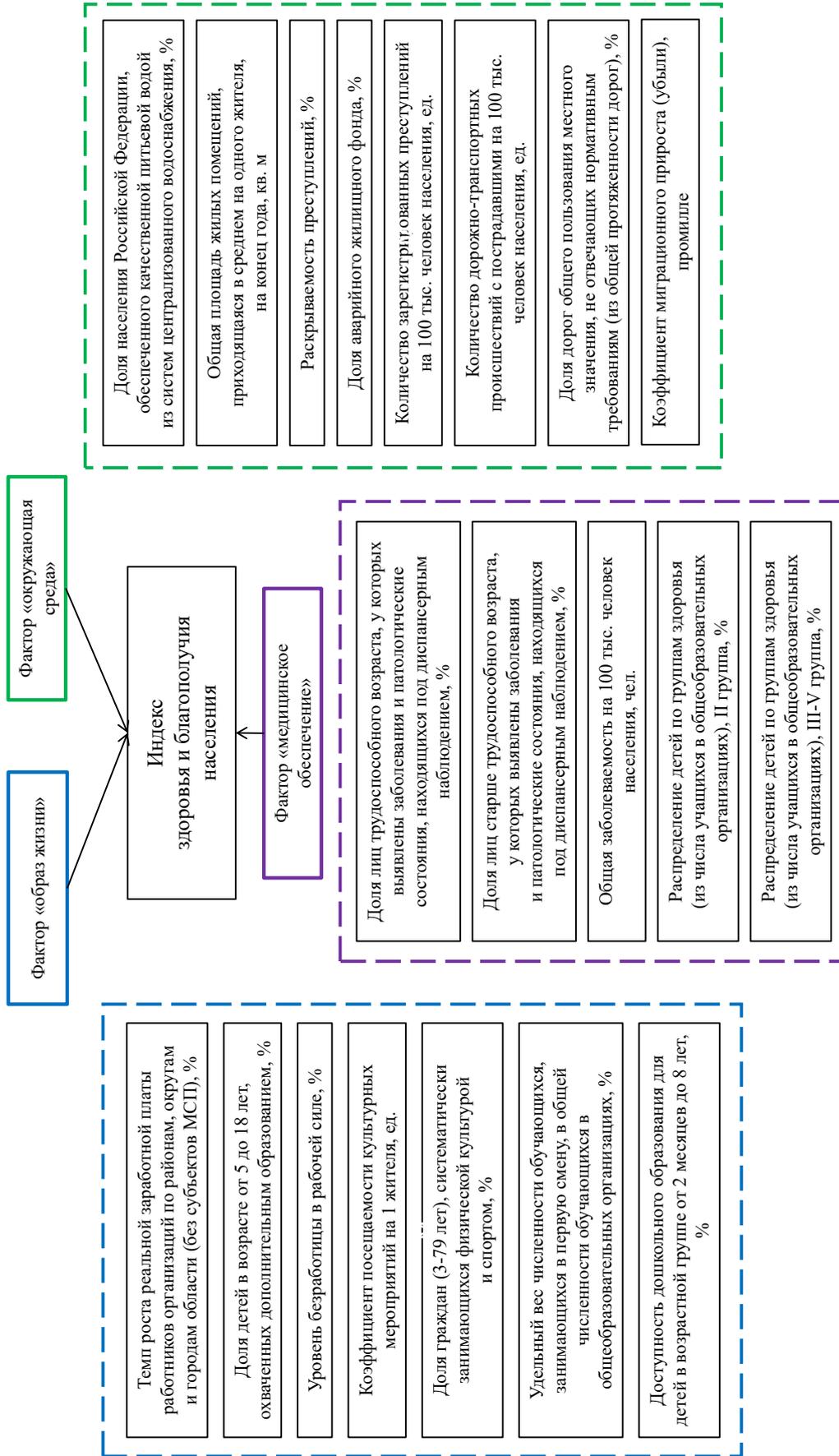
В случае с муниципальными образованиями показатели дважды проанализированы посредством корреляционных матриц, в результате чего из 46 показателей оставлено 20 (*рис. 2*).

В случае с регионами из первичного списка, содержащего 34 показателя, оставлен 21 (*рис. 3*).

На **третьем этапе** проводится объединение значимых критериев оценки, т. е. распределение оставшихся показателей, в три раннее указанных фактора.

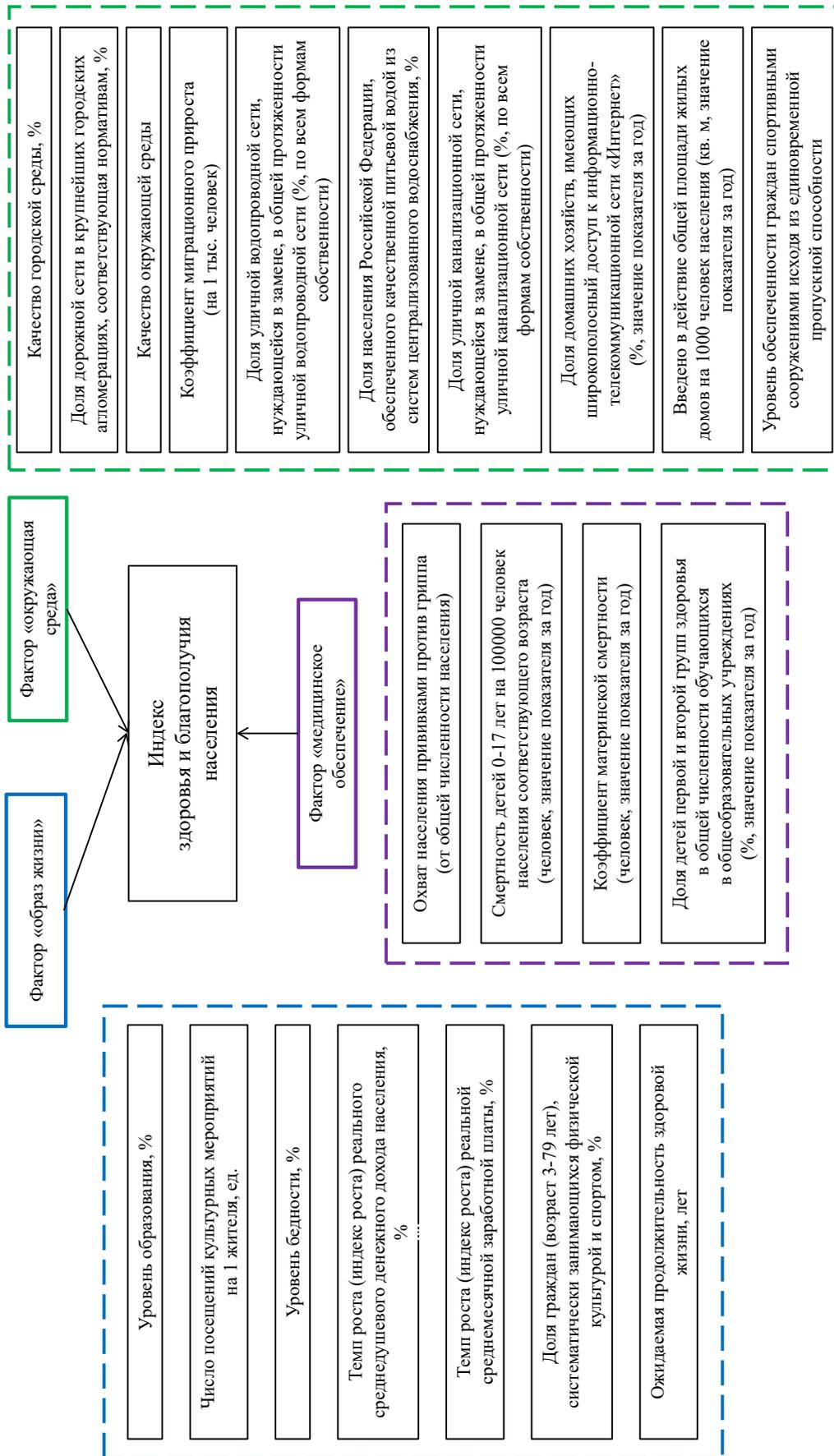
Для муниципалитетов фактор **образа жизни** включает в себя семь показателей, в большей степени характеризует поведенческие особенности населения. В состав фактора **«окружающая среда»** вошли восемь показателей, отражающих возможности и качество среды проживания населения. Фактор **«медицинское обеспечение»** содержит пять показателей, определяющих лечебно-диагностическую деятельность системы здравоохранения, которая позволяет оценить здоровье населения.

Рис. 2. Декомпозиция показателей для расчета индекса здоровья и благополучия населения для муниципальных районов

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Декомпозиция показателей для расчета индекса здоровья и благополучия населения для субъектов Российской Федерации

Источник: составлено авторами.

Перечень показателей, используемых для расчета по субъектам РФ, представлен на рисунке 3. Изменение перечня показателей обусловлено уровнем анализа, что определяет иной набор индикаторов для тех же факторов здоровья и благополучия населения.

Следующий шаг – формирование значений субиндексов и интегрального индекса.

Свертка оставшихся показателей в единый агрегированный индекс реализована на основе *метода главных компонент*. Для этого необходимо найти наибольшее собственное значение корреляционной матрицы оставшихся индикаторов. При условии предварительной стандартизации значений исследуемых показателей квадрат оценок найденного собственного вектора будет характеризовать вес соответствующего индикатора $\in [0,1]$. В настоящее время статистический срез данных является неболь-

шим и весовые коэффициенты показателей требуют ежегодного пересмотра. При накоплении выборки примерно за 10 лет весовые коэффициенты могут стать более стабильными (не будут сильно изменяться при добавлении новых данных). Этот метод был также предложен С.А. Айвазяном (Айвазян, 2012).

Заключительный этап – апробация разработанного инструментария и интерпретация полученных результатов.

Полученные результаты по итогам расчетов для муниципальных округов и районов представлены в *таблице 1*. Индекс позволяет оценить вариативность значений, «отставание» муниципалитетов от «лидера», сформировать условный рейтинг муниципалитетов. В 2022 году в группу с уровнем значений индекса здоровья и благополучия выше среднего вошли семь муниципальных районов Вологодской

Таблица 1. Результаты расчета индекса здоровья и благополучия для муниципальных районов Вологодской области за 2022 год

Муниципальный район	Значение индекса здоровья и благополучия	Уровень
Кадуйский	0,625	Выше среднего
Нюксенский	0,613	
Междуреченский	0,607	
Усть-Кубинский	0,604	
Никольский	0,603	
Тарногский	0,592	
Вожегодский	0,561	
Тотемский	0,554	Средний
Грязовецкий	0,529	
Сямженский	0,522	
Вашкинский	0,520	
Бабушкинский	0,518	
Сокольский	0,510	
Устюженский	0,493	
Шекснинский	0,492	
Кичменгско-Городецкий	0,474	
Бабаевский	0,474	
Вологодский	0,462	
Чагодощенский	0,460	
Верховажский	0,460	
Вытегорский	0,453	
Кирилловский	0,448	
Харовский	0,435	
Череповецкий	0,431	
Белозерский	0,424	
Великоустюгский	0,384	Ниже среднего
Источник: составлено авторами.		

области (значение ИзиБ находится в диапазоне от 0,55 до 0,63). Одиннадцать муниципальных образований составили «ядро» рейтинга (ИзиБ – от 0,46 до 0,53) и в семи муниципальных округах и районах значения ИзиБ – от 0,39 до 0,46.

Для крупных городов области были проведены отдельные расчеты.

Логика построения индекса аналогична общей для муниципальных образований, однако ввиду высокой концентрации населения и экономики для данных территорий расчет весовых коэффициентов осуществлен отдельно. Значения ИзиБ, полученные для крупных городов региона, выше, чем для муниципальных округов и районов, что объясняется относительно лучшими условиями и уровнем жизни (табл. 2).

Проведен аналогичный расчет для субъектов России, входящих в Северо-Западный федеральный округ (табл. 3). Единственное отличие от подхода к расчету индекса для муниципальных образований заключается в перечне показателей, используемых для формирования каждого фактора, входящего в расчет индекса здоровья и благополучия, и их весовых значений.

Результаты расчета индекса здоровья и благополучия населения для субъектов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации свидетельствуют о лидерстве Вологодской области и административного центра г. Санкт-Петербурга по индексу здоровья и благополучия, выше среднего значение индекса в Ленинградской, Калининградской и Новгородской областях.

Обсуждение и выводы

Преимуществом предложенного индекса является доступность показателей анализа, основная часть которых входит (прямо или структурными компонентами) в расчет показателей национальных проектов. Расчет индекса создал возможность провести сопоставимый рэнкинг муниципальных образований и комплексную оценку эффективности системы укрепления общественного здоровья в регионе.

Несмотря на множество индексов в сфере социального благополучия, методическая ниша показателей в области общественного здоровья представляется недостаточной. Одним из наиболее проработанных индексов, используемых для оценки общественного здоровья, является

Таблица 2. Результаты расчета индекса здоровья и благополучия для крупных городов Вологодской области за 2022 год

Город	Значение индекса здоровья и благополучия
Череповец	0,707
Вологда	0,644

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Результаты расчета индекса здоровья и благополучия населения для субъектов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации за 2022 год

Субъект	Значение индекса здоровья и благополучия	Уровень
г. Санкт-Петербург	0,628	Выше среднего
Вологодская область	0,543	Средний
Ленинградская область	0,523	
Псковская область	0,464	
Калининградская область	0,457	Ниже среднего
Республика Коми	0,450	
Новгородская область	0,449	
Архангельская область	0,443	
Республика Карелия	0,427	
Ненецкий авт. округ	0,386	
Мурманская область	0,373	

Источник: составлено авторами.

показатель *«потерянные годы потенциальной жизни»*, отражающий демографические потери вследствие преждевременной смертности и рассчитываемый как сумма произведений числа умерших в каждой возрастной группе на количество лет, недожитых ими до некоторого предельного возраста (чаще всего до 70 лет) (Коробицын и др., 2014). Достоинством индекса здоровья и благополучия населения является его интегративный характер. Он обеспечивает многоаспектность анализа смертности, повышает уровень информированности, соизмеримости и сопоставимости оценок (Новгородова, 2015). Также стоит отметить *индекс качества жизни*, рассчитываемый Агентством стратегических инициатив¹⁰. Он является комплексным и оценивает общую удовлетворенность людей социальной сферой и местом, в котором живет человек (в том числе медицинским обслуживанием и экологической обстановкой); позволит существенно дополнить характеристику влияния заболеваемости и преждевременной смертности на жизнеспособность населения и показатель *ожидаемой продолжительности здоровой жизни* (Каткова, Рыбальченко, 2020).

Недостаточность методологии при анализе процесса укрепления общественного здоровья обусловлена наличием существующих в России проблем. *Первая проблема* — сложность получения статистических данных и их качество. Количество показателей официальной статистики (Росстат) при «погружении» на муниципальный уровень значительно сокращается, отдельные показатели просто не мониторируются на уровне муниципальных районов, населенных пунктов. Например, показатель «ожидаемая продолжительность жизни при рождении», отражающий развитие здоровья населения, не рассчитывается на уровне муниципальных образований. *Вторая проблема* — это период публикации официальных показателей после завершения отчетного периода. Значительный временной лаг между окончанием отчетного периода и формированием официальной

статистической информации ограничивает возможности управления рисками и формирование адекватной управленческой реакции. *Третья проблема* заключается в том, что отдельные направления сферы общественного здоровья либо не имеют показателей официальной статистики (Росстат), либо собираются только на ведомственном уровне (региональные медицинские информационные аналитические центры (МИАЦ), без последующей сборки на федеральном и/или региональном уровне, что означает наличие аналитического пробела для сферы и невозможность сопоставимой оценки между регионами/субъектами РФ. Исходя из этого, в настоящее время требуется проработка на уровне заинтересованного органа власти совместно с Росстатом следующих *направлений*:

- расширение перечня показателей в сфере общественного здоровья (в том числе за счет ввода показателей ведомственной статистики Минздрава, Минстроя, Минспорта и т. д., отраслевых органов власти);
- сокращение срока опубликования значений показателей после отчетного периода;
- декомпозиция показателей на муниципальном уровне.

Для анализа сопоставимости процессов в сфере общественного здоровья на региональном и межрегиональном уровнях сбор и опубликование показателей в сфере общественного здоровья следует закрепить за Росстатом и его территориальными отделениями в регионах. Вместе с тем руководствоваться лишь статистическими данными, на наш взгляд, не совсем корректно, так как аналитическая ценность показателей по линии отраслевых ведомств и Росстата снижается в отсутствие мнения населения. Представители Всемирной организации здравоохранения отмечают необходимость изучения факторов, оказывающих влияние на здоровье людей, так называемых *социальных детерминант здоровья*, которые человек сам создает вокруг себя. Для их изучения на практике проводятся социологические исследования. Одним из популярных методов, применяющихся при проведении социологических исследований, выступает *социологический опрос*. Несмотря на то, что он является ресурсозатратной процедурой (масштаб охвата выборки респондентов,

¹⁰ Рейтинг качества жизни / Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/

привлечение узкопрофильных специалистов), именно его результаты позволяют получить уникальную по своему содержанию информацию – обратную связь от населения. Результатом социологического опроса должно стать формирование *социологического индекса удовлетворенности населения здоровьесберегающей средой и системой здравоохранения*.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем рассмотреть возможность включения *индекса здоровья и благополучия населения* в качестве показателя федерального/регионального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» в рамках национального проекта «Демография»; а также вопрос о разработке и запуске социологического опроса в рамках указанного федерального проекта.

Финансирование расчета показателей и проведение ежегодного социологического опроса следует обеспечить за счет средств федерального бюджета.

Правительством Вологодской области в 2023 году проведено социологическое исследование, связанное с выявлением поведенческих факторов здорового образа жизни и удовлетворенности общественными пространствами для сохранения здоровья. Этот опрос наряду с индексом здоровья и благополучия населения планируется использовать в качестве инструмента для оценки существующей системы укрепления общественного здоровья в регионах. В перспективных задачах Вологодской области – продолжение усиления региональной и муниципальной работы по укреплению общественного здоровья, в том числе повышению ответственности граждан за свое здоровье.

Литература

- Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. М.: Наука, 2012. 432 с.
- Бедный М.С. (1972). Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. М.: Статистика. 303 с.
- Журавлева И.В. (2006). Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука. 238 с.
- Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении (2007) / под общ. ред. Н.М. Римашевской. М.: Социальный проект. 204 с.
- Каткова И.П., Рыбальченко С.И. (2020). Преждевременная смертность и ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения в контексте задач национального развития России // Народонаселение. Т. 23. № 4. С. 83–92. DOI: 10.19181/population.2020.23.4
- Коробицын Б.А., Куклин А.А., Никулина Н.Л. (2014). Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // Народонаселение. № 3 (65). С. 42–56.
- Лебедева-Несевря Н.А., Гордеева С.С. (2011). Социология здоровья / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь. 238 с.
- Лисицын Ю.П. (1987). Теоретико-методологические проблемы концепции «общественного здоровья» // Общественные науки и здравоохранение. М.: Наука. 132 с.
- Лисицын Ю.П. (2010). Общественное здоровье и здравоохранение. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа. 512 с.
- Медик В.А., Юрьев В.К. (2012). Общественное здоровье и здравоохранение. М.: ГЭОТАР-Медиа. 608 с.
- Назарова И.Б. (2007). Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 526 с.
- Новгородова А.В. (2015). Потерянные годы жизни – индикатор здоровья населения // Народонаселение. № 2. С. 74–86.
- Омран А. (1977). Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада: сб. переводных статей. М.: Прогресс. С. 5–91.
- Прохоров Б.Б. [и др.] (2007). Общественное здоровье и экономика: монография / отв. ред. Б.Б. Прохоров; Российская акад. наук, Ин-т народнохоз. прогнозирования. М.: МАКС Пресс. 287 с.
- Стародубов В.И., Сон И.М., Сененко А.Ш. [и др.] (2016). Общественное здравоохранение и формирование единого профилактического пространства // Менеджер здравоохранения. № 4. С. 6–13.
- Шабунова А.А. (2010). Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 408 с.

- Шабунова А.А. (2011). Общественное здоровье и его измерение // Социологический альманах. № 2. С. 173–181.
- Юрьев В.К. (1993). Здоровье населения и методы его изучения. СПб. 144 с.
- Bickley S.J., Torgler B. (2021). A systematic approach to public health – Novel application of the human factors analysis and classification system to public health and COVID-19. *Safety Science*, 140, 105312. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105312
- Hobbs M., Moltchanova E., Wicks C. (2021). Investigating the environmental, behavioural, and sociodemographic determinants of attendance at a citywide public health physical activity intervention: Longitudinal evidence over one year from 185,245 visits. *Preventive Medicine*, 143. DOI: 10.1016/j.ypmed.2020.106334
- Kowall B. et al. (2021). Excess mortality due to Covid-19? A comparison of total mortality in 2020 with total mortality in 2016 to 2019 in Germany, Sweden and Spain. *PLOS ONE*, 16. DOI: 10.1371/journal.pone.0255540
- Liang R., Kiang M. V. (2023). Associations between county-level public health expenditures and community health planning activities with COVID-19 incidence and mortality. *Preventive Medicine Reports*, 36, 1–8.
- Omran A.R. (1971). The epidemiologic transition: A theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*, 49 (4), 509–538.
- Schenck A.P., Suttie J., Orton S. et al. (2023). The emerging leaders in public health initiative: Leadership development to advance public health practice. *Journal of Public Health Management and Practice*, 29(6), 802–809. DOI: 10.1097/PHH.0000000000001768
- Vanella P., Basellini U., Lange B. (2021). Assessing excess mortality in times of pandemics based on principal component analysis of weekly mortality data – the case of COVID-19. *Genus*, 77. DOI: 10.1186/s41118-021-00123-9
- Wong B.L.H., Maaß L., Vodden A. (2022). The dawn of digital public health in Europe: Implications for public health policy and practice. *The Lancet Regional Health – Europe*, 14, March, 100316. DOI: 10.1016/j.lanepe.2022.100316
- Yeager V.A., Burns A.B., Lang B. (2023). What are public health agencies planning for workforce development? A content analysis of workforce development plans of accredited public health departments. *Journal of Public Health Management and Practice*, 29(6), 762–774. DOI: 10.1097/PHH.0000000000001805

Сведения об авторах

Олег Александрович Кувшинников – Губернатор Вологодской области, Правительство Вологодской области (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Герцена, д. 2)

Сергей Игоревич Рыбальченко – кандидат экономических наук, генеральный директор, АНО «Институт научно-общественной экспертизы»; председатель, Комиссия Общественной палаты РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей (125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 7, стр. 1)

Татьяна Евгеньевна Шестакова – кандидат психологических наук, исполнительный директор, Ассоциация по улучшению состояния здоровья и качества жизни населения «Здоровые города, районы и посёлки» (162608, Российская Федерация, Вологодская область, г. Череповец, пр. Строителей, д. 4а, оф. 406, 407; e-mail: zdorovyegoroda@gmail.com); член Общественного совета при Министерстве здравоохранения Российской Федерации

Kuvshinnikov O.A., Rybalchenko S.I., Shestakova T.E.

Public Health Promotion as a Priority for Regional Governmental Policy

Abstract. The article reveals aspects of public health management at the regional and municipal levels. This is an urgent task due to the high potential of the regulatory impact of these levels of government on people's well-being. The aim of the work is to substantiate our own approach to understanding public health management at the regional (and municipal) level and put forward a tool for assessing

managerial influence. We review scientific literature on public health issues, as well as regional and municipal strategic and program documents in the field of preserving and strengthening public health. We also systematize the components of public health management in strategic planning and project management at the regional and municipal levels (on the example of the Vologda Oblast) and consider individual tools for promoting public health. In order to assess the effectiveness of development of municipal programs related to public health promotion, we work out a public health and well-being index and test it in two variations: to be used at the regional and municipal levels of government; this constitutes the scientific novelty of our study. We reveal key problems in assessing public health management and propose recommendations on their solution and improvement of methodological and informational tools.

Key words: public health, national projects, center for public health and prevention, project management, health and well-being index.

Information about the Authors

Oleg A. Kuvshinnikov – Vologda Oblast Governor, Vologda Oblast Government (2, Herzen Street, Vologda, 160000, Russian Federation)

Sergei I. Rybalchenko – Candidate of Sciences (Economics), director general, Autonomous Nonprofit Organization “Institute for Scientific and Public Expertise”; Chairperson, Civic Chamber Commission on Demography and the Protection of Family, Children and Traditional Family Values (7, Miuskaya Square, building 1, Moscow, 125993, Russian Federation)

Tatyana E. Shestakova – Candidate of Sciences (Psychology), executive director, Association for Improving Public Health and Quality of Life “Healthy Cities, Districts and Towns” (4A, Stroiteley Avenue, office 406, 407, Cherepovets, Vologda Oblast, 162608, Russian Federation; e-mail: zdorovyegoroda@gmail.com); member of the Public Council under the Ministry of Health of the Russian Federation

Статья поступила 06.09.2023.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.3

УДК 338.14+332.142, ББК 65.05

© Голованов О.А., Тырсин А.Н., Васильева Е.В.

Моделирование рисков экономической безопасности регионов России в условиях санкционного давления

Олег Александрович

ГОЛОВАНОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: golovanov.oa@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-9977-6954; ResearcherID: IUP-4295-2023

Александр Николаевич

ТЫРСИН

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-2660-1221; ResearcherID: T-5975-2017

Елена Витальевна

ВАСИЛЬЕВА

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: vasileva.ev@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Для цитирования: Голованов О.А., Тырсин А.Н., Васильева Е.В. (2023). Моделирование рисков экономической безопасности регионов России в условиях санкционного давления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 49–65. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.3

For citation: Golovanov O.A., Tyrsin A.N., Vasileva E.V. (2023). Modeling economic security risks for Russian regions in the context of sanctions pressure. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 49–65. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.3

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения экономической безопасности России в условиях усиливающегося санкционного давления. Для оценки и анализа возникающих рисков в статье предложена многофакторная модель, рассматривающая экономическую безопасность регионов России как сложную многомерную систему, на которую влияют различного рода взаимосвязанные факторы риска. Использован перечень показателей мониторинга и оценки экономической безопасности России, утвержденных Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. С целью моделирования рисков были установлены двухуровневые пороговые значения («мягкие» и «жесткие») показателей на основе экспертной оценки. Информационной базой исследования являются статистические данные Федеральной службы государственной статистики по России, а также данные в разрезе субъектов Уральского федерального округа по месяцам за период с января 2016 года по март 2023 года. Согласно результатам расчетов, ужесточение санкций недружественных стран негативно повлияло на обеспечение экономической безопасности как России в целом, так и отдельных субъектов Уральского федерального округа. В рамках анализируемого периода создаваемые риски значительно ниже в сравнении с последствиями пандемии COVID-19 и имеют тенденцию к сокращению. Региональный анализ свидетельствует, что наиболее значимым фактором риска выступает состояние сельского хозяйства, на которое оказали существенное влияние введенные карантинные и санкционные ограничения. Моделирование рисков экономической безопасности регионов России на основе предложенного подхода в динамике позволит в оперативном режиме оценивать текущую ситуацию и своевременно формировать управленческие рекомендации при снижении экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, риск-анализ, вероятность неблагоприятного исхода, кризис, страна, регион, санкции, пандемия.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения РАН.

Введение

Начиная с 2014 года усиливается санкционное давление недружественных стран на российскую экономику, заключающееся в финансовых, торгово-экономических и иных ограничениях. Согласно Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года, использование таких дискриминационных мер относится к основным вызовам и угрозам, поэтому в условиях обострения геополитических противоречий со странами Запада особую актуальность приобретает выработка комплекса мер по нейтрализации возникающих рисков. По этой причине риски экономической безопасности нуждаются в исследовании, причем в региональном разрезе, учитывая значительную неоднородность субъектов РФ и особенности последствий санкционных ограничений для них.

Несмотря на достаточно длительный срок действия санкций, как справедливо отмечают Е.Т. Гурвич и И.В. Прилепский (Гурвич, Прилепский, 2016), нет единого мнения о масштабах последствий санкций для российской эконо-

номики не только на количественном уровне, но и на качественном. Более того, результаты опросов и различные расчеты эффектов демонстрируют широкий спектр оценок и зачастую являются противоречивыми. Так, например, в докладе Всемирного банка¹, опубликованном в апреле 2023 года, снижение ВВП России по итогу года прогнозируется лишь на 0,2%, хотя еще в январе прогноз падения составлял 3,3%. Подобные изменения в оценке последствий санкционного давления вполне объяснимы быстроменяющейся международной конъюнктурой, которая вносит свои коррективы. Очевидно, что в настоящее время исследование данной проблемы ограничено слишком большим количеством неизвестных «переменных», поэтому в рамках данной статьи поставлена цель провести

¹ Izvorski I., Lokshin M., Norfleet J.R.R. et al. (2023). Europe and Central Asia Economic Update, Spring 2023: Weak Growth, High Inflation, and a Cost-of-Living Crisis. The World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1982-7

моделирование рисков экономической безопасности регионов России в условиях санкционного давления.

Цель работы — описание модели многофакторного риска применительно к задачам мониторинга на примере оценки экономической безопасности регионов Уральского федерального округа (УрФО) в условиях санкционного давления.

Обзор литературы

Для рассмотрения рисков экономической безопасности территории в научной литературе используются как качественные, так и количественные методы оценки, имеющие свои преимущества и ограничения. С одной стороны, математические методы, применяющиеся для анализа неопределенностей, требуют значительного массива данных, которым не всегда располагают исследователи (Сошникова и др., 1999; Aven, 2019). С другой стороны, методы качественного анализа (метод экспертных оценок, SWOT-анализ, ABC-анализ и др.) для исследования социально-экономических систем допускают некий субъективизм (Васильев и др., 2015; Ильенкова, 2016; Каранина, Максимова, 2022; Benzaghta et al., 2021; Ginevicius et al., 2022). Также следует отметить экспертно-статистический байесовский подход, применяемый для сценарного прогнозирования развития территорий (Bryant, Zhang, 2016; Graziani, 2020).

В связи с этим, как справедливо отмечают ученые (Митяков, 2019; Лобкова, 2022), наиболее распространенным подходом к оценке рисков экономической безопасности является измерение отклонений отдельных показателей от установленных их пороговых значений. В зависимости от степени этого отклонения определяют различные уровни (зоны) риска. Так, например, В.К. Сенчагов и С.Н. Митяков (Сенчагов, Митяков, 2011) используют зонную теорию для ранжирования нормированных индикаторов по пяти зонам риска (катастрофический, критический, значительный, умеренный риск и стабильность). Для оценки рисков экономической безопасности в условиях цифровой трансформации региональной экономики Е.В. Лобкова (Лобкова, 2022) применила теорию нечетких множеств, согласно которой выбранные показатели должны быть рассмотрены как соответствующие или не соответ-

ствующие определенному уровню экономической безопасности и риска с использованием количественных границ. В рамках такого подхода оценка рисков экономической безопасности сводится к количественному определению отдельных опасных исходов без учета вклада каждого фактора многомерной системы, то есть допускается, что они взаимно независимы, и пренебрегается вероятностью их одновременного наступления. Методы адаптивной фильтрации и модели временных рядов обычно используются в задачах прогнозирования риска (Лукашин, 2003; Devianto, Fadhilla, 2015; Liu, Yu, 2022).

Также не учитывают взаимной зависимости факторов риска логико-вероятностные модели риска (Соложенцев, 2006; Сох, 2009). В последние годы стали успешно применяться копулы для моделирования зависимостей в управлении рисками предприятий, финансах, страховании (Cherubini et al., 2004; Joe, 2014). Однако поиск подходящей структуры копулы не является тривиальной задачей и требует больших выборок (Behrendorf et al., 2019), что затруднительно реализовать в задачах анализа риска регионов из-за ограниченности данных.

Следует отметить, что факторы риска в общем случае выступают взаимно зависимыми и могут появляться одновременно, что приводит к росту последствий от их возникновения. Поэтому анализ экономической безопасности таких сложных многомерных стохастических систем, как экономическая безопасность регионов России, в условиях ограниченности данных и взаимосвязи факторов риска становится актуальной научной проблемой, а ее решение имеет теоретическую и практическую значимость.

Многофакторная модель анализа риска

Для анализа социально-экономической стабильности сложной многомерной системы воспользуемся моделью многомерного риска (Тырсин, Сурина, 2017). Определим группу наиболее информативных факторов риска $X_1, X_2, \dots, X_m$ в достаточной мере описывающих возмущения системы, связанные с внешними и внутренними факторами. Таким образом, получим представление системы в виде случайного вектора $\mathbf{X} = (X_1, X_2, \dots, X_m)$ с некоторой плотностью вероятности $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x})$, компоненты которого являются факторами риска.

На основе априорной информации выделим геометрические области неблагоприятных исходов, границы которых будут базироваться на пороговых значениях показателей, полученных путем экспертной оценки, и наилучших в смысле безопасности значениях θ_j , $j = 1, 2, \dots, m$. В случае отсутствия априорной информации о θ_j считаем их равными математическим ожиданиям $\mu_j = M[X_j]$ соответствующих показателей X_j , то есть $\theta_j = \mu_j$, $j = 1, 2, \dots, m$. Тогда опасными ситуациями будем считать случаи больших и маловероятных отклонений выборочных значений x_{ij} любой компоненты X_j относительно θ_j и вероятность неблагоприятного исхода каждой из компонент X_j будет определяться как

$$P(D_j) = P(X_j \in D_j) = P(X_j \notin \bar{D}_j),$$

$$\bar{D}_j = \{x: d_j^- < x < d_j^+\},$$

где d_j^-, d_j^+ – заданные на основе экспертных оценок левая и правая границы допустимых значений, ограничивающие область благоприятных исходов. При этом $d_j^- < d_j^+$.

Введем нижний b_j^- и верхний b_j^+ пороговые уровни допустимых отклонений относительно значений θ_j как $b_j^- = \theta_j - d_j^-$ и $b_j^+ = d_j^+ - \theta_j$, при этом соответствующие области благоприятных исходов $\bar{D}_j$ для каждой компоненты X_j будут описываться диапазоном $(\theta_j - b_j^- < x < b_j^+ + \theta_j)$.

Если задана только правая граница допустимых значений d_j^+ , считаем $d_j^- = -\infty$ и $\bar{D}_j = \{x: x < d_j^+\} = \{x: x < b_j^+ + \theta_j\}$, иначе, при определении только левой границы d_j^- , получим $d_j^+ = +\infty$ и $\bar{D}_j = \{x: x > d_j^-\} = \{x: x > \theta_j - b_j^-\}$. Выражение $d_j^- = -\infty$ или $d_j^+ = +\infty$ означает, что значения фактора риска X_j менее или более θ_j являются такими же безопасными, как и $X_j(\theta_j)$.

Далее необходимо обобщить описанные выше определения для учета взаимного влияния компонент на появление неблагоприятных исходов путем их представления в виде многомерной области опасных ситуаций (зоны риска) D . $D = \mathbf{R}^m \setminus \bar{D}$, где $\bar{D}$ – это область благоприятных исходов. Таким образом, оптимальным с геометрической точки зрения представлением области допустимых значений $\bar{D}$ будет m -осный эллипсоид следующего вида:

$$\bar{D} = \left\{ \mathbf{x} = (x_1, x_2, \dots, x_m): \sum_{j=1}^m \frac{(x_j - \theta_j')^2}{b_j^2} < 1 \right\}$$

с центром в точке $\theta' = (\theta_1', \theta_2', \dots, \theta_m')$, причем $\forall j = 1, 2, \dots, m$.

$$\theta_j' = \begin{cases} \theta_j, & d_j^- = -\infty \vee d_j^+ = +\infty, \\ (d_j^- + d_j^+)/2, & d_j^- > -\infty \wedge d_j^+ < +\infty, \end{cases}$$

$$b_j = \begin{cases} (b_j^- + b_j^+)/2, & d_j^- > -\infty \wedge d_j^+ < +\infty, \\ b_j^-, & d_j^+ = +\infty, \\ b_j^+, & d_j^- = -\infty. \end{cases}$$

Тогда для случайного вектора $\mathbf{X}$ вероятность неблагоприятного исхода будет равна

$$P(D) = P(\mathbf{X} \in D),$$

$$D = \left\{ \mathbf{x} = (x_1, x_2, \dots, x_m): \sum_{j=1}^m \frac{(x_j - \theta_j')^2}{b_j^2} \geq 1 \right\}.$$

Следовательно, зона риска D будет представлять собой внешнюю область m -осного эллипсоида, полуоси по каждой из координат которого будут соответствовать одномерному случаю D_j и равны b_j соответственно. Очевидно, когда исход не лежит на одной из осей, то событие $(\mathbf{X} \in D)$ может реализоваться и при отсутствии рисков отклонений по всем компонентам (возможны ситуации $\mathbf{X} \in D$ и $\forall j X_j \notin D_j$).

Для оценки единичного вклада показателя или группы показателей в вероятность $P(D)$ введем

$$P(D^-) = P(D/D_k),$$

$$D^- = \left\{ \mathbf{x}^- = (x_1, \dots, x_{k-1}, x_{k+1}, \dots, x_m): \sum_{j=1}^m \frac{(x_j - \theta_j')^2}{b_j^2} \geq 1 \right\},$$

где D^- – область неблагоприятных исходов после исключения одномерной области D_k , соответствующей фактору риска X_k .

Тогда абсолютное и относительное изменение вероятности неблагоприятного исхода многомерной системы за счет добавления фактора X_k равно

$$\Delta P(D_k) = P(D) - P(D^-),$$

$$\delta P(D_k) = \Delta P(D_k) / P(D^-). \quad (1)$$

Оценка вероятности $P(D)$ основана на использовании метода статистических испытаний Монте-Карло². Суть этой процедуры состоит в

² Михайлов Г.А., Войтишек А.В. (2006). Численное статистическое моделирование. Методы Монте-Карло: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Прикладная математика». Москва: Академия.

следующем. Пусть имеем некоторую выборку данных в виде матрицы $\mathbf{X}_{n \times m}$, которую будем условно называть генеральной совокупностью. Обозначим ее плотность вероятности $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x})$. Мы должны многократно генерировать новые наблюдения $\mathbf{z}_i = (z_{i1}, \dots, z_{im})$ с законом распределения $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x})$. Тогда оценка вероятности $P(D)$ будет равна частоте

$$P(D) = \frac{M}{N},$$

где N – общее количество сгенерированных наблюдений $\mathbf{z}_i$ ($i = 1, \dots, N$), M – количество исходов, когда сгенерированное наблюдение $\mathbf{z}_k \in D$.

Для воспроизведения выборки $\mathbf{X}_{n \times m}$ необходимо знать закон распределения многомерной генеральной совокупности. Будем считать его гауссовым. Во-первых, использование нормального закона распределения опирается на центральную предельную теорему³.

Во-вторых, такая идеализация не столь критична, и если есть какие-либо основания считать, что плотности вероятностей компонент случайного вектора $\mathbf{X}$ имеют более вытянутые хвосты, то это практически не скажется на числе исходов M (для нас важно лишь условие $\mathbf{X} \in D$).

В-третьих, генеральная совокупность в данном случае будет относиться к малым выборкам, что делает невозможным даже приближенное оценивание закона распределения случайного вектора $\mathbf{X}$.

Поэтому будем считать закон распределения $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x})$ гауссовым. Тогда для нахождения его параметров оценим выборочную ковариационную матрицу $\mathbf{\Sigma}_{\mathbf{X}} = (\sigma_{ij})_{m \times m}$ и вектор средних значений $(\bar{X}_1, \dots, \bar{X}_m)$ и будем считать их равными теоретической ковариационной матрице и вектору математических ожиданий соответственно. Генерацию случайного вектора $\mathbf{Z} = (Z_1, \dots, Z_m)$ выполняем следующим образом:

$$z_{ik} = \sum_{j=1}^k a_{kj} U_j + \bar{X}_k, \quad k = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, N,$$

где $U_1, \dots, U_m$ – взаимно независимые, нормально распределенные случайные величины с нулевыми математическими ожиданиями

и единичными дисперсиями. Приравняв $\text{cov}(Z_k, Z_l) = \text{cov}(X_k, X_l) = \sigma_{kl}$ и решив соответствующую систему из m нелинейных уравнений, получим формулы для расчета коэффициентов a_{kj} :

$$a_{kl} = \frac{\sigma_{kl} - \sum_{j=1}^{l-1} a_{lj} a_{kj}}{a_{ll}}, \quad l < k, \quad k = 1, \dots, m,$$

$$a_{kk} = \sqrt{\sigma_{kk} - \sum_{j=1}^{k-1} a_{kj}^2}.$$

Очевидно, что распределения случайных векторов $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Z}$ совпадают, т. е. $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x}) = p_{\mathbf{Z}}(\mathbf{x})$. Поэтому имеем сходимость по вероятности выборочного распределения $p_{\mathbf{Z}}(\mathbf{x})$ сгенерированных модельных данных к распределению $p_{\mathbf{X}}(\mathbf{x})$, и необходимый объем выборки для заданной надежности можно определить с помощью стандартных статистических критериев.

Использование ковариационной матрицы $\mathbf{\Sigma}_{\mathbf{X}}$ для факторов риска позволяет учесть взаимосвязь между ними, что отличает данную математическую модель от известных моделей риск-анализа.

Учеными Института экономики УрО РАН (Куклин и др., 2018) был проведен анализ рисков для благосостояния в регионах Уральского федерального округа по ежегодным данным за 2001–2016 гг. Однако здесь был рассмотрен статистический вариант риск-анализа. Представляет интерес перенести данный подход на динамический вариант, который позволит проводить текущий мониторинг риска по ежемесячным или ежеквартальным значениям социально-экономических показателей, в оперативном режиме оценивать текущую ситуацию и своевременно формировать управленческие рекомендации при снижении экономической безопасности в регионах.

Данные оценки

Информационной базой исследования рисков экономической безопасности являются статистические данные Федеральной службы государственной статистики в разрезе субъектов РФ по месяцам с января 2016 года по март 2023 года. Выбор промежутка времени обусловлен наличием нескольких кризисных периодов и позволит увидеть емкую картину проявления нестабильности исследуемых систем. В *таблице 1* представлен перечень

³ Гнеденко Б.В. (2005). Курс теории вероятностей: учеб. для студентов мат. специальностей ун-тов. 8-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во УРСС. 446 с.

Таблица 1. Показатели экономической безопасности региона и их пороговые значения

Обозначение	Показатель, единица измерения	Пороговое значение	
		«Мягкое»	«Жесткое»
X_1	Индекс промышленного производства, % к соответствующему месяцу предыдущего года	не менее 89	не менее 85
X_2	Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», % к соответствующему месяцу предыдущего года	не менее 86	не менее 80
X_3	Оборот розничной торговли, в сопоставимых ценах, % к соответствующему месяцу предыдущего года	не менее 90	не менее 85
X_4	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, % к соответствующему месяцу с учетом инфляции*	не менее 96	не менее 95
X_5	Уровень регистрируемой безработицы, процент	не более 4,6	не более 6,0
X_6	Индекс производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года**	не менее 93	не менее 90
X_7	Объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования, по полному кругу хозяйствующих субъектов, в сопоставимых ценах, % к соответствующему периоду предыдущего года**	не менее 86	не менее 85
X_8	Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», % к соответствующему месяцу предыдущего года	не менее 85	не менее 80

* Пересчитан с учетом индекса потребительских цен.
 ** Интерполирован по квартальным данным.
 Источник: составлено авторами.

показателей, используемых для моделирования рисков, составленный на основе показателей мониторинга и оценки экономической безопасности России, утвержденных Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Для обеспечения устойчивости оценивания ковариационной матрицы число рассматриваемых факторов риска было ограничено восемью, влияние которых на экономическую безопасность оказалось наиболее существенным. Отметим, что в научной литературе (Серебрянников и др., 2018; Павлов, 2019; Анисимов, 2022) состав утвержденных показателей подвергается критике, обосновываются предложения по его уточнению. Например, отдельные показатели в большей степени характеризуют благосостояние, поступательное развитие, а не риски. Тем не менее, для целей нашего исследования применение его сокращенного варианта (8 из 40 показателей) оправдано двумя причинами:

- наличие достаточно тесной корреляции между многими социально-экономическими индикаторами, поэтому риск-анализ по выделенной части показателей в целом позволяет адекватно оценить экономическую безопасность;
- на региональном уровне некоторые показатели из перечня недоступны, а часть публикуется не оперативно.

Хотя санкционное давление существенно отразилось на таких сферах, как строительство, инвестиции и добыча полезных ископаемых, при анализе рисков экономической безопасности в региональном разрезе показатели, характеризующие ситуацию в этих сферах (X_2 , X_7 и X_8), не были рассмотрены, что связано с несколькими причинами. Во-первых, их помесечная динамика не является репрезентативной, более точную картину отражают годовые значения показателей, поскольку реализация различных проектов в российских регионах производится не на регулярной основе, а по мере востребования. В этом плане достаточно устойчивая картина наблюдается по среднероссийским значениям. Во-вторых, для отдельных регионов могут быть условно допустимы и приемлемы невысокие значения и динамика по показателям строительства, инвестиций и добычи полезных ископаемых. «Провалы» в этих сферах ниже порогового значения для региона не всегда могут означать наступление рисков, в то же время с позиции обеспечения экономической безопасности на уровне страны, вероятнее, выступают индикатором ухудшения состояния. В-третьих, регионы являются частью страны как системы, и с учетом разделения труда, разных климатических, географических, природных и иных условий для

каждого региона часть показателей мониторинга экономической безопасности оказывается несущественной.

Предложенная модель многофакторного риска позволяет варьировать используемые факторы риска, поэтому в зависимости от задач исследования представленный в таблице 1 перечень показателей может быть изменен.

Отдельной методологической задачей исследования является определение пороговых значений показателей экономической безопасности. Для ее решения сложилось два подхода к содержанию категории «порог». Первый подход заключается в толковании порога как целевого приемлемого значения, примерами его использования являются Стратегия экономической безопасности РФ 1996 г.⁴ и Доктрина продовольственной безопасности РФ 2010 г.⁵; второй подход – как предельного значения показателя, широко используемого в теории экономической безопасности. Данное исследование построено на втором подходе, под пороговым значением понимается количественно определенное значение показателя, превышение которого сигнализирует о переходе экономической безопасности территории в качественно новое состояние.

Для установления порогового значения показателей экономической безопасности применяются различные методы: методы сравнительного анализа (сравнение с мировым или среднероссийским уровнем) и методы экспертных оценок (Лобкова, 2022). В научной литературе (Криворотов и др., 2019; Локосов, 2021) экспертные оценки выступают наиболее распространенным способом определения пороговых значений. Так, С.Ю. Глазьев и В.В. Локосов величину предельно критических значений устанавливают исходя из результатов специальных исследований, экспертных оценок и математического моделирования (Глазьев, Локосов, 2012). Также этот способ заложен в методоло-

гию определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов, разработанную В.И. Авдийским и В.К. Сенчаговым (Авдийский, Сенчагов, 2014). С.Н. Митяков, Е.С. Митяков и Т.А. Федосеева (Митяков и др., 2020) использовали экспертные оценки и международные сопоставления при выборе пороговых значений. А.Б. Виссарионов и Р.Р. Гумеров (Виссарионов, Гумеров, 2017) недостатком метода экспертных оценок называют то, что каждый индикатор и его предельные значения рассматриваются изолированно от других индикаторов и без учета исторических аналогий. Поэтому в рамках нашего исследования пороговые значения были выбраны путем экспертной оценки, основанной на наиболее ярких кризисных явлениях в России в 1998 и 2009 гг. Кроме того, для более точной оценки рисков экономической безопасности рассмотрена методология, предложенная А.И. Татаркиным и А.А. Куклиным (Татаркин и др., 1997), позволяющая количественно оценить наличие, характер и уровень проявления риска и его динамику с помощью системы пороговых значений: от «мягких» – к более «жестким». Изначально выбранные «мягкие» пороговые значения, базирующиеся на кризисных значениях, в слабой степени отражают неблагоприятные ситуации регионов, поведение факторов рисков в которых более непредсказуемо и хаотично и аналогичный выход за пороговые значения для страны не будет однозначно определять кризисное явление для области. В связи с этим были ужесточены и определены «жесткие» пороговые значения, заданные в зависимости от степени колебания исследуемых факторов риска.

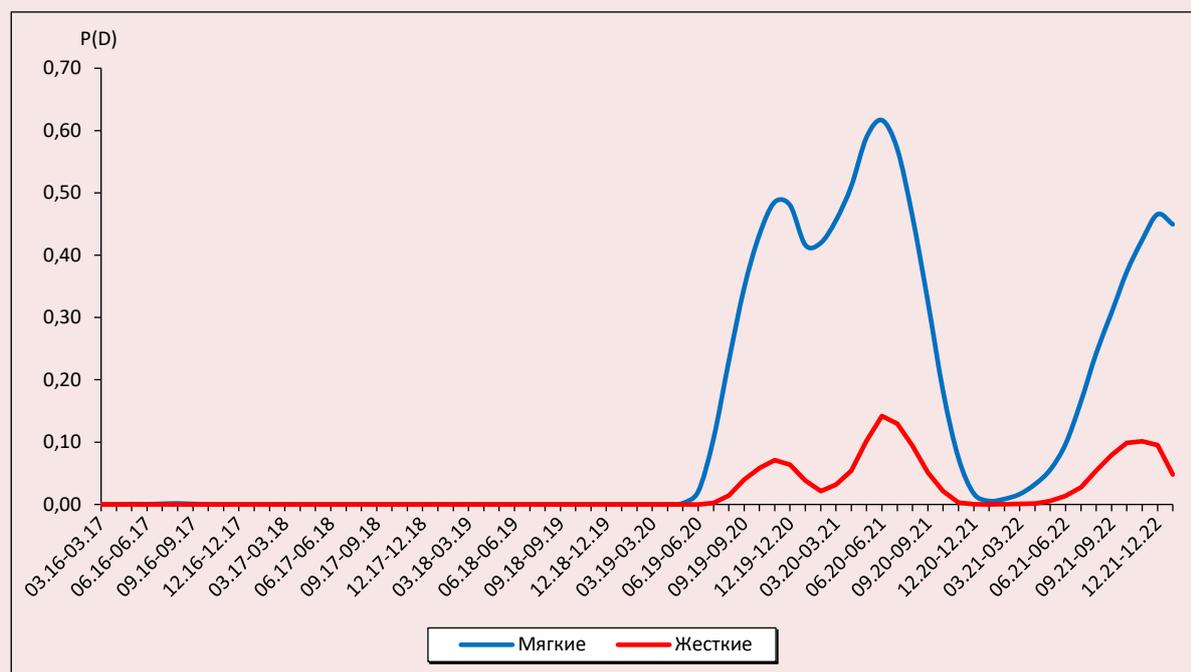
Оценка риска

Для исследования общих тенденций обеспечения экономической безопасности модель анализа рисков была апробирована на данных по России, а для выявления региональной специфики влияния санкционного давления – на данных по субъектам РФ. Модель реализована при помощи языка программирования C++ в среде Microsoft Visual Studio 2019. На *рисунке 1* представлена оценка вероятности попадания показателей экономической безопасности России в зону риска.

⁴ О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): Указ Президента Российской Федерации от 29.04.1996 № 608.

⁵ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 № 120.

Рис. 1. Оценка вероятности попадания показателей экономической безопасности России в зону риска

Источник: составлено авторами.

В связи с тем что исследование производится по ежемесячным данным, явно видны случайные отклонения и сезонные колебания, что может привести к смещению оценки риска. Для исключения влияния подобных выбросов с сохранением характера динамики показателей в анализе были использованы усредненные значения по шестимесячным периодам. Также, учитывая принцип генерации статистических испытаний метода Монте-Карло с применением ковариационной матрицы, в ходе исследования рассматривался период в 12 месяцев с шагом в 1 месяц, выбор которого обусловлен числом показателей в модели.

Таким образом, увеличение вероятности попадания в зону риска на рисунке 1 в точке 06.19-06.20 (в период с июня 2019 г. по июнь 2020 г.) можно интерпретировать как включение в анализ кризисного месяца или первое проявление ухудшения состояния экономической безопасности в июне 2020 года.

Согласно динамике полученной оценки, четко выделяются два периода возрастания рисков экономической безопасности России. Первый период связан с двумя волнами панде-

мии COVID-19 и введением ограничительных мер, второй — с усилением санкционного давления. В рамках анализируемого временного отрезка риски первого периода более значимы для обеспечения экономической безопасности страны. В связи с тем, что «мягкие» пороговые значения основываются на кризисных явлениях годовых показателей Российской Федерации, пики вероятности попадания в зону риска на рисунке 1 для них намного более ярко выражены, чем для «жестких».

Расчеты свидетельствуют, что основными факторами возрастания рисков экономической безопасности России в период пандемии стали спад розничной торговли (X_3), рост безработицы (X_5) и сокращение добычи полезных ископаемых (X_8). Пандемия коронавируса и меры, принятые для ограничения его распространения, привели к существенному сокращению розничного товарооборота в России. Так, по итогу 2020 года индекс физического объема оборота розничной торговли составил 96,8%, причем наиболее серьезный спад отмечен в апреле 2020 года (78,0% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года). В «пандемийный»

период исследователи НИУ ВШЭ (Симачев и др., 2021) выделили несколько этапов кризиса розничной торговли, связанных с введением локдаунов, краткосрочным ажиотажным потребительским спросом, неготовностью к наращиванию онлайн-торговли, снижением платежеспособного спроса.

По итогу 2020 года уровень безработицы в России, рассчитанный по методологии МОТ, составил 5,8%, что является приемлемым значением и демонстрирует успешную нейтрализацию угроз пандемии в сфере занятости населения. В то же время отмечен беспрецедентный рост регистрируемой безработицы, вызванный расширением материальной поддержки безработных через службу занятости и упрощением процедур регистрации граждан в центрах занятости. Если до пандемии в службе занятости регистрировались не более четверти от общего числа безработных, то во втором квартале 2020 года поддержку государства получали уже почти две трети, а в третьем – почти три четверти безработных (Соболева, Соболев, 2021).

Введенные в России ограничительные меры привели к спаду спроса на энергоресурсы и, как следствие, к сокращению добычи углеводородного сырья. Например, в апреле 2020 года производство бензина сократилось на 20,1% по сравнению с апрелем 2019 года, а его продажи на АЗС – на 40–50%⁶. Кроме того, объем добычи полезных ископаемых резко снизился в мае 2020 года после заключения сделки в рамках ОПЕК+ о снижении нефтедобычи⁷.

Во втором «санкционном» периоде выявлены такие факторы возрастания вероятности ухудшения экономической безопасности, как сокращение розничного товарооборота (X_3) и снижение уровня заработной платы (X_4). Хотя

для защиты внутреннего продовольственного рынка и стабилизации цен Правительство РФ ввело ограничения по вывозу ряда товаров из России, за 2022 год в результате проблем с логистикой, изменений потребительского поведения розничный товарооборот в среднем по России сократился на 6,5%. Кризисные явления заметно отразились на рынке труда, но если в период пандемии они сказались на росте безработицы, то в «санкционном» периоде – на падении оплаты труда, что более характерно для российского рынка труда. В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников такой нестандартный режим адаптации рынка труда к шокам разной природы называют «российской моделью», когда ценовая адаптация доминирует над количественной (Гимпельсон, Капелюшников, 2015).

Очевидно, что в зависимости от специализации и социально-экономических особенностей в регионах России последствия санкционного давления для обеспечения экономической безопасности значительно варьируются. Согласно различным классификаторам регионов, в состав Уральского федерального округа входят субъекты РФ, которые относятся к различным типам. По мнению Ю.Г. Лавриковой, УрФО, во-первых, является срединным макрорегионом (занимает срединное положение в России), во-вторых, обладает уникальной территорией, в его структуре есть все типы регионов (Лаврикова, 2017). Так, Курганская и Тюменская области⁸ представляют аграрно-индустриальный тип, Свердловская область – индустриально-торговый, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – энергосырьевой, Челябинская область – индустриальный.

На рисунках 2, 3 отражены расчеты оценки вероятности попадания показателей экономической безопасности субъектов УрФО в зону риска. Поскольку «мягкие» пороговые значения устанавливались исходя из годовых показателей страны, то расчеты, полученные на их основе, в меньшей степени отражают состояние экономической безопасности регионов и, соответственно, хуже описывают вероятность неблагоприятного исхода (см. рис. 2). Результаты оценки с использованием «жестких» пороговых значений (см. рис. 3) исключают отдельные

⁶ Гимади В., Курдин А., Кутузова А., Звягинцева А. [и др.] (2020). Электроэнергетика: Влияние пандемии COVID-19 // Энергетический бюллетень. № 84. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Energo84_may2020.pdf (дата обращения 28.06.2023).

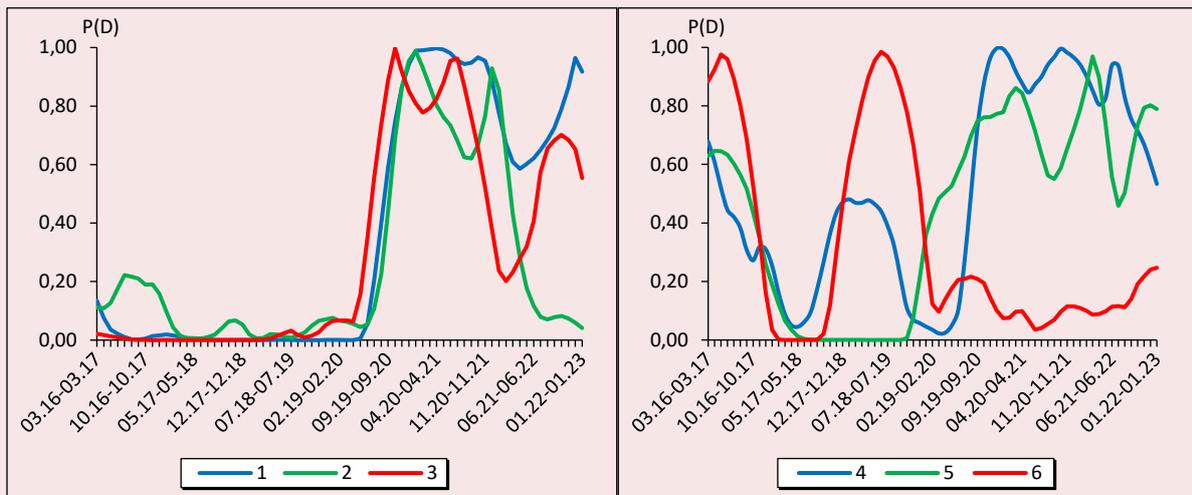
⁷ Акиндинова Н.В., Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. [и др.] (2021). Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики: докл. к XXII Агр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 96 с. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/460914594.pdf> (дата обращения 28.06.2023).

⁸ Здесь и далее: Тюменская область без учета автономных округов.

всплески риска экономической безопасности, которые могут являться реакцией экономики региона на малозначимые возмущения. Поскольку в ходе исследования нами рассматриваются ежемесячные данные (а не ежегод-

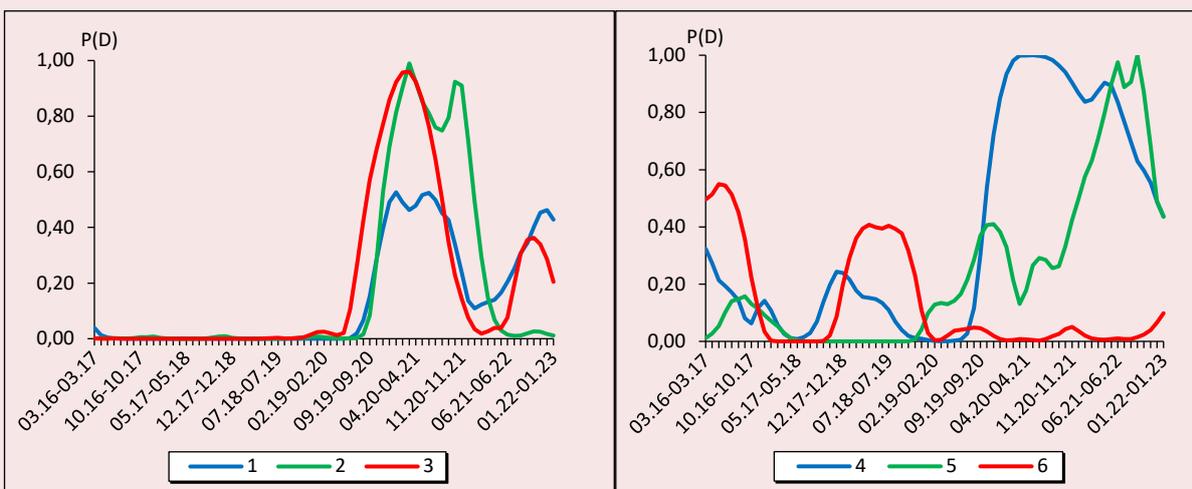
ные), подобные всплески оказывают достаточно сильное влияние на оценку рисков, то в этом случае целесообразно рассматривать в первую очередь оценку с «жесткими» пороговыми значениями.

Рис. 2. Оценка вероятности попадания показателей экономической безопасности субъектов УрФО в зону риска для «мягких» пороговых значений: 1 – Свердловская область, 2 – Челябинская область, 3 – Тюменская область, 4 – Курганская область, 5 – Ханты-Мансийский автономный округ, 6 – Ямало-Ненецкий автономный округ

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Оценка вероятности попадания показателей экономической безопасности субъектов УрФО в зону риска для «жестких» пороговых значений: 1 – Свердловская область, 2 – Челябинская область, 3 – Тюменская область, 4 – Курганская область, 5 – Ханты-Мансийский автономный округ, 6 – Ямало-Ненецкий автономный округ

Источник: составлено авторами.

В результате проведенного анализа видно, что в целом динамика показателей экономической безопасности и факторы повышения рисков по отдельным субъектам округа совпадают. В таблицах 2, 3 приведены сгруппированные факторы, внесшие наибольший вклад в увеличение риска экономической безопасности субъектов округа.

Согласно полученным расчетам на основе «жестких» пороговых значений выделены два явных пика повышенных рисков экономической безопасности в Свердловской и Тюменской областях, связанные с влиянием последствий пандемии и ужесточения санкционного давления. В оба эти периода значимым фактором стало сокращение объемов производства сельского хозяйства (X_6), а в Свердловской области также отмечается спад розничного товарооборота (X_3). Кроме того, в период пандемии наибольший вклад в ухудшение состояния экономической безопасности Свердловской и Тюменской областей внес рост регистрируемой

безработицы (X_5). Если ухудшение динамики показателей розничного товарооборота и безработицы характерно для кризисных периодов в целом российской экономики, то сокращение объемов сельскохозяйственного производства вызвано региональными особенностями. В Свердловской области с III квартала 2020 года по II квартал 2022 года снижались объемы производства сельскохозяйственной продукции. Сначала сократилось производство продукции растениеводства в результате природно-климатических условий, которые привели к уменьшению урожайности зерна, картофеля и овощей (табл. 4), а затем вследствие карантинных и санкционных ограничений произошел спад объемов продукции животноводства (табл. 5), зависящей от импорта оборудования, племенного скота, семенного материала (Кабанова, 2023). Во второй половине 2022 года сельское хозяйство Свердловской области адаптировалось, по итогам года отмечался рост производства продукции сельского хозяйства на 8,9%

Таблица 2. Факторы, внесшие наибольший вклад в повышение риска экономической безопасности Свердловской, Челябинской и Тюменской областей

Субъект УрФО	Кризисный период	
	2020–2021	2022
Свердловская область	(0.23) (0.26) (0.14)	(0.38) (0.19)
Челябинская область	(0.12) (0.1) (0.84)	–
Тюменская область	(0.42) (0.2)	(0.19)

Примечание (здесь и в табл. 3): в скобках указан абсолютный единичный (обособленный, частный) вклад, рассчитанный по формуле (1).
Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Факторы, внесшие наибольший вклад в повышение риска экономической безопасности Курганской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов

Субъект УрФО	Кризисный период		
	2016–2018	2018–2020	2020–2023
Курганская область	(0.1)	(0.1) (0.23) (0.28)	(0.12) (0.65)
Ханты-Мансийский автономный округ	(0.15) (0.16)	(0.3) (0.27)	(0.97)
Ямало-Ненецкий автономный округ		(0.37)	–

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Урожайность зерновых и зернобобовых культур, ц с 1 га убранный площади

Территория	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	26,2	29,2	25,4	26,7	28,6	26,7	33,6
Уральский федеральный округ	16,2	19,2	16,1	16,9	13,8	12,1	21,4
Курганская область	16,3	18,6	16,2	16,9	13,5	11,1	21,9
Свердловская область	17,7	22,5	19,4	22,3	20,9	16,7	27,5
Тюменская область	18,8	23,3	20	22,4	19,9	16,3	26,7
Челябинская область	14,5	16,8	13,4	13	8,6	9,2	16,5
Источник: данные Росстата.							

Таблица 5. Индекс производства продукции животноводства, %

Территория	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	101,6	102,6	101,1	101,9	101,9	100,0	102,4
Уральский федеральный округ	101,3	101,1	101,7	100,5	97,5	97,0	99,2
Курганская область	98,3	97,4	99,5	98,5	100,7	90,1	92,4
Свердловская область	99,9	104,0	100,7	102,5	102,1	96,6	101,7
Ханты-Мансийский автономный округ	101,3	101,7	96,1	98,8	96,7	91,8	86,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	99,3	105,5	96,2	99,0	105,5	120,3	109,1
Тюменская область	98,7	102,4	104,2	104,0	99,6	101,9	99,8
Челябинская область	104,1	99,4	102,0	98,1	92,5	95,3	98,6
Источник: данные Росстата.							

(растениеводства – на 20,6%, животноводства – на 1,7%) в результате реализации «защитных» правительственных мер, рекордного урожая зерновых культур, а также из-за «низкой» базы сравнения. В других субъектах округа в сельском хозяйстве за анализируемый период наблюдалась аналогичная ситуация.

Согласно полученным оценкам, в Челябинской области четко прослеживается рост рисков экономической безопасности только в период пандемии, причем с выделением двух волн. Факторами, оказывавшими влияние на такой рост, стали снижение заработной платы, скорректированной на инфляцию (X_4), объемов сельскохозяйственной производства (X_6) и увеличение регистрации граждан в центрах занятости (X_5). Рынок труда адаптировался к социально-экономической нестабильности как за счет увольнения работников, так и в результате применения неполного рабочего дня, сокращенной рабочей недели. В период усиления антироссийских санкций вероятность ухудшения состояния экономической безопасности области не выявлена.

Результаты оценки вероятности достижения показателями Курганской области «жестких»

пороговых значений свидетельствуют, что с точки зрения обеспечения экономической безопасности среди субъектов УрФО регион в значительной степени подвержен различным рискам. Выявлено три пика повышенных рисков экономической безопасности. Первый пик в Курганской области наблюдался в 2016 году, когда внешний шок в 2014–2016 гг. вызвал в России рецессию (Голяшев и др., 2017). В 2016 году наиболее значимым фактором был продолжающийся спад уровня оплаты труда (X_4). В 2018 году в период стагнации российской экономики (Цухло, 2019) фиксируется второй пик, связанный с ростом регистрируемой безработицы (X_5), сокращением объемов в промышленном производстве (X_1), а именно в производстве пищевых продуктов и готовых металлических изделий, а также в сельском хозяйстве (X_6). В период пандемии (третий пик) основными факторами роста рисков экономической безопасности являлись спад промышленного (X_1) и сельскохозяйственного (X_6) производства. В пределах анализируемого временного отрезка негативного влияния ужесточения санкций недружественных стран на обеспечение экономической безопасности в Курганской области не установлено.

В Ханты-Мансийском автономном округе выявлено несколько периодов увеличения рисков экономической безопасности. Пик первого периода фиксируется в 2016 году, когда девальвация рубля 2014–2015 гг. и введение продовольственного эмбарго привели к экономическому спаду, росту потребительских цен и, соответственно, к снижению доходов населения и потребительского спроса, что выразилось в сокращении оборота розничной торговли (X_3) и уровня заработной платы (X_4) в автономном округе. Второй период начался в 2019 году, негативно отразившись на динамике объемов промышленного (X_1) и сельскохозяйственного (X_6) производства, и усилился в 2021 году (практически единоличный вклад X_6). Поскольку основную долю в обрабатывающем производстве Югры занимает производство по переработке нефти, газа и газового конденсата, то снижение экономической активности в периоды нестабильности отражается в сокращении его объемов. В схожем по специализации Ямало-Ненецком автономном округе такого сокращения не отмечается, поскольку за рассматриваемый период произошло увеличение добычи в результате освоения новых нефтегазоконденсатных месторождений – Новопортовского и Восточно-Мессояхского и выхода на плановую мощность крупнейшего нефтегазового завода «Ямал СПГ» (Колпаков, Сафина, 2020). В целом самые высокие показатели вероятности риска Ямало-Ненецкого автономного округа выявлены в 2016 году с наибольшим влиянием сокращения оборота розничной торговли (X_3) и в 2018 году в результате снижения объемов производства животноводства (X_6). Значимого ухудшения экономической безопасности автономных округов Тюменской области в период усиления антироссийских санкций не выявлено.

Заключение

На экономическую безопасность регионов влияет множество разнообразных факторов риска, которые часто оказываются взаимосвязанными. С целью их оценки и анализа в рамках данного исследования предложена многофакторная модель. Моделирование рисков экономической безопасности регионов России проведено на примере субъектов Уральского

федерального округа. Полученные результаты свидетельствуют о возможности использовать рассмотренную модель многофакторного риска для изучения динамики экономической безопасности регионов России.

Установлено, что если для страны в целом наблюдается достаточно устойчивая картина, выражающаяся в стремлении показателей экономической безопасности находиться в рамках своих пороговых значений, то на региональном уровне ситуация варьируется. Среди субъектов УрФО наиболее подвержены влиянию рисков Курганская область, характеризующаяся низким социально-экономическим потенциалом, и автономные округа Тюменской области, экономика которых существенно зависит от внешнеэкономической конъюнктуры.

Ужесточение санкций недружественных стран оказало негативное влияние на обеспечение экономической безопасности как России в целом, так и отдельных субъектов УрФО. Однако в рамках анализируемого периода создаваемые риски существенно ниже в сравнении с последствиями пандемии COVID-19 и имеют тенденцию к сокращению. Согласно результатам регионального анализа, наиболее значимым фактором выступает состояние сельского хозяйства. В 2022 году именно этот фактор в субъектах округа (за исключением Челябинской области и Ямало-Ненецкого автономного округа, где ухудшение ситуации не выявлено) внес наибольший вклад в повышение риска. Но его влияние спало к концу года благодаря существенным антисанкционным мерам, направленным на поддержку бизнеса и граждан, а также в связи с рекордной урожайностью.

Важно отметить, что полученные результаты моделирования рисков экономической безопасности регионов России могут являться кратковременным следствием проведения антисанкционной политики и не позволяют сделать однозначные выводы о достижении пиковых значений и стремлении системы к стабилизации. Очевидно, что влияние санкционного давления на обеспечение экономической безопасности регионов имеет долгосрочный характер и потребует проведения дальнейших исследований.

Литература

- Авдийский В.И., Сенчагов В.К. (2014). Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Экономика. Налоги. Право. № 4. С. 73–78.
- Анисимов А.Л. (2022). Ограничения эффективности институционализации экономического развития: на примере Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Финансовые рынки и банки. № 3. С. 9–11.
- Васильев В.Л., Устюжина О.Н., Седов С.А. (2015). Риск и экономическая безопасность: взаимосвязь и методология анализа // Казанский экономический вестник. № 3 (17). С. 90–94.
- Виссарионов А.Б., Гумеров Р.Р. (2017). Об использовании предельных (пороговых) значений индикаторов экономической безопасности Российской Федерации // Управленческие науки. Т. 7. № 3. С. 12–20.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2015). Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (26). С. 249–253.
- Глазьев С.Ю., Локосов В.В. (2012). Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. Т. 82. № 7. С. 587–614.
- Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанова А.А., Павлюшина В.А. (2017). Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // Пространственная экономика. № 1. С. 99–124. DOI: 10.14530/se.2017.1.099-124
- Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. (2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35
- Ильенкова Н.Д. (2016). Этапы программы анализа рисков и экономической безопасности // Анализ и современные информационные технологии в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов / РЭУ им. Г.В. Плеханова. М.: Аудитор. С. 171–175.
- Кабанова Е.Е. (2023). Перспективы российского сельскохозяйственного комплекса в условиях санкций // Экономическое развитие России. Т. 30. № 4. С. 44–52.
- Каранина Е.В., Максимова Н.А. (2022). Оценка рисков экономической безопасности промышленных предприятий посредством разработки модели множественной регрессии // Проблемы анализа риска. Т. 19. № 2. С. 30–38. DOI: 10.32686/1812-5220-2022-19-2-30-38
- Колпаков А.Ю., Сафина Э.В. (2020). Оценка затрат нефтедобывающего сектора России для снижения рисков деградации вечной мерзлоты под влиянием изменений климата // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 18. С. 186–200. DOI: 10.47711/2076-318-2020-186-200
- Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С. (2019). Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. Т. 18. № 6. С. 892–910. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.043
- Куклин А.А., Тырсин А.Н., Печеркина М.С., Никулина Н.Л. (2018). Риски для благосостояния в регионах: диагностика и управление (на примере УрФО) // Пространственная экономика. № 2. С. 36–51. DOI: 10.14530/se.2018.2.036-051
- Лаврикова Ю.Г. (2017). Особенности процессов новой индустриализации в Уральском регионе // Неиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона / отв. за выпуск Е.Б. Дворянкина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет. С. 47–74.
- Лобкова Е.В. (2022). Применение теории нечетких множеств в оценке рисков экономической безопасности в условиях цифровой трансформации региональной экономики // Экономические науки. № 208. С. 111–118. DOI: 10.14451/1.208.111
- Локосов В.В. (2021). Оценка социально-экономических рисков методом предельно критических (пороговых) показателей // Народонаселение. Т. 24. № 3. С. 8–17. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.1
- Лукашин Ю.П. (2003). Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов. М.: Финансы и статистика. 416 с.

- Митяков С.Н. (2019). Методы оценки рисков экономической безопасности // Экономическая безопасность. Т. 2. № 1. С. 23–27. DOI: 10.18334/ecsec.2.1.100618
- Митяков С.Н., Митяков Е.С., Федосеева Т.А. (2020). Система индикаторов экономической безопасности муниципалитета как составной элемент многоуровневой системы экономической безопасности // Мир новой экономики. Т. 14. № 4. С. 67–80. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-4-67-80
- Павлов В.И. (2019). Проблемы и противоречия реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Экономическая безопасность. Т. 2. № 1. С. 39–45. DOI: 10.18334/ecsec.2.1.100621
- Сенчагов В.К., Митяков С.Н. (2011). Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. № 5. С. 41–50.
- Серебрянников С.С., Моргунов Е.В., Мамаев С.М., Шерварли И.А. (2018). О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 41. С. 20–28. DOI: 10.17223/19988648/41/1
- Симачев Ю.В., Федонина А.А., Ершова Н.В., Мисихина С.Г. (2021). Российская розничная торговля до, во время и после коронакризиса // ЭКО. № 5 (563). С. 29–52.
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2021). Открытая и латентная безработица в условиях пандемии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.11
- Соложенцев Е.Д. (2006). Сценарное логико-вероятностное управление риском в бизнесе и технике. 2-е изд. СПб.: Бизнес-пресса. 560 с.
- Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шефер М. (1999). Многомерный статистический анализ в экономике. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 598 с.
- Татаркин А.И., Куклин А.А., Романова О.А. [и др.] (1997). Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та. 237 с.
- Тырсин А.Н., Сурина А.А. (2017). Моделирование риска в многомерных стохастических системах // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. № 39. С. 65–72. DOI: 10.17223/19988605/39/9
- Цухло С.В. (2019). Российская промышленность в 2018 г.: стагнация, но не кризис // Экономическое развитие России. Т. 26. № 2. С. 45–48.
- Aven T. (2019). *The Science of Risk Analysis: Foundation and Practice*. Routledge. DOI: 10.4324/9780429029189
- Behrendorf J., Broggi M., Beer M. (2019). Reliability analysis of networks interconnected with copulas. *ASCE-ASME. Journal of Risk and Uncertainty in Engineering Systems, Part B Mechanical Engineering*, 5, 041006-9. DOI: 10.1115/1.4044043
- Benzaghta M.A., Elwalda A., Mousa M.M. et al. (2021). SWOT analysis applications: An integrative literature review. *Journal of Global Business Insights*, 6(1), 54–72. DOI: 10.5038/2640-6489.6.1.1148
- Bryant J., Zhang J.L. (2016). Bayesian forecasting of demographic rates for small areas: Emigration rates by age, sex, and region in New Zealand, 2014–2038. *Statistica Sinica*, 26, 1337–1363. DOI: 10.5705/ss.2014.200t
- Cherubini U., Luciano E., Vecchiato W. (2004). *Copula Methods in Finance*. Chichester, UK: Wiley.
- Cox L.A. Jr. (2009). *Risk Analysis of Complex and Uncertain Systems*. Springer.
- Devianto M.D., Fadhilla D.R. (2015). Time series modeling for risk of stock price with value at risk computation. *Applied Mathematical Sciences*, 9(56), 2779–2787. DOI: 10.12988/ams.2015.52144
- Ginevicius R., Gedvilaite D., Stasiukynas A., Suhajda K. (2022). Complex expert assessment of the state of business enterprises. *Acta Polytechnica Hungarica*, 19(2), 135–150. DOI: 10.12700/APH.19.2.2022.2.8
- Graziani R. (2020). Stochastic population forecasting: A Bayesian approach based on evaluation by experts. In: Mazzuco S., Keilman N. (Eds.). *Developments in Demographic Forecasting. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, 49, 21–42. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-42472-5_2
- Joe H. (2014). *Dependence Modeling with Copulas*. New York: Chapman and Hall/CRC.
- Liu T., Yu Z. (2022). The analysis of financial market risk based on machine learning and particle swarm optimization algorithm. *EURASIP Journal on Wireless Communications and Networking*, 31. DOI: 10.1186/s13638-022-02117-3

Сведения об авторах

Олег Александрович Голованов — младший научный сотрудник, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: golovanov.oa@uiec.ru)

Александр Николаевич Тырсин — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и механики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ведущий научный сотрудник, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru)

Елена Витальевна Васильева — кандидат экономических наук, руководитель центра, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Golovanov O.A., Tyrsin A.N., Vasilyeva E.V.

Modeling Economic Security Risks for Russian Regions in the Context of Sanctions Pressure

Abstract. The article investigates the problem of ensuring Russia's economic security in the conditions of increasing sanctions pressure. In order to assess and analyze emerging risks, we propose a multifactorial model that considers the economic security of Russian regions as a complex multidimensional system influenced by various interrelated risk factors. We use a list of indicators for monitoring and assessing Russia's economic security, approved by Presidential Decree 208, dated May 13, 2017. For the purpose of risk modeling, we establish two-level threshold values ("soft" and "hard") of indicators based on expert assessment. The information base of the study includes data of the Federal State Statistics Service for Russia, as well as data in the context of constituent entities of the Ural Federal District by month for the period from January 2016 to March 2023. According to the calculation results, the aggravation of sanctions imposed by unfriendly countries has negatively affected the economic security of Russia as a whole and that of constituent entities of the Ural Federal District. Within the analyzed period, the risks created are significantly lower in comparison with the consequences of the COVID-19 pandemic, and they tend to decrease. Regional analysis shows that the most significant risk factor is the condition of agriculture, which has been significantly affected by the quarantine and sanctions restrictions imposed. Modeling economic security risks for Russian regions on the basis of the proposed approach in dynamics will help to promptly assess the current situation and put forward management recommendations in a timely manner, when economic security is compromised.

Key words: economic security, risk analysis, probability of an unfavorable outcome, crisis, country, region, sanctions, pandemic.

Information about the Authors

Oleg A. Golovanov — Junior Researcher, Center for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: golovanov.oa@uiec.ru)

Aleksandr N. Tyrsin — Doctor of Sciences (Engineering), Professor, professor of the applied mathematics and mechanics department, Ural Federal University named after the First President of Russia

B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation), Leading Researcher, Center for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru)

Elena V. Vasilyeva – Candidate of Sciences (Economics), head of center, Center for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vasileva.ev@uiec.ru)

Статья поступила 04.07.2023.

Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты

Айсылу Гарифулловна

АТАЕВА

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация

e-mail: Ice_lu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2835-0147; ResearcherID: O-4507-2015

Владимир Владимирович

ОРЕШНИКОВ

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Уфа, Российская Федерация

e-mail: VOresh@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5779-4946; ResearcherID: O-4512-2015

Аннотация. В современных исследованиях имеется большое количество разных подходов к оценке уровня социально-экономического развития территорий, реже встречаются отдельные методики оценки экономического и еще реже – социального развития территорий. Предложен авторский подход к оценке уровня социального развития в регионах Российской Федерации, рассматривающий в качестве объекта управления социальным развитием территории население (потребитель социальных услуг) и социальную сферу (подсистема оказания услуг). В статье предлагается методика оценки уровня развития территориальной социально-экономической системы, основанная на использовании модифицированной функции благосостояния А. Сена с учетом корректировки на характеристики компонентов объекта управления: качества жизни,

Для цитирования: Атаева А.Г., Орешников В.В. (2023). Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.4

For citation: Ataeva A.G., Oreshnikov V.V. (2023). Assessing the level of social development in Russia's regions: Methodological and applied aspects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 66–82. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.4

социальной инфраструктуры и социальных услуг. Определены корректирующие коэффициенты, проведена апробация на данных за 2014–2021 гг. по субъектам Российской Федерации, сформирован рейтинг регионов по уровню и специфике социального развития, выделены четыре группы регионов: «лидеры социального развития», «социально развивающиеся», «социально замедляющиеся» и «социально неразвитые» регионы.

Ключевые слова: социальное развитие, социальное благополучие, уровень жизни, качество жизни, доходы населения, валовой региональный продукт, социальные услуги, социальная инфраструктура, социальная сфера.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда «Моделирование и прогнозирование социального развития региональной системы в условиях трансформации внутренней среды и влияния санкций», проект № 23-28-01722.

Введение

Статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. При этом в российском законодательстве нет официального определения терминов «социальное государство», «социальное развитие», «социальная сфера», «социальная инфраструктура».

Базовые идеи о формировании социального государства как результата исторического прогресса возникли в XVIII–XIX веках (И. Кант, О. Конт, Г. Спенсер и др.). Процесс, в результате которого разум человека подчинял силы природы и совершенствовал общество на пути к справедливости и свободе, характеризовался как социальное развитие. Считалось, что прогресс отдельных людей обуславливал общественный прогресс, а уровень общественного (социального) развития зависел от реализации человеческого потенциала (Спенсер, 2013).

В работах К. Маркса социальное развитие определялось постоянным противоречием между производительными силами и производственными отношениями (Архангельский, 1985), а результат социального развития – прежде всего экономическими факторами.

В более поздних работах прослеживаются гуманистические мотивы социального развития.

В трудах В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Н.А. Рожкова и др. (Андреева, 1995; Белоус, 2010; Митина, 1997; Щербань, 1996) важен не столько сам процесс развития общества в силу экономических и политических причин, сколько его направленность на достижение гармонии человека с природой и обществом как некий идеал развития.

С началом промышленных революций, глобализации, развития общества потребления появляются технократические концепции социального развития. С одной стороны, рост материального производства, облегчение труда приводят к объективному улучшению качества жизни, с другой – возникают новые факторы, влияющие на него: социальная безопасность, необходимость диалога, защита меньшинств, поиск компромиссов и др. (Парсонс, 2004).

В настоящее время одной из глобальных общепринятых концепций выступает концепция устойчивого развития, сформулированная в докладе «Наше общее будущее»². В нем отмечалось, что «отдельные аспекты социального развития (проблемы народонаселения, права человека, связь этих проблем с бедностью, качеством окружающей среды, здоровьем населения и экономическим развитием) оказались наиболее трудными из тех, с которыми пришлось столкнуться при подготовке доклада вследствие различия подходов, а также культурных, религиозных и региональных барьеров».

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/

² Our Common Future. N.Y.: UN, 1987. Рус. пер.: Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989.

Социальное развитие в узком смысле определяется в «Докладе о развитии человека 2010»: «Это процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, свободы на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивого развития на нашей общей планете»³. Развитие рассматривается как процесс, при этом процесс не роста благосостояния, а «расширения свободы» в достижении целей, имеющих индивидуальную ценность для каждого человека. С этой позиции чаще говорят про уровень социального благополучия (*social well-being*) – сложный и многогранный феномен, связанный с целым спектром смежных категорий: уровень жизни, качество жизни, социальное самочувствие, ценности, социальный капитал, социальная политика, общественная безопасность и другие. Содержание понятия «может варьировать в зависимости от дисциплинарной области и предпочитаемого конкретными исследователями теоретического подхода» (Максимов и др., 2020).

В рассмотренных определениях и подходах сложно выявить структурные составляющие социального развития применительно к территориальным социально-экономическим системам (стране, регионам, муниципальным образованиям) для дальнейшей его оценки и принятия соответствующих управленческих решений. Поэтому нами предлагается рассмотреть понятие социального развития с позиции теории управления.

Управленческий подход к оценке уровня социального развития территориальной социально-экономической системы

Управление социальным развитием, основываясь на классическом понятии «управление», представляет собой воздействие субъектов (органы публичной власти разных уровней, хозяйствующие субъекты, организации, учреждения, оказывающие услуги населению, иные общественные организации и учреждения) на объект управления с определенной целью. С точки зрения структурной составляющей, объектами управления социальным развитием

территории являются само население как потребитель социальных услуг и подсистема поставщиков социальных услуг, т. е. социальная сфера (*рис. 1*).

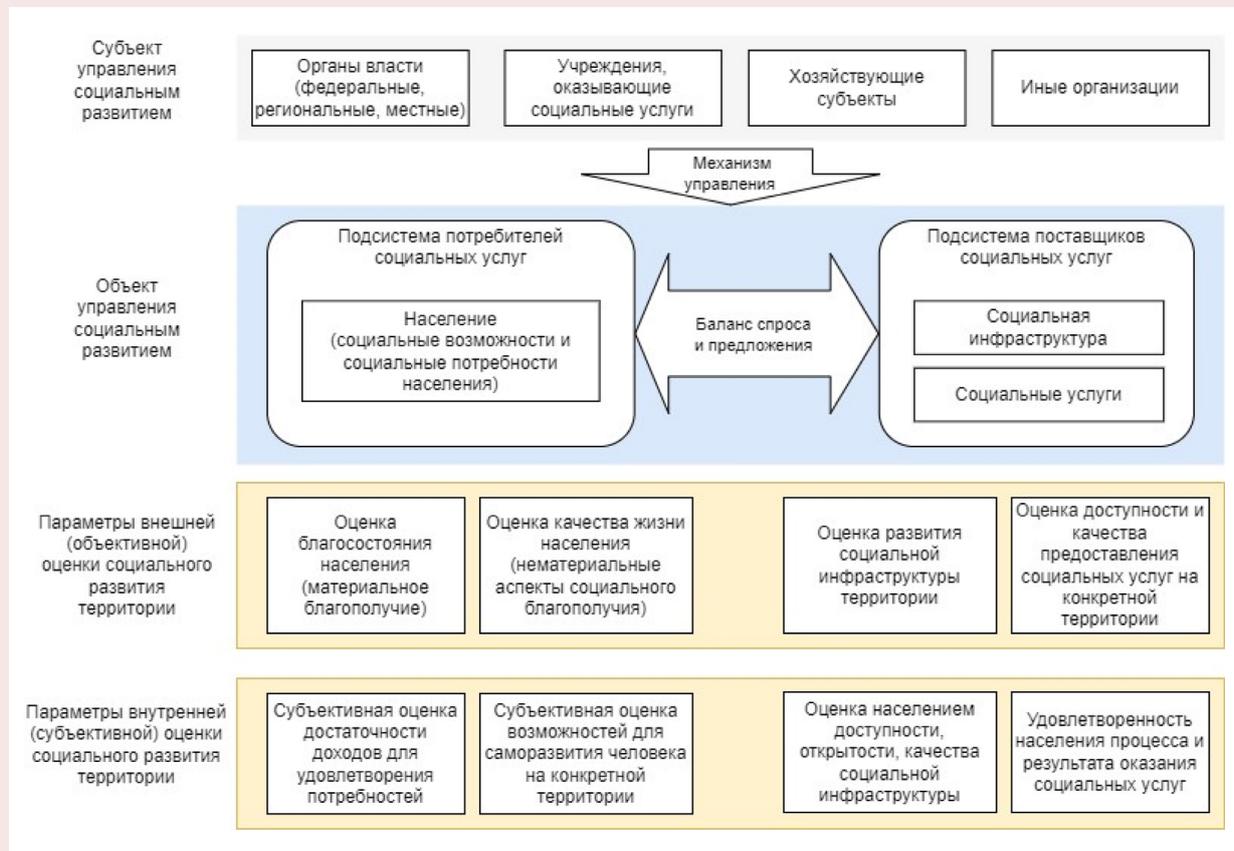
При этом население – не просто общая масса получателей услуг, а совокупность индивидуальных потребителей, отличающихся как характером потребностей (в зависимости от места проживания, пола, возраста, категории и др.), так и возможностями их удовлетворения (возможность оплачивать социальные услуги исходя из своих финансовых возможностей, территориального или иного доступа к услугам и т. д.).

Помимо населения, объектом управления социальным развитием территории является социальная сфера. В нашем понимании социальная сфера включает в себя комплекс социальных услуг (действий по оказанию помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности) и инфраструктуры, обеспечивающей их оказание. Сами услуги можно разделить на услуги, обеспечивающие социально-культурные (здравоохранение, образование, культура, спорт, досуг, социальная защита, ритуальное обеспечение) и общественно-экономические (ЖКХ, бытовое обслуживание, пассажирский транспорт, связь, розничная торговля, общественное питание и др.) потребности.

Главная цель управления социальной сферой – обеспечение доступа населения к социальным услугам в соответствии с индивидуальными потребностями и запросами на конкретной территории. Отдельно можно выделить цели подсистем. Для населения целью, помимо удовлетворения потребности в социальных услугах, является рост социальных возможностей (рост доходов, снижение уровня безработицы, повышение доступности социальных услуг и др.). Цели подсистемы социальной сферы (их условно можно назвать также целями социальной политики) – повышение качества и расширение многообразия социальных услуг, предоставляемых на территории; поддержка необходимого уровня и качества жизни, воспроизводство рабочей силы; создание условий для самореализации граждан, в том числе экономической возможности реализовывать свои навыки и способности; использование потенциала социального сектора для развития экономики.

³ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ.; ПРООН. М.: Весь Мир, 2010. С. 22.

Рис. 1. Объект, субъект и параметры оценки социального развития территориальной социально-экономической системы

Источник: составлено авторами.

В соответствии с этим подходом оценка уровня социального развития территориальной социально-экономической системы складывается из четырех составляющих: материального благополучия / доходов населения; качества жизни населения; социальной инфраструктуры; доступности и качества социальных услуг. Все эти параметры можно оценивать как с объективной точки зрения (на основе формализованных количественных показателей, например региональной статистики), так и с помощью субъективной оценки конкретных индивидов, проживающих на территории. В данном исследовании мы будем рассматривать внешнюю (объективную) оценку уровня социального развития территориальных социально-экономических систем на примере регионов России.

Методические аспекты оценки уровня социального развития региона

В целом при оценке уровня социального развития / благополучия превалирует доходный подход (Graham, 2016), поскольку именно материальное благополучие является ключевым фактором развития социальной сферы и позитивного социального самочувствия.

Помимо очевидных показателей уровня бедности, среднедушевых доходов населения, прожиточного минимума, в качестве показателей материального благополучия, благосостояния используются иные индикаторы социальной уязвимости населения, например сумма доходов, достаточная для пропитания домохозяйства (Christakopoulou et al., 2001), финансирования неожиданных расходов по болезни, смерти, стихийным бедствиям (Terraneo, 2016)

или даже покупки второго дома (Popova, Pishniak, 2017), количество детей, зависящих от пособий по безработице (Leskosek, 2012), ношенные дырявой обуви (Salmond et al., 2006) и др.

Одним из первых оценивать благосостояние населения определенной территории с учетом покупательной способности в виде мультипликативной функции, где величина доходов на душу населения была скорректирована на коэффициент Джини (коэффициент неравенства доходов), предложил А. Сен (Sen, 1976). В работе С.И. Jones, P.J. Klenow эта функция учитывает потребление, неравенство, свободное время и продолжительность жизни (Jones, 2015). В отечественных исследованиях эта модель была адаптирована М.Ю. Малкиной для региональных экономик (формула 1) (Малкина, 2017).

$$S_i = \frac{Y_i}{N_i} \times \frac{D_i}{Y_i} \times \frac{\overline{CI}}{C_i} \times (1 - G_i), \quad (1)$$

где $\frac{Y_i}{N_i}$ – ВРП в расчете на душу населения в i -м регионе; $\frac{D_i}{Y_i}$ – доля доходов населения в ВРП в i -м регионе; $\frac{\overline{CI}}{C_i}$ – индекс, учитывающий уровень цен в i -м регионе (отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в стране к стоимости аналогичного набора в регионе); $(1 - G_i)$ – показатель, учитывающий уровень дифференциации доходов населения в i -м регионе (G_i – внутрирегиональный коэффициент Джини).

В ряде работ эта мультипликативная функция была скорректирована сводным экологическим индексом (Забелина, 2022) и коэффициентом, позволяющим учесть уровень доходов легально работающих граждан, вычисленных по налогу на доходы физических лиц (Глазырина и др., 2020). Некоторые элементы функции заменялись на другие показатели, например коэффициент Джини на индекс Аткинсона, учитывающий убывающую предельную полезность дохода (Atkinson, 1970).

В рамках исследования мы будем использовать модель А. Сена, адаптированную М.Ю. Малкиной для региональных экономик (Малкина, 2017). Однако, с нашей точки зрения, социальное развитие региона не может оцениваться только уровнем материальных доходов населения. Согласно опросам ВЦИОМ, хорошее мате-

риальное состояние находится лишь на шестом месте в рейтинге того, что определяет счастье человека (после наличия семьи; здоровья и жизни своей и близких; общей удовлетворенности жизнью; хорошей работы; наличия детей)⁴.

В связи с этим для оценки уровня социального развития региона предлагается скорректировать модифицированную функцию благосостояния А. Сена с учетом иных компонентов объекта социального управления: качества жизни, социальной инфраструктуры и социальных услуг (формула 2).

$$SD_i = S_i \times I_{\text{КЖ}} \times I_{\text{СИ}} \times I_{\text{СУ}}, \quad (2)$$

где SD_i – уровень социального развития региона (level of social development); S_i – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена; $I_{\text{КЖ}}$ – корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в качестве жизни регионов; $I_{\text{СИ}}$ – коэффициент, учитывающий уровень развития социальной инфраструктуры; $I_{\text{СУ}}$ – корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в доступности социальных услуг.

Корректирующий коэффициент, учитывающий разницу в качестве жизни регионов

Тема оценки качества жизни населения – отдельный самостоятельный пласт исследований как с позиции внутреннего содержания, так и его влияния на социальное и экономическое развитие территорий (Woodhouse, 2006), уровень бедности и др. (Mubangizi, 2003).

Очевидно, что к индикаторам, определяющим качество жизни, относятся в первую очередь показатели, связанные с результатами развития отдельных социальных сфер: здравоохранения, образования, ЖКХ и др. Например, здравоохранение: ожидаемая продолжительность жизни (Murgäs, Klobučnik, 2016; Nissi, Sarra, 2018), средняя продолжительность жизни (Mata, Clara Costa, 2020), уровень смертности (Deas et al., 2003) и др.; образование: охват образованием – среднее количество учащихся в классе (Lee, Huang, 2007), неграмотность (Sirgy, 2011), продолжительность образования (Marchante et al., 2006), каче-

⁴ Индекс счастья: мониторинг. 20 марта 2023 года. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (дата обращения 30.06.2023).

ство школ (Christakopoulou et al., 2001) и др. В бедных странах доступ к качественному здравоохранению и образованию также может зависеть от дохода (Carmourteres et al., 2019).

К этой же категории относятся показатели базового жизнеобеспечения населения: доступ к чистой, горячей и безопасной воде, туалету и санитарным помещениям, улучшение систем канализации и удаления отходов, обеспеченность электроэнергией и др. (Mulenga et al., 2018), а также индикаторы, отражающие степень безопасности жизнедеятельности населения: уровень преступности, экологическая безопасность и др. С точки зрения оценки качества жизни населения в регионах России некоторые из вышеперечисленных показателей не подходят. Например, оценка образовательного потенциала населения регионов с помощью показателей грамотности на современном этапе развития является достаточно спорной.

В нашем исследовании были выбраны пять индикаторов, с учетом доступности в официальной статистике позволяющих в определенной степени отразить качество жизни населения регионов:

1) ожидаемая продолжительности жизни, лет (показатель, на значение которого влияют естественный прирост, заболеваемость, а также доступность услуг здравоохранения и иных социальных услуг);

2) коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения, учитывающий привлекательность территории для трудоспособного населения, формирующего ее будущий человеческий капитал (косвенно отражает комплекс характеристик социальной привлекательности региона);

3) уровень преступности – количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде, ед. на 1000 человек населения (показатель, определяющий безопасность жизни населения);

4) доля населения Российской Федерации, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %;

5) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения. Показатель характеризует формирование в регионе будущего трудового потенциала, аккумулируемого как внутри региона, так и извне.

Коэффициент, учитывающий уровень развития социальной инфраструктуры

Традиционные общедоступные показатели социально-экономического развития по отдельности не отражают качественные характеристики развития социальной инфраструктуры. Например, в регионе с высоким уровнем обеспеченности детей местами в дошкольных образовательных учреждениях может сложиться ситуация, когда сами здания находятся в аварийном состоянии, либо не хватает кадров соответствующей квалификации, либо наблюдается сильная дифференциация доступности детских садов по муниципальным образованиям. Показатели обеспеченности населения торговыми площадями современных форматов, врачами всех специальностей могут ограничиваться факторами территориальной доступности. Поэтому в число показателей развития социальной инфраструктуры был включен «несоциальный» показатель плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, косвенно отражающий инфраструктурную составляющую территориальной доступности. Необходимо учитывать в совокупности несколько показателей, с разных сторон характеризующих социальную инфраструктуру. Состав показателей:

1) численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения (характеризует в целом уровень развития инфраструктуры и доступность услуг здравоохранения);

2) обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, мест на 1000 детей;

3) обеспеченность населения торговыми площадями современных форматов на 1000 человек населения (показатель, характеризующий развитость сферы торговли и услуг населения);

4) плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 км² территории (показатель, непосредственно не относящийся к социальной инфраструктуре, но косвенно характеризующий инфраструктуру, влияющую на доступность социальных услуг и качество жизни населения);

5) доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации (как один из факторов развития системы ЖКХ в регионе, влияющего на качество жизни населения)⁵.

Коэффициент, учитывающий разницу в доступности социальных услуг

В ряде зарубежных исследований доказываются наличие влияния доступности социальных услуг на социальное развитие территории. Результаты свидетельствуют, что жители пригородных и сельских районов в большей степени подвержены влиянию социальных услуг, в особенности пожилые люди и люди с низкими доходами (Tang et al., 2023).

С точки зрения выбора показателей существуют проблемы с наличием статистической базы. Индикаторы оценки качества и удовлетворенности оказанием услуг оцениваются не каждый год, информация по доступности услуг в электронном виде есть только за последние три года. Поэтому косвенно доступность социальных услуг была оценена с помощью следующих показателей:

1) доля населения в возрасте 15–72 лет, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления, в процентах от общей численности населения в данном возрасте соответствующего субъекта Российской Федерации (показатель, характеризующий уровень развития взаимодействия с государством по получению услуг, в том числе социальных);

2) уровень удовлетворенности населения в возрасте 15–72 лет качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг в электронной форме по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, – варианты «полностью удовлетворен» и «удовлетворен»;

3) доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в процентах от общего числа домашних хозяйств в регионе (как фактор доступности получения услуг в электронном виде).

⁵ Жилищные условия: статистическая информация. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 15.06.2023).

Так как выбранные показатели, на основе которых рассчитываются $I_{КЖ}$, $I_{СИ}$, $I_{СУ}$, являются разноразмерными, было осуществлено их нормирование отдельно для «положительно направленных» (ожидаемая продолжительность жизни и др.) и «отрицательно направленных» (уровень преступности):

$$P_i = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}, \quad P_i = \frac{X_{max} - X_i}{X_{max} - X_{min}}, \quad (3)$$

где X_i , X_{max} , X_{min} – фактический, максимальное и минимальное значения по регионам за определенный период.

$I_{КЖ}$, $I_{СИ}$, $I_{СУ}$ определялись как среднеарифметическое между частными показателями. Это позволило нивелировать нулевые значения по ряду регионов, неизбежно возникающие при нормировании.

Исходные данные для расчетов по показателям первой и второй групп получены из отчетов Федеральной службы государственной статистики⁶. Индикаторы третьей группы – по данным выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей⁷. Временной период анализа – с 2014 по 2021 год – период доступности данных выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей.

По всем методикам ввиду отсутствия сопоставимой информации для ряда регионов из расчетов были исключены Республика Крым, г. Севастополь. Архангельская, Тюменская области рассматривались без автономных округов.

Результаты исследования

Модифицированная мультипликативная функция благосостояния населения А. Сена основывается на среднедушевом валовом региональном продукте, скорректированном с учетом уровня жизни населения (табл. 1).

⁶ Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 15.06.2023).

⁷ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения 15.06.2023).

Таблица 1. Значения компонентов модифицированной функции А. Сена по группам регионов в 2021 году

	Y_i / N_i	D_i / Y_i	C_i / C_{ii}	$1-G_i$	S_i
ГРУППА 1. 10 регионов-лидеров					
Ямало-Ненецкий АО	1050,8	0,31	0,83	0,56	153,5
Ненецкий АО	1242,2	0,17	0,83	0,58	100,0
г. Москва	287,5	0,60	0,72	0,58	72,1
г. Санкт-Петербург	135,5	0,71	0,94	0,59	53,7
Республика Саха (Якутия)	162,2	0,60	0,83	0,64	51,7
Чукотский АО	206,1	0,68	0,62	0,59	51,5
Республика Татарстан	118,6	0,60	1,16	0,61	50,6
Сахалинская область	161,6	0,57	0,87	0,60	47,7
Тюменская область без АО	136,9	0,51	1,09	0,62	46,8
Московская область	82,8	1,09	0,93	0,62	51,4
Среднее по группе 1	358,4	0,58	0,88	0,60	67,9
ГРУППА 2. 10 регионов с наихудшими показателями функции благосостояния					
Кировская область	35,3	0,94	1,11	0,67	24,5
Смоленская область	49,9	0,73	1,09	0,62	24,3
Республика Мордовия	52,2	0,59	1,20	0,64	23,6
Ивановская область	21,4	1,54	1,09	0,65	23,1
Алтайский край	37,4	0,90	1,08	0,63	23,0
Чеченская Республика	17,6	1,78	1,09	0,63	21,3
Ульяновская область	38,6	0,76	1,11	0,65	21,1
Еврейская автономная область	40,8	0,81	0,90	0,67	20,0
Курганская область	28,3	0,91	1,11	0,65	18,6
Республика Калмыкия	31,4	0,83	1,06	0,66	18,5
Среднее по группе 2	35,3	0,98	1,08	0,65	21,8
Источник: составлено авторами.					

Лидерами по мультипликативной функции благосостояния (первые 10) являются арктические регионы: Ямало-Ненецкий, Ненецкий, Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия), к ним добавилась Тюменская область; а также Сахалинская область, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Также в этот список вошли развитые Московская область и Республика Татарстан.

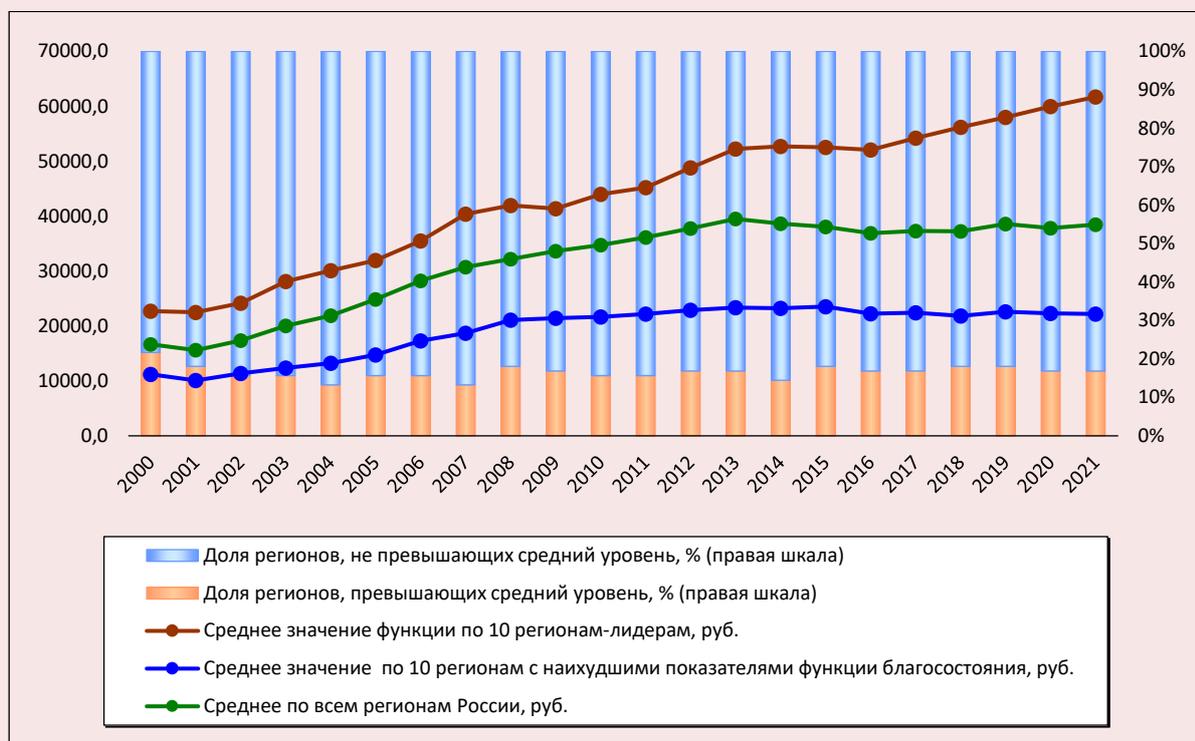
Однако результаты расчетов не отражают в полной мере благосостояние населения этих регионов. В северных и дальневосточных районах на величину заработной платы сильно влияют районные коэффициенты и северные надбавки. При этом высокие значения показателя среднедушевых доходов и заработной платы не являются автоматической «страховкой от бедности». Так, в регионах Российской Арктики, которые оказались в списке лидеров (Республика Саха, Ненецкий и Чукотский автономные округа) уровень бедности превышает предельно критическое значение (9,9, 9,7, 8,8%

соответственно в 2018 году при диапазоне предельно критического значения показателя от 2 до 7%) (Корчак, 2020). Только в Ямало-Ненецком автономном округе уровень бедности находится на верхней границе допустимого диапазона (6,2%). Доля малоимущих домохозяйств в этих регионах составляет более 45,0% (в Ненецком автономном округе – 63,3%). Обеспеченность населения доброкачественной питьевой водой (отвечающей обязательным требованиям безопасности) в арктических регионах не превышала 68% на 2018 год (в Чукотском автономном округе – 49,8%) (Корчак, 2020).

В список отстающих регионов вошли Ивановская, Смоленская, Кировская, Ульяновская, Курганская области, Чечня, Калмыкия и Мордовия, Алтайский край и Еврейская автономная область.

Обращает на себя внимание межрегиональный разрыв между показателями. За 20-летний период более 80% регионов имеют уровень благосостояния по мультипликативной функции

Рис. 2. Изменение среднего значения модифицированной функции А. Сена по группам регионов России за 2000–2021 гг.

Источник: составлено авторами.

А. Сена ниже среднего. Регионы-лидеры развиваются быстрее, чем отстающие регионы (рис. 2).

Кроме того, в целом для Российской Федерации с 2013 года фактически прекращается рост уровня материального благосостояния, в 2021 году этот показатель на 3,5% ниже уровня 2013 года. В Курганской области уровень социального благосостояния снизился на 20,3%, в Алтайском крае – на 13,7%, в Ульяновской области – на 9,8%.

В целом функция благосостояния не отражает социальное развитие региона, так как в ней не учитываются иные компоненты качества жизни населения (продолжительность жизни, здоровье, образование и др.), состояние социальной инфраструктуры региона и доступ к ней населения, в большей степени она показывает лишь средние доходы населения, обусловленные экономическим развитием, частично скорректированные с учетом покупательной способности и степени расслоения общества.

Корректировка на качество жизни населения

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя качества жизни представлены в таблице 2.

Результаты ряда исследований по регионам России, в том числе с учетом временного лага, свидетельствуют о крайне сильном положительном влиянии денежных доходов населения на показатель ожидаемой продолжительности жизни, а также отрицательном влиянии уровня безработицы и уровня жизни (Федотов, 2021). В нашем случае ситуация не такая однозначная: нормированный показатель продолжительности жизни в регионах Северо-Кавказского федерального округа более чем в 2,2 раза выше, чем в Центральном и Северо-Западном. Возможно, частично ситуация искажается тем, что в таблице 2 приведены данные за 2021 год – год распространения коронавирусной инфекции и резкого роста заболеваемости, что повлияло на значение показателя продолжительности жизни. Однако в Республике Дагестан среднее

Таблица 2. Корректировка на отдельные показатели качества жизни населения, 2021 год

Федеральный округ	Si	ПЖ	МП	ПР	ОВ	ЧС	$I_{\text{КЖ}}$	$S_{i_{\text{КЖ}}}$
Центральный	105,4	0,28	0,39	0,61	0,87	0,43	0,52	54,5
Северо-Западный	126,4	0,28	0,40	0,46	0,75	0,29	0,44	55,0
Южный	93,3	0,36	0,33	0,59	0,69	0,45	0,48	45,1
Северо-Кавказский	78,0	0,62	0,28	0,79	0,79	0,34	0,56	44,0
Приволжский	92,7	0,30	0,31	0,59	0,91	0,45	0,51	47,2
Уральский	199,1	0,33	0,36	0,50	0,80	0,31	0,46	92,0
Сибирский	101,8	0,22	0,30	0,38	0,81	0,43	0,43	43,7
Дальневосточный	104,5	0,17	0,32	0,32	0,72	0,29	0,37	38,3
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам								
ЯНАО	1	10	24	30	41	82	53	2
Москва	2	3	34	17	1	1	1	1
Ненецкий АО	3	36	23	74	78	83	78	9
Тюменская область	4	21	8	52	60	14	25	3
ХМАО	5	9	10	25	39	75	30	5
...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Дагестан	79	2	62	3	71	65	9	58
Псковская область	80	73	31	41	54	56	57	75
Республика Марий Эл	81	35	37	18	3	30	20	68
Ивановская область	82	33	26	26	31	32	38	71
Республика Калмыкия	83	12	79	14	83	10	75	80

Обозначения: ПЖ – продолжительность жизни, лет; МП – коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения; ПР – количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде, ед. на 1000 человек населения; ОВ – доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %; ЧС – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения; $I_{\text{КЖ}}$ – корректирующий коэффициент качества жизни населения (среднеарифметическое от ПЖ, МП, ПР, ОВ, ЧС), $S_{i_{\text{КЖ}}}$ – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена, скорректированный на коэффициент качества жизни населения.
Источник: рассчитано авторами.

значение продолжительности жизни сохраняется на уровне 74,5 года в течение 2000–2021 гг., что выше уровня Москвы. В целом в районах Российской Арктики, лидирующих по среднедушевым денежным доходам, продолжительность жизни ниже среднего по России.

Для субъектов Северо-Кавказского федерального округа также характерен низкий уровень преступности, в особенности для Чеченской Республики. В регионе с 2010 года фиксируется самое низкое значение этого показателя – в среднем за 2010–2021 гг. в 5,7 раза ниже, чем по России, причем уровень преступности снизился с 2010 года на 42,8%. Наиболее высокий уровень преступности наблюдается в регионах Дальневосточного федерального округа, в особенности в Забайкальском крае (более чем в 2,0 раза выше среднего по России, за период с 2010 года повысился на 8,1%). В финансово благополучных регионах Российской Арктики показатель уровня преступности также выше среднего по России, в особенности в Ненецком автономном округе.

Сопоставление показателей миграционного прироста и уровня среднедушевых доходов населения также отражает отсутствие явной корреляции. В 2021 году Москва оказалась на 34 месте, тогда как Ивановская область (предпоследнее место по функции благосостояния А. Сена) на 26 месте. Возможно, ситуация искажается годом оценки. Тем не менее, анализ среднего значения показателя миграционного прироста в 2000–2021 гг. явно отражает влияние «центр-периферийных» отношений на показатели миграции. Наибольший миграционный прирост наблюдается в Московской (1 место) и Ленинградской (2 место) областях. Миграционная привлекательность этих регионов связана с территориальной близостью к экономическим, образовательным, культурным центрам России, относительно низкой стоимостью жилья, развитой дорожной и транспортной инфраструктурой.

В методику оценки был включен показатель доли населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного

водоснабжения, отражающий базовые жизненные потребности населения. По данным Росстата, только 56,3% жителей Ненецкого автономного округа имеют доступ централизованному водоснабжению, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и Тюменская область занимают позиции ниже 39 места (хотя считаются «социально развитыми»).

Для оценки уровня развития системы образования в регионах России, формирующей будущий трудовой потенциал населения, в группу корректирующих был включен показатель численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения. Очевидно, что лидерами по этому индикатору являются образовательные центры России: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Томская область. «Богатые» регионы, как правило, выступают реципиентами трудовых ресурсов: в Ямало-Ненецком, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных

округах практически отсутствуют учреждения высшего образования, они занимают 82, 83 и 75 места среди регионов России соответственно.

После корректировки исходного показателя уровня благосостояния по мультипликативной функции А. Сена на показатели качества жизни рейтинг регионов изменился незначительно. Высокая база среднедушевых доходов субъектов Российской Арктики позволила им остаться в десятке лидеров. Однако есть исключения: Ненецкий автономный округ, занимающий 3 место по мультипликативной функции благосостояния А. Сена, по показателю качества жизни занял 78 место. Республика Дагестан, наоборот, вошла в число 10 регионов по качеству жизни.

Корректировка на состояние социальной инфраструктуры

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя уровня развития социальной инфраструктуры представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Корректировка на отдельные показатели развития социальной инфраструктуры, 2021 год

Федеральный округ	Si	ЧВ	ОД	ОТП	ПАД	ЖФ	$I_{СИ}$	$Si_{СИ}$
Центральный	105,4	0,29	0,61	0,46	0,20	0,60	0,43	45,4
Северо-Западный	126,4	0,34	0,74	0,43	0,14	0,53	0,44	55,4
Южный	93,3	0,28	0,49	0,29	0,10	0,55	0,34	32,0
Северо-Кавказский	78,0	0,28	0,27	0,16	0,22	0,70	0,32	25,3
Приволжский	92,7	0,30	0,62	0,52	0,10	0,58	0,43	39,5
Уральский	199,1	0,32	0,62	0,55	0,04	0,64	0,44	86,7
Сибирский	101,8	0,32	0,52	0,47	0,03	0,39	0,35	35,2
Дальневосточный	104,5	0,43	0,63	0,25	0,01	0,42	0,35	36,2
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам								
ЯНАО	1	7	18	49	81–83*	4	11	2
Москва	2	3	78	16	1	6	2	1
Ненецкий АО	3	23	11	76	81–83	60	66	6
Тюменская область	4	12	62	7	59	39	9	5
ХМАО	5	11	34	4	77	10	3	4
...	...	...	...	...	...	...	...	...
Республика Дагестан	79	71	83	83	15	75	83	83
Псковская область	80	81	29	15	28	79	60	72
Республика Марий Эл	81	78	17	73	41	40	68	77
Ивановская область	82	56	9	39	24	43	25	68
Республика Калмыкия	83	38	33	77	62	72	78	81
* Последнее место вместе с Ненецким и Чукотским АО. Обозначения: ЧВ – численность врачей всех специальностей на 10000 человек населения; ОД – обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, мест на 1000 детей; ОТП – обеспеченность населения торговыми площадями современных форматов (отношение торговой площади современных форматов к среднегодовой численности населения, умноженное на 1000 человек); ПАД – плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1000 квадратных км территории; ЖФ – доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации, %; $Si_{СИ}$ – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена. Источник: рассчитано авторами.								

В целом по выделенным показателям ситуация отличается от предыдущей корректировки на качество жизни. Есть отдельные отклонения, вызванные объективными факторами. Например, низкий рейтинг г. Москвы по обеспеченности детей дошкольного возраста местами в детских садах определяется численностью населения города-миллионника. Низкая плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в арктических регионах связана с природно-климатическими условиями, рельефом местности и невысокой плотностью расселения жителей. Ненецкий автономный округ характеризуется низкими значениями показателей обеспеченности населения торговыми площадями современных форматов и низкой долей площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства. По совокупности всех пяти показателей Ненецкий

автономный округ занимает 66 место среди 83 рассматриваемых регионов России.

Из регионов, находящихся в последней пятерке по мультипликативной функции благосостояния А. Сена, только в Ивановской области достаточно высокий уровень развития социальной инфраструктуры (25 место в 2021 году). Все остальные регионы находятся на позициях не выше 60 места.

Однако, учитывая разницу в исходной базе среднедушевых денежных доходов и покупательной способности населения, итоговый результат корректировки значения функции благосостояния значительно не меняется.

Корректировка на доступность и качество социальных услуг

Значения нормированных структурных компонентов корректирующего показателя доступности и качества социальных услуг представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Корректировка на отдельные показатели доступности и качества социальных услуг, 2021 год

Федеральный округ	Si	B	У	И	I _{cy}	Si _{cy}
Центральный	105,4	0,70	0,80	0,33	0,61	64,5
Северо-Западный	126,4	0,65	0,77	0,37	0,60	75,4
Южный	93,3	0,75	0,83	0,61	0,73	67,8
Северо-Кавказский	78,0	0,57	0,65	0,59	0,61	47,3
Приволжский	92,7	0,73	0,79	0,29	0,60	56,1
Уральский	199,1	0,85	0,66	0,51	0,67	134,2
Сибирский	101,8	0,69	0,75	0,39	0,61	62,1
Дальневосточный	104,5	0,51	0,67	0,59	0,59	61,4
Место региона среди 83 субъектов Российской Федерации по отдельным компонентам						
ЯНАО	1	3	5	1	1	1
Москва	2	1	35	4	2	2
Ненецкий АО	3	34	79	35	61	4
Тюменская область	4	30	72	72	69	7
ХМАО	5	8	54	5	4	3
...	...	...	...	...	...	...
Республика Дагестан	79	52	58-59	25	36	69
Псковская область	80	21	57	43	37	70
Республика Марий Эл	81	71	83	83	83	83
Ивановская область	82	10	58-59	70	40	74
Республика Калмыкия	83	42	27	9	11	59

Обозначения: В – доля населения в возрасте 15–72 лет, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления, %; У – уровень удовлетворенности населения в возрасте 15–72 лет качеством предоставленных государственных и муниципальных услуг в электронной форме по субъектам Российской Федерации, %; И – доступ к сети Интернет, % от общего числа домашних хозяйств в регионе; Si_{cy} – показатель материального благосостояния населения региона по модифицированной функции А. Сена, скорректированный на коэффициент качества жизни населения.
 Источник: рассчитано авторами.

Еще более сложным оказался выбор общедоступных индикаторов, характеризующих качество и доступность социальных услуг. В качестве одного из параметров было выбрано само наличие взаимодействия населения с органами власти, косвенно отражающее готовность и результативность отношений, в том числе в формате получения государственных и муниципальных услуг. В Центральном федеральном округе 88,0% населения в возрасте 15–72 лет взаимодействуют с органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе 100% в г. Москве. Тогда как в Дальневосточном федеральном округе этот показатель составляет 68,7%, в том числе в Магаданской области – всего 28,2%.

Примерные пропорции сохраняются по федеральным округам и по показателю удовлетворенности качеством услуг. Однако есть исключения. Если по Тюменской области, Ханты-Мансийскому и Ненецкому автономным округам низкие значения удовлетворенности можно объяснить действительно низким качеством оказания услуг, то в г. Москве низкий рейтинг, скорее всего, связан с более высокими

требованиями местных жителей и более строгой системой отчетности по данному показателю.

Ненецкий автономный округ и Тюменская область также занимают низкие позиции в рейтинге по доле домохозяйств, имеющих доступ в интернет. Этот показатель косвенно отражает один из форматов доступности услуг – возможность населения получать государственные и муниципальные услуги в электронном виде.

В целом выбранные показатели не относятся напрямую к социальным услугам, лишь косвенно отражая их доступность и качество. Корректировка значения базовой мультипликативной функции A . Сена не сильно влияет на итоговый разброс регионов по уровню социального развития.

Таким образом, скорректировав исходный показатель материального благосостояния населения региона по мультипликативной функции A . Сена на интегральные показатели качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности услуг, мы получаем итоговый показатель уровня социального развития регионов России (табл. 5).

Таблица 5. Итоговая корректировка на качество жизни, социальную инфраструктуру и социальные услуги, 2021 год

Федеральный округ	S_i	$I_{кж}$	$I_{си}$	$I_{су}$	SD_i
Центральный	105,4	0,52	0,43	0,61	14,38
Северо-Западный	126,4	0,44	0,44	0,60	14,68
Южный	93,3	0,48	0,34	0,73	11,12
Северо-Кавказский	78,0	0,56	0,32	0,61	8,53
Приволжский	92,7	0,51	0,43	0,60	12,20
Уральский	199,1	0,46	0,44	0,67	27,00
Сибирский	101,8	0,43	0,35	0,61	9,35
Дальневосточный	104,5	0,37	0,35	0,59	7,98
ЯНАО	1	53	11	1	2
Москва	2	1	2	2	1
Ненецкий АО	3	78	66	61	21
Тюменская область	4	25	9	69	6
ХМАО	5	30	3	4	4
...	...	...	...	...	...
Республика Дагестан	79	9	83	36	79
Псковская область	80	57	60	37	66
Республика Марий Эл	81	20	68	83	82
Ивановская область	82	38	25	40	60
Республика Калмыкия	83	75	78	11	77

Обозначения: SD_i – итоговый показатель уровня социального развития региона, основанный на оценке материального благосостояния населения региона с учетом качества жизни, развитости социальной инфраструктуры и социальных услуг.
Источник: рассчитано авторами.

В итоговом показателе социального развития снижаются межтерриториальные различия: если при оценке уровня материального благосостояния населения по модифицированной функции А. Сена доля регионов, имеющих значение ниже среднего, составляла 80%, то с учетом корректировок это значение сократилось до 70%.

Итоговые результаты

Недостаток процедуры нормирования состоит в том, что показатели после приведения в сопоставимый вид не отражают динамику изменения по годам. Можно лишь увидеть ежегодное изменение рейтинга территории в общем списке регионов. Это характеризует лишь ежегодную статистику уровня социального развития.

Для того чтобы увидеть динамику, мы можем сопоставить среднегодовые значения показателя уровня социального развития по каждому из регионов России за анализируемый период и изменение этого показателя в 2021 году в сравнении с 2014 годом. По результатам сопоставления можно выделить четыре группы регионов.

1. Регионы — лидеры социального развития, имеющие среднегодовое значение итогового показателя уровня социального развития (с учетом качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг) в 2014–2021 гг. более 20 тыс. руб. / чел. и прирост показателя за рассматриваемый период от 150,1% и выше. В эту группу входят Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Тюменская область, Республика Татарстан. Их лидерские позиции обеспечиваются прежде всего ресурсным потенциалом и уровнем экономического развития.

2. К социально развивающимся регионам можно отнести группу субъектов, имеющих достаточно низкие среднегодовые значения итогового уровня социального развития (ниже 10 тыс. руб. / чел.), но высокие темы его прироста (от 150,1% и выше): Вологодская, Новгородская области, республики Калмыкия, Дагестан, Чечня, Тыва, Алтайский край, Амурская, Брянская, Ивановская, Калужская области, Республика Адыгея, Краснодарский край, республики Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Оренбургская, Саратовская области, Чукотский АО.

3. К социально замедляющимся регионам (среднегодовые значения итогового уровня социального развития выше 10 тыс. руб. / чел., но прирост показателя за 2014–2021 гг. ниже 20%) можно отнести Красноярский край, Кемеровскую и Липецкую области, имеющие достаточно высокие уровни социального благополучия, но низкий уровень его прироста в сравнении с 2014 годом.

4. К группе социально неразвитых регионов с низким уровнем и динамикой социального развития можно отнести Республику Марий Эл, Забайкальский край, Магаданскую, Костромскую, Курганскую области, Еврейскую АО.

Выводы

В современных отечественных исследованиях имеется большое количество разных рейтингов, методик, подходов к оценке социально-экономического развития территорий. Выбрать определенный набор показателей, провести их нормирование и свертку в интегральный показатель, на выходе получить некий рейтинг — простой, наглядный, как следствие, спекулятивный способ оценки пространственного развития регионов России. Гораздо сложнее разделить эти два направления оценки, выбрать показатели и отдельно оценить уровень социального и экономического развития территориальных систем.

Как свидетельствуют результаты исследования, уровень социального развития территории по большей части определяется через экономические показатели развития (валовой региональный продукт на душу населения), скорректированные на межрегиональные различия в покупательной способности. Примером может служить функция благосостояния населения А. Сена, которую в той или иной вариации широко используют для анализа социальной развитости территорий. На основе расчетов по 83 субъектам Российской Федерации за 2000–2021 гг. нами выявлено, что функция не отражает иные важные факторы социального развития регионов. Например, на арктических территориях с высоким уровнем благосостояния населения остаются нерешенными многие социальные проблемы: бедность, безработица, социальное расслоение, затрудненный доступ к качественным социальным услугам и базовым ресурсам обеспечения жизненных потреб-

ностей человека (питьевая вода и др.). Все это создает существенные риски как для искажения общей картины «социально развитых», «богатых» территорий, так и для принятия стратегических решений по обеспечению долгосрочной социально-экономической стабильности страны в целом.

В связи с этим следует более основательно подходить к формированию методологии, выбору показателей и методики оценки уровня социального развития территорий. Авторы предложили скорректировать модифицированную функцию благосостояния А. Сена с учетом иных компонентов объекта социального управления: качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг. Итоговые расчеты с учетом корректировок по 83 регионам России более адекватно отражают фактические межтерриториальные различия в уровне социального развития. Например, Ненецкий автономный округ, занимающий 3 место по функции благосостоя-

ния А. Сена, после корректировок спустился до 21 места, так как по интегральным показателям оценки качества жизни, социальной инфраструктуры, качества и доступности социальных услуг занимает низкие позиции в рейтинге субъектов Федерации.

Такой подход позволяет оценить уровень развития территории не только с точки зрения доходов населения, но и иных целей социальной политики: улучшения качества и расширения многообразия социальных услуг; повышения качества жизни населения; развития социальной инфраструктуры; использования потенциала социального сектора для развития экономики и др.

Дальнейший анализ полученных результатов и их интерпретация помогут сформулировать рекомендации по учету особенностей каждой из выделенных групп регионов при построении модели социальной составляющей комплексного развития региональной системы и мероприятий по ее развитию.

Литература

- Андреева И.А. (1995). Историческая концепция Н.А. Рожкова. Екатеринбург: Ин-т истор. и археол. Урал. отд-е РАН. 269 с.
- Архангельский Л.М. (1985). Марксистская этика: предмет, структура, основные направления. М.: Мысль. 239 с.
- Белоус А.О. (2010). Философская концепция К.Д. Кавелина // *Философия социальных коммуникаций*. № 1 (10). С. 96–102.
- Глазырина И.П., Забелина И.А., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. (2020). Применение имитационного моделирования в оценках уровней социального благополучия восточных регионов РФ // *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 26. № 6. С. 125–136. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-6-125-136
- Забелина И.А. (2022). Оценка социо-эколого-экономического благополучия регионов востока России с использованием расширенной функции А. Сена // *Экономика региона*. Т. 18. Вып. 2. С. 398–412. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-7
- Корчак Е.А. (2020). Бедность населения как угроза устойчивому развитию российской Арктики // *Арктика и Север*. № 40. С. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.47
- Максимов А.М., Тутьгин А.Г., Малинина К.О. [и др.] (2022). Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9
- Малкина М.Ю. (2017). Социальное благополучие регионов Российской Федерации // *Экономика региона*. Т. 13. № 1. С. 49–62. DOI: doi.org/10.17059/2017-1-5
- Митина И.Д. (1997). Философско-культурологическая концепция П.Н. Милюкова. М.: Изд-во МПГУ. 165 с.
- Парсонс Т. (2004). Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.
- Спенсер Г. (2013). Основания социологии. Данные социологии. Индукция социологии. М.: URSS. 440 с.

- Федотов А.А. (2021). Продолжительность жизни: анализ состояния и поиск воздействующих факторов // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. № 7 (58). С. 131–137. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-7-131-137
- Щербань Н.В. (1996). Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / под общ. ред. члена-корр. РАН А.Н. Сахарова*. М.: Наука. С. 116–119.
- Atkinson A.B. (1970). On the measurement of inequality. *Journal of Economic Theory*, 2(3), 244–263.
- Capmourteres V., Shaw S., Miedema L. et al. (2019). A complex systems framework for the sustainability doughnut. *People Nat.* 1(4), 497–506. DOI: <https://doi.org/10.1002/pan3.10048>
- Christakopoulou S., Dawson J., Gari A. (2001). The community well-being questionnaire: Theoretical context and initial assessment of its reliability and validity. *Soc. Indic. Res.* 56(3), 321–351. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1012478207457>
- Deas I., Robson B., Wong C., Bradford M. (2003). Measuring neighbourhood deprivation: A critique of the index of multiple deprivation. *Environ. Plann. Govern. Policy*, 21(6), 883–903. DOI: <https://doi.org/10.1068/c0240>
- Graham C. (2016). Subjective well-being in economics. In: *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14
- Lee Y.-J., Huang C.-M. (2007). Sustainability index for Taipei. *Environ. Impact Assess. Rev.*, 27(6), 505–521. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2006.12.005>
- Leskosek V. (2012). Social determinants of health: The indicators for measuring the impact of poverty on health. *Zdravstveno Varstvo*. 51(1), 21–32. DOI: <https://doi.org/10.2478/v10152-012-0004-1>
- Marchante A.J., Ortega B., Sanchez J. (2006). The evolution of well-being in Spain (1980–2001): A regional analysis. *Soc. Indic. Res.* 76(2), 283–316. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-005-1097-6>
- Mata M., Clara Costa I.D.C. (2020). Composition of the health inequality index analyzed from the inequalities in mortality and socioeconomic conditions in a Brazilian state capital. *Ciencia Saude Coletiva*, 25(5), 1629–1640. DOI: <https://doi.org/10.1590/1413-81232020255.33312019>
- Mubangizi B.C. (2003). Drawing on social capital for community economic development: Insights from a South African rural community. *Community Development Journal*, 38(2), 140–150.
- Mulenga B.P., Tembo S.T., Richardson R.B. (2018). Electricity access and charcoal consumption among urban households in Zambia. *Dev. South. Afr.* 36(5), 585–599. DOI: <https://doi.org/10.1080/0376835x.2018.1517036>
- Murgäs F., Klobučník M. (2016). Does the quality of a place affect well-being? *Ekologia Bratislava*, 35(3), 224–239. DOI: <https://doi.org/10.1515/eko-2016-0018>
- Nissi E., Sarra A. (2018). A measure of well-being across the Italian urban areas: An integrated DEA-entropy approach. *Soc. Indic. Res.* 136(3), 1183–1209. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1535-7>
- Popova D., Pishniak A. (2017). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia. *Soc. Indic. Res.* 130(3), 883–910. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1231-7>
- Salmond C., Crampton P., King P., Waldegrave C. (2006). NZiDep: a New Zealand index of socioeconomic deprivation for individuals. *Soc. Sci. Med.* 62(6), 1474–1485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.008>
- Sen A. (1976). Real national income. *Review of Economic Studies*, 43(1), 19–39. DOI: doi.org/10.2307/2296597
- Sirgy J.M. (2011). Theoretical perspectives guiding QOL Indicator projects. *Soc. Indic. Res.* 103(1), 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9692-6>
- Tang Zh., Xie M., Chen B. et al. (2023). Do social and ecological indicators have the same effect on the subjective well-being of residents? *Applied Geography*, 157, 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2023.102994>
- Terraneo M. (2016). A longitudinal study of deprivation in European countries. *Int. J. Sociol. Soc. Policy.* 36(5/6), 379–409. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-05-2015-0058>
- Woodhouse A. (2006). Social capital and economic development in regional Australia: A case study. *Journal of Rural Studies*, 22, 83–94.

Сведения об авторах

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Российская Федерация, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Владимир Владимирович Орешников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук (450054, Российская Федерация, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: VOresh@mail.ru)

Ataeva A.G., Oreshnikov V.V.

Assessing the Level of Social Development in Russia's Regions: Methodological and Applied Aspects

Abstract. Modern research works contain a large number of different approaches to assessing the level of socio-economic development of territories; as for the techniques that assess economic development of territories, they are not so numerous; and the techniques for assessing social development of territories are encountered even less often. We put forward our own approach to assessing the level of social development in Russia's regions and consider population (consumer of social services) and the social sphere (subsystem of services provision) as the object of managing social development of the territory. The article proposes a technique for assessing the level of development of the territorial socio-economic system using Amartya Sen's modified social welfare function, taking into account adjustments for the characteristics of management object components: quality of life, social infrastructure and social services. We determine adjustment factors and carry out the testing on the data for 2014–2021 in the context of Russia's constituent entities; we form a rating of regions according to the level and specifics of social development and identify four groups of regions: “social development leaders”, “socially developing”, “socially slowing down” and “socially undeveloped” regions.

Key words: social development, social welfare, standard of living, quality of life, population income, gross regional product, social services, social infrastructure, social sphere.

Information about the Authors

Aisylu G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Vladimir V. Oreshnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: VOresh@mail.ru)

Статья поступила 09.08.2023.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.5

УДК 334.021, ББК 65.050

© Флек М.Б., Угнич Е.А.

Факторы, проблемы и перспективы трансфера знаний в организации высокотехнологичного сектора

Михаил Бенсионович

ФЛЕК

Донской государственный технический университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: mikh.fleck2018@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0775-3473

Екатерина Александровна

УГНИЧ

Донской государственный технический университет

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: ugnich77@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9028-5518; ResearcherID: AGB-6651-2022

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей и факторов развития трансфера знаний из академического сектора в организации высокотехнологичного сектора. Систематизированы способы получения и передачи знаний организацией, виды трансфера знаний. Выделены факторы трансфера знаний с позиции процессного, сетевого и системного подходов. С целью подтверждения полученных теоретических выводов проанализированы факторы трансфера знаний на примере крупного высокотехнологичного предприятия. Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования работников (г. Ростов-на-Дону, Россия), осуществленного в апреле – мае 2023 года. На основе результатов анкетирования проведен корреляционный и регрессионный анализ, позволяющий установить фактическую взаимосвязь между факторами, характеризующими параметры трансфера знаний из академической среды.

Для цитирования: Флек М.Б., Угнич Е.А. (2023). Факторы, проблемы и перспективы трансфера знаний в организации высокотехнологичного сектора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 83–100. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.5

For citation: Flek M.B., Ugnich E.A. (2023). Knowledge transfer to high-tech sector organizations: Factors, problems and prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 83–100. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.5

Показано, что все группы факторов имеют прямое положительное воздействие на результаты трансфера знаний. При этом подчеркивается, что факторы получателя знаний, поставщиков знаний и взаимного доверия участников трансфера, то есть факторы, характеризующие внутреннюю мотивацию участников, оказывают более сильное воздействие на результат трансфера знаний нежели факторы организации взаимодействия, отражающие внешнюю мотивацию. С помощью полученных выводов сформулированы рекомендации, направленные на повышение эффективности факторов, воздействующих на трансфер знаний на предприятие. Выделено пять основных направлений развития трансфера знаний: повышение эффективности организации взаимодействия поставщика и получателя знаний; укрепление уровня доверия между ними; расширение круга поставщиков знаний; повышение их способности к передаче знаний и способности к восприятию новых знаний получателем, рост эффективности применения полученных знаний. Подчеркивается значение профессионально-образовательной экосистемы как открытой неиерархической устойчивой взаимосвязи предприятия с образовательными, научными, общественными организациями в развитии трансфера знаний.

Ключевые слова: трансфер знаний, взаимодействие, доверие, поставщики знаний, получатели знаний, поглощающая способность организации, высокотехнологичный сектор, академический сектор.

Введение

Бурное развитие и внедрение новых технологий, их непрерывное усложнение и обновление усиливают потребность субъектов реальной экономики, особенно высокотехнологичных, в получении новых знаний. На знаниях базируются инновационные решения, обеспечивающие рост доходов предприятия (Андреевский и др., 2019). Без получения передовых знаний невозможно развитие новых технологий, которые обеспечивают конкурентоспособность современных высокотехнологичных организаций. Таким образом, предприятия заинтересованы в расширении каналов, по которым могут поступать новые прогрессивные знания.

В ряде исследований показано, что знания, передаваемые из университетов, не всегда используются предприятиями (Abreu et al., 2008), однако все же подчеркивается ценность взаимодействия реального сектора с университетами в этой сфере (Гительман и др., 2020; De Silva et al., 2023). Развитие такого взаимодействия является объектом повышенного внимания со стороны как исследователей, так и практиков, осуществляющих на предприятии управление человеческим капиталом и знаниями как его составляющей частью. Интерес менеджеров обусловлен пониманием значения знаний в повышении конкурентоспособности и прибыльности организации (Орлова, 2021), необходимостью непрерывного развития человеческого капитала в условиях турбулентности

социально-экономической среды и усложнения научно-технической сферы.

В научной литературе все чаще обсуждаются способы и факторы укрепления взаимодействия предприятий с университетами. Подчеркивается, что большое влияние оказывают объем средств на финансирование НИОКР университетов, их территориальная близость, государственное стимулирование развития различных каналов взаимосвязи и др. (Bruneel et al., 2015; Azagra-Caro et al., 2017). При этом возможности самих предприятий для расширения и укрепления взаимодействия с университетами с целью получения новых знаний остаются изученными недостаточно. Исследование факторов и возможностей предприятий для развития сотрудничества и укрепления взаимодействия с академическим сектором позволит разработать стратегию, способствующую развитию человеческого капитала и знаний, повышению эффективности их использования.

Цель исследования заключается в выявлении приоритетных факторов, влияющих на получение предприятием новых знаний путем их трансфера из академического сектора.

Методы исследования

Данное исследование базируется на положениях ресурсного подхода (Катькало, 2006), в рамках которого знания являются источником формирования конкурентного преимущества организации (Barney, 1991; Завьялова и др.,

2017). В соответствии с подходом, основанным на знаниях (Kogut, Zander, 1992), получение знаний извне и их использование способствуют повышению производительности труда и снижению транзакционных издержек (De Silva, Rossi, 2018).

Передача знаний между организациями – сложное явление, которое характеризуется многими факторами. В связи с этим трансфер знаний рассматривается нами с позиций нескольких подходов. В частности, использовались положения проектного подхода (Thiel, 2002), подчеркивающего нацеленность трансфера знаний на результат; процессного подхода (Meng et al., 2019; Szulanski, 2000), представляющего трансфер знаний как процесс, и положения сетевого подхода (Hansen, 2002; Sun et al., 2019), характеризующего факторы, влияющие на взаимосвязи участников трансфера знаний.

Проведению эмпирического исследования предшествовал анализ литературы, в результате которого были выделены ключевые факторы, влияющие на трансфер знаний. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования работников крупного машиностроительного предприятия (г. Ростов-на-Дону). Анкетирование, проведенное в апреле – мае 2023 года, позволило оценить влияние различных факторов на трансфер знаний из академического сектора. В качестве респондентов привлечены две категории работников: высококвалифицированные специалисты (инженеры) и руководители (начальники отделов, цехов, бюро) – 53 и 47% соответственно. Выбор групп обусловлен тем, что деятельность этих работников в большей степени связана с получением новых знаний в процессе решения профессиональных задач.

На основе результатов анкетирования проведен корреляционный и регрессионный анализ, позволяющий установить фактическую взаимосвязь между факторами, характеризующими ключевые параметры трансфера знаний из академической среды.

Полученные результаты дают возможность сформировать представление о особенностях трансфера знаний, получаемых предприятием из академической среды, и выявить резервы повышения его эффективности.

Систематизация данных анкетирования и их визуализация проводились в электронных таблицах Microsoft Office Excel.

Обзор литературы

Передача знаний представляет собой сложное многоаспектное явление. Считается, что у истоков концепции передачи знаний стоит Д. Тис (Teese, 1977), но более интенсивно исследовательский и практический интерес к трансферу знаний и управлению им начал возрастать с 1990-х гг. Однако до сих пор в литературе нет единого понимания передачи (трансфера) знаний. Ряд исследователей определяют его как «процесс, посредством которого на одно подразделение (например, группу, отдел) влияет опыт другого» (Argote et al., 2000). Другие авторы (Nonaka, Takeuchi, 1995) отмечают, что передача знаний – это процесс ассимиляции, принятия, модификации, трансформации и распространения знаний. Указанные определения, по сути, рассматривают разные типы трансфера знаний. Первое определение ориентировано на осуществляемый внутри организации трансфер знаний, а второе – на внешний трансфер, понимаемый как передача знаний извне.

Кроме этого, существует прямой и обратный трансфер знаний, т. е. знания могут передаваться не только из академического сектора предприятиям, но и в обратном направлении (Ankrah, Al-Tabbaa, 2015). При этом предприятия, как правило, передают знания о специфике отрасли и рынка, новых возможностях применения технологий (Meng et al., 2019). Объектом прямого трансфера (из академической среды) выступают фундаментальные знания, а объектом обратного трансфера – прикладные. В общем виде различные процессы передачи знаний в зависимости от роли их участников представлены в *таблице 1*.

Таблица 1. Виды передачи (трансфера) знаний

	Получатели	Предприятие	Академический сектор
Поставщики			
Предприятие		Внутренний трансфер	Обратный внешний трансфер
Академический сектор		Прямой внешний трансфер	Внутренний трансфер
Источник: составлено авторами.			

Тем не менее трансфер знаний не является единственным способом их получения для организаций. Новые знания предприятие может получить путем совместного их создания (генерации) с научными организациями или университетами, с целью совместного решения конкретных задач (De Silva, Rossi, 2018). Генерация знаний тоже представляет собой своего рода трансфер в контексте практики коммуникативного взаимодействия разных научных сообществ (Авдонин и др., 2020). Такой трансфер знаний П. Галисон (Galison, 1999) назвал «взаимно заинтересованным». Совместная генерация знаний происходит, как правило, в результате реализации совместных проектов, нацеленных на получение нового продукта.

В случае передачи знаний предприятие и университет (или научная организация) играют четко определенные роли поставщика и получателя знаний, поскольку знания передаются однонаправленно от одного к другому. В случае создания знаний роли поставщика и получателя размыты (De Silva et al., 2023). В целом анализ литературы позволил выделить следующие ключевые способы получения (и передачи) знаний предприятием (рис. 1).

Поскольку передача знаний имеет более конкретные цели с менее расплывчатым результатом, чем совместное создание знаний, то оценка факторов, влияющих на этот способ

получения, представляется более целесообразной, в связи с чем в фокусе настоящего исследования находится именно трансфер знаний. При этом особое внимание необходимо уделить механизму взаимодействия предприятий с академическим сектором, то есть внешнему трансферу. Он является более сложным, чем внутриорганизационный механизм передачи знаний. В то же время прямой внешний трансфер – важнейший источник получения новых знаний предприятием.

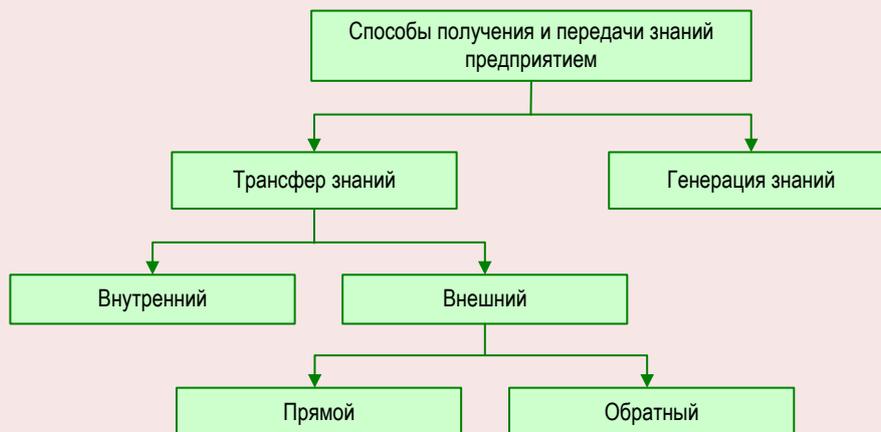
Исследовательский интерес представляет непосредственно анализ факторов, влияющих на прямой внешний трансфер знаний (далее – трансфер знаний), под которым в данном исследовании понимается передача предприятию из академического сектора знаний, подлежащих непосредственному применению.

Результаты исследования

Факторы, влияющие на трансфер знаний

Трансфер знаний понимается как фактор успеха при разработке нового продукта (Albers et al., 2019). Чтобы обеспечить успешную передачу знаний, необходимо понимать, какие факторы оказывают на нее влияние (Klippert et al., 2022). В связи с этим следует проанализировать взаимосвязи факторов, влияющих на передачу знаний, что позволит облегчить принятие управленческих решений, предотвращающих дефицит знаний на предприятии.

Рис. 1. Способы получения и передачи знаний предприятием

Источник: составлено авторами.

В ходе анализа современной литературы выделено около 250 факторов, влияющих на трансфер знаний (Klippert et al., 2022). Такое многообразие обусловлено существованием различных подходов к его пониманию. Можно выделить три основных подхода: процессный, сетевой и проектный.

С позиции процессного подхода трансфер знаний характеризуется как смена определенных стадий. Так, Г. Шулански (Szulanski, 2000) выделял четыре этапа трансфера знаний: начальный, связанный с осознанием нехватки знаний; этап внедрения, характеризующийся выбором подходящего средства для передачи; этап расширения, обусловленный проверкой применимости полученных знаний; этап интеграции, подразумевающий их включение в собственные знания организации. В рамках этого подхода исследователи сходятся во мнении, что важнейшими факторами, влияющими на трансфер знаний, являются способность поставщика знаний к их передаче, способность получателя знаний к их восприятию, факторы, характеризующие взаимодействия между участниками, а также природа знаний (Szulanski, 1996).

Под факторами, характеризующими способность поставщика к передаче знаний и способность получателя знаний к их восприятию, понимается степень вовлечения в процесс индивидуальных представителей (носителей) знаний (Wu et al., 2007) и наличие их внутренней мотивации (Калабина, Беляк, 2021). Под факторами, характеризующими взаимодействие между получателем и поставщиком знаний, подразумеваются возможность сотрудничества через обмен знаниями (Edmondson, Harvey, 2018), координация действий, внешнее стимулирование к пересечению существующих барьеров между работниками организаций – поставщиков и получателей знаний.

С точки зрения сетевого подхода (Hansen, 2002) трансфер знаний рассматривается сквозь призму связей и взаимоотношений между его участниками. По мнению приверженцев данного подхода, наиболее важным фактором, способствующим развитию трансфера знаний, является наличие взаимного доверия между участниками (Rohrbeck et al., 2015). Под доверием в общем виде понимается «убежденность, что другое лицо или же организация будет действовать в соответствии с его ожиданиями (имеются в виду ожидания положительного поведения)» (Антонов и др., 2023). Доверие в организации связано с системой мотивации и корпоративной культурой. Оно рассматривается как важное условие повышения конкурентоспособности организации за счет укрепления отношений с деловыми партнерами (Корнаи, 2003).

Проектный подход дает представление о трансфере знаний как о некотором проекте (Thiel, 2002), нацеленном на получение конкретного результата в определенное время (Копытова, Пахнина, 2023). При этом необходимо учитывать, что результат трансфера зависит, с одной стороны, от получения новых знаний, их восприятия организацией, с другой стороны, от их применения. По сути, факторы результата трансфера знаний характеризуют поглощающую способность организации, под которой понимается способность осознавать ценность новых внешних знаний, усваивать их и применять в коммерческих целях (Cohen, Levinthal, 1990).

Вышеизложенные подходы к пониманию трансфера знаний и факторов, влияющих на него, дополняют друг друга, поэтому в общей совокупности можно выделить несколько групп ключевых факторов, оказывающих влияние на трансфер знаний (табл. 2).

Таблица 2. Группы ключевых факторов, влияющих на трансфер знаний

Подход	Процессный подход	Сетевой подход	Проектный подход
Группы факторов	– Связанные с поставщиком знаний; – связанные с получателем знаний; – связанные с организацией взаимодействия между участниками трансфера знаний	Доверие между участниками трансфера знаний	Обеспечивающие применение полученных знаний, результат трансфера
Источник: составлено авторами.			

Кроме этого, важное значение имеет природа знаний, их содержание. Знания фундаментальной природы, как правило, передаются предприятиям из академического сектора. Также влияет наличие или отсутствие когнитивной близости между участниками трансфера знаний (D'Este et al., 2013), то есть их функционирования в рамках схожей базы знаний.

Указанные в таблице 2 факторы трансфера знаний взаимосвязаны. В конечном счете они все оказывают воздействие на результат трансфера. При этом в качестве исследовательской гипотезы обозначим, что факторы, связанные с организацией взаимодействия и доверия между участниками трансфера знаний, влияют на факторы, связанные с поставщиком и получателем знаний. Это обусловлено тем, что поставщики и получатели знаний взаимодействуют в определенной среде, важным фактором которой является доверие. Кроме этого, механизм организации взаимодействия для осуществления трансфера знаний тоже оказывает на этих участников большое воздействие.

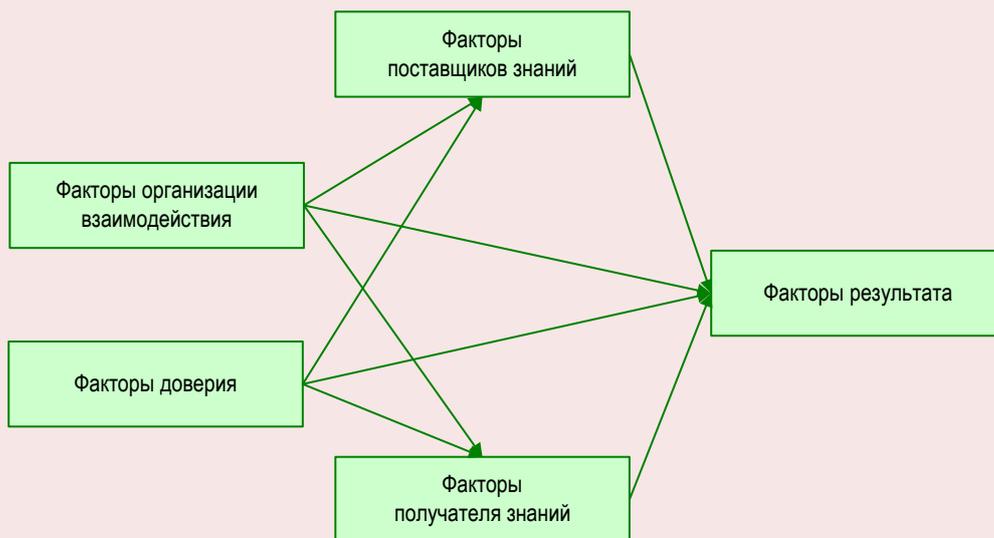
Исходя из вышеизложенного, теоретическая основа исследовательской модели взаимосвязи факторов трансфера знаний будет выглядеть следующим образом (рис. 2). Показано,

что факторы получателя и поставщиков знаний, характеризующие способность их носителей (или получателей) быть вовлеченными в процесс трансфера знаний, воздействуют на результат. Подчеркнем также, что факторы организации взаимодействия и доверия влияют не только на результат трансфера знаний, но и на факторы, связанные с поставщиками и получателем. Однако воздействие указанных факторов не будет равнозначным. Далее с целью проверки исследовательской гипотезы и установления силы воздействия указанных факторов на результаты трансфера знаний проведен их анализ на примере крупного промышленного предприятия.

Трансфер знаний: опыт высокотехнологичного предприятия

В качестве получателя знаний было выбрано крупное предприятие, принадлежащее сфере высоких технологий. Эта сфера наиболее часто испытывает потребность в новых знаниях ввиду наиболее короткого периода полураспада высокотехнологичных знаний (около 2,5 года). Предприятие находится в Ростовской области, является градообразующим. Общая численность его работников свыше 7 тысяч человек, 40% из них имеют высшее образование.

Рис. 2. Взаимосвязь ключевых факторов трансфера знаний

Источник: составлено авторами.

С целью анализа факторов трансфера знаний в апреле – мае 2023 года был проведен выборочный анонимный опрос работников предприятия путем анкетирования. Всего опрошено 136 человек. Выборку составили две категории работников: высококвалифицированные специалисты (инженеры) и руководители (начальники отделов, цехов, бюро) – 53 и 47% соответственно. Деятельность работников данных групп в большей степени связана с получением новых знаний в процессе решения профессиональных задач, чем и обусловлен их выбор для проведения анкетирования.

Доля мужчин составила 53%. Возрастной диапазон респондентов – от 23 до 46 лет, средний возраст 37 лет. Стаж работы респондентов на предприятии – от 2 до 23 лет, в среднем – 12 лет.

Анкета кроме общей информации о респондентах содержала два раздела. Первый раздел касался общей характеристики получения знаний на предприятии, то есть вопросы были направлены на выявление наличия прямого, обратного и внутреннего трансфера знаний, а также создания знаний.

Второй раздел посвящен непосредственно характеристике факторов трансфера знаний по пяти группам, представленным на рисунке 2. Вопросы анкеты были составлены с ориентацией на некоторые литературные источники (Sun et al., 2019) и мнение экспертов в области HR-менеджмента. Второй раздел анкеты предполагал выбор ответа на каждый вопрос по пятибалльной шкале Лайкерта (Likert, 1932), где 1 – «полностью не согласен», а 5 – «полностью согласен».

Анализ состояния трансфера знаний на предприятии включал три этапа:

- 1) общая характеристика способов получения и передачи знаний на предприятии;
- 2) обработка первичных данных, характеризующих факторы трансфера знаний на предприятии, проверка надежности исследования (согласованности вопросов анкеты) и факторный анализ;
- 3) корреляционный и регрессионный анализ, позволяющий установить фактическую взаимосвязь между группами факторов.

Следует отметить ограничения исследования. Они касаются природы знаний, т. к. рас-

сматриваются только профессиональные знания, необходимые работникам для успешной реализации трудовой деятельности на высокотехнологичном предприятии. При этом они могут носить как фундаментальный, так и прикладной характер.

Поскольку речь идет о профессиональных знаниях, то их трансфер может осуществляться только в случае обеспечения когнитивной близости участников трансфера. На исследуемом предприятии такая когнитивная близость обусловлена устойчивыми взаимосвязями с академическим сектором: с Донским государственным техническим университетом, подготавливающим кадры для этой организации, Южным научным центром РАН, осуществляющим научные исследования в том числе и по направлениям, связанным с деятельностью предприятия. Что касается совместных проектов предприятия с академическим сектором, то их условно можно разделить на две группы: совместные образовательные проекты (например, направленные на подготовку кадрового управленческого резерва) и научно-технические проекты (например, связанные с изготовлением композитных деталей, компьютерного моделирования вакуумной инфузии).

В рамках первого этапа анализа на основе результатов анкетирования сформировано общее представление о способах получения знаний предприятием. Осуществляется и внешний, и внутренний трансфер знаний. Все респонденты ответили, что делились профессиональными знаниями с коллегами, 88,2% респондентов получали новые знания от коллег.

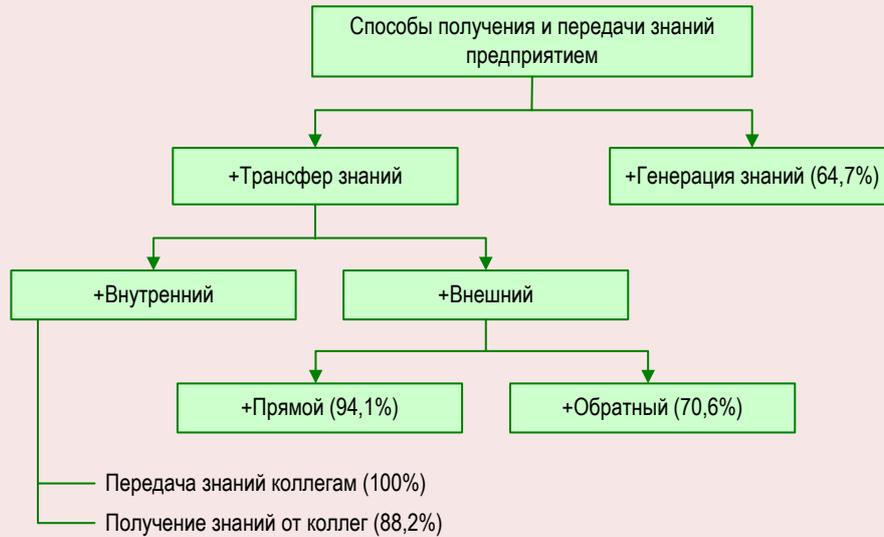
Что касается внешнего трансфера знаний, 94,1% опрошенных сообщили о том, что получали знания, а 70,6% – передавали. Таким образом, существует и прямой, и обратный трансфер знаний. При этом прямой более выражен.

Только 64,7% респондентов отметили, что участвовали в создании нового знания (например, вносили рацпредложение, подавали заявку на патент, участвовали в совместной разработке стратегии и т. п.).

Общее представление о способах получения (и передачи) знаний предприятием в оценке респондентов представлено на рисунке 3.

Таким образом, трансфер является преобладающим способом получения новых про-

Рис. 3. Реализация способов получения и передачи знаний предприятием в оценке респондентов

Примечание: «+» означает наличие этого способа получения знаний.

Источник: составлено авторами.

фессиональных знаний. При этом во внешнем трансфере знаний прямой преобладает над обратным.

Далее рассмотрены факторы, влияющие на прямой трансфер знаний, то есть на их передачу предприятию из академического сектора.

Второй этап анализа основан на ответах респондентов на вопросы второго раздела анкеты. По каждой группе факторов экспертами были составлены вопросы-утверждения, их характеризующие. Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале, насколько это утверждение соответствует реальной ситуации на предприятии.

Факторы организации взаимодействия включают наличие общения и тесного взаимодействия по рабочим вопросам и профессиональным задачам с представителями вузов / научных организаций, частый обмен с ними научно-технической информацией, а также наличие возможности обсуждения с ними профессиональных проблем.

Факторы поставщиков знаний характеризуются готовностью сотрудников вузов и/или научных организаций делиться своими знаниями и опытом в сфере технологий, наличием кон-

структивных предложений, проведением обучения работниками академического сектора, а также их помощью в решении проблем и преодолении трудностей, возникающих в профессиональной деятельности.

Факторы получателей знаний связаны с готовностью, желанием работников учиться, получать новые технологические и управленческие знания вне своего предприятия, пониманием важности получения новых знаний из внешних источников и прохождения обучения.

Факторы доверия характеризуются уверенностью в том, что в процессе решения рабочих задач другие участники сдержат обещания, их честностью, справедливостью к другим участникам, тем, что другие участники трансфера знаний заслуживают доверия.

Факторы результата трансфера знаний определяются приобретением работниками предприятия из внешних источников за последний год новых технологических, управленческих и других сопутствующих знаний, новых методов решения профессиональных проблем, снижением зависимости от других в решении профессиональных проблем благодаря активной передаче знаний.

Таблица 3. Результаты опроса о наличии факторов трансфера знаний на предприятии

Группа факторов	Min	Max	Mean	Std. Dev
Факторы организации взаимодействия	1	5	2,88	1,10
Факторы поставщиков знаний	1	5	3,79	0,82
Факторы получателя знаний	3	5	4,51	0,46
Факторы доверия	2	5	3,78	0,64
Факторы результата	2	5	4,16	0,72

Источник: составлено авторами.

Обобщенные результаты работы представлены в *таблице 3*.

Приведены минимальные (min), максимальные (max), средние значения (mean), выставленные респондентами по каждой группе факторов, а также стандартное отклонение (Std. Dev). Стандартное отклонение показывает разброс результатов относительно среднего значения. Чем больше значение стандартного отклонения, тем больше разногласий в оценках респондентов. Так, наибольшее расхождение оценок респонденты демонстрируют относительно факторов организации взаимодействия между участниками трансфера знаний (1,10). Наименьшее разногласие – по поводу факторов, влияющих на получателя знаний (0,46).

Для проверки надежности исследования рассчитан α -коэффициент Кронбаха (Cronbach, 1951):

$$\alpha = \frac{N \times r}{1 + r \times (N - 1)}, \quad (1)$$

где N – количество исследуемых групп факторов,

r – средний коэффициент корреляции между группами факторами.

Чем его значение ближе к 1, тем более надежными и согласованными будут исследуемые составляющие. Если α -коэффициент больше 0,7, то результат надежен (Nunnally, 1978). Следовательно, приведенные расчеты

α -коэффициента (*табл. 4*) свидетельствуют о достоверности оценок респондентов относительно факторов трансфера знаний.

Также в *таблице 4* отражена факторная нагрузка каждой группы факторов, рассчитанная на основе полученных от респондентов оценок. Факторная нагрузка представляет собой значения коэффициентов корреляции каждого из исходных признаков с каждым из выявленных признаков. Чем выше связь анализируемой группы факторов с системой трансфера знаний на предприятии, тем больше значение факторной нагрузки. Значение нагрузки лежит в пределах от -1 до 1. Положительный знак указывает на прямую, а отрицательный – на обратную связь данного признака с фактором. Факторные нагрузки меньше 0,3 считаются незначительными. В *таблице 3* такие факторные нагрузки отсутствуют. Факторные нагрузки более 0,7 свидетельствуют о сильных связях. Поскольку это значение для всех групп факторов более 0,7, то они все оказывают существенное влияние на систему трансфера знаний на предприятии.

В рамках третьего этапа выполнен корреляционный анализ путем расчета коэффициента корреляции Пирсона. Данный коэффициент позволяет определять силу корреляционной связи между двумя группами факторов. Расчеты коэффициента Пирсона представлены в *таблице 5*. Поскольку все значения положительны, то взаимосвязь между всеми факторами прямая.

Таблица 4. Проверка надежности и факторная нагрузка групп факторов трансфера знаний

Группа факторов	α -коэффициент	Факторная нагрузка
Факторы организации взаимодействия	0,97	0,88
Факторы поставщиков знаний	0,99	0,94
Факторы получателя знаний	0,95	0,79
Факторы доверия	0,95	0,78
Факторы результата	0,98	0,91

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Матрица корреляций групп факторов трансфера знаний

Группа факторов	Факторы организации взаимодействия	Факторы поставщиков знаний	Факторы получателя знаний	Факторы доверия	Факторы результата
Факторы организации взаимодействия	1,00	0,80	0,63	0,51	0,72
Факторы поставщиков знаний	0,80	1,00	0,69	0,66	0,90
Факторы получателя знаний	0,63	0,69	1,00	0,66	0,62
Факторы доверия	0,51	0,66	0,66	1,00	0,69
Факторы результата	0,72	0,90	0,62	0,69	1,00

Источник: составлено авторами.

Значения более 0,75 свидетельствуют об очень сильной положительной взаимосвязи. Такая степень силы связи отмечается между факторами поставщиков знаний и факторами взаимодействия организации, а также между факторами поставщиков знаний и факторами результата. Если значение коэффициента корреляции находится в диапазоне от 0,5 до 0,74, то это говорит о сильной положительной взаимосвязи (Бородюк и др., 1983). Все остальные пары взаимосвязей между группами факторов трансфера знаний находятся в этом диапазоне, следовательно, являются сильными. Таким образом, стоит особо подчеркнуть значимость факторов поставщиков знаний, поскольку взаимосвязь с ними других факторов характеризуется как очень высокая.

Поскольку связь между всеми группами факторов характеризуется как сильная и очень сильная, то для установления причинно-следственной связи целесообразно выполнить регрессионный анализ. Расчет коэффициента регрессии показывает влияние одних переменных на другие. В соответствии с теоретической моделью (см. рис. 2) в качестве переменных, влияющих на факторы результата трансфера

знаний (зависимый переменная), были выбраны все остальные факторы (независимые переменные). Кроме этого, необходимо оценить влияние факторов организации взаимодействия и доверия на поставщиков и получателей знаний. Именно коэффициенты парной регрессии показывают влияние объясняющей независимой переменной на зависимую переменную.

Проверка достоверности модели по уровню значимости критерия Фишера (значимость F) подтверждает значимость модели, поскольку значимость F для всех пар оценки регрессии значительно меньше 0,05 (табл. 6).

Расчет коэффициентов парной регрессии показал (рис. 4), что наибольшее воздействие на факторы результата оказывают факторы получателя знаний (0,97), факторы доверия (0,75) и факторы поставщиков знаний (0,79).

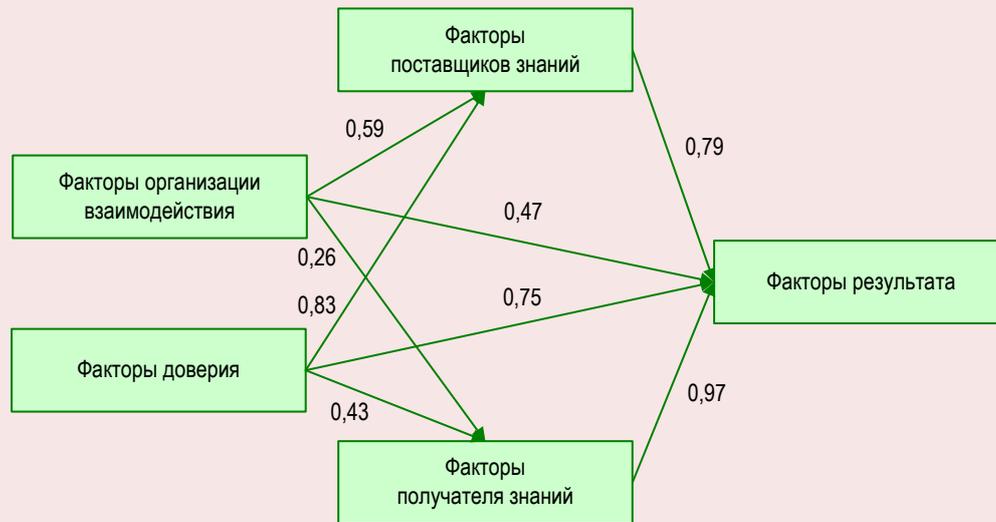
Что касается влияния на участников трансфера знаний, то можно отметить, что факторы доверия оказывают наибольшее воздействие на поставщиков знаний (0,83), а также на получателей знаний (0,43). При этом влияние факторов доверия на поставщиков знаний более выражено, чем на получателей. Наименьшее влияние оказывают факторы организации

Таблица 6. Уровень значимости критерия Фишера

Группа факторов	Значимость F
Факторы организации взаимодействия → Факторы поставщиков знаний	0,000
Факторы доверия → Факторы поставщиков знаний	0,003
Факторы организации взаимодействия → Факторы получателя знаний	0,005
Факторы доверия → Факторы получателя знаний	0,002
Факторы поставщиков знаний → Факторы результата	0,000
Факторы получателя → Факторы результата	0,008
Факторы организации взаимодействия → Факторы результата	0,001
Факторы доверия → Факторы результата	0,002

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Взаимосвязь групп факторов трансфера знаний на предприятии: коэффициенты регрессии

Источник: составлено авторами.

взаимодействия на получателя знаний (0,26 – наименьшее значение коэффициента парной регрессии). Объяснить такой результат можно тем, что внешнее стимулирование, организация взаимодействия и кооперации оказывают меньшее воздействие на участников трансфера знаний, чем фактор доверия. Аналогично фактор доверия оказывает существенно большее воздействие на результат трансфера знаний, чем факторы организации взаимодействия участников (коэффициенты парной регрессии 0,75 и 0,47 соответственно). Но наибольшее влияние на результаты трансфера знаний оказывают возможности и способности участников этого процесса, то есть факторы получателей и поставщиков знаний.

В целом проведенное эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о том, что факторы поставщиков, получателя, организации взаимодействия и доверия оказывают воздействие на результат трансфера знаний (все коэффициенты парной регрессии положительны). Однако на анализируемом предприятии одни факторы оказывают более сильное влияние, нежели другие. Можно сделать вывод, что анализируемому предприятию следует уделить особое внимание воздействию факторов, связанных с организацией взаимодействия участников трансфера и доверием получателя знаний.

Практическая значимость оценки воздействия факторов трансфера знаний

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности факторов, оказывающих воздействие на трансфер знаний на предприятии. В общем виде можно представить пять основных направлений, по которым следует воздействовать на развитие трансфера знаний:

- повышение эффективности организации взаимодействия поставщика и получателя знаний;
- повышение уровня доверия между участниками трансфера знаний, способствующего как привлечению новых поставщиков знаний, так и укреплению отношений с имеющимися партнерами;
- привлечение поставщиков необходимых предприятию знаний, развитие их способности к передаче знаний;
- рост способности к восприятию новых знаний их получателем (предприятием);
- повышение эффективности внедрения полученных знаний в практическую деятельность.

В таблице 7 отражены возможные способы реализации ключевых направлений развития трансфера знаний на предприятии. Они

Таблица 7. Основные направления развития трансфера знаний на предприятии

Направление	Возможные способы реализации
Повышение эффективности организации взаимодействия поставщика и получателя знаний	Разработка совместных проектов; организация совместного обучения; развитие мотивации партнеров к трансферу знаний
Повышение уровня доверия между участниками трансфера знаний	Формирование положительного имиджа, деловой репутации; развитие корпоративной культуры; развитие корпоративного обучения
Привлечение поставщиков знаний	Проведение совместных мероприятий, направленных на обмен знаниями и расширение деловых контактов (семинары, конференции, мастер-классы, коучинг-сессии, выставки и др.)
Повышение способности к восприятию знаний получателем	Развитие наставничества; планирование потребности в обучении; развитие гибких форм обучения; совершенствование системы мотивации к обучению для работников предприятия
Повышение эффективности использования полученных знаний	Формирование «хранилищ знаний» (баз структурированных данных); совершенствование системы мотивации работников к внедрению новых знаний в деятельность предприятия
Источник: составлено авторами.	

выделены на основе результатов глубинных интервью с десятью руководителями структурных подразделений предприятия. Главным критерием для отбора способов реализации основных направлений в развитии трансфера знаний является реальная возможность их выполнения. Все респонденты отметили, что важным фактором развития трансфера знаний на предприятии выступает внутренняя мотивация задействованных в нем участников.

Безусловно, реализация всех указанных направлений будет способствовать развитию внешнего трансфера знаний для любых предприятий. Однако следует уделить особое внимание мерам, связанным с факторами, оказывающими наименьшее воздействие, ввиду необходимости их усиления. Исходя из полученных эмпирических результатов, отметим, что анализируемому предприятию следует учесть меры, касающиеся повышения эффективности взаимодействия поставщика и получателя знаний, а также укрепления уровня доверия, т. к. эти группы факторов показали разную степень влияния (иногда слабую) на поставщиков, получателя знаний и конечный результат. Усиленное внимание данным направлениям должно быть уделено в стратегии развития управления знаниями на предприятии.

Развитию всех указанных в таблице 7 направлений может способствовать формирование профессионально-образовательных эко-

систем. Профессионально-образовательная экосистема представляет собой «пространственно локализованную, сложную динамическую систему, состоящую из совокупности взаимосвязанных самостоятельных субъектов, среды, в которой они функционируют, взаимодействуя между собой и этой средой, а также продуктов (результатов) их деятельности. Продукт образуется в результате указанного выше согласованного (кооперация) и/или несогласованного (конкуренция) взаимодействия» (Флек, Угнич, 2022а). Такая экосистема основана на открытой неиерархической устойчивой взаимосвязи предприятия с образовательными, научными, общественными организациями. Она позволяет реализовать непрерывное обучение, начиная со школьной скамьи, продолжающееся в вузах, колледжах и в рамках программ повышения квалификации с учетом текущих и перспективных запросов предприятия. Совместные программы обучения и научно-исследовательские проекты реализуются в профессионально-образовательных экосистемах ввиду наличия устойчивых связей между партнерами. Также такие экосистемы способствуют расширению круга партнеров, повышению уровня доверия и обеспечению гибких практикоориентированных форм обучения работников, что может способствовать обеспечению внедрения полученных ими знаний.

Основным продуктом профессионально-образовательной экосистемы выступает человеческий капитал предприятия. В то же время социально-экономические экосистемы могут иметь и дополнительные продукты. В профессионально-образовательной экосистеме таким продуктом являются знания, которые поступают по каналам в рамках взаимодействия с научными и образовательными организациями (Флек, Угнич, 2022b).

Благодаря тесному взаимодействию между организациями экосистемы могут быть решены проблемы трансфера знаний, обусловленные различием корпоративной культуры участников, контекста знаний (Inkpen, Tsang, 2005), отсутствием когнитивной близости.

В целом в качестве преимуществ профессионально-образовательной экосистемы можно назвать обеспечение непрерывного обучения работников предприятия, кастомизированный подход к обучению работников – учет конкретных запросов предприятия благодаря тесной взаимосвязи с образовательными организациями; обеспечение многообразия форм обучения (в том числе гибких), ориентированных на потребности обучающихся и учитывающих их фактический уровень обладания знаниями; высокую адаптивность обучения, способствующую приобретению новых прогрессивных знаний.

Обсуждение результатов

Рост исследовательского интереса к теме трансфера знаний обусловлен пониманием знаний как важнейшего ресурса организации и необходимостью повышения эффективности управления ими для разработки и внедрения новых технологий и продуктов, создающих конкурентное преимущество. Разработано достаточно большое количество моделей управления знаниями (Носуленко, Терехин, 2017), многие из которых базируются на идеях И. Нонаки и Х. Такеучи (Nonaka, Takeuchi, 1995). Но в то же время на сегодняшний день передовая практика трансфера знаний практически отсутствует.

Многие работы посвящены исследованию деятельности университетов (Giuri et al., 2019) по передаче знаний реальному сектору, а также внутрифирменному трансферу знаний (Argote et al., 2000). Интерес представляют работы, касающиеся обмена знаниями для развития ре-

сурсного потенциала организации (Калабина, Беляк, 2020; Калабина, Беляк, 2021). Однако обмен знаниями и их трансфер не тождественные понятия. Обмен знаниями предполагает обоюдную передачу, в частности, он применим для исследования командного уровня, в то время как трансфер знаний представляет собой их движение от одного участника другому и больше подходит для межорганизационного уровня. Именно трансфер знаний с целью увеличения ресурсного потенциала организации в рамках взаимодействия с академическим сектором находится в фокусе данной работы.

В рамках стратегического управления знаниями важнейшей является концепция динамических способностей (Тис и др., 2033), объясняющая механизм создания устойчивых конкурентных преимуществ организации в условиях изменчивой внешней среды. В качестве базовой динамической способности предприятия рассматривается поглощающая (абсорбционная) способность (Cohen, Levinthal, 1990), означающая способность организации осознавать ценность новой внешней информации, усваивать ее и применять в коммерческих целях. Данное положение лежит в основе понимания прямого внешнего трансфера знаний (то есть передачи его организации из академической сферы), служащего предметом настоящего исследования.

Однако, несмотря на многообразие работ, в литературе существуют пробелы в понимании того, какие факторы, условия помогают организациям получать знания от университетов. Наше исследование стало попыткой устранить этот пробел. Подходы к пониманию факторов трансфера знаний различны. Так, М. Де Силва с соавторами (De Silva et al., 2023) приводят группы факторов притягивающих и подталкивающих. Но их идентификация на практике может быть достаточно сложной. Д. Менг с соавторами (Meng et al., 2019) подробно рассматривают факторы контента знаний (предпринимательские нормы, рыночная информация и др.), которые имеют первостепенное значение скорее при обратном трансфере знаний (в академическую среду от индустриальных партнеров). Интерес представляет исследование М. Клипперт с соавторами (Klippert et al., 2022), предлагающее четыре кластера факторов трансфера знаний (люди, организация, технологии, зна-

ния и трансфер). Нами предпринята попытка на основе анализа литературы выделить группы факторов, характеризующие многоаспектность трансфера знаний с позиции понимания его как процесса, как сетевого взаимодействия и с позиции проектного подхода. При этом представлены факторы, характеризующие как внешнюю мотивацию (факторы организации взаимодействия), так и внутреннюю (факторы доверия, способность к передаче поставщиков знаний и их восприятию получателями). В этом выводы настоящего исследования согласуются с результатами исследования Е.Г. Калабиной и О.Ю. Беляк (Калабина, Беляк, 2021). В то же время полученные нами результаты свидетельствуют о значимости фактора доверия для трансфера знаний, который остается за рамками большинства подходов.

Ограничение нашего исследования состоит в том, что не учитывались факторы, характеризующие природу знаний, т. к. оно было сосредоточено на организациях высокотехнологичной сферы, нуждающихся в первую очередь в профессиональных знаниях. При этом знания могут носить как фундаментальный, так и прикладной характер.

В отношении практики трансфера знаний интерес представляет опыт китайских постдокторских рабочих станций (Ma, Li, 2022), обеспечивающих передачу знаний между организациями и университетами. В рамках создания таких рабочих станций на крупных предприятиях развивается взаимодействие с научно-исследовательскими институтами и университетами для поддержки научно-исследовательской работы и получения конкретных результатов в интересах предприятия при государственной поддержке, в том числе в виде грантов (Huang et al., 2021). Цель постдокторских рабочих станций состоит в поиске и отборе способных к исследованиям и разработкам квалифицированных кадров предприятий, выполнении НИОКР для решения технологических задач и реализации инноваций. Однако такой механизм во многом обусловлен государственной политикой Китая. Нами предлагается формирование профессионально-образовательных экосистем высокотехнологичной организации. Они иницируются самим предприятием, без государственной поддержки в отличие от китайских постдокторских рабочих станций. Заложенный в экосистемах

механизм самоорганизации позволяет им развиваться вне зависимости от внешнего регулирования со стороны государства.

Заключение

Получение предприятием знаний в результате взаимодействия с академическим сектором, играющее большую роль в плане обеспечения конкурентоспособности, может происходить путем их передачи и совместного создания. Передача знаний предполагает однонаправленное их движение из академического в реальный сектор (от исследователя к работнику предприятия). Совместное создание (генерация) подразумевает интеграцию передовых современных знаний исследователей с отраслевыми, практическими знаниями, которыми обладают работники предприятия, с целью совместного решения конкретных проблем. Кроме этого, предприятие само может выступать поставщиком знаний в академическую сферу, то есть осуществлять так называемый обратный трансфер.

Среди способов получения знаний предприятием трансфер имеет более конкретные цели и четкие результаты, в связи с чем целесообразным представляется исследование факторов, влияющих на трансфер знаний. Анализ литературы позволил выделить несколько подходов к трансферу знаний и ключевые группы факторов, влияющих на него. Это факторы, связанные с поставщиком знаний; связанные с получателем знаний; связанные с организацией взаимодействия между участниками трансфера знаний; факторы доверия между участниками трансфера знаний; факторы, обеспечивающие применение полученных знаний, результат трансфера.

Исходными данными для оценки могут быть результаты опроса работников, участвующих в трансфере знаний на предприятии. Такая оценка включает общую характеристику способов получения знаний предприятием; анализ факторов, характеризующих трансфер знаний; корреляционный и регрессионный анализ, позволяющий установить фактическую взаимосвязь между факторами трансфера знаний.

Итогом такой оценки могут выступать конкретные предложения по усилению положительного воздействия факторов на трансфер знаний.

В качестве общей рекомендации, направленной на повышение эффективности трансфера знаний, можно предложить формирование и развитие профессионально-образовательных экосистем предприятий, основным назначением которых служит формирование человеческого капитала предприятия. Они оказывают непосредственное влияние на укрепление взаимодействия и формируют высокий уровень доверия между участниками этого процесса.

Научная новизна данной работы состоит в систематизации способов получения знаний

предприятием и передачи их академическому сектору, а также в способе проведения анализа факторов, влияющих на внешний трансфер знаний, с целью определения силы воздействия на его результаты. Подчеркивается значение профессионально-образовательной экосистемы предприятия в развитии трансфера знаний. Перспективы исследования видятся в оценке способов передачи знаний, в частности с учетом их разделения на явные и неявные. Кроме этого, интерес представляет анализ источников и способов передачи знаний различной природы.

Литература

- Авдонин В.С., Спилов А.В., Еремеев А.В. (2020). Междисциплинарный трансфер знаний как метафорические переносы: эволюционная биология, эволюционные вычисления и вычислительная эволюционная биология как области междисциплинарных трансферов // Социология науки и технологий. Т. 11. № 4. С. 110–138. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14007
- Андреевский И.Л. [и др.] (2019). Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под науч. ред. В.В. Щербакова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 220 с.
- Антонов В.Г., Петренко Е.С., Дробот Е.В., Макаров И.Н. (2023). Доверие как фактор эффективного внутрифирменного управления и рыночной контрактации // Креативная экономика. Т. 17. № 7. DOI: 10.18334/ce.17.7.118367
- Бородюк В.П., Вошинин А.П., Иванов А.З. [и др.] (1983). Статистические методы в инженерных исследованиях / под ред. Г.К. Круга. М.: Высшая школа. 217 с.
- Гительман Л.Д., Кожевников М.В., Рыжук О.Б. (2020). Технология ускоренного трансфера знаний для опережающего обучения специалистов цифровой экономики // Экономика региона. Т. 16. Вып. 2. С. 435–448. DOI: <http://doi.org/10.17059/2020-2-8>
- Завьялова Е., Кучеров Д., Цыбова В. (2017). Управление человеческими ресурсами в российских компаниях-лидерах мировой экономики // Форсайт. Т. 11. № 4. С. 52–61. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.52.61
- Калабина Е.Г., Беляк О.Ю. (2020). Кросс-функциональные команды как инструмент развития знаниевого потенциала компании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. № 19 (3). С. 336–361. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2020.303>
- Калабина Е.Г., Беляк О.Ю. (2021). Факторы обмена знаниями в процессе управления кросс-функциональными командами // Российский журнал менеджмента. № 4. С. 515–541. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2021.407>
- Катькало В.С. (2006) Эволюция теории стратегического управления. СПб.: Изд-во СПбГУ. 548 с.
- Копытова Е.Д., Пахнина С.Ю. (2023). Опыт проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 159–182. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.8
- Корнай Я. (2003). Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. № 9. С. 4–17.
- Носуленко В.Н., Терехин В.А. (2017). Передача знаний: обзор основных моделей и технологий // Экспериментальная психология. Т. 10. № 4. С. 96–115. DOI: <doi:10.17759/exppsy.2017100407>
- Орлова Е.В. (2021). Оценка человеческого капитала предприятия и управление им в условиях цифровой трансформации экономики // Journal of Applied Economic Research. Т. 20. № 4. С. 666–700. DOI: 10.15826/vesnik.2021.20.4.026
- Тис Д.Дж., Пизано Г., Шуен Э. (2003). Динамические способности фирмы и стратегическое управление // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. «Менеджмент». Вып. 4. С. 133–185.

- Флек М.Б., Угнич Е.А. (2022а). Формирование человеческого капитала в реальном секторе экономики: экосистемный подход // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). № 13 (2). С. 154–171. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.154-171>
- Флек М. Б., Угнич Е. А. (2022b). Развитие форм взаимодействия предприятия с вузом в рамках дуальной модели образования: опыт и перспективы // Перспективы науки и образования. № 4 (58). С. 671–691. DOI: [10.32744/pse.2022.4.39](https://doi.org/10.32744/pse.2022.4.39)
- Abreu M., Grinevich V., Hughes A. et al. (2008). *Universities, Business and Knowledge Exchange*. London and Cambridge: Council for Industries and Higher Education and Centre for Business Research.
- Albers A., Gronau N., Rapp S., et al. (2019). Influencing factors and methods for knowledge transfer situations in Product Generation Engineering based on the SECI model. In: *Knowledge Transfer Speed Optimizations in Product Development Contexts. Results of a Research Project. Empirical Studies of Business Informatics*. Berlin: GITO mbH Verlag.
- Ankrah S., AL-Tabbaa O. (2015). Universities-industry collaboration: A systematic review. *Scand. J. Manag.*, 31(3), 387–408.
- Argote L., Ingram P., Levine J.M., Moreland R.L. (2000). Knowledge transfer in organizations: Learning from the experience of others. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 82(1), 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1006/obhd.2000.2883>
- Azagra-Caro J., Barbera-Tomas D., Edwards-Schachter M., Tur E. (2017). Dynamic interactions between university-industry knowledge transfer channels: A case study of the most highly cited academic patent. *Res. Policy*, 42, 463–474.
- Barney J. (1991). Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 17(1), 99–120.
- Bresman J., Birkinshaw H., Nobel R. (1999) Knowledge transfer in acquisitions. *J. Int. Bus. Stud.*, 30(3), 439–462. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490078>
- Bruneel J., D’Este P., Salter A. (2015). The impact of financial slack on explorative and exploitative knowledge sourcing from universities: Evidence from the UK. *Ind. Corp. Chang*, 25(4), 689–706.
- Cohen W.M., Levinthal D.A. (1990). Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation. *Adm. Sci. Q.*, 35(1), 128–152.
- Cronbach L.J. (1951). Coefficient Alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*, 16, 297–334.
- D’Este P., Guy F., Iammarino S. (2013). Shaping the formation of university–industry research collaborations: What type of proximity does really matter? *J. Econ. Geogr.*, 13, 537–558.
- De Silva M., Al-Tabbaa O., Pinto J. (2023). Academics engaging in knowledge transfer and co-creation: Push causation and pull effectuation? *Research Policy*, 52(2), 104668. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104668>
- De Silva M., Rossi F. (2018). The effect of firms’ relational capabilities on knowledge acquisition and co-creation with universities. *Technological Forecasting and Social Change*, 133, 72–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.03.004>
- Edmondson A.C., Harvey J.F. (2018). Crossboundary teaming for innovation: Integrating research on teams and knowledge in organizations. *Human Resource Management Review*, 28(4), 347–360.
- Giuri P., Munari F., Scandura A., Toschi L. (2019). The strategic orientation of universities in knowledge transfer activities. *Technological Forecasting and Social Change*, 138, 261–278. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.09.030>
- Galison P. (1999). Trading zone. Coordinating action and belief. In: Biagioli M. (Ed.). *The Science Studies Reader*. New York: Routledge.
- Hansen M.T. (2002). Knowledge networks: Explaining effective knowledge sharing in multiunit companies. *Organ. Sci.* 13(3), 232–248. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.13.3.232.2771>
- Huang G., Ye Z., Xia Y. (2021). How do postdoctoral workstations affect human capital upgrading in firms? *Foreign Economics & Management*. 43(11), 122–139.
- Inkpen A.C., Tsang W.K.E. (2005). Social capital, networks, and knowledge transfer. *Acad. Manage. Rev.*, 30(1), 146–165. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281445>
- Klippert M. et al. (2022). Analysis of factors influencing knowledge transfer between the product and production system development as well as production. *Procedia CIRP*, 109, 340–348. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.procir.2022.05.260>

- Kogut B., Zander U. (1992). Knowledge of the firm, combinative capabilities, and the replication of technology. *Organization Science*, 3(3), 383–397.
- Likert R. (1932). A technique for the measurement of attitudes. *Archives of Psychology*, 140, 52.
- Ma Y., Li B. (2022). Effect of digitalization on knowledge transfer from universities to enterprises: Evidence from postdoctoral workstation of Chinese enterprises. *Technology in Society*, 71, 102102. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102102>
- Meng D., Li X., Rong K. (2019). Industry-to-university knowledge transfer in ecosystem-based academic entrepreneurship: Case study of automotive dynamics & control group in Tsinghua University. *Technological Forecasting and Social Change*, 141, 249–262. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.10.005>
- Nonaka I., Takeuchi H. (1995). *The Knowledge-Creating Company How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Nunnally J.C. (1978). *Psychometric Theory*. 2nd edition. New York: McGraw-Hill.
- Rohrbeck R., Battistella C., Huizingh E. (2015). Corporate foresight: An emerging field with a rich tradition. *Technol. Forecast. Soc. Change*, 101, 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.11.002>
- Sun J., Ren X., Anumba Ch.J. (2019). Analysis of knowledge-transfer mechanisms in construction project cooperation networks. *Journal of Management in Engineering*, 35(2), 04018061. DOI: 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000663
- Szulanski G. (2000). The process of knowledge transfer: A diachronic analysis of stickiness. *Organ. Behav. Hum. Decis. Processes*, 82(1), 9–27. DOI: <https://doi.org/10.1006/obhd.2000.2884>
- Szulanski G. (1996). Exploring internal stickiness: Impediments to the transfer of best practice within the firm. *Strategic Manage. J.*, 17(S2), 27–43. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.4250171105>
- Teece D.J. (1977). Technology transfer by multinational firms: The resource cost of transferring technological know-how. *Econ. J.*, 87(346), 242–261. DOI: <https://doi.org/10.2307/2232084>
- Thiel M. (2002). *Wissenstransfer in komplexen Organisationen. Effizienz durch Wiederverwendung von Wissen und Best Practices*. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-663-09152-3>
- Wu W.-L., Hsu B.-F., Yeh R.-S. (2007). Fostering the determinants of knowledge transfer: A team-level analysis. *Journal of Information Science*, 33(3), 326–333.

Сведения об авторах

Михаил Бенсионович Флек — доктор технических наук, профессор, заведующий базовой кафедрой, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1; e-mail: mikh.fleck2018@yandex.ru)

Екатерина Александровна Угнич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1; e-mail: ugnich77@mail.ru)

Flek M.B., Ugnich E.A.

Knowledge Transfer to High-Tech Sector Organizations: Factors, Problems and Prospects

Abstract. The article investigates the features and drivers of development of knowledge transfer to organizations of the high-tech sector from the academic sector. We systematize methods for obtaining and transferring knowledge by the organization, and the types of knowledge transfer. We highlight knowledge transfer factors from the perspective of process-based, network and system approaches. In order to confirm the theoretical conclusions obtained, we analyze knowledge transfer factors on the example of a large high-tech enterprise. The empirical basis of the study includes the results of a survey of employees (Rostov-on-Don, Russia) carried out in April – May 2023. According to the results of the questionnaire survey, we carry out correlation and regression analysis to establish actual relationship

between the factors characterizing the parameters of knowledge transfer from the academic environment. It is shown that all groups of factors have a direct positive impact on the results of knowledge transfer. At the same time, it is emphasized that the factors such as the recipient of knowledge, knowledge providers and mutual trust of the transfer participants, that is, the factors characterizing the internal motivation of the participants, have a stronger impact on the result of the knowledge transfer as compared to the factors like the organization of interaction, which reflect external motivation. According to the conclusions obtained, we put forward some recommendations aimed at improving the effectiveness of factors affecting the transfer of knowledge to an enterprise. There are five main directions for the development of knowledge transfer: improving the efficiency of organizing the interaction between the supplier and the recipient of knowledge; strengthening the level of trust between them; expanding the circle of knowledge providers; increasing their ability to transfer knowledge and the ability to perceive new knowledge by the recipient, increasing the effectiveness of the application of acquired knowledge. We emphasize the importance of the professional and educational ecosystem as an open non-hierarchical stable relationship of the enterprise with educational, scientific, and nongovernmental organizations in the development of knowledge transfer.

Key words: knowledge transfer, interaction, trust, knowledge providers, knowledge recipients, absorbing capacity of the organization, high-tech sector, academic sector.

Information about the Authors

Mikhail B. Flek – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, head of basic department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation; e-mail: mikh.fleck2018@yandex.ru)

Ekaterina A. Ugnich – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation; e-mail: ugnich77@mail.ru)

Статья поступила 17.07.2023.

Финансовые балансы территорий как инструмент моделирования эффективности пространственного развития

Екатерина Александровна

ЗАХАРЧУК

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: zakhartchouk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5546-8127; ResearcherID: L-6771-2017

Алексей Федорович

ПАСЫНКОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: monografia@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5186-4130; ResearcherID: L-7150-2017

Аннотация. Проблемы пространственного развития Российской Федерации активно обсуждаются практически с момента становления современной государственности. Новый импульс их обсуждению придали институционализация проблемы моногородов в 2014 году и принятие Стратегии пространственного развития РФ в 2019 году. Однако, несмотря на значительное количество исследований, вопросы эффективности принимаемых решений пространственного развития на уровне макрорегионов, городских агломераций и моногородов проработаны недостаточно, что и определяет актуальность настоящей работы. Целью исследования является обоснование инструментов оценки эффективности пространственного развития для различных территориальных образований. В качестве новизны исследования выступает методологическое обоснование применения Системы национальных счетов для формирования финансовых

Для цитирования: Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. (2023). Финансовые балансы территорий как инструмент моделирования эффективности пространственного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.6

For citation: Zakharchuk E.A., Pasyнков A.F. (2023). Financial balances of territories as a tool for modeling the effectiveness of spatial development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 101–116. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.6

балансов территорий различного уровня, которые в перспективе могут стать единым инструментом моделирования эффективности пространственного развития. Обосновано, что для макрорегионов наиболее точным инструментом как для определения взаимосвязей между регионами, так и оценки эффективности принимаемых решений может выступать создание межрегиональных таблиц «затраты – выпуск», для городских агломераций – разработка индивидуальных и объединенных финансовых балансов муниципальных образований, для моногородов – разработка таблиц формирования, перераспределения и использования финансовых ресурсов с выделением каналов оттока/притока. В качестве примера практического применения предлагаемых подходов представлены финансовые балансы ряда моногородов Свердловской области за 2020 год по институциональным секторам экономики («Корпорации», «Государственное управление», «Домашние хозяйства»). Анализ полученных данных показал, что построение финансовых балансов позволило четко выделить существующие диспропорции в экономическом развитии территорий: в городском округе Верхняя Пышма большое влияние на финансовые потоки оказывает холдинг «УГМК»; из Каменск-Уральского городского округа финансовые ресурсы активно выводятся как корпорациями, так и населением; в Североуральском городском округе финансовые балансы демонстрируют классическую картину моногорода с кризисными явлениями. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для выработки полноценной системы моделирования эффектов пространственного развития на различных территориях Российской Федерации.

Ключевые слова: Система национальных счетов, финансовые балансы, пространственное развитие, макрорегионы, городские агломерации, моногорода.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках темы НИР Финансового университета ВТК-ГЗ-ФИ-29-23 «Финансово-экономические механизмы развития макрорегионов, городских агломераций и моногородов» (в части формирования инструментов моделирования эффектов пространственного развития); гранта Российского научного фонда № 23-28-00431, <https://rscf.ru/project/23-28-00431/> (в части практических расчетов финансовых балансов моногородов Свердловской области).

Введение

В условиях сокращения источников доходов российской экономики, вызванного наложением различного рода ограничительных мер на российский экспорт и импорт, все острее встает вопрос о поисках внутренних источников развития страны. Данное явление может рассматриваться с различных точек зрения, например в отраслевом разрезе, как замена зарубежных товаров и услуг национальными (импортозамещение), или, с финансовой точки зрения, повышение независимости российской финансовой системы от влияния резервных мировых валют, переход на расчеты в национальных валютах. Один из «срезов» роста эффективности российской экономики, основанного на внутренних резервах развития, формирует углубление межтерриториальной интеграции, связан-

ности территорий, поиск новых «точек роста» в социально-экономическом развитии отдельных муниципальных образований.

С учетом сказанного возникла заинтересованность органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях управления, связанная с идентификацией возможностей для повышения эффективности развития различных пространственных образований. Результатом стало принятие документа «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Согласно документу, объектами управления на государственном уровне являются: 1) 12 макрорегионов Российской Феде-

рации; 2) 20 перспективных крупных центров экономического роста; 3) перспективные центры экономического роста субъектов Российской Федерации, где произведена градация как по вкладу в экономический рост, так и по численности населения; 4) перспективные минерально-сырьевые и агропромышленные центры, выделены «муниципальные образования» той или иной специализации; 5) 20 перспективных центров, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня; 6) геостратегические территории Российской Федерации с делением на приоритетные и приграничные.

Таким образом, в Стратегии пространственного развития в качестве объекта управления используются разноуровневые территориальные образования, классифицированные по различным признакам. Некоторые территории (регионы и муниципальные образования) упоминаются неоднократно, в качестве входящих в состав тех или иных объектов управления. Полагаем, что данный подход был обусловлен поиском органами государственной власти оптимальных параметров управления пространственным развитием, благодаря чему в Стратегии перечислены различные основания по классификации территорий. Поскольку данный документ рассчитан на период до 2025 года, на наш взгляд, действующая версия является первичной для выработки дальнейшей стратегии пространственного развития Российской Федерации.

В пользу этой версии выступают структура и наполнение целевых показателей пространственного развития РФ (Приложение № 5 Стратегии). Приведено всего пять показателей, не охватывающих даже выделенные субъекты управления. Наиболее верифицируемый показатель – среднегодовые темпы роста ВРП субъектов РФ, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста – предполагает ускорение роста с 101% в 2017 году до 103,7 в целевом и 102,6% в инерционном сценариях в 2025 году. Второй показатель, характеризующий приоритетные геостратегические территории (кроме Арктики), уже имеет относительные значения к средне-

русским. Последние три показателя сами по себе мало отображают результаты пространственного развития России (дифференциация индекса человеческого развития, рост транспортной подвижности, экспорт услуг от транзитных перевозок), имеют достаточно размытые критерии выполнения, за базовый уровень взято значение 100% в 2017 году.

В то же время стратегия пространственного развития должна основываться как на четких производственных и расселенческих ориентирах развития страны, так и ясных и верифицируемых показателях эффективности используемых финансовых и организационных ресурсов. В связи с этим вопросы эффективности готовящихся и принимаемых управленческих решений по финансово-экономическим механизмам развития территорий недостаточно проработаны в рамках существующих на государственном уровне подходов. Имеющиеся показатели развития (ВВП, уровень заработной платы и т. д.) не в полной мере отражают управленческие воздействия в рамках этих финансово-экономических механизмов. Можно утверждать, что для территориальных образований разного уровня (макрорегионы, городские агломерации и отдельные муниципальные образования) необходимо применять разные подходы к оценке эффектов управленческих воздействий в силу различий исходных целей, поэтому основной задачей нашего исследования выступает обоснование инструментов оценки эффективности пространственного развития для различных территориальных образований с использованием единой методологической базы.

Существующие подходы к оценке эффективности пространственного развития

Изучением пространственного развития территорий занимаются многие исследователи. В то же время работы, посвященные оценке эффективности развития больших территориальных систем (макрорегионов и городских агломераций), в значительной степени направлены на измерение локальных эффектов от тех или иных решений.

В связи с бурным развитием экономики Китайской Народной Республики в последние десятилетия и, соответственно, коренным изме-

нением центров пространственного развития в последние годы исследования на данную тему широко представлены в научной литературе. Так, при изучении взаимосвязей между провинциями Китая широко используется Мультирегиональная таблица «затраты – выпуск» (MRIOT), на основе которой в работе (Wang et al., 2021) с помощью инструментов сетевого анализа делаются выводы о преобладающем увеличении товарообмена внутри провинций, а не между ними. Применяя региональные таблицы «затраты – выпуск», другие китайские ученые (Lu et al., 2023) провели анализ динамических изменений в пространственной структуре занятости и пришли к заключению о возросшей роли агломераций, иерархий и сетей в распределении занятости.

Наибольший массив научных исследований посвящен вопросам урбанизации и развития крупных агломераций. Например, в работе (Yang Z. et al., 2023) рассматривается пространственно-временная структура сети экономических связей городов в экономическом поясе Северного склона гор Тянь-Шань (КНР), показан увеличивающийся разрыв между крупными и малыми поселениями. Влияние крупных инфраструктурных проектов (на примере инициативы «Один пояс – один путь») на развитие городской агломерации Гуаньчжун исследовано в работе (Zheng, Cao, 2021). Построение моделей мобильности населения по всему Китаю позволило ученым (You et al., 2023) выделить разные типы городских агломераций, не известных ранее. Проблема неэффективной урбанизации некоторых районов Китая, связанная со строительством новых городов, рассматривается в работе (Han et al., 2021); утверждается, что размещение новых населённых пунктов зачастую производится без учета плотности населения и расстояния до центральных районов, что повышает риски неэффективного использования финансовых ресурсов. Можно также выделить ряд исследований, посвященных взаимосвязи развития урбанизированных территорий с экологией (Li et al., 2021; Cui et al., 2021; Tian et al., 2021), географическим положением (Ploeckl, 2021; Gibson et al., 2023), качеством развития отдельных районов (Li, Lu, 2021; Fang, Yu, 2017) и т. д.

Анализируя опыт оценки развития моногородов, можно отметить ряд публикаций российских ученых. В работе (Rubtsov, Litvinenko, 2020) авторы рассматривают опыт поддержки социально-экономического развития моногородов Российской Федерации, предлагают пути совершенствования организационных мероприятий и уточняют целевые индикаторы развития. На основе накопленного опыта ученые предлагают систему управления развитием моногородов перенести на уровень федеральных округов, при этом формируя территориальные кластеры. Похожие идеи социально-экономического развития моногородов развиваются в работе (Ivanova et al., 2017), где исследуются принципы создания муниципальных промышленных кластеров, являющихся основой для опережающего развития экономики моногорода. Концептуальная модель развития моногородов, относящихся к горнорудным муниципальным образованиям, предложена в работе (Artukhova et al., 2018). На примере моногорода Ленинск-Кузнецкий, расположенного в Кемеровской области, авторами выделена значительная зависимость социально-экономического развития территории от градообразующего предприятия: роль остальных предприятий мала для влияния на экономику города.

В зарубежной литературе проблемы развития моногородов активно изучаются исследователями из Китайской Народной Республики. Так, в работе (Fan et al., 2023) на примере 8 моногородов ресурсного типа провинции Сычуань было проведено моделирование социально-экономического развития в зависимости от набора факторов. В результате показано, что самое большое влияние на развитие китайских моногородов оказывает наличие природных ресурсов, на втором месте – социальные условия, затем экология и финансы. В статье (Yang Y. et al., 2023) анализируется международный индекс благосостояния в моногородах, занимающихся добычей угля в Китае, выделяются этапы жизненного типа данного показателя: рост, регенерация, взросление, рецессия. Также в мировой литературе изучаются отдельные аспекты развития моногородов: исторические аспекты разработки полезных ископаемых и современного изменения шахтерских поселений

в Африке (Rubbers, 2019), архитектура и планирование поселений шахтерских городов Швеции и Квебека (Avango et al., 2022) и другое (He, Song, 2023).

Как видно из обзора научных публикаций, российские исследования по выделению эффективности финансово-экономических механизмов развития макрорегионов, агломераций и моногородов в основном направлены на теоретическое обоснование структуры управления такими объектами, вопросы же самой эффективности обсуждаются в меньшей степени. Зарубежные исследователи больше опираются на оценку эффектов от развития постфактум, на основе исторических данных, проводя моделирование взаимосвязей различных индикаторов и показателей. Поэтому, учитывая отсутствие общепринятой системы оценки эффективности принимаемых решений по пространственному развитию территорий различного типа, выдвигаем гипотезу о необходимости и возможности разработки инструментов моделирования для разных территориальных объектов на единой методологической базе, позволяющей в перспективе сформировать единую систему оценки эффектов пространственного развития.

Методологические подходы к оценке эффективности пространственного развития на основе Системы национальных счетов

Как уже отмечалось, в настоящее время в Российской Федерации, несмотря на возрастающий интерес к пространственному развитию, разработка методического инструментария оценки эффективности (или оценки результатов каких-либо управленческих решений) находится в зачаточном состоянии. Это относится не только к макрорегионам, но и практически ко всем изучаемым территориальным образованиям пространственного развития (крупные агломерации, моногорода). Используемые для оценки социально-экономического развития территорий показатели (средняя заработная плата, оборот организаций, создание новых рабочих мест и т. д.) являются достаточно агрегированными, на их динамику влияет большое количество факторов, зачастую не связанных с принятием конкретных решений по пространственному развитию. Поэтому, на наш взгляд, необходимость создания систе-

мы оценки и моделирования эффективности принимаемых решений по пространственному развитию территорий различного уровня является очевидной. Такой системой оценки могли бы стать финансовые балансы территорий, разработанные на основе Системы национальных счетов (СНС). С одной стороны, построение таких балансов обеспечит сопоставимость с показателями, используемыми на национальном уровне (ВВП, налоговые платежи, доходы населения), а с другой – единую систему оценки влияния принимаемых решений на финансовые потоки территорий различного уровня (макрорегионы, агломерации, отдельные муниципальные образования), с учетом специфики каждого территориального образования.

Для крупных пространственных районов, к которым в России относится совокупность регионов, объединенных по тому или иному признаку (федеральные округа, макрорегионы), построение финансовых балансов должно основываться на целях районирования:

– если «нарезка» федеральных округов в свое время преследовала больше политические цели по повышению управляемости территориями, то основными критериями формирования макрорегионов выступают территориальная связанность и потенциал совместного развития; с этой точки зрения исследование финансовых балансов макрорегионов должно основываться на измерении эффектов такого взаимодействия;

– для этих целей необходимо сформировать инструмент оценки (моделирования) эффективности межрегионального взаимодействия, как правило, в форме реализации совместных инфраструктурных проектов;

– сложность построения такого инструмента заключается в выделении вклада принимаемых решений по реализации совместных проектов в добавленную стоимость территорий, поскольку экономика регионов разнообразна и на динамику экономического и социального развития оказывает влияние большое количество факторов;

– использование традиционных показателей экономического развития регионов (ВРП, доходы населения, инвестиции и т. д.) в данном случае не может «выделить» эффект межрегионального взаимодействия с достаточной степенью достоверности;

— наиболее близкими системами по оценке финансово-экономических механизмов взаимодействия в макрорегионах являются отечественный проект СИРЕНА и Матрицы финансовых потоков (МФП; Social Accounting Matrix); первый проект разрабатывается ИЭОПП СО РАН с начала 1980-х годов (Суспицын, 2017; Suspitsyn, 2021) на основе оптимизационных межотраслевых межрегиональных моделей высокой степени агрегации с использованием материально-вещественных балансов между регионами; второй представляет собой модификацию внутрорегионального баланса формирования, перераспределения и использования финансовых потоков с некоторыми возможностями по расчету моделей движения финансовых ресурсов;

— в силу высокой степени агрегации и существующих проблем с источниками данных эти системы могут служить лишь основой для выработки инструментов моделирования эффектов пространственного развития макрорегионов, объединяя положительные стороны обеих систем.

По нашему мнению, наиболее точным инструментом определения взаимосвязей между регионами и оценки эффективности принимаемых решений может выступать создание межрегиональных таблиц «затраты — выпуск». Общероссийские таблицы являются неотъемлемой частью СНС и содержат подробные характеристики производства и использования товаров и услуг, а также доходов, формирующихся в процессе производства. Построение межрегиональных таблиц должно основываться на взаимосвязи перемещения товаров и услуг между регионами макрорегионов (в стоимостном виде) и их применении в межтерриториальном обмене. Для этого наиболее логично формирование таблицы использования товаров и услуг каждого из регионов с выделением потоков между территориями макрорегиона.

В отличие от оценки макрорегиона, оценка эффективности финансово-экономических механизмов развития городских агломераций должна строиться на основе изучения агломерации как единого объекта, то есть совокупности муниципальных образований «ядра» и «периферии». На наш взгляд, такой подход к

построению финансовых балансов должен учитывать ряд особенностей экономического развития агломераций:

— необходимо четко определиться с набором территорий, входящих в объект исследования, поскольку различные подходы могут определять разнородный состав муниципальных образований, относящихся к той или иной агломерации; на наш взгляд, с точки зрения финансовой связности агломераций следует уделить пристальное внимание соотношению показателей трудоспособного населения периферийных муниципальных образований и занятых в экономике крупного города, которое может сигнализировать о формировании общего рынка труда с ядром агломерации;

— в то же время, исходя из существующих концепций агломераций, построенных на «притяжении» различных ресурсов «ядром» (что в целом является истинным), возможны ситуации самодостаточного развития периферийных муниципальных образований, обладающих не меньшим экономическим потенциалом развития; однако это не должно восприниматься как отсутствие агломерационного эффекта в таких муниципальных образованиях, возможно, наоборот, потенциал развития им и обусловлен; многое зависит от административно-территориальной «нарезки» муниципальных образований, когда формально независимые территории являются экономически единым пространством с крупным населенным пунктом, и наоборот;

— финансовые балансы периферийных муниципальных образований в большинстве случаев будут иметь характер несбалансированности, что не является аномалией, поскольку ощущается влияние центра агломерации; если мы представим само «ядро» агломерации как совокупность центра и окружающих его районов, то можно будет наблюдать тот же эффект стягивания ресурсов в центральную часть города;

— построение финансовых балансов территорий агломераций должно основываться на тех же принципах и методах, что и любых других муниципальных образований, однако сложность построения балансов заключается в формировании общих счетов, поскольку на финансовые потоки «ядра» в особенности и пе-

риферийных районов в частности оказывают влияние другие факторы, не связанные с агломерационными эффектами;

– как правило, центр агломерации является точкой притяжения не только рядом расположенных муниципальных образований, но и обширной территории вокруг; однако и сопредельные территории могут быть точкой притяжения ресурсов для более отдаленных от центра агломерации населенных пунктов, и такие потоки очень сложно выделить при составлении балансов движения финансовых ресурсов;

– внимания заслуживает проблема выделения финансовых потоков между территориями в секторе государственного управления: с одной стороны, существующая система уплаты налогов по месту регистрации предприятий приводит к искажению реального вклада периферийных муниципальных образований в добавленную стоимость агломерации; с другой стороны, использование экономическими агентами услуг государственного управления в центральной части агломерации увеличивает зависимость периферии от центра.

Таким образом, задача оценки агломерационных эффектов для совокупности муниципальных образований на основе построения финансовых балансов решается с двух сторон. Первое, разработка таблиц формирования, распределения и использования добавленной стоимости муниципальных образований позволит определить источники экономического развития территорий (крупный бизнес, малые формы предпринимательства, государственные органы и т. д.), что даст возможность сфокусироваться на исследовании эффективности принимаемых решений внутри муниципально-образований. Второе, определение балансов чистого кредитования/заимствования по институциональным секторам позволит выделить степень взаимосвязи между территориями ядра и периферии. Наиболее существенно такие взаимосвязи проявляются в балансах домашних хозяйств, где отображаются доходы и расходы населения территорий. Существующая в настоящее время регистрация потоков доходных источников и структуры потребления домохозяйств не позволяет выделить трансмуниципальные потоки труда и капи-

тала, поэтому особое значение приобретает формирование общих таблиц по институциональным секторам, где наглядно можно определить как перемещение рабочей силы, так и территориальную привязку расходов домашних хозяйств.

При формировании финансовых балансов агломераций, по нашему мнению, в силу повышения точности измерений движения ресурсов следует использовать альтернативные источники информации, позволяющие определить направления движения ресурсов. Например, это могут быть балансы трудовых ресурсов (трудоспособное и занятое на территориях муниципальных образований население), мониторинг ежедневной миграции по базам данных сотовых операторов и т. д. Также необходимо построение баланса оказания государственных услуг домашним хозяйствам (здравоохранение, образование, правоохранительная деятельность и т. д.), что существенно повысило бы наглядность и точность используемых данных по финансовым потокам между муниципальными образованиями.

В итоге разработка индивидуальных и объединенных финансовых балансов муниципальных образований, входящих в агломерации, сформирует достаточно подробную схему движения финансовых потоков как внутри территорий, так и по отдельным институциональным секторам. Все это позволит приступить к разработке инструментов моделирования эффектов пространственного развития для повышения эффективности принимаемых решений и поиска «точек роста» в совместном социально-экономическом развитии агломерации.

Если основной чертой агломераций является сильная взаимозависимость между прилегающими муниципальными образованиями, то специфика экономического и финансового развития моногородов характеризуется следующими особенностями:

– наличие единственного источника формирования добавленной стоимости города (градообразующее предприятие), доходы которого трансформируются в доходы других экономических агентов, то есть населения, бюджета муниципального образования и обслуживающих производств;

— трансформация добавленной стоимости градообразующего предприятия в доходы прочих экономических агентов зависит от множества факторов, в том числе структуры производства моногорода (наличие переделов и сервисных компаний), степени привлечения внешней рабочей силы, встроенности градообразующего производства в вертикально-интегрированные компании, применяемых налоговых режимов и т. д.; соответственно, даже при схожих параметрах финансовых показателей (оборот градообразующего предприятия, средняя заработная плата персонала, доля занятых на основном производстве) реальная ситуация в экономике моногородов может существенно отличаться;

— в большинстве моногородов отсутствуют альтернативные входящие финансовые потоки (то есть кроме градообразующего предприятия), формирующие добавленную стоимость, поскольку экономическая изолированность муниципального образования (по причине удаленности от других экономических центров, а также изначальной специализации моногорода) снижает конкурентоспособность предприятий; в то же время не всегда учитываются финансовые потоки государственного управления, в ряде случаев имеющие существенное значение в экономике моногорода;

— финансирование государственных учреждений из бюджета можно рассматривать как основу для формирования добавленной стоимости территории (в случае если основой специализации моногорода является оказание услуг государству, например обеспечение военной безопасности) либо дополнительный источник привлечения финансирования территории (то есть при наличии достаточно большого количества рабочих мест в секторах, финансируемых бюджетами всех уровней);

— также особенностью моногородов могут выступать дисбалансы на рынке труда и доходов/расходов населения, поскольку ограниченность высокодоходных мест приложения труда и неразвитость сервисных отраслей территорий формируют отрицательный денежный поток населения; это может проявляться как при использовании трудовых мигрантов в производственной деятельности предприятий (особенно в северных регионах), так и оттоке населения,

не желающего связывать свою судьбу с моногородом (депрессивные территории);

— уровень социально-экономического развития и благополучия населения в значительной степени зависит от фазы становления градообразующего предприятия (условно: рост, стабилизация, затухание); как правило, высокий риск неблагоприятных последствий в социально-экономическом развитии моногородов возникает на стадии затухания деятельности градообразующего предприятия, обусловленной либо исчерпанием ресурсных запасов месторождений, либо снижением конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Выделенные специфические черты определяют формирование, перераспределение и использование финансовых ресурсов на таких территориях. С учетом ранних исследований авторов в области теории построения аналога СНС на территориальном уровне и методологии формирования счетов институциональных секторов (Захарчук, Пасынков, 2016; Захарчук, Пасынков, 2017; Zakharchuk, 2022) построение финансовых балансов моногородов является практически решаемой задачей, поскольку они опираются на официальные данные Росстата. Таким образом, взаимодействие с другими территориями у моногорода минимально, построение балансов по секторам и нахождение чистого оттока/притока финансовых ресурсов раскрывает картину движения финансовых потоков. Как и в ситуации с северными территориями, изолированность моногородов предполагает, что расчеты по институциональным секторам показывают «чистые» балансы в отличие от агломераций. В то же время любое крупное движение финансовых ресурсов по любому из секторов в силу достаточно простой структуры экономики четко отражается в финансовых балансах территории. Размещение новых производств, изменение динамики инвестиций, значительная трансформация экономической активности в сервисных и торговых секторах, увеличение расходов бюджета, динамика структуры доходов и расходов населения и т. п. в достаточной мере отображается в счетах институциональных секторов.

Таким образом, построение финансовых балансов моногородов можно рассматривать как первичный опыт по выделению проблем стати-

стического, методологического и практического характера в ходе разработки таблиц формирования, распределения и использования добавленной стоимости муниципальных образований в России. Также возможности по разработке инструментов воздействия на социально-экономическое развитие территорий наиболее эффективно рассматривать на городах такого типа. Используя немногочисленные связи между экономическими агентами и достаточно простую структуру экономики, можно достаточно наглядно определить эффективность финансово-экономических механизмов, принятых в последние годы для развития моногородов, на основе изменения балансов институциональных секторов, в первую очередь государственного управления и домашних хозяйств. Исследовав такие взаимосвязи и зависимости, можно приступить к определению направлений и механизмов формирования «точек роста» отдельных видов экономической деятельности территорий, позволяющих эффективно применять имеющиеся ресурсы.

Результаты

В целях апробации предложенного подхода по формированию финансовых балансов в рамках СНС и повышения наглядности применения балансового принципа их составления в качестве объекта были выбраны три моногорода, расположенных в Свердловской области: городской округ Верхняя Пышма, Каменск-Уральский городской округ, Североуральский городской округ. Данные муниципальные образования входят в официальный список моногородов, установленный Правительством РФ (Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р). Основные характеристики территорий приведены в *таблице*. Из нее видно, что ГО Верхняя Пышма фактически является городом-спутником г. Екатеринбурга, образуя с другими пригородами большую агломерацию. Также характерной чертой взаимосвязи со столицей Свердловской области является существенный разрыв между трудоспособным населением городского округа (43370 человек) и занятыми в городской экономике (28258 человек), что может быть признаком ежедневной трудовой миграции. Каменск-Уральский расположен примерно в 100 километрах от г. Екатеринбурга, что, учитывая отсутствие вы-

сокоскоростной инфраструктуры, можно рассматривать как достаточное основание для его включения в список моногородов по расстоянию. В то же время г. Каменск-Уральский является достаточно крупным населенным пунктом на Среднем Урале (третий по численности после Екатеринбурга и Нижнего Тагила) и сам выступает «точкой притяжения» для населённых пунктов юго-востока Свердловской области. Отметим, что численность трудоспособного и занятого населения города практически совпадает, но распределение занятых не однородно. Наибольшее количество занятых (11,7% от численности трудоспособного населения) приходится на Синарский трубный завод, остальные предприятия имеют меньшую долю в трудоустройстве. Несмотря на то, что крупные предприятия, включенные в список градообразующих, относятся к металлургическому профилю, они производят продукцию достаточно широкого номенклатурного профиля, начиная от алюминия и заканчивая трубами для нефтяной и газовой промышленности. Единственным городом из данного списка, который может без всяких условностей претендовать на статус моногорода, является Североуральск. На градообразующем предприятии ОАО «Севералюкситруд», занимающегося добычей бокситов, трудится около трети от численности занятых, а город достаточно сильно отдален от основных рынков труда. Численность населения городского округа (около 40 тыс. человек) постепенно сокращается, что говорит о его неблагоприятном социально-экономическом положении.

Следовательно, выбранные для анализа муниципальные образования достаточно разнообразны как по экономическому развитию, так и возможностям по использованию ресурсов крупных агломераций, что позволяет оценить влияние различных факторов на формирование, распределение и использование добавленной стоимости. Для составления финансовых балансов этих территорий применялись данные Росстата, Министерства финансов РФ, Федеральной налоговой службы за 2020 год, а также авторские методики расчета. В агрегированном виде, без разбивки по отдельным показателям, выделим основные особенности формирования балансов по каждой территории (*рисунок*).

Основные характеристики городских округов Верхняя Пышма, Каменск-Уральский, Североуральский, отнесенных к моногородам Свердловской области, 2020 год

Характеристика	Городской округ Верхняя Пышма	Каменск-Уральский городской округ	Североуральский городской округ
Категория	Категория 2	Категория 2	Категория 1
Расположение	В 14 километрах к северу от города Екатеринбурга	В 100 км к юго-востоку от города Екатеринбурга	Расстояние до города Екатеринбурга составляет 450 км
Управленческий округ	Западный	Южный	Северный
Численность населения, чел.	85149	169131	40016
Численность занятого населения муниципального образования, чел.	28258	88600	18808
Численность населения в трудоспособном возрасте, чел.	43370	89600	20249
Градообразующее предприятие	ОАО «Уралэлектромедь», головное предприятие цветной металлургии в составе Уральской горно-металлургической компании	1. Филиал «УАЗ-СУАП» ОАО «Сибирско-Уральская Алюминиевая компания». 2. ПАО «Синарский трубный завод». 3. ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод». 4. ОАО «Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов»	ОАО «Севералюкситруда»
Основная выпускаемая продукция	Катоды, медная катанка, медный порошок и изделия из него	1. Филиал «УАЗ-СУАП» ОАО «СУАП–алюминий». 2. ПАО «СинТЗ» – широкий спектр труб нефтяного сортамента. 3. ОАО «КУМЗ» – полуфабрикаты из алюминия и алюминиевых сплавов. 4. ОАО «КУЗОЦМ» – металлопродукция из меди, никеля, цинка и сплавов на их основе	Добыча боксита
Доля занятых на предприятии от среднестатистической численности работников организаций муниципального образования, %	20,3	1. На предприятии филиал «УАЗ-СУАП» – 4,31. 2. На предприятии ПАО «СинТЗ» – 11,7. 3. На предприятии ОАО «КУМЗ» – 7,3. 4. На предприятии ОАО «КУЗОЦМ» – 1,8	33,5
Источник: составлено авторами.			

Балансы финансовых ресурсов городских округов Верхняя Пышма, Каменск-Уральский, Североуральский Свердловской области за 2020 год, тыс. руб.

ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ВЕРХНЯЯ ПЫШМА								
Сектор "Корпорации"	Ресурсы		Использование		Сектор "Государственное управление"			
	Валовая добавленная стоимость (расчетная)		Оплата труда		Ресурсы	Использование		
	46 564 396,84		16 240 808,84		Налоги на производство и импорт, акцизы	78 573,00	Пособия в денежной и натуральной форме	216 081,00
			Другие чистые налоги на производство	840 042,00	Другие чистые налоги на производство	840 042,00	Заработная плата госсектора	4 312 168,00
	Налоги на производство и импорт, акцизы	78 573,00	Налог на прибыль	3 078 380,00	Налог на прибыль	3 078 380,00	Конечное потребление госсектора	4 899 277,35
			Инвестиции	9 983 465,00	Текущие налоги на ДХ	504 922,00	Инвестиции	1 836 586,00
			Дивиденды и изъятия капитала	28 979 350,50	ИДФЛ	3021142,199		
			Чистое заимствование	-12 557 649,50			Чистое заимствование	-3 741 053,15

Сектор "Домашние хозяйства"	Ресурсы		Использование		Баланс финансовых ресурсов	
	Налогооблагаемые доходы		Конечное потребление		Чистое заимствование сектора "Корпорации"	
	16 498 848,00		12 794 393,00		Чистое заимствование сектора "Государственное управление"	-3 741 053,15
	Доходы предпринимателей (малый бизнес и рента)	28 979 350,50	Налоговые платежи	3 526 064,20	Чистое кредитование сектора "Домашние хозяйства"	30 724 476,09
	Социальные выплаты	6 971 973,79	Валовое накопление	5 405 239,00		
	Чистое кредитование	30 724 476,09				14 425 773,44

КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ								
Сектор "Корпорации"	Ресурсы		Использование		Сектор "Государственное управление"			
	Валовая добавленная стоимость (расчетная)		Оплата труда		Ресурсы	Использование		
	71 465 852,36		24 842 275,39		Налоги на производство и импорт, акцизы		Пособия в денежной и натуральной форме	760 463,00
			Другие чистые налоги на производство	580 093,00	Другие чистые налоги на производство	580 093,00	Заработная плата госсектора	4 603 396,00
	Налоги на производство и импорт, акцизы		Налог на прибыль	1 861 488,00	Налог на прибыль	1 861 488,00	Конечное потребление госсектора	4 624 680,88
			Инвестиции	6 274 345,00	Текущие налоги на ДХ	604 971,00	Инвестиции	760 463,00
			Дивиденды и изъятия капитала	11 365 821,90	ИДФЛ	4 099 147,24		
			Чистое кредитование	26 541 829,07			Чистое заимствование	-4 191 909,64

Сектор "Домашние хозяйства"	Ресурсы		Использование		Баланс финансовых ресурсов	
	Налогооблагаемые доходы		Конечное потребление		Чистое кредитование сектора "Корпорации"	
	25 992 622,00		25 187 379,00		Чистое заимствование сектора "Государственное управление"	-4 191 909,64
	Доходы предпринимателей (малый бизнес и рента)	11 365 821,90	Налоговые платежи	4 704 118,24	Чистое кредитование сектора "Домашние хозяйства"	22 995 591,81
	Социальные выплаты	16 548 552,15	Валовое накопление	1 019 907,00		
	Чистое кредитование	22 995 591,81				45 345 511,24

СЕВЕРОУРАЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ								
Сектор "Корпорации"	Ресурсы		Использование		Сектор "Государственное управление"			
	Валовая добавленная стоимость (расчетная)		Оплата труда		Ресурсы	Использование		
	13 124 050,03		4 475 583,56		Налоги на производство и импорт, акцизы	3,00	Пособия в денежной и натуральной форме	174 981,00
			Другие чистые налоги на производство	229 995,00	Другие чистые налоги на производство	229 995,00	Заработная плата госсектора	1 529 530,00
	Налоги на производство и импорт, акцизы	3,00	Налог на прибыль	70 392,00	Налог на прибыль	70 392,00	Конечное потребление госсектора	1 127 453,74
			Инвестиции	1 387 541,00	Текущие налоги на ДХ	80 132,00	Инвестиции	174 981,00
			Дивиденды и изъятия капитала	1 094 451,90	ИДФЛ	802 052,46		
			Чистое кредитование	5 866 086,57			Чистое заимствование	-1 727 719,28

Сектор "Домашние хозяйства"	Ресурсы		Использование		Баланс финансовых ресурсов	
	Налогооблагаемые доходы		Конечное потребление		Чистое кредитование сектора "Корпорации"	
	5 841 250,00		3 826 960,00		Чистое заимствование сектора "Государственное управление"	-1 727 719,28
	Доходы предпринимателей (малый бизнес и рента)	1 094 451,90	Налоговые платежи	882 184,46	Чистое кредитование сектора "Домашние хозяйства"	6 957 209,93
	Социальные выплаты	4 738 827,49	Валовое накопление	8 175,00		
	Чистое кредитование	6 957 209,93				11 095 577,22

Источник: составлено авторами.

ГО Верхняя Пышма. Основной особенностью счетов городского округа является чистое заимствование сектора «Корпорации». Такое часто случается при реализации крупных инвестиционных проектов, когда собственной добавленной стоимости муниципального образования не хватает для реализации проекта. Однако показатель инвестиций корпоративного сектора находится хотя и на достаточно высоком уровне, но не является аномалией. Наиболее крупной статьёй «расходов» корпораций выступила строка «Дивиденды и изъятия капитала», сбалансированная с доходами домашних хозяйств. Стоит отметить, что при построении счета «Домашние хозяйства» использовалось несколько официальных источников информации по доходам и данные сильно различались. В итоге было выяснено, что значительная часть доходов домашних хозяйств закрыта в данных первичной статистики, это коснулось выплат иностранным акционерам дивидендов. Указанная особенность ГО Верхняя Пышма объясняется регистрацией на территории муниципального образования головного холдинга Уральской горно-металлургической компании, в которой аккумулируется прибыль от предприятий холдинга, а выплаты дивидендов отображаются по месту регистрации. Соответственно, такая ситуация и отразилась на счетах сектора домашних хозяйств — при доходах резидентов на сумму 52450 млн руб., израсходовано было всего лишь 21725 млн руб., то есть отток составил более половины полученных доходов. Однако если мы уберем сумму изъятия капитала (28979 млн руб.), то балансы по домохозяйствам практически сравниваются, а по корпорациям из недостаточности добавленной стоимости (-12558 млн руб.) произойдет ее избыток (+16422 млн руб.).

Также стоит отметить хорошие результаты по налоговым платежам государственного сектора, которые сопоставимы с суммой по Каменск-Уральскому ГО (где населения больше в 2 раза), однако и их не хватило для финансирования потребностей государства на территории городского округа из-за значительного количества учреждений, финансируемых из федерального бюджета. Таким образом, на финансовые балансы Верхней Пышмы очень сильное влияние оказывает деятельность холдинга «УГМК», в то же время видно, что формально получен-

ные доходы на территории городского округа фактически не используются в городском экономическом обороте.

Каменск-Уральский городской округ. Сформированные счета по муниципальному образованию достаточно ясно показывают, что корпоративный сектор активно выводит финансовые ресурсы из экономики города. По сравнению с Верхней Пышмой все показатели и по налоговой нагрузке, и по инвестициям, и даже по изъятиям капитала намного ниже, что сигнализирует о выводе добавленной стоимости за территорию муниципального образования через холдинговые структуры. В итоге сектором «Корпорации» было выведено более трети добавленной стоимости (то есть 26,5 млрд руб. из 71,5 млрд руб.). В данном процессе также активно участвуют домашние хозяйства, при 53907 млн руб. полученных доходов на территории города было потрачено лишь 30911 млн руб., и даже если убрать изъятия капитала (11366 млн руб.), то дисбаланс в доходах и расходах не исчезнет. Балансы сектора «Государственное управление» практически идентичны с ГО Верхняя Пышма, однако, помня о двухкратном превосходстве в численности населения, можно говорить о значительно меньшей «дотационности» муниципального образования, и ярким индикатором здесь выступают меньшие объемы инвестиций государственного управления. В целом финансовые балансы Каменск-Уральского ГО можно охарактеризовать как достаточно хорошие, с сильным уклоном в сторону оттока финансовых ресурсов. Для того чтобы понять, является это единичным случаем рассматриваемого года, связанного с эпидемией, или устойчивой тенденцией, необходимо построение балансов в динамике.

Североуральский городской округ. Исходя из построенных балансов, видно, что ситуация в городском округе наихудшая среди рассматриваемых территорий. Во-первых, изъятие добавленной стоимости по корпоративному сектору составляет примерно 45% от общей суммы (5866 млн руб. из 13124 млн руб.). Во-вторых, доходы государственного управления от налогов, собираемых на территории Североуральска, не покрывают и половины расходов сектора (в предыдущих муниципальных образованиях недостаток ресурсов составляет око-

ло 35%). Также реперным показателем низкого потенциала бюджета являются затраты на инвестиции, составляющие всего 2,7%. В-третьих, если убрать доходы от предпринимательской деятельности из ресурсов домашних хозяйств, то израсходовано на территории городского округа только лишь 45% (Верхняя Пышма – 93%, Каменск-Уральский – 73%). Также рекордной является доля социальных выплат в общих доходах населения (более 40%), что свидетельствует о снижении численности работоспособного населения в городском округе. Таким образом, наблюдается сильнейший относительный отток финансовых ресурсов по секторам, что является довольно тревожным признаком в социально-экономическом развитии данной территории.

Выводы

Оценка эффективности пространственного развития Российской Федерации является достаточно обширной темой для исследований, включающей производственные, расселенческие, демографические, природно-ресурсные, экономические и прочие аспекты. В то же время в условиях формирования управленческой политики воздействия на те или иные процессы пространственного развития оценка и моделирование эффектов от использования различных ресурсов на достижение поставленных целей должны основываться на сопоставлении затрат и полученного результата, выраженных в единой системе измерения. Предложенный подход формирования финансовых балансов территорий на основе Системы национальных счетов имеет все возможности для отображения как входящих потоков финансовых ресурсов (управленческое воздействие в финансовом выражении), так и полученного результата (изменение движения финансовых потоков в объекте управления). Рассмотренная специфика различных территорий и их объединений приводит к пониманию, что для каждого объекта управления необходимо учитывать именно те финансовые потоки, на которые нацелено само управленческое воздействие. Если для макрорегионов ключевым направлением эффективности декларируется усиление межрегионального сотрудничества, то моделирование эффектов должно основываться на исследовании взаимосвязей между субъектами

РФ. Для этого больше всего подходят таблицы «затраты – выпуск». Если говорить о городских агломерациях, то усиление взаимодействия между входящими в них муниципальными образованиями предполагает оценку эффектов для всех территорий «ядра» и «периферии», выраженную в неких экономических показателях (добавленная стоимость, средняя заработная плата, доходы и расходы муниципальных бюджетов и т. д.), характеризующих успешность пространственного развития. Для этих целей было предложено формировать индивидуальные и сводные финансовые балансы территорий, предусматривающие возможность моделирования межмуниципальных потоков. Моногорода, характеризующиеся кризисными явлениями в большинстве сфер, с точки зрения финансовых балансов можно рассматривать как изолированную территорию с построением динамических рядов формирования, распределения и использования добавленной стоимости в муниципальном образовании, а также выделения внешних потоков. Любое воздействие в финансовом измерении на экономическое развитие моногорода в силу простых экономических взаимосвязей отображается в финансовых балансах с небольшим лагом, позволяя разработать инструмент моделирования эффективности пространственного развития.

Поскольку научной новизной данного исследования выступает методологическое обоснование инструментов для оценки эффективности пространственного развития с возможностью разработки единого инструмента моделирования, приведенные аргументы и выводы характеризуют общую конструкцию использования методологии Системы национальных счетов в формировании финансовых балансов территорий. В целях демонстрации возможностей представленной методологии предложены практические расчеты финансовых балансов ряда моногородов Свердловской области, выполненные в агрегированном виде за 2020 год. Приведенные расчеты показывают структуру формирования, распределения и использования добавленной стоимости моногородов, а также масштабы и направления оттока/притока капитала, что позволило выделить существующие дисбалансы в экономическом

развитии территорий. Для разработки прикладного инструмента моделирования эффективности принимаемых решений необходимо дезагрегировать балансы и построить их за определённый промежуток времени, что поможет оценить эффекты финансовых вложений в те или иные мероприятия и послужит основой для будущих исследований.

В целом дальнейшее расширение и адаптация финансовых балансов территорий различного уровня к конкретным целям управления составляют достаточно трудоёмкую задачу, однако формируют новые возможности по оценке финансово-экономических механизмов развития, расширяя представления о взаимосвязях экономического развития территорий.

Литература

- Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. (2017). Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода Системы национальных счетов // Экономика региона. Т. 13. № 1. С. 318–330. DOI: 10.17059/2017-1-28
- Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. (2016). Российская Арктика: оценка и возможности финансового развития // ЭКО. № 5 (503). С. 107–119. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2016-5-107-119
- Суспицын С.А. (2017). Проект СИРЕНА: от концепции до технологии // Регион: Экономика и Социология. № 4 (96). С. 25–61. DOI: 10.15372/REG20170402
- Artukhova N., Roshchina I., Kalyanova G., Katz M. (2018). Concept model of mining monotowns sustainable development. *E3S Web Conf.*, 41, 04008. DOI: 10.1051/e3sconf/20184104008
- Avango D., Pashkevich A., Rodon T. (2022). The making and re-making of high modernist towns in the Circumpolar North. *The Extractive Industries and Society*, 12, 101191. DOI: 10.1016/j.exis.2022.101191
- Cui Z., Yang F., Ren F. et al. (2021). Assessing sustainability environmental performance of three urban agglomerations in China: An input-output modeling approach. *Ecological Indicators*, 130, 108079. DOI: 10.1016/j.ecolind.2021.108079
- Fan X., Liu B., Wang K. et al. (2023). Research on the spatiotemporal characteristics of RECC in resource-based cities based on the EWM-CPM: A case study of Sichuan Province, China. *Ecological Indicators*, 147, 109979. DOI: 10.1016/j.ecolind.2023.109979
- Fang C., Yu D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126136. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2017.02.014
- Gibson J., Jiang Y., Susantono B. (2023). Revisiting the role of secondary towns: How different types of urban growth relate to poverty in Indonesia. *World Development*, 169, 106281. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106281
- Han L., Lu M., Xiang K., Zhong H. (2021). Density, distance and debt: New-town construction and local-government financial risks in China. *Journal of Asian Economics*, 77, 101376. DOI: 10.1016/j.asieco.2021.101376
- He T., Song H. (2023) A novel approach to assess the urban land-use efficiency of 767 resource-based cities in China. *Ecological Indicators*, 151, 110298. DOI: 10.1016/j.ecolind.2023.110298
- Ivanova O., Antonov G., Bereznev S. (2017). The principles of municipal industrial clusters' establishment on the territory of advancing social-and-economic development of mono-town. *E3S Web Conf.*, 15, 04001. DOI: 10.1051/e3sconf/20171504001
- Li J., Ouyang X., Zhu X. (2021). Land space simulation of urban agglomerations from the perspective of the symbiosis of urban development and ecological protection: A case study of Changsha-Zhuzhou-Xiangtan urban agglomeration. *Ecological Indicators*, 126, 107669. DOI: 10.1016/j.ecolind.2021.107669
- Li X., Lu Z. (2021). Quantitative measurement on urbanization development level in urban Agglomerations: A case of JJJ urban agglomeration. *Ecological Indicators*, 133, 108375. DOI: 10.1016/j.ecolind.2021.108375
- Lu L., Yin S., Wen F., Xu Q. (2023). The spatial structure of labour force employment in China's industries: Measurement and extraction. *Economic Analysis and Policy*, 77, 472486. DOI: 10.1016/j.eap.2022.12.001
- Ploeckl F. (2021) The next town over: On the clustering of towns and settlements before modern economic growth. *Regional Science and Urban Economics*, 89, 103619. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2020.103619
- Rubbers B. (2019). Mining towns, enclaves and spaces: A genealogy of worker camps in the Congolese copper belt. *Geoforum*, 98, 8896. DOI: 10.1016/j.geoforum.2018.10.005
- Rubtsov G., Litvinenko A. (2020) Development of single-industry towns as a factor of economic and regional growth. *E3S Web of Conferences*, 208(26), 08005. DOI: 10.1051/e3sconf/202020808005

- Suspitsyn S. (2021). Set of methods and procedures for analyzing and forecasting the development of the Eastern regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 11, S65S77. DOI: 10.1134/S2079970522010087
- Tian Y., Wang R., Liu L., Ren Y. (2021). A spatial effect study on financial agglomeration promoting the green development of urban agglomerations. *Sustainable Cities and Society*, 70, 102900. DOI: 10.1016/j.scs.2021.102900
- Wang T., Xiao S., Yan J., Zhang P. (2021). Regional and sectoral structures of the Chinese economy: A network perspective from multi-regional input-output tables. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 581(1), 126196. DOI: 10.1016/j.physa.2021.126196
- Yang Y., Cheng D., Zhang B. et al. (2023). Coal resource-based cities at the crossroads: Towards a sustainable urban future. *Cities*, 140, 104424. DOI: 10.1016/j.cities.2023.104424
- Yang Z., Zhang S., Lei J. et al. (2023). Evolution of economic linkage network of the cities and counties on the northern slope of the Tianshan Mountains, China. *Regional Sustainability*, 4(2), 173184. DOI: 10.1016/j.regsus.2023.05.002
- You S., Feng Z., You Z. et al. (2023). Identification and structural characteristics of urban agglomerations in China based on Baidu migration data. *Applied Geography*, 156(6), 102999. DOI: 10.1016/j.apgeog.2023.102999
- Zakharchuk E. (2022). Sanctions and scenarios of economic development of the Russian Arctic territories (the case of the Yamalo-Nenets Autonomous District). *R-economy*, 8(3), 281294. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.022
- Zheng H., Cao X. (2021). Impact of high-speed railway construction on spatial relationships in the Guanzhong Plain urban agglomeration. *Regional Sustainability*, 2(1), 4759. DOI: 10.1016/j.regsus.2021.01.001

Сведения об авторах

Екатерина Александровна Захарчук – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; e-mail: zakhartchouk@mail.ru)

Алексей Федорович Пасынков – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: monografia@mail.ru)

Zakharchuk E.A., Pasyнков A.F.

Financial Balances of Territories as a Tool for Modeling the Effectiveness of Spatial Development

Abstract. The spatial development of the Russian Federation has been actively discussed virtually since the formation of modern statehood. The institutionalization of the problem of single-industry towns in 2014 and the adoption of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation in 2019 gave a new impetus to such discussions. However, despite a significant amount of research, the issues concerning the effectiveness of spatial development decisions at the level of macro-regions, urban agglomerations and single-industry towns have not been sufficiently worked out; this fact determines the relevance of the work. The aim of our study is to substantiate the tools for assessing the effectiveness of spatial development for various territorial entities. The novelty of the research lies in the methodological substantiation of the use of the System of National Accounts (SNA) for the formation of financial balances of territories at various levels, which in the future can become a single tool for modeling the effectiveness of spatial development. It is proved that the most accurate tool to determine the relationships between regions and evaluate the effectiveness of decisions for macroregions can be the creation of interregional input-output tables, for urban agglomerations – the development of individual and combined financial balances of municipalities, for single-industry towns – the development of tables for the formation, redistribution and use of financial resources, with the allocation of channels for the outflow/inflow of flows. The article, providing an example of the practical application of the proposed approaches, presents the financial balances of several single-industry towns of the Sverdlovsk Oblast for 2020 in the context of institutional

sectors of the economy (“Corporations”, “Public Administration”, “Households”). According to the analysis of the data obtained, we see that the construction of financial balances made it possible to clearly identify the existing imbalances in the economic development of the territories: the Ural Mining and Metallurgical Company (UGMK) has a great influence on financial flows in Urban Okrug Verkhnyaya Pyshma; financial resources are being actively withdrawn from the Kamensk-Uralsky Urban Okrug by corporations and the population; financial balances in Severouralsky Urban Okrug show a classic picture of a single-industry town with crisis phenomena. The findings of the study can be used to develop a full-fledged system for modeling the effects of spatial development of various territories of the Russian Federation.

Key words: System of National Accounts, financial balances, spatial development, macroregions, urban agglomerations, single-industry towns.

Information about the Authors

Ekaterina A. Zakharchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: zakhartchouk@mail.ru)

Aleksei F. Pasyukov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: monografia@mail.ru)

Статья поступила 16.08.2023.

Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: belek-galina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

Аннотация. Решение задач по формированию активного долголетия и благополучной старости, заложенных в программных и стратегических документах России (Федеральный проект «Старшее поколение», «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года» и проч.), невозможно без достижения финансового благополучия. Цель исследования — раскрыть теоретико-методологические основы финансового благополучия населения старших возрастов, отраженные в зарубежном и отечественном научном дискурсе. В статье представлены теоретико-методологические рамки финансового благополучия населения старших возрастов, осуществлена его предварительная оценка на кейсе населения старших возрастов в условиях российской действительности. В результате критического анализа научной литературы показано, что категория «финансовое благополучие» привычна в зарубежном научном дискурсе, но в отечественных исследованиях не распространена. Выделены общие аспекты финансового благополучия: хорошее текущее финансовое положение; финансовая устойчивость к потрясениям; уверенность в обеспеченности будущего. Предложен набор показателей, позволяющий провести разведывательную оценку финансового благополучия населения старших возрастов на данных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам — 2022 (опрос Минфина РФ и Банка России). Использовались методы социологического анализа (дескриптивный анализ, анализ частотного распределения с помощью комбинационных таблиц). Выявлено, что население старших возрастов ощущает себя более подготовленным к возможным

Для цитирования: Белехова Г.В. (2023). Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 117–137. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.7

For citation: Belekhova G.V. (2023). Financial well-being of older adults: Theoretical and methodological aspects and assessment issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 117–137. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.7

финансовым потрясениям, чему способствует ориентация на сберегательные практики и невысокая кредитная активность. В качестве болевых точек определено то, что старшее поколение более обеспокоено вероятной нехваткой денежных средств в нужный момент, а также не испытывает уверенности в достаточной финансовой обеспеченности своего будущего. В завершение статьи обозначены перспективные направления исследования.

Ключевые слова: финансовое благополучие, население старших возрастов, пенсия, социологический опрос, доход, планирование.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Введение

На текущий момент одной из главных демографических тенденций, наблюдаемых не только в России, но и во всем мире¹, выступает старение населения, выражающееся в увеличении доли и численности пожилых людей в его возрастной структуре. По состоянию на 2022 год доля россиян старше трудоспособного возраста равнялась 25,2%. Согласно демографическому прогнозу Росстата, к 2036 году она будет не менее 24% при одновременном сокращении доли населения моложе трудоспособного возраста до 14% (18,7% в 2022 году) и увеличении доли лиц трудоспособного возраста до 62% (56,3% в 2022 году)².

В России задачи обеспечения высокого уровня и качества жизни населения старших возрастов, всестороннего поддержания и развития его человеческого потенциала закладываются в основу важнейших программных и стратегических документов, регламентирующих вопросы социально-экономической и демографической политики (Федеральный проект «Старшее поколение»³, «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Рос-

сийской Федерации до 2025 года»⁴, Указ Президента № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и др.). В перечисленных документах основанием политики в отношении старшего поколения выступает концепт «активного долголетия»⁵. Он широко используется в исследовательском и экспертном дискурсе наряду с такими понятиями, как «успешное старение», «благополучное старение», «продуктивное старение», «гармоничное старение», «здоровое старение» и проч.⁶ (Калачикова и др., 2023). Согласно аналитическому докладу по проекту «Концепции политики активного долголетия в России», подготовленному коллективом НИУ ВШЭ, активное долголетие является «состоянием социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность

¹ По оценкам ООН, в 2020 году число людей в возрасте 60 лет и старше превысило число детей младше 5 лет, а в период с 2015 по 2050 год доля населения мира старше 60 лет почти удвоится с 12 до 22%. См.: Ageing and health. 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения 28.08.2023).

² Демографический прогноз до 2035 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 28.08.2023).

³ Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения 28.08.2023).

⁴ Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-п. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения 28.08.2023).

⁵ Например, в «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» отмечено, что «Результатом реализации Стратегии является создание условий для активного долголетия граждан старшего поколения, которые позволят повысить уровень и качество жизни таких граждан».

⁶ Концепция политики активного долголетия (2020): научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 40 с. С. 4.

для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии»⁷.

Важно понимать, что «развитие потенциала успешного и активного долголетия возможно только при условии социально приемлемого уровня жизни граждан старшего поколения»⁸. Такой уровень жизни предполагает достижение экономической независимости, финансовой свободы и устойчивости к потрясениям, возможности полноценно и беспрепятственно удовлетворять собственные (текущие и будущие) потребности. В зарубежном научном и экспертном поле указанные характеристики зачастую обобщаются в категории «финансовое благополучие» (*financial well-being*) (Brüggen et al., 2017).

Международные исследования показывают, что собственное финансовое положение серьезно волнует население. По результатам опросов, в 2020 году в среднем по странам ОЭСР⁹ 66,5% респондентов в той или иной степени были обеспокоены финансами своих домохозяйств и общим экономическим благополучием в течение следующих двух лет. Более половины респондентов (58,7%) испытывали волнение по поводу полноценной оплаты всех своих расходов. В долгосрочной перспективе (в горизонте следующего десятилетия) восприятие риска тоже сосредоточено в области финансов — более 70% респондентов переживали о финансовой безопасности в старости¹⁰.

Общенациональные социологические исследования, проводимые в России, также выявляют высокую обеспокоенность населения вопросами собственного экономического по-

ложения. Согласно опросам ФОМ¹¹, на протяжении многих лет помимо страха за детей (внуков), за здоровье близких и собственное здоровье россияне испытывают большие опасения по поводу безденежья (34% в 2015 году, 31% в 2022 году). Такая оценка более характерна для населения молодого и среднего возраста (18–30 лет — 35%; 31–45 лет — 35%), чем для пожилых граждан (старше 60 лет — 23%). По стране в целом на первое место выходит обеспокоенность повышением цен и обнищанием людей (39% в 2015 году, 40% в 2022 году), причем злободневность данной проблемы ежегодно подчеркивается представителями всех возрастных групп.

В широком смысле финансовое благополучие старшего поколения включено во многие концепции активного долголетия и здорового старения. В частности, концепция активного долголетия (*active ageing*) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в основе которой лежат три компонента (здоровье, социальное участие и безопасность), неразрывно связана с финансовым положением населения через показатели трудовой активности и финансовой безопасности¹². Подход к активному старению, продвигаемый Департаментом здоровья и старения Австралии, наряду с социальной, умственной и физической активностью, участием в рабочей силе предполагает также обеспечение финансовой безопасности пожилого населения¹³. В соответствии с программой ООН «Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг.», продолжающей традиции Глобальной стратегии ВОЗ по проблемам старения и здоровья, Мадридского международного плана действий ООН по проблемам старения, большое значение для достойной жизни в старости имеют социально-экономические ресурсы и возможности, доступные людям на протяжении их жизни, поскольку они влия-

⁷ Концепция политики активного долголетия (2020): научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 40 с. С. 7.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Main Findings from the 2020 Risks that Matter Survey. Chapter 1. Taking the pulse of OECD countries. OECD Report. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b9e85cf5-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/b9e85cf5-en&_csp_=3bd26a099e8ba997c4158500e11028fe&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e711 (accessed: August 28, 2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Тревоги и опасения людей (от 11 февраля 2022 г.). ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14685> (дата обращения: 25.08.2023).

¹² Active Ageing: A Policy Framework (2002). Geneva: World Health Organization. Available at: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: October 13, 2023).

¹³ The Australian Government Department of Health and Ageing by the Healthpact Research Centre for Health Promotion and Wellbeing, A Review of the Literature on Active Ageing, Canberra, Australia, 2006. Цит. по: (Калачикова и др., 2023, с. 28).

ют на способность делать правильный выбор в отношении здоровья, помогают поддерживать полноценную и активную жизнедеятельность в старших возрастах¹⁴.

Для мониторинга прогресса в достижении целей активного и здорового старения используется несколько международных индексов. Наиболее известными из них являются Индекс активного долголетия (Active Ageing Index), Глобальный индекс наблюдения за старением (Global AgeWatch Index), Глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index), Индекс благополучия пожилых (Wellbeing in Later Life Index, WILL) (Павлова и др., 2021). Измерение осуществляется с помощью специально разработанных показателей и индикаторов, которые характеризуют различные аспекты благополучия пожилого населения. Экономическое (материальное) благополучие в основном оценивается посредством количественных показателей (пенсионный доход, уровень бедности в старости, кредитная нагрузка, накопленное богатство, ВВП на душу населения, относительный уровень дохода пожилых людей и проч.) и индикаторов достаточности имеющихся средств (например, доля пожилых людей, не испытывающих тяжелых материальных лишений при приобретении определенных продуктов, товаров и услуг). Интегральные индексы являются удобными и эффективными инструментами измерения, и чем лучше проработаны составляющие их компоненты, тем достовернее будет проводимая оценка.

Учитывая ориентацию многих программных документов, связанных со старшим поколением, на успешное и активное старение населения, предполагающее среди прочего обеспеченную и экономически независимую жизнь в старшем возрасте, мы считаем возможным использовать категорию «финансовое благополучие» как составной элемент оценки общего благополучия и качества жизни населения старших возрастов. Значимость измерения данной категории повышается в контексте современных вызовов для экономики и социальной сферы,

¹⁴ Десятилетие здорового старения на период 2020-2030 гг. ООН. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_4 (дата обращения 13.10.2023).

проявляющихся в росте расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание; возрастании роли населения старших возрастов в сфере потребления; расширении возможностей для вложения денежных средств; развитии форматов предоставления финансовых и социальных услуг в условиях повсеместной цифровизации и проч.

Цель исследования заключается в раскрытии теоретико-методологических основ финансового благополучия населения старших возрастов, представленных в зарубежном и отечественном научном дискурсе. Внимание уделено теоретико-методологическим аспектам изучения финансового благополучия населения. В частности, рассматриваются взгляды на сущность категории «финансовое благополучие»; обозначаются факторы формирования финансового благополучия населения и систематизируются подходы к его оценке; обобщаются особенности финансового благополучия населения старших возрастов, выявляемые зарубежными исследователями. Вторая часть статьи посвящена эмпирической проверке возможности оценить финансовое благополучие населения старших возрастов на российских данных. На примере Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, проводимого по инициативе Минфина РФ и Банка России, оценивается, как население старших возрастов воспринимает свое финансовое благополучие, как планирует расходы, сберегает и инвестирует свободные средства, каким образом справляется с финансовыми потрясениями.

Методы исследования и информационная база

В ходе исследования использован комплекс общих и специальных методов научного познания. Решение задачи, связанной с систематизацией теоретико-методологических аспектов изучения финансового благополучия населения, базировалось на применении общенаучных методов: обобщения, сравнения, анализа и синтеза научной литературы и открытых источников. Основной пул сформирован из англоязычных публикаций, поскольку поиск в российской библиометрической системе (eLibrary) не дал релевантных результатов.

Реализация аналитических задач по оценке финансового благополучия населения старших

возрастов осуществлена с помощью методов социологического анализа (дескриптивный анализ, анализ частотного распределения с помощью комбинационных таблиц).

Эмпирическую базу для оценки финансово-го благополучия населения старших возрастов составили данные Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам — 2022¹⁵. Проект реализуется с 2013 года раз в два года. Четыре первые волны были организованы Минфином России, пятая волна (опрос 2022 года) — Банком России. Координацию и реализацию всех волн обследования, включая полевые работы, осуществляет ООО «Демоскоп». В 2022 году было опрошено 6081 домохозяйство, включая 12162 респондента, проживающих в 32 субъектах России.

«Старость» — понятие статическое. Мера «старости» определяется некоторой условной возрастной границей. Существует множество возрастных классификаций, в каждой из них выделяются разные периоды и границы этапов жизни человека, в том числе в старшем возрасте, однако в большинстве из них нижняя граница старости составляет 60 лет (Барсуков, Калачикова, 2020). В данном исследовании будем учитывать не только демографический критерий, но и правовой. Принимая во внимание, что многие стратегические документы и меры социальной поддержки населения дифференцированы по возрасту, для выделения населения старших возрастов будем ориентироваться на возраст выхода на пенсию, который в России в 2022 году составил 56,5 года для женщин и 61,5 года для мужчин. Соответственно, объем анализируемой выборки, включающей только население старших возрастов (женщины от 56 лет, мужчины от 61 года), — 4331 человек, а объем выборки остального населения — 7831 человек. Обработка данных выполнена в SPSS.

Финансовое благополучие населения: концептуализация, операционализация, факторы

В зарубежной научной литературе категории финансового благополучия уделяется большое внимание (Kaur et al., 2021), в том числе приме-

нительно к положению населения старших возрастов (Ching Yuen Luk, 2023; Xue et al., 2020). В российской исследовательской практике данный дискурс практически отсутствует, а более традиционным является обращение к вопросам уровня и качества жизни пожилых людей (Барсуков, Калачикова, 2016; Айзинова, 2017; Шабунова, Россошанский, 2018; Бурцева и др., 2019), их благополучия (Павлова и др., 2021), состояния здоровья и трудовой активности старшего поколения (Короленко, Барсуков, 2017; Барсуков, Шабунова, 2018), распространенности практик активного долголетия, мотивам и барьерам их реализации (Короленко, 2022), социальной политики в части обеспечения высокого качества жизни и благополучия населения старших возрастов (Барышева, Недоспасова, 2017; Доброхлеб, 2021).

Понятие «благополучие» включает элементы, которые обеспечивают индивиду способность жить полноценной для него жизнью (Рязанцев, Мирязов, 2021, с. 6). Обычно выделяют пять аспектов благополучия населения: физическое, материальное, социальное, эмоциональное, развитие и активность. Эти аспекты могут быть переформулированы как физическое здоровье, доходы и благосостояние, социальные отношения, отсутствие депрессии, работа и свободное время (Кислицына, 2016). Подобный подход используется и в Глобальном индексе благополучия Gallup-Healthways (Gallup-Healthways Global Well-being Index)¹⁶, который включает пять аспектов благополучия: 1) физическое (хорошее здоровье и достаточный запас энергии для осуществления ежедневной работы); 2) экономическое/финансовое (управление экономической ситуацией с целью снижения стресса и повышения безопасности); 3) общественное (ощущение безопасности и гордость за принадлежность к обществу); 4) социальное (наличие поддержки и любви); 5) успех (связь между каждодневными делами и мотивацией для достижения целей). В данном исследовании мы рассматриваем финансовое благополучие как составной элемент благополучия более высокого уровня — экономического.

¹⁵ Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам / Центральный Банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitelskim-finansam/ (дата обращения 14.08.2023).

¹⁶ Country Well-Being Varies Greatly Worldwide. Gallup. Available at: <https://news.gallup.com/poll/175694/country-varies-greatly-worldwide.aspx> (accessed: August 28, 2023).

Смежные с благополучием категории уровень жизни, качество жизни, социально-экономическое положение, благосостояние, по сути, характеризуют один и тот же объект — человеческую жизнь. В большинстве «стратегических документов, рейтингов, результатов научных исследований социальной направленности термины „благополучие” и „качество жизни” употребляют как взаимозаменяемые и рассматривают как индикаторы оценки эффективности государственной политики по управлению и развитию общества» (Бурцева и др., 2019, с. 6). Данные категории являются сложными, включают разнообразные элементы (материальное обеспечение, характеристики

занятости, состояние здоровья, комфортность и безопасность проживания, социальные отношения, социальная активность и проч.), а для их полноценного описания зачастую используются не только количественные социально-экономические показатели, но и индикаторы нематериального порядка (самооценка возможностей, удовлетворенность аспектами жизни, счастье, самочувствие и т. д.).

Результаты обзора работ российских авторов свидетельствуют, что категория «финансовое благополучие» не нашла широкого применения в исследовании социально-экономического положения населения старших возрастов (табл. 1). Обычно при оценке благополучия,

Таблица 1. Подходы российских исследователей к оценке благополучия населения старших возрастов

Авторы	Компоненты качества жизни / благополучия / долголетия пожилого населения	Показатели, характеризующие экономическое положение
Т.А. Бурцева, Н.Ю. Чаусов, С.Н. Гагарина (Бурцева и др., 2018)	Качество жизни пожилого населения: 1. Качество жизни пожилого населения. 2. Уровень благосостояния пожилого населения. 3. Качество социальной сферы пожилого населения. 4. Качество трудовой сферы пожилого населения	Компонент «Уровень благосостояния» характеризуется следующими показателями: – объем платных социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам на душу населения; – реальный размер прожиточного минимума; – оценка «очень плохое» домохозяйствами пенсионеров состояния занимаемого ими жилого помещения; – доля лиц старших возрастов, участвовавших в каких-либо развлекательных мероприятиях; – доля лиц старших возрастов, участвовавших в каких-либо спортивных мероприятиях
Е.В. Васильева (Васильева, 2022)	Индекс активного долголетия: 1. Здоровье. 2. Трудовая активность. 3. Безопасность	Компонент «Безопасность» характеризуется следующими показателями: – отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера, раз; – коэффициент замещения
Г.Л. Воронин, В.Я. Захаров, П.М. Козырева (Воронин и др., 2018)	Субъективное благополучие пожилых людей: 1. Материальные условия (доход и богатство, работа и заработки, жилищные условия). 2. Качество жизни (здоровье, баланс «работа – жизнь», социальные связи, гражданская ответственность, окружающая среда, безопасность)	Компонент «Материальные условия» характеризуется следующими показателями: – домашний совокупный чистый располагаемый доход на человека; – уровень индивидуального дохода каждого члена семьи; – средний ежемесячный доход на одного работника; – удовлетворенность оплатой труда; – расходы на жилье
И.А. Павлова, Е.А. Монастырный, И.В. Гуменников, Г.А. Барышева (Павлова и др., 2018)	Российский индекс благополучия старшего поколения (РИБСП): 1. Экономическое измерение. 2. Социальное измерение. 3. Здоровье. 4. Региональное пространство и государственное обеспечение	Компонент «Экономическое измерение» характеризуется следующими показателями: – реальный размер назначенных пенсий; – соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума; – доля работающего населения в возрасте старше трудоспособного; – наличие на прошлой неделе (хотя бы 1 час) какой-либо оплачиваемой деньгами или натурой работы; – степень удовлетворенности работой по восьми аспектам, среди которых заработок
Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.		

активного долголетия или качества жизни отечественные исследователи оперируют показателями, которые характеризуют уровень доходов и потребительские возможности пожилых людей; чуть реже оценка дополняется показателем удовлетворенности получаемым доходом.

Как уже было отмечено выше, в рамках зарубежных исследований обнаруживается более высокий уровень интереса к проблематике

финансового благополучия населения (Kaur et al., 2021; Wilmarth, 2021). Используется несколько терминов, иногда взаимозаменяемых с финансовым благополучием – финансовое здоровье, финансовое удовлетворение, финансовый комфорт, финансовая устойчивость, однако в большинстве работ авторы оперируют понятием благополучия (табл. 2). Первоначально финансовое благополучие понималось

Таблица 2. Определения категории «финансовое благополучие»

Авторы	Трактовка	Комментарий
N.M. Porter*, W. Vosloo, J. Fouche, J. Barnard (Vosloo et al., 2014)	Финансовое благополучие можно определить как объективные и субъективные аспекты, позволяющие сформировать мнение человека о его финансовом положении	Финансовое благополучие как отражение финансового положения без уточнения о финансовой безопасности, свободе и будущем
United Nations Secretary-General's Special Advocate for Inclusive Finance for Development – UNSGSA**	Финансовое здоровье, или благополучие – это новая концепция, которая рассматривает финансовую сторону способности отдельных лиц и семей процветать в обществе	
R.G. Netemeyer, D. Warmath, D. Fernandes, J.G. Lynch (Netemeyer et al., 2018)	Финансовое благополучие включает: 1) текущий стресс, связанный с управлением деньгами / капиталом (current money management stress – CMMS); это чувство беспокойства по поводу текущего финансового положения и неспособности управлять деньгами, эффективно выполнять финансовые обязательства и жить той жизнью, которой хочется жить; 2) ожидаемая будущая финансовая безопасность (expected future financial security – EFFS) – это представления о финансово безопасном будущем и достижении будущих финансовых целей	Более широкий взгляд на финансовое благополучие, чем предыдущий, так как дополнен оценкой финансового будущего
E. Kempson, A. Finney, C. Poppe (Kempson et al., 2017)	Финансовое благополучие определяет, в какой степени человек способен с комфортом выполнять все свои текущие обязательства и удовлетворять потребности, а также обладает финансовой устойчивостью для поддержания этого в будущем	Наиболее полный взгляд на финансовое благополучие; данные определения включают в себя параметры текущего положения и повседневного управления финансами, финансовой свободы и устойчивости в настоящем, финансовой безопасности в будущем
E.C. Brügggen, J. Hogreve, M. Holmlund, S. Kabadayi, M. Löfgren (Brügggen et al., 2017)	Финансовое благополучие – это восприятие способности поддерживать желаемый уровень жизни, сохранять экономический потенциал и повышать свою финансовую свободу в будущем	
L. Riitsalu, R. Sulg, H. Lindal, M. Remmik, K. Vain (Riitsalu et al., 2023)	– Ощущение хорошего личного финансового положения и возможность позволить себе желаемый образ жизни сейчас и в будущем; – сохранение текущего образа жизни и достижение желаемого образа жизни в будущем, включая возможность покрыть необходимые расходы и обязательства, в идеале – возможность позволить себе все, что пожелаешь	
Consumer Financial Protection Bureau – CFPB***	Финансовое благополучие – это состояние, при котором человек может полностью выполнять текущие финансовые обязательства, чувствовать себя в безопасности в будущем и способен делать выбор, который позволяет наслаждаться жизнью	
* Porter N.M. (1990). Testing a model of financial well-being (Doctoral thesis). Available at: https://techworks.lib.vt.edu/handle/10919/39899 (accessed: September 4, 2023).		
** Financial Health: An introduction for financial sector policymakers. (2021). UNSGSA Financial Health Working Group. Available at: https://www.unsgsa.org/publications/financial-health-introduction-financial-sector-policymakers (accessed: August 28, 2023).		
*** CFPB Financial Well-Being Scale: Scale development technical report. (2017). Consumer Financial Protection Bureau. Available at: https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being-technical-report/ (accessed: August 28, 2023).		
Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.		

как общее удовлетворение финансовым положением, однако впоследствии его трактовка вышла за рамки оценки текущей финансовой ситуации за счет включения таких аспектов, как восприятие финансовых возможностей, ощущение экономической устойчивости, уверенность в финансовой безопасности в будущем и проч. (Porter, Garman, 1993).

Приведенные мнения наглядно свидетельствуют, что единого подхода или универсальной научной концепции финансового благополучия населения в зарубежной литературе не сформировано. *Однако можно выделить некоторые общие аспекты его сущности: хорошее текущее финансовое положение; финансовая устойчивость к потрясениям; уверенность в обеспеченности будущего.* Подчеркнем, что в изученной нами литературе нет специфического определения или подхода к концептуализации финансового благополучия применительно к конкретным группам населения (например, многодетным семьям, работникам какой-либо отрасли, людям старшего возраста и т. д.).

Как видно из таблицы 2, при всем многообразии трактовок финансового благополучия населения их смысловые расхождения сводятся к минимуму и относятся по большей части к детализации. В большинстве зарубежных исследований за основу взято определение, предлагаемое Бюро финансовой защиты потребителей – Consumer Financial Protection Bureau (CFPB), поскольку оно удобно для операционализации и наиболее оптимально отражает элементы финансового благополучия индивида: способность контролировать ежедневные и ежемесячные финансы (повседневное управление финансами); способность преодолевать финансовые потрясения, вызванные непредвиденными жизненными событиями (финансовая устойчивость); способность достигать финансовые цели и иметь финансовую свободу делать выбор; чувство финансовой безопасности в отношении будущего¹⁷. В данном исследовании мы также ориентируемся на обозначенный подход.

¹⁷ CFPB Financial Well-Being Scale: Scale development technical report. (2017). Consumer Financial Protection Bureau. Available at: <https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being-technical-report/> (accessed: August 28, 2023).

Финансовое благополучие населения, как сложный многомерный феномен, *оценивается посредством различных объективных и/или субъективных показателей*, которые имеют как непосредственное количественное выражение, так и являются проекцией восприятия индивидом собственного финансового положения. *Объективные показатели* характеризуют количественные аспекты финансового положения (доход, размер семьи, сумма средств на банковском вкладе, кредитная нагрузка и проч.), а также позволяют описать финансовые знания и практики населения (ведение бюджета, планирование покупок, знание признаков финансового мошенничества и т. д.). *Субъективные показатели*, такие как удовлетворенность размером сбережений на старость, достаточность сформированных финансовых резервов, склонность к импульсивным покупкам и др., характеризуют личностные и поведенческие особенности индивидов. Ряд авторов предпочитает объективные показатели, другие используют субъективные меры, определяемые с помощью шкалы Лайкерта, дихотомических переменных, социологических индексов, а третьи комбинируют оба варианта оценки (Riitsalu et al., 2023). С одной стороны, субъективный подход хорош тем, что отражает восприятие и ценности людей лучше, чем объективные показатели. С другой стороны, оценка по объективным показателям более основательна и аргументирована в плане разработки мер по повышению финансового благополучия (Riitsalu et al., 2023). Однако чаще всего исследователи обращаются именно к субъективному подходу, поскольку он позволяет получить более содержательное представление о финансовом благополучии населения (табл. 3).

Многоаспектность самой категории «финансовое благополучие» обуславливает выделение *большого перечня факторов, на него влияющих*, от внешних условий (уровень развития финансовых рынков, гарантии государства, экономическая и политическая стабильность в стране, система социальной поддержки, уровень инфляции, культурные и религиозные традиции и проч.) до индивидуальных факторов (социально-демографические характеристики индивидов, развитость социальных контактов, поведенческие особенности:

Таблица 3. Методики оценки финансового благополучия населения
(в рамках субъективного подхода)

Авторы	Описание методики
A. Gutman, T. Garon, J. Hogarth, R. Schneider (Gutman et al., 2015)	Финансовое здоровье оценивается по широкому перечню вопросов по четырем различным темам: управление ежедневными финансами, устойчивость, способность использовать возможности, финансовое отношение
Consumer Financial Protection Bureau – CFPB*	<p>Финансовое благополучие оценивается по четырем компонентам:</p> <ul style="list-style-type: none"> – повседневное управление финансами; – финансовая устойчивость; – способность достигать финансовые цели; – чувство финансовой безопасности в отношении будущего. <p>Используются вопросы: «Насколько хорошо это утверждение описывает вас или вашу ситуацию?» (5-балльная шкала от «полностью» до отсутствия); «Как часто это утверждение применимо к вам?» (5-балльная шкала от «всегда» до «никогда»).</p> <p>Примеры утверждений:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Я могу покрыть крупные непредвиденные расходы. 2. Из-за моего финансового положения я чувствую, что у меня никогда не будет того, чего я хочу в жизни. 3. Меня беспокоит, что денег, которые у меня есть или которые я сэкономя, не хватит. 4. Если подарить подарок на свадьбу, день рождения или по другому поводу, это создаст нагрузку на мои финансы на этот месяц.
E. Kempson, A. Finney, C. Poppe (Kempson et al., 2017)	<p>Финансовое благополучие оценивается по трем компонентам:</p> <ul style="list-style-type: none"> – финансовые обязательства (активные сбережения, ограничения расходов и мониторинг плана), – финансовый комфорт (свобода тратить, уверенность в том, что можно наслаждаться деньгами вместо финансового стресса), – финансовая устойчивость (способность справляться с непредвиденными обстоятельствами, не занимая и не продавая активы по несправедливой цене). <p>Примеры вопросов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Как часто вам не хватает денег на еду или другие регулярные расходы? (частотная шкала). 2. Какое из следующих утверждений лучше всего описывает, насколько хорошо вы в состоянии оплатить свои счета и кредитные обязательства в данный момент? («без каких-либо затруднений»; «время от времени это борьба»; «это постоянная борьба»). 3. Насколько вы уверены в своем финансовом положении в ближайшие 12 месяцев? (5-балльная шкала от «совсем не уверен» до «очень уверен»). 4. Если ваш доход упал на четверть, в течение скольких месяцев вы могли бы покрывать все свои расходы без необходимости брать займы?
O. García-Mata, M. Zerón-Félix, G. Briano (García-Mata et al., 2022)	<p>Рассчитывается Индекс финансового благополучия по девяти компонентам; индекс основан на дихотомических переменных; включает объективные и субъективные измерители; не учитывает переменные, касающиеся эмоционального состояния, вызванного управлением личными финансами.</p> <p>Вопросы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Страхование – «Есть ли у вас какой-либо вид страхования, например страхование автомобиля, дома, жизни, медицинское или другое страхование (независимо от социального обеспечения и медицинских услуг, предоставляемых государством)?» 1 = Да, 0 в противном случае. 2. Выход на пенсию – «Планируете ли вы в старшем возрасте покрывать свои расходы средствами, которые вы получаете от пенсионного фонда, частного пенсионного плана или фонда, управляемого учреждением, специализирующимся на пенсионном обеспечении?» 1 = Да, 0 в противном случае. 3. Бюджет – «Ведете ли вы бюджет или учет своих доходов и расходов?» 1 = Да, 0 в противном случае. 4. Ликвидность – «За последний год вы откладывали деньги дома?» 1 = Да, 0 в противном случае. 5. Цели – «Как правило, ставите ли вы долгосрочные экономические цели и стремитесь их достичь?» 1 = всегда, иногда; 0 = редко, никогда. 6. Острая необходимость – «Если бы у вас сегодня возникла необходимость в совершении покупки на сумму, равную тому, что вы заработаете или получите через месяц, смогли бы вы оплатить ее своими сбережениями?» 1 = Да, 0 в противном случае. 7. Затраты – «Достаточно ли за последний год того, что вы зарабатывали или получали каждый месяц, чтобы покрывать ваши текущие расходы?» 1 = Да, 0 в противном случае. 8. Ресурсы – «За последний год сэкономили ли вы, покупая товары?» 1 = Да, 0 в противном случае. 9. Капитал – «У вас есть дом или квартира?» 1 = Да, 0 в противном случае.

Авторы	Описание методики
<p>J. Fu (Fu, 2020)</p>	<p>Финансовое благополучие оценивается по пяти компонентам: 1) баланс доходов и расходов; 2) создание и поддержание резервов; 3) управление долгом; 4) планирование; 5) устойчивость к финансовым потрясениям. Используются самооценки по шкале Лайкерта и бинарные вопросы (да/нет). Составной показатель финансового благополучия рассчитывается путем агрегирования баллов по компонентам. Для облегчения интерпретации он масштабируется от 0 до 100.</p> <p><i>Панель А. Баланс доходов и расходов.</i> «Я беспокоюсь об оплате обычных повседневных расходов» (шкала от «полностью согласен» до «полностью не согласен»).</p> <p>«Иногда люди обнаруживают, что их доход не вполне покрывает расходы на жизнь. За последние 12 месяцев случилось ли это лично с вами?» (да, нет, не знаю)</p> <p><i>Панель В. Создание и поддержание резервов.</i> «Если вы потеряли свой основной источник семейного дохода, как долго ваша семья сможет продолжать покрывать расходы на жизнь, не занимая денег и не переезжая в новый дом?» (менее недели; менее месяца; от 1 до 3-х месяцев; минимум 3 месяца, но не более полугода; более полугода; затрудняюсь ответить)</p> <p><i>Панель С. Управляет долгом и доступ к ресурсам.</i> «У меня сейчас слишком много долгов» (шкала от «полностью согласен» до «полностью не согласен»).</p> <p>«Что вы делали, чтобы свести концы с концами в последний раз, когда ваш доход не полностью покрывал повседневные расходы?» (использовал внешний ресурс; оплатил расходы позже или отказался от части расходов).</p> <p><i>Панель D. Планирование и расстановка приоритетов.</i> «Мое финансовое положение ограничивает мою способность делать то, что важно для меня» (шкала от «полностью согласен» до «полностью не согласен»)</p> <p>«Насколько вы уверены в том, что проделали хорошую работу по составлению финансовых планов на выход на пенсию?» (шкала от «очень уверен» до «совсем не уверен», а также нет пенсионного плана, затрудняюсь ответить).</p> <p>«Как вы будете финансировать свою пенсию?» (невозможно указать какой-либо метод вообще; планируете полагаться исключительно на партнера/супруга/детей; любой другой формальный метод).</p> <p><i>Панель E. Управление финансовыми потрясениями и восстановление после них.</i> «Я удовлетворен своим нынешним финансовым положением» (шкала от «полностью согласен» до «полностью не согласен»).</p> <p>«Если бы вы лично столкнулись сегодня с крупными расходами (эквивалентными вашему собственному ежемесячному доходу), смогли бы вы оплатить их, не занимая деньги и не обращаясь за помощью к семье или друзьям?» (да, нет, не знаю).</p>
<p>* CFPB Financial Well-Being Scale: Scale development technical report. (2017). Consumer Financial Protection Bureau. Available at: https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being-technical-report/ (accessed: August 28, 2023). Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.</p>	

сравнение с другими, уровень доверия, открытость и восприимчивость и т. д.). Выявление факторов во многом зависит от исследовательских задач и детализации опросного инструментария. В зарубежных публикациях наиболее часто отслеживаются такие факторы финансового благополучия, как финансовые возможности, финансовые знания (или в широком смысле – финансовая грамотность) и финансовое поведение (как фиксация опыта прошлого поведения или поведенческие намерения) (Kaur et al., 2021; Riitsalu, Murakas, 2019; Xiao, Porto, 2017).

Большой пласт исследований затрагивает разнообразные поведенческие факторы. В част-

ности, показано влияние отношения человека к деньгам на формирование финансового благополучия: люди с проактивным подходом (предпочтение сбережениям, а не расходам; исключение или минимальное использование займов и т. д.), как правило, более финансово удовлетворены (Joo, Grable, 2004). В других работах раскрывается взаимосвязь финансового благополучия и финансовых склонностей человека (таких как материализм, готовность идти на риск, отсрочка вознаграждения, добросовестность, ориентация на время, самоконтроль). Установлено, что люди, которые готовы пожертвовать немедленным удовлетворением ради будущих потребностей и делают

упор на долгосрочное финансовое планирование, более удовлетворены в финансовом отношении и испытывают меньший текущий стресс от управления деньгами (Netemeyer et al., 2018). Также доказано, что недостаток самоконтроля, проявляющийся в импульсивном поведении и отходе от планов, приводит к нежелательному финансовому поведению (перерасход средств, просрочка платежей по кредитным картам и проч.) с последующими негативными результатами для финансового благополучия (Strömbäck et al., 2017).

Особенности финансового благополучия населения старшего возраста (зарубежный опыт)

Финансовые навыки и потребности меняются с возрастом, поэтому важно понимать особенности финансового благополучия в различных возрастных группах. В зарубежных публикациях представлены противоречивые данные о связи между возрастом и финансовым благополучием населения. Одни исследователи обнаружили, что она имеет U-образную форму: более высокое финансовое благополучие среди молодежи и старшего поколения, более низкое в среднем возрасте (Riitsalu, Murakas, 2019; Xiao, Porto, 2017). Другие авторы установили, что финансовое благополучие увеличивается с возрастом (Fu, 2020), а третьи выявили, что оно становится ниже в старших возрастных группах (García-Mata et al., 2022).

Несмотря на неоднозначную оценку уровня финансового благополучия в старших возрастах, большинство иностранных исследований доказывают, что пожилые люди парадоксальным образом испытывают более высокую финансовую удовлетворенность при относительно низком уровне доходов (Hansen et al., 2008). Для выяснения причин этого авторы изучают взаимосвязь финансового благополучия пожилых людей с такими факторами, как трудовой путь и траектории выхода на пенсию (Palomäki, 2019), различные переменные дохода (Hsieh, 2004), удовлетворенность жизнью, психическое здоровье и удовлетворенность выходом на пенсию (Wilkinson, 2016). Например, в работе Фань и Лэй изучена взаимосвязь между объективными и субъективными аспектами финансового благополучия и симптомами депрессии у пожилых китайцев на основе лонгитюдного исследования в области здравоохранения и

пенсионного обеспечения. Объективное финансовое благополучие оценивалось по двум показателям — соотношению расходов и доходов и коэффициенту финансовых активов. Для измерения субъективного финансового благополучия использовалось восприятие трудностей с управлением деньгами. По результатам корреляционного анализа авторы установили, что как объективное, так и субъективное финансовое благополучие оказывают влияние на проявление симптомов депрессии: высокое отношение расходов к доходам и ощущение трудностей при управлении деньгами увеличивают проявления депрессии, а коэффициент финансовых активов оказывает обратное воздействие (Fan, Lei, 2023).

Широко распространены исследования в рамках концепции жизненного цикла. В частности, Мадеро-Кабиб и Фасанг изучили финансовое благополучие пенсионеров из Германии и Швейцарии, принимая во внимание траектории трудовой деятельности, траектории развития семьи на ранних этапах жизни, особенности взаимодействия людей с системой пенсионного обеспечения (Madero-Cabib, Fasang, 2016). Результаты показывают более низкий индивидуальный пенсионный доход для всех профилей «работа — семья», которые отклоняются от стандартной мужской модели полной занятости в сочетании с двумя детьми и стабильными семейными отношениями. Также авторами доказана важность изучения более длительных периодов жизненного пути, а не только событий, близких к пенсионному переходу, как факторов, определяющих финансовое благополучие в старости.

Интересные результаты изложены в работе эстонских ученых (Riitsalu et al., 2023), основанной на данных полуструктурированных интервью. Определено, что люди предпенсионного и пенсионного возраста понимают финансовое благополучие в первую очередь как финансовую независимость от других, ситуацию, когда все их потребности удовлетворены («Финансовое благополучие — это когда денег хватает на все мои нужды. Допустим, денег достаточно на путешествие, на жизнь и покупку вещей») (Riitsalu et al., 2023). Второй обязательной составляющей является способность финансово поддерживать своих близких родственников.

Еще одним элементом некоторые опрошенные в старших возрастах называли наличие «похоронных денег» (Riitsalu et al., 2023). Формирование финансового благополучия, как отмечают респонденты, основано на трудовой деятельности и вариантах медицинского и социального обеспечения. Авторы делают вывод, что финансовое благополучие в восприятии населения старших возрастов представляет собой способность сохранять текущий образ жизни, что предполагает «сведение концов с концами» без стресса и чувство уверенности в своих личных финансах. Финансовое благополучие для них не подразумевает богатство, а включает финансовую свободу и независимость, интерпретируемые как отсутствие потребности в чьей-либо финансовой поддержке до конца жизни, в том числе возможность покрыть собственные расходы на похороны (Riitsalu et al., 2023).

В качестве примера исследования финансового благополучия старшего поколения на национальном уровне можно привести работы Бюро финансовой защиты потребителей США (Consumer Financial Protection Bureau). Установлено, что пожилые американцы имеют более высокий средний показатель финансового благополучия, чем молодые люди. Низкое финансовое благополучие характерно для тех пожилых людей, кто неожиданно потерял работу или существенно сократил рабочее время, не запланировал пенсионное обеспечение (не участвовал в пенсионных программах), проживает без других членов домохозяйства, оказывает финансовую поддержку близким родственникам, имеет долги по кредитным картам или за образовательные и ипотечные кредиты, а также имеет плохое здоровье. Более высокие показатели финансового благополучия среди пожилых американцев соотносятся с наличием пенсионного плана с установленными взносами, владением недвижимостью или низкими арендными платежами за жилье, с наличием финансовой поддержки со стороны семьи и друзей, высоким уровнем финансовой грамотности, а также с регулярным формированием сбережений и планированием покупок¹⁸.

¹⁸ Financial Well-being of Older Americans. (2018). Consumer Financial Protection Bureau. Available at: <https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being-older-americans/> (accessed: August 31, 2023).

Финансовое благополучие населения старших возрастов в России: предварительная оценка

В рамках исследования мы придерживаемся подхода к пониманию финансового благополучия, представленного в отчетах Бюро финансовой защиты потребителей США (CFPB) и работах некоторых ученых (Riitsalu, Fu, Kempson, Strömbäck и др.), поскольку он универсален для любой группы населения, пригоден для операционализации и позволяет оценить не только текущее финансовое положение, но и возможности достижения финансовой безопасности в будущем и восприятие финансовой свободы. Соответственно, финансовое благополучие населения рассматривается как состояние, при котором человек может полностью выполнять текущие финансовые обязательства, свободно достигать свои финансовые цели, преодолевать финансовые потрясения, чувствовать себя в безопасности в будущем.

В России наиболее развернутым и разнообразным по перечню вопросов, связанных с финансовой активностью населения, является Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам — 2022 (Минфин, Банк России, Демоскоп). Точное копирование ни одной из изученных в зарубежной литературе методик оценки финансового благополучия невозможно, поэтому на данном этапе мы постараемся сконструировать набор показателей, который поможет наиболее полно оценить финансовое благополучие населения старших возрастов. Предлагаемый дизайн оценки носит разведывательный характер — он позволит оценить полноту имеющейся базы социологических данных о финансовом благополучии населения, выделить «западающие» компоненты и «нерабочие» вопросы.

Ориентиром для оценки послужат субъективный подход и методики, представленные в работах Бюро финансовой защиты потребителей США (CFPB)¹⁹ и (Fu, 2020)²⁰. Соответствен-

¹⁹ См.: CFPB Financial Well-Being Scale: Scale development technical report. (2017). Consumer Financial Protection Bureau. Available at: <https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being-technical-report/> (accessed: August 28, 2023).

²⁰ Методика оценки, предлагаемая в работе (Fu, 2020), основана на методике Бюро финансовой защиты потребителей США (CFPB) и отличается более детальной проработкой компонентов и вопросов.

но, отобранные вопросы должны отразить восприятие индивидами объективных фактов и реальных финансовых практик (наличие сбережений, кредитов и проч.; ведение семейного бюджета), а также ощущений по поводу устойчивости и безопасности их финансового положения. Вопросы объединены в пять компонентов: 1) баланс доходов и расходов; 2) создание и поддержание резервов; 3) управление долгом; 4) планирование и расстановка приоритетов; 5) управление финансовыми потрясениями и восстановление после них.

Таблица 4. Измерение финансового благополучия населения

Компонент финансового благополучия	Кодировка и формулировка вопроса из Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам – 2022	Ответы
Компонент 1. Баланс доходов и расходов	(K84) Насколько стабильными были Ваши ежемесячные доходы в течение года?	Шкала от 1 до 5 (1 – «Совсем нестабильные»; 2, 3, 4 – расшифровка не приведена; 5 – «Полностью стабильные»)
	(M7_1) Как часто Вы лично покупаете то, что не является для Вас необходимым, а потом оказывается, что денег не хватает на еду или другие неотложные регулярные траты?	Никогда; Редко; Время от времени; Постоянно; Затрудняюсь ответить
	(T12) Скажите, пожалуйста, в вашем домохозяйстве ведется письменный учет доходов и расходов?	Да, ведется полный письменный учет доходов и расходов; Да, какой-то письменный учет ведется, но далеко не полный; Нет, письменный учет не ведется; Затрудняюсь ответить
	(L1_5) Вы просто сводите концы с концами (Насколько точно утверждение описывает Вас или Вашу жизненную ситуацию)	Совсем нет; Лишь немного; В некоторой степени; Довольно точно; Полностью; Затрудняюсь ответить
Компонент 2. Создание и поддержание резервов	(Y6_1) Вы стараетесь сберегать деньги на будущее	Это точно про меня; Пожалуй, это про меня; Скорее это не про меня; Это точно не про меня; Затрудняюсь ответить
	(Y6_2) Вы стараетесь регулярно откладывать деньги, даже небольшую сумму	
	(L1_6) Вы обеспокоены, что Вам не хватит денег, которые у Вас есть или которые Вы сэкономите (Насколько точно утверждение описывает Вас или Вашу жизненную ситуацию)	Совсем нет; Лишь немного; В некоторой степени; Довольно точно; Полностью; Затрудняюсь ответить
	Наличие: – сбережений в наличных деньгах (P14_1), – счета/вклада (P10_1), – полиса страхования (жизни P41_1, ДМС P41_3)	Да; Нет; Затрудняюсь ответить
Компонент 3. Управление долгом	(P9_1) У Вас лично есть невыплаченные потребительские кредиты?	Да; Нет; Затрудняюсь ответить
	(P13_1) В настоящее время Вы должны какую-нибудь сумму частным лицам?	
	(C3_1) В настоящий момент у Вас лично есть невыплаченные займы, взятые в ломбарде или микрофинансовой организации?	
Компонент 4. Планирование и расстановка приоритетов	(L1_2) Вы обеспечиваете свое финансовое будущее (Насколько точно утверждение описывает Вас или Вашу жизненную ситуацию)	Совсем нет; Лишь немного; В некоторой степени; Довольно точно; Полностью; Затрудняюсь ответить
	(Y8) Какой промежуток времени Вы в основном принимаете в расчет, когда (Вы / Вы с семьей) планируете, сколько денег отложить, а сколько потратить?	Не более месяца; Ближайшие несколько месяцев; Ближайший год; Ближайшие 5–10 лет; Более 10 лет; Срок не важен, так как не планируем вообще; Затрудняюсь ответить
	(P9_7) Вы накапливаете личные сбережения преимущественно для того, чтобы потратить их в ближайшие несколько месяцев или для долгосрочных целей: как «подушку безопасности», для жизни после выхода на пенсию, на обучение детей, покупку квартиры и т. п. ?	На ближайшие месяцы; На долгосрочные цели; Нет сбережений; Затрудняюсь ответить

Окончание таблицы 4

Компонент финансового благополучия	Кодировка и формулировка вопроса из Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам – 2022	Ответы
Компонент 5. Управление финансовыми потрясениями и восстановление после них	(Y6_3) Вы всегда стараетесь иметь хотя бы какую-то сумму денег на непредвиденные расходы, на всякий случай	Это точно про меня; Пожалуй, это про меня; Скорее это не про меня; Это точно не про меня; Затрудняюсь ответить
	(K93) Вы считаете, что Ваше финансовое положение устойчивое или Ваше финансовое положение может легко пошатнуться, ухудшиться?	Устойчивое; Легко может ухудшиться; Затрудняюсь ответить
	(L1_1) Вы можете справиться с крупными непредвиденными расходами (Насколько точно утверждение описывает Вас или Вашу жизненную ситуацию?)	Совсем нет; Лишь немного; В некоторой степени; Довольно точно; Полностью; Затрудняюсь ответить

Источник: здесь и далее составлено автором.

Выделенные компоненты соответствуют обозначенным выше ключевым аспектам финансового благополучия (повседневное управление финансами, финансовая устойчивость; финансовая свобода в удовлетворении потребностей; чувство финансовой безопасности в отношении будущего). Подробный перечень оцениваемых компонентов финансового благополучия и набор показателей приведены в *таблице 4*.

Компонент 1. Баланс доходов и расходов (табл. 5). Население старших возрастов, в отличие от людей молодого и среднего возраста, чаще указывает на высокую стабильность доходов (что, в том числе, обеспечивается регулярностью различных социальных выплат), а также более обдуманно подходит к покупкам, реже допуская ненужные траты. Однако такой основополагающий аспект финансовой грамот-

Таблица 5. Баланс доходов и расходов*, % от числа опрошенных в соответствующей группе

Вариант ответа	Население старших возрастов	Остальное население	
		до 30 лет	старше 30 лет до пенсионного возраста
<i>Стабильность доходов</i>			
Полностью стабильные	74,7	39,5	49,6
2	0,8	5,2	3,8
3	6,0	17,5	15,1
4	16,2	22,0	25,3
Совсем не стабильные	0,5	8,3	3,4
<i>Необдуманные покупки, приводящие к нехватке денег</i>			
Постоянно	1,5	2,5	2,0
Время от времени	8,8	21,9	15,8
Редко	24,8	30,2	32,9
Никогда	62,8	41,3	47,4
<i>Письменный учет доходов и расходов</i>			
Да, ведется полный письменный учет доходов и расходов	3,7	2,8	2,9
Да, какой-то письменный учет ведется, но далеко не полный	8,5	8,8	9,3
Нет, письменный учет не ведется	86,3	84,9	86,7
<i>«Вы просто сводите концы с концами»</i>			
Совсем нет	35,3	39,7	39,0
Лишь немного	15,5	15,6	16,0
В некоторой степени	26,5	24,7	25,6
Довольно точно + Полностью	20	16	16,8

* Здесь и далее не приведены варианты ответов «Затрудняюсь ответить», «Нет ответа», «Отказ от ответа», которые в сумме не превышают 3%.

ности, а значит, и финансового благополучия, как ведение учета доходов и расходов в письменном виде, является западающей практикой у всех рассматриваемых групп. Кроме того, у населения старших возрастов несколько хуже ощущение текущей финансовой устойчивости: каждый пятый (20%) согласен с утверждением, что он «сводит концы с концами» (среди лиц молодого и среднего возраста 16–17%).

Компонент 2. Создание и поддержание резервов (табл. 6). Население старших возрастов в большей степени ориентировано на сберегательные практики, о чем свидетельствует высокая доля респондентов, заявляющих, что они стараются сберегать деньги на будущее и регулярно откладывать даже небольшую сумму в накопления. Свою роль здесь играет не только сужение материальных возможностей или мотив «накоплений на черный день» или на дорогие лекарства, но и стереотипная установка о сужении притязаний и потребностей в пожилом возрасте, следовательно, сокращение объемов потребления товаров. Несмотря на это, порядка трети опрошенных в каждой возрастной группе обеспокоены вероятной нехваткой денежных средств в нужный момент.

Фактически сберегательные ориентации населения старших возрастов проявляются в формировании накоплений в наличных деньгах (21% респондентов из этой группы отметили наличие данной формы сбережений) и в форме банковских вкладов (68%). В отличие от пожилых, люди молодого и среднего возраста в

большей степени предпочитают организованные формы накоплений (вклады – 75–78%, наличные деньги – 11–15%). Инвестиционные и страховые продукты (полис страхования жизни и полис ДМС) используют не более 2–3% опрошенных в каждой группе.

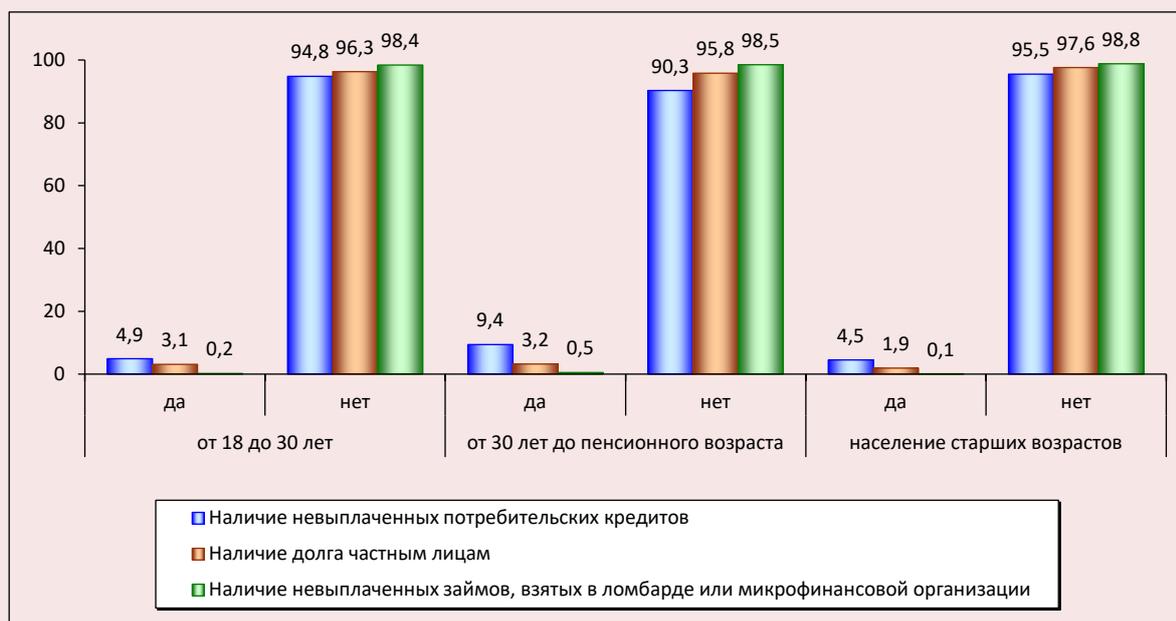
Компонент 3. Управление долгом (рисунок). Население старших возрастов в России обычно в меньшей степени включено в долговые отношения в силу разнообразных ограничений банков и по причине сужения потребительских запросов. Однако имеющиеся данные опроса не фиксируют заметной разницы со всем остальным населением, а также не позволяют говорить о наличии сколько-нибудь критической ситуации с использованием россиянами старших возрастов кредитов, займов у частных лиц или в микрофинансовых организациях.

Компонент 4. Планирование и расстановка приоритетов (табл. 7). Население старших возрастов, как и люди молодого и среднего возраста, не испытывает сильной уверенности в том, что может обеспечить свое финансовое будущее. Возможно, поэтому практики финансового планирования ориентированы на краткосрочный период (на ближайшие пару месяцев), а каждый пятый во всех возрастных группах в принципе не продумывает свои действия. Однако среди старшего поколения заметно выше доля тех, кто формирует накопления на долгосрочную перспективу, а не на предстоящие в скором времени приобретения (26% по сравнению с 9% среди молодых людей и 15% в группе лиц среднего возраста).

Таблица 6. Создание и поддержание резервов, % от числа опрошенных в соответствующей группе

Вариант ответа	Население старших возрастов	Остальное население	
		18–29 лет	от 30 лет до пенсионного возраста
<i>«Вы стараетесь сберегать деньги на будущее»</i>			
Это точно про меня + Пожалуй, это про меня	65,8	42,4	54,5
Это точно не про меня + Пожалуй, это не про меня	32,5	55,9	43,9
<i>«Вы стараетесь регулярно откладывать деньги, даже небольшую сумму»</i>			
Это точно про меня + Пожалуй, это про меня	61,9	40,5	52,5
Это точно не про меня + Пожалуй, это не про меня	36,2	57,2	45,9
<i>«Вы обеспокоены, что Вам не хватит денег, которые у Вас есть или которые Вы сэкономите»</i>			
Совсем нет	14,1	13,0	11,2
Лишь немного	16,7	17,7	18,4
В некоторой степени	34,9	37,5	37,2
Довольно точно + Полностью	30,8	27,5	29,9

Управление долгом, % от числа опрошенных в соответствующей группе

 Таблица 7. Планирование и расстановка приоритетов,
% от числа опрошенных в соответствующей группе

Вариант ответа	Население старших возрастов	Остальное население	
		до 30 лет	от 30 лет до пенсионного возраста
<i>«Вы обеспечиваете свое финансовое будущее»</i>			
Полностью + Довольно точно	12,7	13,3	16,7
В некоторой степени	32,6	27,4	35,6
Лишь немного	28,0	21,8	23,7
Совсем нет	23,6	34,3	22,1
<i>Промежуток финансового планирования</i>			
Вообще не планируем	18,3	20,3	17,8
Не более месяца	34,2	33,7	31,6
Ближайшие несколько месяцев	31,6	25,6	30,2
Ближайший год	11,1	12,1	14,3
Ближайшие 5–10 лет	2,1	2,6	3,0
Более 10 лет	0,2	0,1	0,2
<i>Срок расходования накапливаемых сбережений</i>			
На ближайшие месяцы	16,2	17,6	17,7
На долгосрочные цели	26,1	9,2	14,9
Нет сбережений	53,6	70,9	64,1

Отметим, что используемый всероссийский опрос, к сожалению, не позволяет ретроспективно оценить стратегии подготовки к жизни на пенсии (на вопросы о достаточ-

ности государственной пенсии и возможных источниках дохода в старшем возрасте отвечают только те, кто еще не достиг пенсионного возраста).

Компонент 5. Управление финансовыми потрясениями и восстановление после них (табл. 8).

В плане подготовленности к финансовым потрясениям лучшие характеристики имеет население старших возрастов. Среди него выше доля людей, имеющих резерв на случай непредвиденных расходов (действует характерный для старших возрастных групп мотив страхования), а также тех, кто считает свое финансовое положение достаточно устойчивым. Однако в гипотетической ситуации крупных непредвиденных расходов более уверенно себя ощущают люди среднего возраста.

Краткое резюме по проведенной оценке. Предложенный дизайн исследования позволяет весьма развернуто оценить финансовое благополучие населения старших возрастов, а также интегрирует оценку объективных (наличие вкладов и кредитов; ведение бюджета) и субъективных (ощущение устойчивости и достаточности средств и т. д.) показателей. Некоторые вопросы по финансовому самочувствию оказались затруднительными для респондентов (большинство респондентов либо затруднились ответить, либо выбирали нейтральный вариант). Кроме того, возможности базы данных не позволяют широко рассмотреть такие аспекты,

как подготовка к пенсии, финансовое планирование и опыт достижения финансовых целей, финансовое самочувствие и установки, финансовое мошенничество и правила финансовой безопасности, пользование «цифровыми» финансовыми услугами. В случае разработки полноценной методики для оценки финансового благополучия населения старших возрастов следует проверить перечень переменных на избыточность и мультиколлинеарность.

Заключение

Согласно современным зарубежным исследованиям, финансовое благополучие выступает одним из ключевых факторов, определяющих общее счастье и удовлетворенность жизнью (Netemeyer et al., 2018). Устойчивое финансовое благополучие является конечной целью инициатив ОЭСР в области финансового образования²¹, а также целевым ориентиром и «мерилом успеха» деятельности Правительства России по повышению финансовой грамотности населения в рамках одноименной Стратегии²². Низкое финансовое благополучие может иметь серьезные негативные последствия для домохозяйств и общего благосостояния. На индивидуальном уровне оно связано с повышенной вероятностью мате-

Таблица 8. Управление финансовыми потрясениями и восстановление после них, % от числа опрошенных в соответствующей группе

Вариант ответа	Население старших возрастов	Остальное население	
		до 30 лет	от 30 лет до пенсионного возраста
<i>Наличие резерва на непредвиденные расходы</i>			
Это точно про меня + Пожалуй, это про меня	73,5	54,7	65,8
Это точно не про меня + Пожалуй, это не про меня	24,8	43,2	32,8
<i>Устойчивость финансового положения</i>			
Устойчивое	32,0	22,3	21,3
Легко может ухудшиться	61,5	68,0	71,4
<i>«Вы можете справиться с крупными непредвиденными расходами»</i>			
Совсем нет	34,6	38,2	26,8
Лишь немного	24,6	20,1	21,9
В некоторой степени	30,4	29,1	37,8
Довольно точно + Полностью	7,3	9,6	10,9

²¹ Measuring financial literacy: Questionnaire and guidance notes for conducting an internationally comparable survey of financial literacy (2011). OECD – International Network on Financial Education, Paris. Available at: <http://www.oecd.org/finance/financial-education/49319977.pdf> (accessed: August 28, 2023).

²² Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы: утверждена распоряжением Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р // Правительство России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/29441/>

риальных трудностей, невозможностью полноценного удовлетворения потребностей и проч.²³ На макроуровне оно может проявляться в снижении общего потребления, возрастании зависимости населения от социальной поддержки, расширении масштабов бедности в стране и т. д. (Brenner et al., 2020).

Обращение к проблематике финансового благополучия показало, что эта категория привычна в зарубежном научном дискурсе, однако в отечественных исследованиях не распространена. В то же время отслеживание финансового благополучия населения старших возрастов, наряду с мониторингом финансовой грамотности и финансового поведения, важно по ряду причин. Во-первых, финансовое благополучие представляет комплексную оценку финансового положения индивидов, являясь результирующим итогом применения ими финансовых знаний и навыков для решения тех или иных финансовых вопросов. Во-вторых, финансовое благополучие может рассматриваться как элемент оценки уровня жизни и использоваться в качестве индикатора эффективности проводимой социальной политики. В-третьих, финансовое благополучие может применяться для характеристики доступности финансовых инструментов и определения проблемных аспектов взаимодействия населения с финансовыми организациями.

В рамках проведенного исследования показано, что финансовое благополучие населения является во многом синтетической, многомерной категорией, которой присущи некоторые общие аспекты (хорошее текущее финансовое положение; финансовая устойчивость к потрясениям; уверенность в обеспеченности будущего). Специфического определения и методики измерения финансового благополучия применительно к конкретным группам населения (например, людям старшего возраста и т. д.) не разработано. Оценка финансового благополучия осуществляется посредством объективных и субъективных показателей, которые имеют как непосредственное количественное выражение, так и являются проекцией восприятия индивидом собственного финансового положения.

²³ Financial well-being: The goal of financial education. Consumer Financial Protection Bureau (CFPB). Available at: <https://www.consumerfinance.gov/data-research/research-reports/financial-well-being/> (accessed: August 28, 2023).

Обосновано, что полноценное переложение зарубежных методик оценки финансового благополучия населения на российские данные невозможно. Предложен набор показателей, позволяющий провести предварительную (разведывательную) оценку финансового благополучия населения старших возрастов в сравнении с другими возрастными группами. Отобранные показатели отражают восприятие индивидами объективных фактов и реальных финансовых практик (наличие сбережений, кредитов и проч.; ведение семейного бюджета), а также ощущения людей по поводу устойчивости и безопасности их финансового положения.

На данных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам — 2022 показано, что население старших возрастов в большей степени ориентировано на сберегательные практики; более обдуманно подходит к покупкам, реже допуская ненужные траты; более ответственно относится к формированию финансовых резервов. В то же время оно сберегает чуть больше средств в наличных деньгах, чем люди молодого и среднего возраста; более обеспокоено вероятной нехваткой денежных средств в нужный момент, а также не испытывает уверенности в достаточной обеспеченности своего финансового будущего.

Научная новизна работы состоит в уточнении теоретико-методологических рамок финансового благополучия и возможности применения данной категории для оценки уровня жизни населения старших возрастов в российских условиях. *Практическая значимость* заключается в выявлении особенностей финансового благополучия населения старших возрастов и определении их конкретных финансовых компетенций и настроений, для того чтобы впоследствии можно было, во-первых, идентифицировать уязвимые места в контуре финансового благополучия данной возрастной группы; во-вторых, обозначить рекомендации для акторов, ответственных за реализацию политики в области финансового просвещения и повышения уровня жизни граждан старших возрастов (что планируется реализовать на следующих этапах исследования).

Основные направления дальнейшего рассмотрения данной проблематики связаны с уточнением содержания изучаемого явления, расширением возможностей для его более раз-

вернутой оценки (в том числе в плане дифференциации составных элементов финансового благополучия в зависимости от возрастной группы старшего поколения, поскольку затраты на поддержание здоровья, уровень доходов и возможности для трудовой деятельности существенно различаются у лиц в возрасте 65 и 80 лет); идентификацией факторов, влияющих на формирование финансового благополучия населения старших возрастов и оценкой особенностей финансового благополучия в условиях цифровизации потребления и финансового сектора.

Литература

- Айзинова И.М. (2017). Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 121–131.
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. (2016). Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. С. 88–107. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.5
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. (2020). Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
- Барсуков В.Н., Шабунова А.А. (2018). Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. № 4 (96). С. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6
- Барышева Г.А., Недоспасова О.П. (2017). Региональные инициативы по повышению уровня благополучия старшего поколения: опыт Томской области // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 4. С. 676–690. DOI: 10.24891/re.15.4.676
- Бурцева Т.А., Гагарина С.Н., Чаусов Н.Ю. (2019). Оценка качества жизни населения старших возрастов при обосновании стратегий активного долголетия в условиях структурных демографических изменений // Вестник университета. № 2. С. 5–12. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-2-5-12
- Бурцева Т.А., Чаусов Н.Ю., Гагарина С.Н. (2018). Оценка качества жизни пожилого населения России // Российский экономический интернет-журнал. № 2. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2018/Burtseva.pdf>
- Васильева Е.В. (2022). Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 128–143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.10
- Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. (2018). Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. Т. 24. № 3. С. 32–55. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5992
- Доброхлеб В.Г. (2021). Социальное государство и старшее поколение России: заявленные и реализованные принципы // Экономика. Налоги. Право. Т. 14. № 2. С. 64–71. DOI: 10.26794/1999-849x-2021-14-2-64-71
- Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. (2023). Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 20–45. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>
- Кислицына О.А. (2016). Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН. 62 с.
- Короленко А.В. (2022). Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. Т. 8. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29201>; DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.2
- Короленко А.В., Барсуков В.Н. (2017). Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 4 (32). С. 643–657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657
- Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В., Барышева Г.А. (2018). Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // Журнал исследований социальной политики. Т. 16. № 1. С. 23–36. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-23-36
- Павлова И.А., Недоспасова О.П., Гуменников И.В. (2021). Оценка и мониторинг благополучия старшего поколения в Томской области (по материалам российского индекса благополучия старшего поколения) // Векторы благополучия: экономика и социум. № 3 (42). С. 89–115. DOI: 10.18799/26584956/2021/3(42)/1121
- Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. (2021). Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

- Шабунова А.А., Россошанский А.И. (2018). Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. № 3 (95). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1
- Brenner L., Meyll T., Stolper O., Walter A. (2020). Consumer fraud victimization and financial well-being. *Journal of Economic Psychology*, 76, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2019.102243>
- Brüggen E.C., Hogreve J., Holmlund M. et al. (2017). Financial well-being: A conceptualization and research agenda. *Journal of Business Research*, 79, 228–237. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.03.013>
- Ching Yuen Luk S. (2023). Financial well-being of older adults. In: *Healthy Ageing in Singapore. Social Policy and Development Studies in East Asia*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-99-0872-1_2
- Fan L., Lei S. (2023). Financial well-being, family financial support and depression of older adults in China. *International Journal of Bank Marketing*, 41(6), 1261–1281. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJBM-05-2022-0214>
- Fu J. (2020). Ability or opportunity to act: What shapes financial well-being? *World Development*, 128, 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104843>
- García-Mata O., Zerón-Félix M., Briano G. (2022). Financial well-being index in México. *Social Indicators Research*, 163, 111–135. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02897-7>
- Gutman A., Garon T., Hogarth J., Schneider R. (2015). *Understanding and Improving Consumer Financial Health in America*. Center for Financial Services Innovation. Chicago. Available at: https://assetfunders.org/wp-content/uploads/CFSI_Consumer_Financial_Health_0415.pdf (accessed: August 28, 2023).
- Hansen T., Slagsvold B., Moum T. (2008). Financial satisfaction in old age: A satisfaction paradox or a result of accumulated wealth? *Social Indicators Research*, 89(2), 323–347. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-007-9234-z>
- Hsieh Cm. (2004). Income and financial satisfaction among older adults in the United States. *Social Indicators Research*, 66, 249–266. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:SOCI.0000003585.94742.aa>
- Joo S.H., Grable J.E. (2004). An exploratory framework of the determinants of financial satisfaction. *Journal of Family and Economic Issues*, 25(1), 25–50. DOI: <https://doi.org/10.1023/B:JEEI.0000016722.37994.9f>
- Kaur G., Singh M., Singh S. (2021). Mapping the literature on financial well-being: A systematic literature review and bibliometric analysis. *International Social Science Journal*, 71, 217–241. DOI: <https://doi.org/10.1111/issj.12278>
- Kempson E., Finney A., Poppe C. (2017). Financial well-being. A conceptual model and preliminary analysis. *Consumption Research Norway – SIFO. Project Note No. 3*. Available at: <https://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/geography/pfrc/pfrc1705-financial-well-being-conceptual-model.pdf>. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18737.68961> (accessed: August 28, 2023).
- Madero-Cabib I., Fasang A.E. (2016). Gendered work-family life courses and financial well-being in retirement. *Advances in Life Course Research*, 27, 43–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.11.003>
- Netemeyer R.G., Warmath D., Fernandes D., Lynch J.G. (2018). How am I doing? Perceived financial well-being, its potential antecedents, and its relation to overall well-being. *Journal of Consumer Research*, 45(1), 68–89. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcr/ucx109>
- Palomäki L.M. (2019). Does it matter how you retire? Old-age retirement routes and subjective economic well-being. *Social Indicators Research*, 142(2), 733–751. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-018-1929-9>
- Porter N.M., Garman E.T. (1993). Testing a conceptual model of financial well-being. *Financial Counseling and Planning*, 4, 135–164.
- Riitsalu L., Murakas R. (2019). Subjective financial knowledge, prudent behaviour and income: The predictors of financial well-being in Estonia. *International Journal of Bank Marketing*, 37(4), 934–950. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJBM-03-2018-0071>
- Riitsalu L., Sulg R., Lindal H. et al. (2023). From security to freedom – the meaning of financial well-being changes with age. *Journal of Family and Economic Issues*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-023-09886-z>
- Strömbäck C., Lind T., Skagerlund K. et al. (2017). Does self-control predict financial behavior and financial well-being? *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 14, 30–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbef.2017.04.002>
- Vosloo W., Fouche J., Barnard J. (2014). The relationship between financial efficacy, satisfaction with remuneration and personal financial well-being. *International Business & Economics Research Journal (IBER)*, 13(6), 1455–1470. DOI: <https://doi.org/10.19030/iber.v13i6.8934>

- Wilkinson L.R. (2016). Financial strain and mental health among older adults during the Great Recession. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*, 71(4), 745–754. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbw001>
- Wilmarth M.J. (2021). Financial and economic well-being: A decade review from journal of family and economic issues. *Journal of Family and Economic Issues*, 42(1), 124–130. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-020-09730-8>
- Xiao J.J., Porto N. (2017). Financial education and financial satisfaction: Financial literacy, behavior, and capability as mediators. *International Journal of Bank Marketing*, 35(5), 805–817. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJBM-01-2016-0009>
- Xue R., Gepp A., O’Neill T.J. et al. (2020). Financial well-being amongst elderly Australians: The role of consumption patterns and financial literacy. *Account Finance*, 60, 4361–4386. DOI: <https://doi.org/10.1111/acfi.12545>

Сведения об авторе

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

Financial Well-Being of Older Adults: Theoretical and Methodological Aspects and Assessment Issues

Abstract. The tasks to promote active ageing and a prosperous old age, laid down in Russia’s program and strategic documents (federal project “The Older Generation”, “Strategy of Actions in the Interests of Citizens of the Older Generation in the Russian Federation until 2025”, etc.), can be addressed effectively only if financial well-being has been achieved. The aim of the study is to reveal theoretical and methodological foundations of the financial well-being of older adults, reflected in foreign and domestic scientific discourse. The article presents a theoretical and methodological framework for the financial well-being of older adults, and provides its preliminary assessment in the case of older adults in the conditions of Russian reality. As a result of a critical analysis of the scientific literature, we show that the concept “financial well-being” is commonly used in foreign scientific discourse, but it is not widespread in Russian research. We highlight general aspects of financial well-being: good current financial situation; financial stability in relation to shocks; confidence in the security of the future. We put forward a set of indicators to assess the financial well-being of older adults based on data from the All-Russian Survey of Consumer Finance – 2022 (a survey conducted by the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Bank of Russia). We apply sociological analysis methods (descriptive analysis, frequency distribution analysis using combination tables). It is revealed that older adults feel more prepared for possible financial shocks, which is facilitated by the orientation toward savings practices and low credit activity. We identify the following sore spots: older adults are more concerned about the likelihood of money shortage, and they also do not feel confident in the sufficient financial security of their future. At the end of the article, we outline promising areas for research.

Key words: financial well-being, older adults, pension, sociological survey, income, planning.

Information about the Author

Galina V. Belekhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Статья поступила 29.09.2023.

Определение региональных очагов потенциальной геополитической активности на основе демографического эффекта масштаба

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: EVBalatskiy@fa.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

**Наталья Александровна
ЕКИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: NAEkimova@fa.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

Аннотация. В рамках статьи осуществлена диагностика регионов и стран мира, которые в перспективе могут стать новыми очагами экономической и цивилизационной активности. Нетривиальность этого вопроса связана с исчерпанием возможностей демографического роста во многих странах, что в свою очередь будет препятствовать поддержанию в них режима интенсивного экономического роста. Для решения поставленной задачи предложена двухступенчатая процедура эконометрического моделирования. Первая эконометрическая зависимость увязывает темпы прироста населения с суммарным коэффициентом рождаемости, а вторая зависимость раскрывает влияние экономических, институциональных и культурных факторов на коэффициент рождаемости. Эмпирическая проверка моделей была выполнена для выборки из 15 стран мира (Россия, Украина, Казахстан, Киргизия, Франция, Германия, Иран, Япония,

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2023). Определение региональных очагов потенциальной геополитической активности на основе демографического эффекта масштаба // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.8

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.8

Китай, Мексика, Египет, Великобритания, США, Канада и Австралия) и показала высокую продуктивность и инвариантность предложенной модельной схемы. На основе построенных моделей предлагается несколько количественных характеристик национальных демографических режимов. Наиболее важной из них является долгосрочный демографический эффект масштаба, учитывающий реакцию населения на рост душевого материального благосостояния. Прикладные расчеты свидетельствуют, что у США по-прежнему имеется потенциал для довольно длительного поддержания режима роста, тогда как Китай, Япония и Германия этот ресурс уже практически исчерпали. Наиболее вероятными точками нового витка развития человеческой цивилизации могут стать Россия, Казахстан и Иран, которые с учетом сопредельных государств образуют своеобразный региональный кластер в центре Евразии. Именно в этой точке планеты следует ожидать наибольшей экономической и политической активности в последующие два-три десятилетия.

Ключевые слова: экономический рост, демографический режим, рождаемость, эконометрическая модель.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

С 2022 года началась активная фаза деглобализации мира с присущей ей геополитической турбулентностью. В этот период многие страны, в той или иной степени находящиеся под давлением мирового гегемона (США), начинают использовать усиливающуюся неопределенность в целях отстаивания своего политического суверенитета и усиления своих геополитических и экономических позиций. Прежняя моноцентричность мира сменяется многополярностью, когда формируются новые региональные центры силы. Страны, которые смогут «оседлать» волну перемен, в дальнейшем перешагнут из периферии и полупериферии в группу государств ядра мирохозяйственной системы. И наоборот – некоторые страны ядра могут оказаться на обочине мировой истории. В связи с этим особую актуальность приобретают новые геополитические стратегии государств на основе имеющихся у них цивилизационных преимуществ в условиях международной конфронтации. Наиболее остро необходимость в новом геополитическом курсе встает перед Россией, оказавшейся в эпицентре глобальных событий.

Развернувшиеся события с небывалой ясностью высвечивают значение размера государств, ибо только крупные страны в будущем смогут

занять достойное положение на мировой арене. В свою очередь размер страны традиционно выражается двумя параметрами – площадью территории и численностью населения. Все остальные экономические показатели являются производными от указанных двух, поэтому возникает новый виток конкуренции за два основополагающих параметра. Уже сегодня отрицается старый консенсус относительно границ государств и запускаются процессы по их пересмотру. Это происходило в Ираке и Сирии, Грузии, Армении и Азербайджане, это происходит на Украине; многие восточноевропейские государства подспудно ведут борьбу между собой за часть западной Украины, Приднестровье и даже Молдову. С другой стороны, уже сейчас в полной мере проявил себя демографический фактор: самыми могущественными государствами являются самые населенные территории – Китай, Индия и США. Уже совершенно ясно, что в будущем увеличение мощи страны во многом будет определяться ее резервами в освоении территории и в отношении роста населения. Однако ситуация осложняется тем обстоятельством, что в отношении первого и второго факторов многие страны уже полностью или почти полностью исчерпали свой потенциал. Именно в этой точке анализа возникает

исследовательская интрига в части определения, какие страны и какие регионы мира еще сохраняют потенциал демографической и экономической активности. В связи со сказанной целью, поставленной в статье, состоит в выявлении региональных очагов и конкретных стран, сохраняющих потенциал цивилизационного развития. Методология исследования базируется на построении эконометрических моделей роста населения, определении установившихся в разных странах воспроизводственных режимов и оценке сконструированного для этих целей показателя демографического эффекта масштаба.

Цель исследования предполагает решение следующих задач: формальное определение демографического эффекта масштаба с помощью эконометрических моделей; построение индикаторов демографических режимов на основе построенных моделей; прикладные расчеты по моделям на данных 15 стран мира; определение потенциала будущего экономического роста для рассмотренных государств.

Обзор литературы и основных идей

Объем литературы по проблемам демографии поистине безграничен, в связи с чем остановимся только на отдельных вехах этого научного направления.

По всей видимости, первым шагом в создании теории народонаселения стала историческая работа Т. Мальтуса (Malthus, 1992), в которой предложение дохода снижается из-за более позднего возраста вступления людей в брак (превентивное ограничение населения) и роста смертности (позитивное ограничение) по причине снижения заработной платы. Однако реальный ход последующих событий плохо описывался простейшей моделью Мальтуса, и следующей вехой в описании экономического роста стала неоклассическая модель Р. Солоу (Solow, 1956), в которой роль регулятора экономической активности перешла к капиталу и норме накопления. Несмотря на различия в исходных предпосылках мальтузианской и неоклассической моделей, описываемые ими механизмы сильно похожи. Как это прекрасно показал Г. Беккер, в указанных моделях наблюдается своеобразная симметрия механизмов восстановления экономического равновесия: если в неоклассической модели капиталово-

оруженность превышает равновесный уровень, то норма прибыли снижается и ослабляет стимулы к инвестированию, тем самым способствуя возвращению капиталовооруженности к ее изначальному равновесию; если же в мальтузианской модели заработная плата превышает равновесный уровень, то это стимулирует рост населения, что в свою очередь вызывает дефицит инвестиций и восстанавливает исходную заработную плату и капиталовооруженность (Becker, 1988). Впоследствии теория народонаселения обогатилась понятием человеческого капитала, которое стало новой вехой в изучении экономической динамики (Becker, 1988).

Иная линия в исследовании динамики народонаселения просматривается в работах С.П. Капицы, построившего феноменологическую теорию роста человечества, основанную на простой зависимости численности населения от времени в виде диффузионного дифференциального уравнения, решением которого являются специфические функции – логиста и котангенс (Капица, 2009). Несмотря на тщательную калибровку, модель Капицы не включает какие-либо факторы роста, а потому дает весьма примитивное объяснение самого механизма расширения человеческой популяции. В этом смысле модель Капицы имеет крайне ограниченное применение – для прослеживания роста населения в масштабах планеты и на очень длинном интервале времени с его последующей стабилизацией.

В качестве развития идей Мальтуса определенную популярность получили модели, описывающие функционирование эколого-экономической системы с участием населения и его ресурсно-экологической основы (Lee, 1980; Wood, 1998). В последнее время интересные модели этого типа строит П.В. Турчин, который отдельно рассматривающий динамику элиты (потребителей) и простолюдинов (производителей) на фоне ресурсов государства (бюджет) (Турчин, 2020). Особенность моделей Турчина состоит в том, что они проходят тщательную калибровку на исторических данных и уже используются для предсказания масштабных политических потрясений (Turchin, 2023).

Помимо указанных моделей народонаселения, которые ориентированы на раскрытие исторических закономерностей на больших ин-

тервалах времени, уже имеется множество более частных модельных разработок с акцентом на выявлении факторов роста популяций людей на более коротких временных интервалах. При этом перечень индикаторов, выступающих в качестве определяющих, достаточно обширен и разнообразен и включает в себя как внешние (глобальные), так и внутристрановые факторы (Бирюкова, Козлов, 2023). В частности, к глобальным факторам, оказывающим реактивное влияние на снижение численности населения, относятся различного рода эпидемии и пандемии, массовая миграция, военные конфликты и природные катастрофы. Так, например, по данным Всемирной организации здравоохранения число умерших от коронавирусной инфекции составило 6,9 млн человек¹, а последнее землетрясение в Турции в 2023 г. одновременно сократило численность населения более чем на 50 тыс. человек². Исследования эпидемиологических шоков показали, что они могут иметь отложенный эффект и воздействовать не только на демографию (Voberg-Fazlic et al., 2021; Chandra, Yu, 2015; Rangel et al., 2020), но и на другие сферы человеческой жизни — от экономики (Karlsson et al., 2014) и образования (Percoso, 2016) до уровня общественного доверия (Aassve et al., 2020) и влияния стрессовых ситуаций, пережитых в детстве, на демографические показатели в будущем (Noghani-Behambari et al., 2020; Johnson et al., 2020). В настоящее время большое количество работ посвящено исследованию влияния пандемии COVID-19 на демографические аспекты, однако однозначные выводы делать пока рано, поскольку меры по противодействию самой пандемии во многих странах совмещались с беспрецедентной социально-экономической поддержкой, что затрудняет определение её последствий (Вакуленко и др., 2022; Казенин, Митрофанова, 2023; Emery, Koops, 2022; Sobotka et al., 2022).

Спектр внутренних демографических факторов представлен достаточно широким перечнем, включающим как влияние экономических

и социальных аспектов (Семеко, 2021; Хасанова, Зубаревич, 2021; Butz, Ward, 1979; Sobotka et al., 2011; Dzhioev, Caberty, 2021; Aassve et al., 2020; Charles-Edwards et al., 2021; Ullah et al., 2020), так и широкую палитру культурного среза, куда можно отнести институт семьи (Архангельский, Зайко, 2022; Бессонова, 2020; Ибрагимова, Ильдарханова, 2021; Galoyan et al., 2021), религию (Buber-Ennser, Berghammer, 2021; DeRose, 2021; Herzer, 2019), эффекты возраста, периода жизни и социальной когорты (Вакуленко, 2023; Frantsuz, Ponarin, 2020) и другие индикаторы (Калабихина, Кузнецова, 2023).

Последней работой этого класса исследований является статья (Балацкий, Екимова, 2023), в которой раскрывается совокупное влияние институциональных, экономических и культурных факторов на рост населения. Именно эта авторская модель и будет положена в основу дальнейших эмпирических исследований. Указанный выбор предопределен, по крайней мере, следующими обстоятельствами. Во-первых, зависимостью роста населения от достаточно подвижных факторов, системно отражающих глубинные сдвиги в социальной природе изучаемых наций и государств. Во-вторых, возможностью опереться на такое относительно новое понятие, как демографический эффект масштаба, под которым понимается способность населения увеличиваться в ответ на рост уровня благосостояния. Тем самым экономический и демографический рост оказываются либо согласованными в случае наличия демографического эффекта масштаба, либо рассогласованными в случае его отсутствия. Соответственно, в первом случае можно говорить о наличии потенциала дальнейшего роста нации и государства, а во втором — о его отсутствии.

Методология исследования

Для определения демографического потенциала разных стран и частей света здесь и далее будут использоваться простые эконометрические модели, позволяющие установить режимы воспроизводства населения, сложившиеся за последние 15–30 лет. Для этого воспользуемся подходом, апробированным в (Балацкий, Екимова, 2023). Суть указанного подхода сводится к построению двух эконометрических зависимостей, структуру которых рассмотрим подробнее.

¹ См.: <https://www.rbc.ru/society/13/05/2023/645cb6969a7947b6fba130a6>

² См.: <https://www.mk.ru/incident/2023/04/05/turciya-obnovila-dannye-po-chislu-pogibshikh-izza-zemletryaseniya.html>

Первая эконометрическая модель задает режим роста населения в зависимости от рождаемости и может быть представлена следующей линейной зависимостью:

$$P_t = \alpha + \beta \times B_t + \gamma \times F_t, \quad (1)$$

где t – период наблюдений (год); P – «чистый» темп роста населения, т. е. фактический рост населения за вычетом миграционного прироста, представляющего собой разницу между прибывшими в страну и выбывшими из неё в текущем году; B – коэффициент рождаемости в качестве которого используется традиционный суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько детей в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (от 15 до 50 лет) при сохранении возрастной рождаемости на уровне того года, для которого вычисляется показатель; F – фиктивная бинарная переменная, принимающая значения 0 и 1 и предназначенная для технической калибровки модели; α , β и γ – параметры модели.

Вторая эконометрическая модель отражает режим рождаемости в зависимости от основных экономических, культурных и институциональных факторов и может быть представлена линейной автокорреляционной зависимостью следующего вида:

$$B_t = n + mB_{t-1} + a \times L_{t-v} + b \times D_{t-w} + c \times Y_{t-h}, \quad (2)$$

где L – ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет); D – коэффициент разводимости (число разводов/число браков); Y – ВВП на душу населения в сопоставимых ценах; v , w и h – величины лагов в переменных L , D и Y соответственно; n , m , a , b и c – параметры модели.

Таким образом, исследуется двухступенчатый режим роста населения, причем предполагается, что спецификации (1) и (2) являются достаточно универсальными и могут быть применены ко всем рассматриваемым странам мира. Важное достоинство модели (2) состоит в сбалансированном наборе факторов: детерминанта L учитывает эффективность социальных институтов, D – культуру семейных отношений,

а Y – достигнутый уровень экономического благосостояния. Таким образом, в качестве объясняющих переменных модели (2) присутствуют институты, культура и экономика (Балацкий, Екимова, 2023).

Здесь и далее будем исходить из того, что параметров моделей достаточно для полного понимания установившихся в изучаемых странах демографических режимов. Вместе с тем совершенно очевидно и то, что для корректного сравнения разных государств модели (1) и (2) напрямую не могут быть использованы – для этого необходимо на их основе сконструировать дополнительные демографические индикаторы. В дальнейшем в прикладных расчётах будут применяться три таких индикатора; рассмотрим их подробнее.

Первый индикатор предполагает оценку устойчивости режима демографического роста, для его квантификации можно воспользоваться традиционным показателем периода полураспада. В данном случае речь идет об учете характера автокорреляционного режима рождаемости, который характеризуется параметром m в модели (2). Тогда период полураспада θ оценивается по формуле:

$$\theta_i = -\ln 2 / \ln m_i, \quad (3)$$

где i – индекс анализируемой страны.

В данном случае величина θ показывает, через сколько лет исходный показатель рождаемости уменьшится в два раза при отсутствии влияния всех остальных воспроизводственных условий³. Чем больше величина θ , тем дольше длится самоподдерживающийся эффект рождаемости. Заметим сразу, что индикатор (3) накладывает естественное ограничение на эконометрическую зависимость (2): $\theta > 0$. Это автоматически выдвигает требование к соответствующему модельному параметру: $m < 1$; в противном случае возникает не затухающий, а самоусиливающийся режим, что не имеет экономического смысла.

Вторым и, пожалуй, самым важным индикатором демографического роста выступает показатель *демографического эффекта масштаба* (E),

³ Вместо (3) можно воспользоваться упрощённой формулой: $\theta = -0,693 / \ln(m)$.

под которым понимается способность численности населения возрастать по мере роста экономического благосостояния. Для конструирования указанного индикатора можно воспользоваться следующей формулой:

$$E_i = c_i \beta_i (T - h_i), \quad (4)$$

где T – временной горизонт долгосрочного оценивания.

Поясним формулу (4). Смысл демографического эффекта масштаба предполагает оценку степени чувствительности темпа прироста населения к изменению душевого ВВП, т. е. $E = dP/dY$. Учитывая, что модель роста населения состоит из двух эконометрических моделей (1) и (2), получаем соотношение $E = (dP/dB)(dB/dY) = c\beta$. Однако в модели (2) показатель Y имеет временной лаг h , который для разных стран может сильно различаться. Следовательно, рост душевого ВВП сказывается на приросте населения не сразу, а с существенным и дифференцированным по странам запаздыванием. Это означает, что для замера эффекта масштаба следует переходить от точечной (краткосрочной) величины к интервальной (долгосрочной). Для определенности будем рассматривать 10-летний эффект: $T = 10$. Тогда накопленный за T лет эффект от роста душевого ВВП будет выражаться формулой (4)⁴. В случае $E > 0$ будем говорить о наличии демографического эффекта масштаба; в противном случае данный эффект отсутствует. Чем больше значение E , тем больше потенциал роста населения в ходе экономического роста и, следовательно, тем значительнее общий потенциал экономического развития страны.

Третьим индикатором демографического потенциала служит *показатель резерва роста благосостояния* населения R :

$$R_i = Y_{USA}/Y_i, \quad (5)$$

где Y_{USA} – эталонное (максимальное) значение душевого ВВП, в качестве которого берется уровень США за последний год наблюдения (2021).

⁴ Это автоматически вытекает из обобщенного кумулятивного эффекта масштаба: $E = \sum_t^T E_t$.

Смысл резерва демографического роста R в формуле (5) предельно прост: во сколько раз может увеличить страна свой душевой ВВП, чтобы выйти на уровень США, после которого правомерно ожидать ослабления влияния фактора благосостояния на процесс рождаемости и, следовательно, роста населения.

Несколько обособленное, но не менее важное значение имеет еще одна характеристика демографического режима – критическое значение рождаемости B^* , обеспечивающее *простое воспроизводство* населения. Эта расчетная величина получается напрямую из модели (1) при $P = 1$ для режимов $F = 0$ и $F = 1$ соответственно:

$$B^* = (1 - \alpha)/\beta, \quad (6)$$

$$B^* = (1 - \alpha - \gamma)/\beta. \quad (7)$$

Сравнение индикаторов (3)–(7) для разных стран позволяет получить вполне объективную картину потенциала цивилизационного роста каждой из них. Вместе с тем очевидно, что указанные характеристики могут «разбегаться» в разные стороны для разных государств и тем самым препятствовать простым и однозначным умозаключениям. В такой ситуации часто используют процедуру агрегирования частных индикаторов в один композитный индекс, однако в данном случае это практически невозможно из-за их содержательной несопоставимости. В качестве более рациональной схемы анализа представляется рассмотрение «главного» показателя – демографического эффекта масштаба E – на фоне трех других «вспомогательных» индикаторов.

Следует особо оговорить тот момент, что логика всех модельных построений предполагает определение *потенциального* экономического и демографического роста стран в зависимости от их нынешнего положения. Разумеется, с этой точки зрения большим потенциалом обладают государства Африки, которые сегодня находятся на периферии мирохозяйственной системы. Такой подход направлен на уяснение самой способности государств расти по ходу экономического роста, а эта способность сегодня характерна отнюдь не для всех стран. В определении

потенциала будущей активности региональных центров и состоит интрига аналитических расчетов; реализация обнаруженного потенциала лежит в основе будущих геополитических рокировок.

Исходные данные и статистические источники

Несмотря на наличие множества данных и аргументов, позволяющих априори определить возможные «точки роста» человеческой цивилизации, следует все-таки просканировать все возможные демографические движения планеты. В зону внимания должны попасть все пять континентов, а также основные культуры – Европа, Азия, Африка, Латинская Америка, постсоветское пространство, англосаксонские государства. Разумеется, тотальный мониторинг всех стран затруднителен, в связи с чем ограничимся наиболее репрезентативными представителями укрупненных регионов мира.

Существенным ограничением при отборе стран для нашей выборки служит нехватка статистики. Например, для большого числа стран не хватает одного-двух показателей, необходимых для построения моделей (1) и (2). В связи с этим окончательный набор региональных групп стран оказался таков: постсоветское пространство представлено четырьмя государствами – Россией, Украиной, Казахстаном и Киргизией; выборка Азии ограничена тремя странами – Китаем, Японией и Ираном; при рассмотрении континентальной Европы мы ограничились двумя крупнейшими экономиками – Францией и Германией; Латинская Америка представлена одной страной – Мексикой, а Африка – Египтом; англосаксонский мир представлен четырьмя государствами – Великобританией, США, Канадой и Австралией. Мы полагаем, что перечисленных 15 стран достаточно для системной диагностики основных зон геополитической активности.

При сборе данных для моделей (1) и (2) в основном использовались статистические базы данных Всемирного банка и ООН, в отдельных случаях они дополнялись информацией с официальных сайтов национальной статистики рассматриваемых государств.

Результаты эмпирических расчётов

Результаты прикладных расчетов по 15 странам для модели (1) представлены в *таблице 1*, для модели (2) – в *таблице 2*. При построении страновых моделей (1) применялась следующая логика использования дамми-переменных: для Ирана $F = 1$ для провала 1994 года, для остальных лет $F = 0$ (так как $F = 1$ нейтрализует единичный выброс, то расчет B^* для этого режима не осуществлялся); для Японии для режима роста ($P > 1$) $F = 1$, для режима депопуляции ($P < 1$) $F = 0$; для Германии для «хвоста» XX века (1990–1996 гг.) $F = 1$, для последующего периода $F = 0$.

В *таблицах 1 и 2* в фигурных скобках указана величина коэффициентов регрессии, а в скобках – их *t*-статистика; в *таблице 2* под *t*-статистикой указана величина временного лага соответствующей переменной. В числе характеристик модели указаны: n – число наблюдений (лет); A – ошибка аппроксимации (в процентах); R^2 – коэффициент детерминации; DW – коэффициент Дарбина – Уотсона; h – *h*-критерий Дарбина, применяемый для проверки гипотезы об автокорреляции остатков в моделях, включающих в качестве независимых переменных лаговые значения результирующего признака ($|h| < 1,96$). В *таблицах 1 и 2* темным цветом выделены результаты расчетов для Канады и Австралии, тем самым демонстрируя неудовлетворительность построенных моделей; остальные модели имеют достаточно хорошие статистические характеристики. Для Канады в модели (1) имеет место $\beta < 0$, что противоречит априорному условию положительного влияния рождаемости на рост населения; никакие эксперименты не позволили устранить обозначенное противоречие. Для Австралии и Канады в модели (2) наблюдается $m > 1$, что также противоречит априорному условию угасания влияния прошлого периода на текущие значения выходной переменной; и в этих случаях работа с моделями не дала положительного результата. Тем самым модели для Австралии и Канады проходят формальные статистические тесты, но не удовлетворяют содержательным требованиям и должны быть признаны вырожденными; в дальнейшем они исключаются из анализа.

Таблица 1. Характеристики эконометрической модели (1) по странам мира

Страна	Годы	Параметры модели			Характеристики модели	B*
		α	β	γ		
Постсоветское пространство						
Россия	1990–2021	$\frac{0,977}{(245,33)}$	$\frac{0,014}{(5,39)}$	–	n = 32; R ² = 0,49; DW = 2,30; A = 0,16%	1,60
Казахстан	1991–2021	$\frac{0,959}{(56,27)}$	$\frac{0,019}{(2,76)}$	–	n = 31; R ² = 0,21; DW = 2,13; A = 1,18%	2,20
Киргизия	1996–2021	$\frac{0,993}{(113,73)}$	$\frac{0,007}{(2,52)}$	–	n = 26; R ² = 0,21; DW = 2,00; A = 0,43%	0,86
Украина	1991–2021	$\frac{0,970}{(231,65)}$	$\frac{0,018}{(5,86)}$	–	n = 31; R ² = 0,54; DW = 1,80; A = 0,18%	1,65
Азия						
Китай	2001–2021	$\frac{0,994}{(607,79)}$	$\frac{0,006}{(5,92)}$	–	n = 21; R ² = 0,65; DW = 1,53; A = 0,30%	0,98
Япония	1990–2021	$\frac{0,986}{(295,68)}$	$\frac{0,009}{(3,69)}$	$\frac{0,003}{(9,99)}$	n = 32; R ² = 0,80; DW = 2,14; A = 0,07%	1,55 1,16
Иран	1991–2021	$\frac{0,991}{(222,40)}$	$\frac{0,012}{(5,97)}$	$\frac{-0,049}{(-6,21)}$	n = 31; R ² = 0,68; DW = 1,74; A = 0,51%	0,73
Континентальная Европа						
Германия	1990–2021	$\frac{0,969}{(79,04)}$	$\frac{0,022}{(2,56)}$	$\frac{0,008}{(3,98)}$	n = 32; R ² = 0,36; DW = 1,59; A = 0,23%	1,40 1,03
Франция	2007–2021	$\frac{0,986}{(132,32)}$	$\frac{0,009}{(2,33)}$	–	n = 15; R ² = 0,30; DW = 1,55; A = 0,13%	1,53
Латинская Америка						
Мексика	1991–2021	$\frac{0,988}{(383,86)}$	$\frac{0,011}{(10,19)}$	–	n = 31; R ² = 0,78; DW = 1,78; A = 0,16%	1,14
Африка						
Египет	1999–2021	$\frac{0,990}{(191,16)}$	$\frac{0,009}{(5,84)}$	–	n = 23; R ² = 0,62; DW = 1,62; A = 0,09%	1,03
Англосаксонский мир						
Великобритания	1991–2021	$\frac{0,990}{(230,39)}$	$\frac{0,010}{(4,12)}$	–	n = 31; R ² = 0,37; DW = 1,67; A = 0,86%	0,97
США	1991–2021	$\frac{0,982}{(127,42)}$	$\frac{0,014}{(3,54)}$	–	n = 31; R ² = 0,30; DW = 1,89; A = 0,20%	1,28
Австралия	1990–2021	$\frac{0,303}{(4,48)}$	$\frac{0,394}{(10,83)}$	–	n = 32; R ² = 0,80; DW = 0,73; A = 3,17%	1,76
Канада	2002–2020	$\frac{1,048}{(79,94)}$	$\frac{-0,023}{(-2,77)}$	–	n = 19; R ² = 0,31; DW = 1,90; A = 0,23%	2,07
Составлено по: расчёты авторов.						

Таблица 2. Характеристики эконометрической модели (2) по странам мира

Страна	Годы	Параметры модели					Характеристики модели
		<i>n</i>	<i>m</i>	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	
Постсоветское пространство							
Россия	1998–2021	$\frac{2,470}{(6,15)}$	$\frac{0,712}{(7,93)}$	$\frac{-0,030}{(-5,17)}$ 1	$\frac{-0,539}{(-4,45)}$ 3	$\frac{2,36E-05}{(4,86)}$ 3	n = 24; R ² = 0,97; h = 0,089; A = 1,68%
Казахстан	1994–2021	$\frac{4,539}{(4,41)}$	$\frac{0,403}{(3,24)}$	$\frac{-0,067}{(-4,32)}$ 0	$\frac{0,872}{(2,55)}$ 4	$\frac{7,16E-05}{(5,63)}$ 2	n = 28; R ² = 0,98; h = -0,112; A = 2,09%
Киргизия	1996–2021	$\frac{6,558}{(3,37)}$	$\frac{0,303}{(2,12)}$	$\frac{-0,073}{(-2,37)}$ 0	$\frac{-3,253}{(-2,66)}$ 6	$\frac{2,66E-04}{(4,22)}$ 0	n = 26; R ² = 0,91; h = -0,190; A = 2,71%
Украина	1991–2020	$\frac{1,124}{(3,15)}$	$\frac{0,710}{(15,55)}$	$\frac{-0,012}{(-2,09)}$ 1	$\frac{-0,278}{(-2,63)}$ 1	$\frac{1,99E-05}{(4,84)}$ 0	n = 30; R ² = 0,96; h = 1,911; A = 1,99%
Азия							
Китай	1995–2021	$\frac{-4,284}{(-4,59)}$	$\frac{0,513}{(3,64)}$	$\frac{0,076}{(4,88)}$ 3	$\frac{-2,244}{(-4,32)}$ 5	$\frac{-2,00E-05}{(-2,25)}$ 3	n = 27; R ² = 0,87; h = -0,584; A = 2,42%
Япония	1991–2020	$\frac{-2,362}{(-3,08)}$	$\frac{0,493}{(3,64)}$	$\frac{0,052}{(3,65)}$ 0	$\frac{-1,078}{(-3,34)}$ 0	$\frac{-2,20E-05}{(-2,96)}$ 1	n = 30; R ² = 0,88; h = 1,516; A = 1,32%
Иран	1998–2020	$\frac{-0,350}{(-2,07)}$	$\frac{0,946}{(15,65)}$	–	$\frac{-0,954}{(-4,74)}$ 2	$\frac{4,40E-05}{(5,55)}$ 4	n = 23; R ² = 0,93; h = 0,467; A = 1,64%
Континентальная Европа							
Германия	1999–2020	$\frac{-5,420}{(-4,81)}$	$\frac{0,547}{(4,24)}$	$\frac{0,085}{(4,89)}$ 2	$\frac{-0,558}{(-3,48)}$ 8	$\frac{-1,00E-05}{(-2,50)}$ 7	n = 22; R ² = 0,95; h = 0,770; A = 1,12%
Франция	1999–2020	$\frac{2,810}{(3,25)}$	$\frac{0,763}{(6,95)}$	$\frac{-0,036}{(-2,76)}$ 1	$\frac{-0,272}{(-1,96)}$ 9	$\frac{1,75E-05}{(2,55)}$ 6	n = 22; R ² = 0,91; h = -1,782; A = 0,83%
Латинская Америка							
Мексика	1996–2020	$\frac{1,942}{(5,06)}$	$\frac{0,740}{(16,57)}$	$\frac{-0,019}{(-5,16)}$ 1	$\frac{-1,316}{(-6,54)}$ 3	$\frac{1,29E-05}{(2,60)}$ 6	n = 25; R ² = 0,99; h = 1,161; A = 0,35%
Африка							
Египет	1993–2020	$\frac{5,670}{(2,44)}$	$\frac{0,843}{(9,42)}$	$\frac{-0,086}{(-2,54)}$ 1	$\frac{-1,204}{(-2,07)}$ 1	$\frac{1,10E-04}{(3,57)}$ 2	n = 28; R ² = 0,97; h = 0,620; A = 1,06%
Англосаксонский мир							
Великобритания	1999–2019	$\frac{1,745}{(2,80)}$	$\frac{0,901}{(9,44)}$	$\frac{-0,030}{(-3,19)}$ 2	$\frac{0,797}{(2,73)}$ 9	$\frac{1,05E-05}{(2,31)}$ 3	n = 21; R ² = 0,93; h = -1,033; A = 1,34%
США	1998–2021	$\frac{3,095}{(4,82)}$	$\frac{0,980}{(16,44)}$	$\frac{-0,049}{(-4,76)}$ 0	$\frac{0,813}{(2,98)}$ 4	$\frac{6,00E-06}{(2,20)}$ 0	n = 24; R ² = 0,98; h = 0,507; A = 0,90%
Австралия	1998–2020	$\frac{7,382}{(2,18)}$	$\frac{1,019}{(13,22)}$	$\frac{-0,117}{(-2,25)}$ 1	$\frac{0,771}{(4,18)}$ 5	$\frac{4,02E-05}{(2,22)}$ 0	n = 23; R ² = 0,94; h = 1,215; A = 1,20%
Канада	1999–2020	$\frac{2,552}{(2,96)}$	$\frac{1,177}{(13,89)}$	$\frac{-0,043}{(-3,05)}$ 2	$\frac{0,087}{(2,17)}$ 1	$\frac{1,23E-05}{(2,24)}$ 1	n = 22; R ² = 0,92; h = 0,846; A = 0,96%

Составлено по: расчёты авторов.

Рассмотрим некоторые характерные результаты построенных моделей.

Во-первых, модели (1) и (2) показали свою универсальность. Так, из 15 стран только для трех потребовалось введение дамми-переменной для калибровки результатов; для остальных стран модель (1) реализована в «чистом» виде. Модель (2) только для Ирана дала отклонение в том смысле, что параметр a оказался незначим при всех модификациях эконометрической зависимости. Это означает, что на нынешнем этапе развития Исламской Республики Иран продолжительность жизни населения напрямую не влияет на рождаемость.

Во-вторых, на фоне универсальности спецификации модели (2) наблюдается большое разнообразие в характере влияния трех факторов на рождаемость, что проявляется в разных знаках коэффициентов регрессии. Например, фактор продолжительности жизни благотворно влияет на рождаемость только в Китае, Японии и Германии, тогда как в остальных странах он ведет к сокращению репродуктивной активности женщин. Обращает на себя внимание наблюдаемая симметрия в отношении уровня благосостояния, который положительно влияет на рождаемость во всех странах, кроме Китая, Японии и Германии. Данный факт позволяет утверждать, что в названных трех странах материальный фактор уже утратил свое стимулирующее значение и его роль перешла к фактору общего состояния здоровья нации, что и показывает индикатор продолжительности жизни. Учитывая, что продолжительность жизни зависит от общего институционального благополучия общества (состояния сферы здравоохранения, социального обеспечения, уровня безопасности и законопослушности населения), можно говорить, что для Китая, Японии и Германии экономические (материальные) стимулы рождаемости уже активно замещаются институциональными (организационными). Это обстоятельство совершенно явно диагностирует, что названные три страны находятся на более позднем этапе социальной эволюции по сравнению с остальными государствами выборки.

В-третьих, в мире есть как традиционные, так и нетрадиционные (аномальные) модели семьи. Расчеты убедительно показывают, что

культура семейных отношений со временем способна претерпевать полную инверсию. Это вытекает из того факта, что рост разводимости семей во всех странах отрицательно влияет на рождаемость, тогда как в Казахстане и англосаксонских странах – Великобритании и США (а с вышеуказанными оговорками в Канаде и Австралии) – это явление оказывает стимулирующее действие. На первый взгляд, такая ситуация представляется парадоксальной и ненормальной, однако ей можно найти вполне естественное объяснение. В странах Запада институт семьи становится все более слабым, но даже в своей нынешней ослабленной форме он не стимулирует, а сдерживает репродуктивные императивы женского населения. В настоящее время возникло интересное явление – повторный брак сопровождается рождением детей, ибо для его закрепления требуются совместные дети, а не дети от предыдущих браков. В связи с этим возникает латентное правило: чем больше браков заключает женщина, тем больше детей она рождает. И наоборот, поддержание одного брачного союза не способствует рождению второго или третьего ребенка в уже созданной семье. В качестве стилизованного примера можно привести следующий реальный случай из жизни в США⁵: женщина, находящаяся в законном браке, родила ребенка от другого мужчины и была готова ради него развестись, а в новом браке с ним родить еще одного-двух детей; однако ортодоксальная еврейская община, к которой принадлежала данная женщина, воспрепятствовала реализации такого сценария, ибо еврейская традиция требует сохранения уже созданной семьи: давление со стороны родителей и родственников как самой женщины, так и ее мужа перевесило её изначальное желание. В этом отношении англосаксонские страны дают яркий пример новой культуры семьи, характерной для более поздних этапов постиндустриального общества; случай Казахстана требует отдельного исследования.

⁵ Данный случай имел место в Калифорнии и сопровождался длительным судебным разбирательством между его участниками, ибо сохранение прежнего брака женщины происходило на фоне запрета для биологического отца ребенка участвовать в его жизни и судьбе. Тем самым борьба за право влиять на судьбу ребенка приводит к конфликтам и стремлению разрушить прежний брак в пользу нового.

В-четвертых, среди стран выборки наблюдается крайне высокая дифференциация в чувствительности рождаемости на разные группы факторов. Например, сумма лагов по всем переменным для Японии составляет 1 год, Украины — 2 года, России — 7 лет, Великобритании — 14, Франции — 16, а Германии — 17; максимальный перепад между Германией и Японией составляет 17 раз. Тем самым Германия характеризуется крайне заторможенной реакцией на различные стимулы в отношении рождаемости. Не менее впечатляющим выглядит разрыв в реакции на материальный стимул. Например, рост душевого ВВП в США сразу положительно сказывается на рождаемости (в текущем году, без лага), тогда как в Германии — только спустя 7 лет. Похоже, что Европа дает примеры самых консервативных стран в отношении влияния на рождаемость. Помимо этого наблюдается еще одна интересная закономерность: наиболее богатые страны не только демонстрируют более медленную реакцию на существующие стимулы, но для них характерно лаговое неравенство $w > h$, т. е. влияние культурного фактора дольше не замечается населением, чем материального; для более «молодых» государств имеет место обратное соотношение. Это наблюдение можно интерпретировать следующим образом: богатые страны уже сформировали свою культуру и изменения в ней сказываются не скоро, тогда как менее богатые страны находятся в стадии культурного строительства и соответствующие изменения гораздо быстрее замечаются населением. В отношении материального стимула все ровно наоборот: богатые страны более чувствительны к нему из-за высокого уровня жизни, тогда как бедные народы с их низким уровнем материальной обеспеченности могут дольше не реагировать на ее рост, ибо небольшие улучшения принципиально не меняют их жизнь.

В-пятых, модельные расчеты отвергают расхожее клише о том, что для простого воспроизводства населения необходимо обеспечить рождаемость на уровне двух детей в семье. Как оказывается, этот индикатор (B^*) чрезвычайно сильно варьируется по странам — от 0,7 в Иране до 2,2 в Казахстане, т. е. наблюдается трехкратный разрыв. Эти цифры на первый взгляд могут показаться нереалистичными, однако они легко объяснимы. Для этого напомним, что модель (1)

является однофакторной и, следовательно, крайне упрощенной. Только в 7 странах из 15 коэффициент детерминации превышает 0,5, что означает недоучет многих обстоятельств, влияющих на рост населения. Достаточно сказать, что одинаковый коэффициент рождаемости может сопровождаться совершенно несопоставимой структурой населения; именно структурными различиями и детерминируется значительный разброс критической величины B^* . Так, доля женщин относительно доли мужчин может сильно колебаться; доля женщин детородного возраста в разных странах может также значительно различаться; не менее сильны и расхождения в распределении рожениц по возрастной шкале. При равных величинах B^* эти структурные различия дадут совершенно разный темп роста населения. Главное же состоит в том, что разные уровни B^* определяют совершенно разные демографические резервы стран. Например, в Киргизии и Иране даже резкое падение рождаемости в среднесрочной перспективе может не вызвать демографического коллапса, тогда как в России, Казахстане и Украине любое сокращение рождаемости сопряжено с угрозой депопуляции нации.

Все выше сказанное свидетельствует о том, что рассматриваемые страны различаются по «демографическому возрасту»: если некоторые из них способны и готовы к демографической экспансии, то другие уже прошли этот этап своего развития.

Региональные очаги потенциальной геополитической активности

Теперь выясним, какие страны и регионы мира могут в ближайшие десятилетия выступить в качестве очагов экономической и, как следствие, геополитической активности. Для этого воспользуемся демографическими индикаторами, которые сведены в *таблицу 3*; для эффекта E все величины для удобства приведены к одному знаменателю (множитель $E-06 = 10^{-6}$). При этом будущая геополитическая активность государства зависит от его размера, что резко ограничивает набор стран-претендентов.

Пристальное изучение таблицы 3 позволяет не только подтвердить отдельные традиционные предположения и тезисы, но и отвергнуть некоторые из них. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Таблица 3. Характеристики национальных демографических режимов

Страна	Характеристики демографического режима		
	θ , годы	E , усл. ед.	R , число кратности
Япония	0,9	-1,8 E-06	1,6
Китай	1,0	-0,8 E-06	3,6
Германия	1,1	-0,7 E-06	1,2
Мексика	2,3	0,5 E-06	3,3
Франция	2,6	0,6 E-06	1,4
Великобритания	6,6	0,7 E-06	1,4
США	34,8	0,9 E-06	1,0
Россия	2,0	2,4 E-06	2,3
Иран	12,6	3,1 E-06	4,2
Украина	2,0	3,6 E-06	4,9
Египет	4,0	8,3 E-06	5,5
Казахстан	0,8	10,7 E-06	2,4
Киргизия	0,6	20,5 E-06	13,2

Составлено по: расчёты авторов.

Во-первых, первая экономика мира – китайская – уже исчерпала свой потенциал и в будущем ее рост не сможет продлиться слишком долго. Рост благосостояния в Китае ведет к демографическому сжатию, а с учетом уже накопленного населения и другие факторы вряд ли смогут переломить этот процесс. Тем самым в недалеком будущем можно прогнозировать торможение экономического развития Поднебесной и стабилизации в ней демографических процессов. Этот аспект подводит к пониманию того, что в настоящее время Китай находится на пике своего развития и дальнейшее усиление его позиций будет несущественным и непродолжительным – не более 10–15 лет.

Во-вторых, две наиболее развитые экономики мира – японская и немецкая – также находятся в режиме, не способствующем дальнейшему демографическому и экономическому росту. Если для Японии, учитывая плотность ее населения, подобная ситуация выглядит вполне естественной, то для Германии этот вывод является несколько неожиданным. Более того, даже во Франции, по многим параметрам близкой к Германии, ситуация принципиально иная – в ней демографический эффект масштаба E является положительной величиной. В связи с этим есть вполне серьезные основания полагать, что динамичность развития Японии и Германии в будущем снизится и эти страны могут потерять свои ведущие позиции в мирохозяйственной системе. Объяснение принципиальных

демографических различий между Германией и Францией не является целью статьи, однако в данном контексте нельзя не вспомнить, что после Второй мировой войны эти страны оказались в разных лагерях: если Франция находилась среди победителей и сохранила свой политический суверенитет, то Германия лишилась его со всеми вытекающими последствиями. Аналогичная картина просматривается в различиях между Германией и Великобританией, у которой демографические параметры даже немного лучше, чем у Франции. Не исключено, что в настоящее время мы становимся свидетелями долгосрочных последствий подчиненного положения Германии в мировой политической иерархии в послевоенный период.

В-третьих, уже сейчас можно с высокой степенью уверенности утверждать, что США еще надолго останутся очагом значительной геоэкономической и геополитической активности. Среди западных стран Америка удерживает рекордное значение долгосрочного эффекта масштаба на фоне самой высокой среди всех стран выборки величины параметра θ . Это означает, что установившийся в стране режим демографического роста является чрезвычайно устойчивым – если в стране не произойдет негативных экстраординарных событий, то он продержится еще долгое время. Это означает, что ближайшие 25–30 лет США по-прежнему будут играть важную роль в мировой геополитической системе.

В-четвертых, в группу государств с сомнительным демографическим потенциалом попадают такие разнородные страны, как Киргизия и Мексика. Например, Киргизия по сравнению с США имеет долгосрочную чувствительность к росту благосостояния, почти в 23 раза более высокую, и 13-кратный сравнительный резерв его роста, однако установившийся режим характеризуется крайней неустойчивостью на фоне малой территории страны. Следовательно, Киргизия в принципе может стать локальным очагом экономической активности, но его влияние на мирохозяйственную систему будет малозаметным. Что касается Мексики, то ее демографические характеристики выглядят более стабильными и надежными, но их масштаб не впечатляет, в связи с чем маловероятно, что в будущем эта страна сможет стать хотя бы региональным драйвером экономического развития. Скорее всего, названные страны будут двигаться в экономическом фарватере других региональных лидеров.

В-пятых, среди стран нашей выборки явными претендентами на роль будущих региональных очагов геополитической активности выступают Россия, Казахстан, Украина, Иран и Египет. Первые три составляют костяк постсоветского пространства и в будущем могли бы перейти к реваншистским стратегиям; Иран и Египет в буквальном смысле слова находятся на старте своей экономической и геополитической активности. Учитывая размер территории и резервы в ее освоении, именно страны постсоветского пространства имеют наиболее впечатляющий потенциал демографического роста с последующим наращиванием своего геополитического влияния. Однако необходимо учитывать и то обстоятельство, что полученные выводы основаны на статистических данных до 2021 года, тогда как развернувшаяся с 2022 года на территории Украины специальная военная операция «сломала» ее воспроизводственный режим и, судя по всему, надолго лишила её каких-либо демографических и экономических драйверов. Что касается Ирана и Египта, то они, вне всякого сомнения, станут мощными региональными лидерами. Этот вывод подкрепляется высокими значениями всех трех демографических показателей для названных двух стран.

В состав выборки не вошли такие страны, как Бразилия, Аргентина, Алжир и Индия, которые могут рассматриваться в качестве будущих региональных драйверов геополитической активности. Однако есть основания предполагать, что их недоучет мало что меняет в нашей картине. Аргентина и Бразилия, скорее всего, по своим характеристикам похожи на Мексику, а это означает их умеренную активность в будущем. Алжир, скорее всего, похож на Египет и в ближайшие десятилетия станет его дополнением в качестве регионального драйвера Африки. Что касается Индии, то ее демографический рост уже достиг своего физического предела; если он и продолжится, то его продуктивность будет под большим вопросом. Однако это лишь предварительные тезисы, которые нуждаются в тщательной эмпирической проверке.

В завершение еще раз напомним, что речь идет не о прогнозе того, *как будут* протекать демографические и экономические процессы, а о том, как они *могут* протекать, исходя из особенностей каждой страны. Разумеется, нет никаких гарантий, что обнаруженные потенциалы реализуются. Однако наличие указанных потенциалов в будущем будет оказывать постоянное давление в направлении их воплощения в жизнь, чем и оправдывается сама задача их определения.

Заключение

Построенные в ходе работы страновые демографические модели позволили увидеть некоторые нюансы в развитии нынешнего геополитического пространства. Сегодня экономическая активность США угасает на фоне ее роста в Китае. Одновременно с этим на протяжении более 30 последних лет постсоветское пространство никак себя не проявляло. На первый взгляд, может показаться, что эта конфигурация и станет главным эволюционным трендом будущих десятилетий, однако расчеты показывают, что в дальнейшем могут произойти геополитические рокировки, более серьезные, чем кажется сегодня. Так, проведенные расчеты недвусмысленно показывают, что на планете имеются территории, которые еще не достигли предела в своем освоении — они не слишком сильно заселены, имеют богатые природные ресурсы и вполне достаточный цивилизационный потенциал. Именно

эти региональные очаги и могут стать драйверами дальнейшего движения мира вперед. Прикладные расчеты позволяют идентифицировать эти зоны будущей геополитической активности – Россия, Казахстан и Иран. Тем самым будущая экономическая и политическая активность планеты будет сосредоточена на территории Евразии, преимущественно ее азиатской части.

Помимо хороших демографических характеристик, названные страны обладают обширной территорией, богатыми природными ресурсами и относительно невысокой плотностью населения. Это позволяет их всерьез рассматривать как новые потенциальные центры активности. Кроме того, перечисленные страны примыкают друг к другу и образуют своего рода страновой кластер на пересечении основных международных торговых зон, что еще больше повышает вероятность их превращения в мировой котел экономической и политической

активности. Можно говорить о высокой вероятности экономического сотрудничества указанных стран с прилегающими государствами – Беларуссией, Узбекистаном, Туркменией. Это делает нарождающийся региональный кластер геополитической активности более масштабным и монолитным.

Разумеется, сделанные выводы носят предварительный характер – они нуждаются в проверке и дополнении. Однако в качестве первичного ориентира будущей геополитической конфигурации нарисованная картина может быть полезным подспорьем для разработки национальных экономических и политических стратегий. Значение предложенного подхода к определению возможной активности в разных точках мира состоит в обретении еще одной плодотворной схемы аналитической увязки двух принципиально разных сторон жизни общества – демографического и экономического роста.

Литература

- Архангельский В.Н., Зайко Е.С. (2022). Рождаемость и формирование семей в Московской агломерации в период пандемии COVID-19 // *Здоровье мегаполиса*. Т. 3. № 3. С. 6–16. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i3
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2023). Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура // *Terra Economicus*. Т. 21. № 2. С. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37
- Бессонова Л.П. (2020). Пандемия коронавируса и её влияние на демографические процессы и качество жизни в России // *Human Progress*. Т. 6. № 4. С. 1–15. DOI: 10.34709/IM.164.3
- Бирюкова С.С., Козлов В.А. (2023). Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 3–13. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2412
- Вакуленко Е.С. (2023). Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 258–281. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2357
- Вакуленко Е.С., Макарова М.Р., Горский Д.И. (2022). Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID19: аналитический обзор исследований // *Демографическое обозрение*. Т. 9. № 4. С. 138–159. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16747
- Ибрагимов А.А., Ильдарханова Ч.И. (2021). Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия (на примере Республики Татарстан) // *Регионология*. Т. 29. № 3. С. 686–708. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.686-708
- Казенин К.И., Митрофанова Е.С. (2023). Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 14–30. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2370
- Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. (2023). Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 57–81. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2362
- Капица С.П. (2009). *Общая теория роста человечества. Как рос и куда идет мир человека*. М.: Никитский клуб. 120 с.

- Семеко Г.В. (2021). Демографическое развитие в условиях пандемии COVID–19: вызовы для экономики // Экономические и социальные проблемы России. № 3. С. 123–140. DOI: 10.31249/espr/2021.03.07
- Турчин П.В. (2020). Историческая динамика: Как возникают и рушатся государства. На пути к теоретической истории. М.: Ленанд. 366 с.
- Хасанова Р.Р., Зубаревич Н.В. (2021). Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. Т. 28. № 1. С. 77–87.
- Aassve A., Cavalli N., Mencarini L. et al. (2020). The COVID–19 pandemic and human fertility. *Science*, 369(6502), 370–372. DOI: 10.1126/science.abc9520
- Becker G.S. (1988). Family economics and macro behavior. *The American Economic Review*, 78(1), 3–13. DOI: <http://www.jstor.org/stable/1814694>
- Boberg-Fazlic N., Ivets M., Karlsson M., Nilsson Th. (2021). Disease and fertility: Evidence from the 1918–19 Influenza Pandemic in Sweden. *Economics & Human Biology*, 43, 101020. DOI: 10.1016/j.ehb.2021.101020
- Buber-Ennsler I., Berghammer C. (2021). Religiosity and the realisation of fertility intentions: A comparative study of eight European countries. *Population, Space and Place*, 27(6), e2433. DOI: 10.1002/psp.2433
- Butz W.P., Ward M.P. (1979). Will US fertility remain low? A new economic interpretation. *Population and Development Review*, 5(4), 663–688. DOI: 10.2307/1971976
- Chandra S., Yu Ya.-L. (2015). The 1918 influenza pandemic and subsequent birth deficit in Japan. *Demographic Research*, 33, 11, 313–326. DOI: 10.4054/DemRes.2015.33.11
- Charles-Edwards E., Wilson T., Bernard A., Wohland P. (2021). How will COVID-19 impact Australia’s future population? A scenario approach. *Applied Geography*, 134, 201506. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102506
- DeRose L.F. (2021). Gender equity, religion, and fertility in Europe and North America. *Population and Development Review*, 47(1), 41–55. DOI: 10.1111/padr.12373
- Dzhioev A., Caberty N. (2021). Analysis of the birth rate and mortality of the population of Russia in 2019–2021. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 4, 44–51. DOI: 10.23947/2414-1143-2021-28-4-44-51
- Emery T., Koops J.C. (2022). The impact of COVID19 on fertility behaviour and intentions in a middle-income country. *PLoS ONE*, 17(1), e0261509. DOI: 10.1371/journal.pone.0261509
- Frantsuz Y., Ponarin E. (2020). The impact of societal instability on demographic behavior (the case of Soviet and post-Soviet Russia). *Population Research and Policy Review*, 39, 1087–1117. DOI: 10.1007/s11113-020-09595-7
- Galoyan D., Hakhverdyan D., Movsisyan M., Karapetyan L. (2021). Impact of the COVID-19 pandemic of the mortality of the RA population. *Messenger of Armenian State University of Economics*, 5, 68–84. DOI: 10.52174/1829-0280_2021_5_68
- Herzer D. (2019). A note on the effect of religiosity on fertility. *Demography*, 56(3), 991–998. DOI: 10.1007/s13524-019-00774-6
- Johnson J., Chaudieu I., Ritchie K. et al. (2020). The extent to which childhood adversity and recent stress influence all-cause mortality risk in older adults. *Psychoneuroendocrinology*, 111, 104492. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2019.104492
- Karlsson M., Nilsson T., Pichler S. (2014). the impact of the 1918 Spanish flu epidemic on economic performance in Sweden: An investigation into the consequences of an extraordinary mortality shock. *Journal of Health Economics*, 36, 1–19. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2014.03.005
- Lee R. (1980). A historical perspective on economic aspects of the population explosion: The case of preindustrial England. In: Easterlin R.A. (Ed.). *Population and Economic Change in Developing Countries*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Malthus Th.R. (1992). *An Essay on the Principle of Population*. London: Cambridge University Press.
- Noghani-Behambari H., Noghani F., Tavassoli N. (2020). Early life income shocks and old-age cause-specific mortality. *Economic Analysis*, 53(2), 1–19. DOI: 10.28934/ea.20.53.2.pp1-19
- Percoco M. (2016). Health shocks and human capital accumulation: The case of Spanish flu in Italian regions. *Regional Studies*, 50(9), 1496–1508. DOI: 10.1080/00343404.2015.1039975
- Rangel M.A., Nobles J., Hamoudi A. (2020). Brazil’s missing infants: Zika risk changes reproductive behavior. *Demography*, 57(5), 1647–1680. DOI: 10.1007/s13524-020-00900-9

- Sobotka T., Jasilioniene A., Zeman K. et al. (2022). From bust to boom? Birth and fertility responses to the COVID19 pandemic. *SocArXiv*, August 22. DOI: 10.31235/osf.io/87acb
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011). Economic recession and fertility in the developed world. *Population and Development Review*, 37(2), 267–306. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x
- Solow R.M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), 65–94. DOI: 10.2307/1884513
- Turchin P. (2023). *End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration*. New York: Penguin Press.
- Ullah M.A., Moin A.T., Araf Y. et al. (2020). Potential effects of the COVID-19 pandemic on future birth rate. *Frontiers in Public Health*, 8, 578438. DOI: 10.3389/fpubh.2020.578438
- Wood J.W. (1998). A theory of preindustrial population dynamics, demography, economy, and well-being in Malthusian systems. *Current Anthropology*, 39(1), 99–135. DOI: 10.1086/204700

Сведения об авторах

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4), главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: NAEkimova@fa.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Identifying Regional Foci of Potential Geopolitical Activity on the Basis of Demographic Scale Effect

Abstract. Within the framework of the article, we assess regions and countries that in the future may become new foci of economic and civilizational activity. This issue is relevant because many countries are now witnessing the exhaustion of demographic growth opportunities, which in turn will hinder intensive economic growth in them. To address the issue, we propose a two-stage econometric modeling procedure. The first econometric dependence links population growth rate with total fertility rate, and the second dependence reveals the impact of economic, institutional and cultural factors on fertility rate. Empirical testing of models was performed for a sample of 15 countries (Russia, Ukraine, Kazakhstan, Kyrgyzstan, France, Germany, Iran, Japan, China, Mexico, Egypt, Great Britain, USA, Canada and Australia) and showed high productivity and invariance of the proposed model scheme. Based on the constructed models, we put forward several quantitative characteristics of national demographic regimes. The most important of them is the long-term demographic effect of scale, taking into account the reaction of the population to the growth of per capita welfare. Applied calculations show that the U.S. still has the potential to maintain its growth regime for quite a long time, while China, Japan and Germany have almost exhausted this resource. The most likely foci of a new round of development of human civilization may be Russia, Kazakhstan and Iran, which, taking into account neighboring countries, form a kind of regional cluster in the center of Eurasia. It is in this area of the planet that we should expect the greatest economic and political activity in the next two to three decades.

Key words: economic growth, demographic regime, birth rate, econometric model.

Information about the Authors

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: EVBalatskij@fa.ru); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: NAEkimova@fa.ru)

Статья поступила 25.07.2023.

Особенности уровня жизни и трудового положения домохозяйств с детьми и без детей

Елена Валерьевна

ОДИНЦОВА

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: odin_ev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7906-8520; ResearcherID: U-7061-2019

Татьяна Викторовна

ЧАЩИНА

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: chashinatv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3384-3413

Денис Александрович

МОЧАЛОВ

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: d3nmochalov@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-3466-2148

Для цитирования: Одинцова Е.В., Чашина Т.В., Мочалов Д.А. (2023). Особенности уровня жизни и трудового положения домохозяйств с детьми и без детей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 155–171. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.9

For citation: Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. (2023). Features of the standard of living and labor situation in households with children and without them. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 155–171. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.9

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования государственной политики для решения имеющихся проблем в сфере уровня и качества жизни россиян в условиях новых рисков, вызванных социально-экономическими последствиями нарастающего внешнего давления на страну. В статье представлены результаты исследования, фокусирующегося на выявлении особенностей уровня жизни домохозяйств с детьми (целевая группа) и без детей (контрольная группа), а также рассмотрении роли трудового положения членов домохозяйств. Проведена идентификация уровня жизни домохозяйств на основе его моделирования по душевым денежным доходам и качеству жилищных условий, оцениваемых с применением социальных стандартов. Выявлено, что для домохозяйств с детьми наиболее распространены модели низкого и наиболее низкого уровня жизни, которые менее типичны для домохозяйств без детей. Домохозяйства с детьмикратно чаще, чем домохозяйства без детей, сталкиваются с наиболее уязвимым положением по уровню доходов и качеству жилищных условий. Рассмотрено трудовое положение экономически активных членов домохозяйств при разном уровне обеспеченных в них душевых денежных доходов. Показаны различия в уровне занятости лиц в возрасте 15 лет и старше, проживающих в домохозяйствах с детьми и без детей с разным уровнем доходов, в зависимости от возрастной группы. Проведено оценивание уровня доходов от основной занятости, который обеспечивает позиционирование домохозяйств по уровню жизни (с учётом фактической иждивенческой нагрузки), и выявлено, что наличие детей увеличивает риски локализации домохозяйств в нижних слоях по уровню жизни. Рассмотрены основные причины незанятости лиц в возрасте 15 лет и старше (по возрастным группам) из домохозяйств с детьми с разным уровнем доходов, определены «резервы» для повышения уровня занятости в домохозяйствах с детьми и, как следствие, их уровня доходов.

Ключевые слова: уровень жизни, социальные стандарты, уровень денежных доходов, качество жилищных условий, трудовое положение, занятость, доходы от занятости, причины незанятости, домохозяйства с детьми, домохозяйства без детей.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук.

Введение

Повышение уровня жизни населения является одним из приоритетов стратегического развития России, реализуемым через программно-целевой инструментарий в направлениях повышения качества занятости, увеличения реальных доходов, снижения уровня бедности, улучшения жилищных условий россиян и т. д.¹ Актуальность этих приоритетных направлений для «внутренней повестки» государственной

политики обусловлена сохраняющимися остроту проблемами массовой необеспеченности россиян, сложившимися по базовым компонентам уровня жизни — покупательной способности денежных доходов и жилищной обеспеченности (Бобков и др., 2007; Бобков, Гулюгина, 2020; Мониторинг..., 2022; и др.). Коронакризис, вызванный пандемией COVID-19, и его социально-экономические последствия актуализировали значимость решения данных проблем в условиях новых рисков для уровня жизни граждан. В период пандемии и коронакризиса, один из «ударов» которых пришелся на сферу занятости (Лайкам, 2021; Корчагина, Прокофьева, 2023), ещё более очевидной стала «роль занятости и её качества в сохранении и повышении уровня жизни домохозяйств» (Bobkov, Odintsova, 2023, p. 197). Социально-экономические

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <https://base.garant.ru/401425792/>; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>; Жилье и городская среда // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda>; и др.

последствия коронакризиса и меры по их преодолению со стороны государства ещё раз подтвердили, что домохозяйства с детьми являются наиболее уязвимой группой и обеспечение их благополучия должно быть «стержнем» стратегического планирования развития страны.

На новом этапе развития, в который Россия вступила в начале 2022 года, связанном с усилением внешнего санкционного давления в условиях геополитического противостояния, приоритет обеспечения благополучия домохозяйств с детьми (в сфере уровня жизни, здоровья и пр.), взаимоувязанный с проблемами народосбережения, развития кадрового потенциала и т. п., приобретает ещё большую значимость для достижения национальных интересов суверенного стратегического развития России. Необходимость выработки результативных мер государственной политики в условиях нового этапа развития требует актуализации научно-аналитической основы и, соответственно, продолжения исследований в области изучения уровня жизни населения, включая социально-демографическую группу домохозяйств с детьми.

В рамках настоящего исследования данная задача решается в аспекте выявления особенностей уровня жизни применительно к домохозяйствам с детьми и без детей, а также рассмотрения роли в формировании уровня жизни трудового положения членов домохозяйств.

Научная новизна исследования, проведенного авторами, состоит в идентификации различных моделей уровня жизни, определяемого по уровню душевых денежных доходов и качеству жилищных условий, оцениваемых на основе социальных стандартов, у российских домохозяйств с детьми и без детей.

Значимость работы заключается в выявлении наиболее уязвимых по уровню жизни домохозяйств, а также особенностей трудового положения их экономически активного населения, в определении «резервов» для повышения уровня занятости и, соответственно, уровня душевых доходов. Полученные результаты могут быть востребованы при выработке целенаправленных мер государственной политики в области повышения качества занятости и реальных денежных доходов, улучшения жилищной обеспеченности, социальной поддержки семей с детьми.

Методологические подходы и данные исследования

Целевой группой исследования выступают российские домохозяйства, в которых есть ребёнок (дети) (далее — домохозяйства с детьми). Данная категория домохозяйств, являющаяся значимой с точки зрения достижения национальных ориентиров демографического развития, отличается высокой уязвимостью и рисками бедности (Бобков, 2019; Корчагина, Прокофьева, 2023). При нацеленности социальной политики на снижение уровня бедности и поддержку домохозяйств с детьми они остаются наиболее массовой (около 80% и более²) группой среди малоимущих домохозяйств. Для сравнения и выявления особенностей положения целевой группы также была введена контрольная группа — домохозяйства, в которых отсутствует нагрузка по содержанию детей (домохозяйства без детей).

Исследование домохозяйств (с детьми и без детей) проводилось в двух основных направлениях.

1. Уровень жизни домохозяйств. Проблематика уровня жизни является одним из активно прорабатываемых сегментов исследовательского поля. Она раскрывается в аспекте изучения неравенства: теоретико-методологические основы, инструментарий, оценка уровня и динамики, выявление факторов и пр. (Система..., 1986; Бобков и др., 2007; Шевяков, 2010; Овчарова и др., 2016; Бобков, Колмаков, 2017; Jenkins, Micklewright, 2007; Milanovic, 2011; Atkinson, 2015; Solt, 2020; Wang, Jv, 2023; и др.). Изучается уровень жизни в разных слоях населения, выделяемых на основе различных его показателей (Аврамова и др., 2003; Бедность..., 2014; Малева и др., 2015; Средние классы..., 2018; Малева и др., 2019; Deaton, 2005; Chen, Ravallion, 2013; и др.); особенности уровня жизни разных социально-демографических групп (Bobkov, Odintsova, 2023; и др.), в том числе семей с детьми как наиболее уязвимой категории населения (Семья и дети..., 2009; Пишняк, Попова, 2011; Бобков, 2019; Корчагина, Прокофьева, 2023; и др.).

² Социально-экономические индикаторы бедности в 2015–2021 годах // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13293>

В данном исследовании уровень жизни рассматривался на основе денежных доходов и жилищных условий. Они представляют собой две базовые компоненты формирования уровня жизни, по которым сохраняется массовая недоступность их критериальных параметров, определяющих достойные условия жизнедеятельности домохозяйств (Мониторинг..., 2022). При этом научный и практический (для целей государственной социальной политики) интерес представляет классификация (группировка) домохозяйств, различающихся по уровню жизни, для проведения которой исследовательская практика предлагает различные решения. При применении в качестве классифицирующего критерия денежных доходов сложились различные подходы к установлению их границ, в которых идентифицируются группы с различным уровнем жизни: объективный подход, базирующийся на объективных оценках (с установлением абсолютных и относительных границ для оценивания или их комбинации), и субъективный подход, опирающийся на самооценки населения (Овчарова, 2009; Бобков, Колмаков, 2017; Тихонова и др., 2018; Мониторинг..., 2022; Ravallion, 2016; и др.). При оценивании жилищных условий в исследованиях прорабатывается

комплекс определяющих их параметров: безопасность условий проживания (аварийность жилья и пр.), благоустроенность жилища, площадь жилища, количество жилых комнат и др. (Пузанов и др., 2012; Малева и др., 2015; Средние классы..., 2018; Шнейдерман и др., 2019; Мониторинг..., 2022; и др.). Также учитываются доступность жилища (Minchenko, Nozdri-na, 2017; Padley, Marshall, 2019; Kosareva, Polidì, 2021 и др.), самооценки жилищных условий (Семья и дети..., 2009; и др.) и др.

В целях изучения уровня жизни авторы придерживаются объективного подхода, в основе которого лежат оригинальные нормативные социальные стандарты, фиксирующие возрастающую «шкалу» нормативных характеристик компонент уровня жизни, сравнение с которыми фактических показателей позволяет идентифицировать уровень жизни в различных проекциях (одно- или двумерной, или многомерной — с учётом набора компонент уровня жизни) (Мониторинг..., 2022; и др.).

В данном исследовании выделялись сформировавшиеся у домохозяйств модели уровня жизни (табл. 1), каждая из которых является двухпараметрической — идентифицировалась по уровню покупательной способности душевых

Таблица 1. Модели уровня жизни, определяемые на основе уровня душевых денежных доходов и качества жилищных условий

Модель уровня жизни	Уровень денежных доходов и качество жилищных условий, оцениваемые на основе социальных стандартов, обуславливающие модели уровня жизни
Высокий уровень жизни	<i>Денежные доходы и жилищные условия не ниже стандартов высокого уровня</i> , в том числе: доходы не ниже стандарта высокого уровня (не менее 11 ПМ*) и хорошие жилищные условия (жилище отвечает требованиям стандарта** высокого уровня)
Средний уровень жизни	<i>Денежные доходы и/или жилищные условия не ниже стандартов среднего уровня</i> , в том числе: – доходы не ниже стандарта высокого уровня (не менее 11 ПМ) и средние жилищные условия (жилище отвечает требованиям стандарта среднего уровня, но не отвечает требованиям стандарта высокого уровня); – доходы соответствуют стандарту среднего уровня (3,1–11 ПМ) и хорошие жилищные условия (жилище отвечает требованиям стандарта высокого уровня); – доходы соответствуют стандарту среднего уровня (3,1–11 ПМ) и средние жилищные условия (жилище отвечает требованиям стандарта среднего уровня, но не отвечает требованиям стандарта высокого уровня)
Уровень жизни ниже среднего	<i>Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают стандартов среднего уровня</i> , в том числе: – денежные доходы менее стандарта среднего уровня (2–3,1 ПМ) и жилищные условия от средних до хороших (жилище отвечает требованиям стандартов среднего и высокого уровня); – денежные доходы не менее стандарта среднего уровня (3,1 ПМ и более) и ниже средних жилищные условия (жилище отвечает требованиям социально приемлемого стандарта, но не отвечает требованиям стандарта среднего уровня); – денежные доходы менее стандарта среднего уровня (2–3,1 ПМ) и ниже средних жилищные условия (жилище отвечает требованиям социально приемлемого стандарта, но не отвечает требованиям стандарта среднего уровня)

Окончание таблицы 1

Модель уровня жизни	Уровень денежных доходов и качество жилищных условий, оцениваемые на основе социальных стандартов, обуславливающие модели уровня жизни
Низкий уровень жизни	<i>Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают социально приемлемых стандартов</i> , в том числе: <ul style="list-style-type: none"> – денежные доходы менее социально приемлемого стандарта (1–2 ПМ) и жилищные условия от ниже средних до хороших (жилище отвечает требованиям социально приемлемого и более высоких стандартов); – денежные доходы не менее социально приемлемого стандарта (2 ПМ и более) и плохие жилищные условия (жилище отвечает требованиям минимального стандарта, но не отвечает требованиям социально приемлемого стандарта); – денежные доходы менее социально приемлемого стандарта (1–2 ПМ) и плохие жилищные условия (жилище отвечает требованиям минимального стандарта, но не отвечает требованиям социально приемлемого стандарта)
Наиболее низкий уровень жизни	<i>Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают минимальных стандартов</i> , в том числе: <ul style="list-style-type: none"> – денежные доходы менее минимального стандарта (менее 1 ПМ) и жилищные условия от плохих до хороших (жилище отвечает требованиям минимального и более высоких стандартов); – денежные доходы не ниже минимального стандарта (не менее 1 ПМ) и наиболее плохие жилищные условия (жилище не отвечает требованиям минимального стандарта); – денежные доходы менее минимального стандарта (менее 1 ПМ) и наиболее плохие жилищные условия (жилище не отвечает требованиям минимального стандарта)
<p>* ПМ – прожиточный минимум. ** Требования стандартов жилищной обеспеченности представлены в таблице 2. Источник: составлено авторами.</p>	

Таблица 2. Уровни и требования социальных стандартов душевых денежных доходов и жилищной обеспеченности

Уровень социальных стандартов	Нормативные границы душевых денежных доходов	Нормативные требования к характеристикам жилища
Высокий	Не менее 11 ПМ*	Размер площади жилища: общая площадь не менее 40 м ² /чел. Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания: не ниже требований стандарта среднего уровня. Просторность жилища: количество жилых комнат (К) в жилище превышает число проживающих (п): $K > p$
Средний	Не менее 3,1 ПМ	Размер площади жилища: общая площадь не менее 23 м ² /чел. Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания, безопасность условий проживания: не ниже требований социально приемлемого стандарта, а также наличие доступа в Интернет. Просторность жилища: количество жилых комнат (К) в жилище соответствует числу проживающих (п): $K = p$
Социально приемлемый	Не менее 2 ПМ	Размер площади жилища: общая площадь не менее 16 м ² /чел. Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания: не ниже требований минимального стандарта, а также наличие центрального горячего водоснабжения (или от местных (индивидуальных) водонагревателей**), напольной плиты (газовой/ электрической), наличие в жилище в индивидуальном доступе*** кухни, душа/ванны и туалета. Безопасность условий проживания: проживание не в аварийном жилом многоквартирном доме; отсутствие для жилья (индивидуальный дом) опасности возникновения наводнений, паводков, подтоплений, пожароопасной ситуации
Минимальный	Не менее 1 ПМ	Размер площади жилища: жилая площадь не менее 6 м ² /чел. Благоустроенность жилища и санитарно-гигиенические условия проживания: наличие централизованного электроснабжения, канализации, централизованного водоснабжения (или из индивидуальной артезианской скважины**), центрального отопления (или от индивидуальных установок, котлов**)
<p>* ПМ – прожиточный минимум. ** Требование применяется для сельской местности. *** Находятся не в местах общего пользования / в отдельном строении / в дворовой постройке. Источник: составлено авторами.</p>		

денежных доходов и качеству жилищных условий домохозяйств, которые определялись с помощью соответствующих социальных стандартов (табл. 2). Для реализации цели исследования применялись стандарты душевых денежных доходов, обоснованные в более ранних трудах (см., например, (Мониторинг..., 2022)), и стандарты жилищной обеспеченности, разработанные одним из авторов с учётом дифференциации характеристик жилища в зависимости от места проживания (городская/сельская местность)³.

2. Трудовое положение экономически активного населения домохозяйств с разным уровнем жизни. Уровень жизни домохозяйств рассматривался в увязке с трудовым положением их членов. Трудовое положение оценивалось для лиц, проживающих в домохозяйствах (с детьми и без детей) с разным уровнем душевых денежных доходов, идентифицированным на основе соответствия применяемым в исследовании социальным стандартам. Таким образом, изучался его «вклад» в обеспечение уровня жизни, определялось (недо)использование возможностей для обеспечения тех или иных стандартов уровня жизни. Трудовое положение рассматривалось для лиц в возрасте 15 лет и старше, т. е. для экономически активного населения домохозяйств, по следующим параметрам.

2.1. Наличие занятости. Выявлялась доля занятых среди лиц в возрасте 15 лет и старше в целом и по возрастным группам: а) от 15 до 24 лет (возраст, соответствующий периоду получения образования, определяющему объективные обстоятельства возможной незанятости: обучение в школе, вузе и пр.); б) от 25 лет до пенсионного возраста (основной период экономической активности); в) пенсионный возраст (период экономической активности, связанный с наличием объективных обстоятельств возможной незанятости: пенсия, утрата трудоспособности и пр.).

Каждая из выделенных возрастных групп может иметь свои особенности с точки зрения (не)участия в занятости, которые можно конкретизировать при более детальной группировке по

³ Актуализированные стандарты жилищной обеспеченности впервые применялись для выявления особенностей имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе. Результаты представлены в работе, опубликованной в журнале «АПК: экономика, управление» в 2023 году.

возрасту (что может стать предметом дальнейших исследований). В данном случае авторами была выбрана укрупненная группировка по возрасту, позволяющая проследить изменения при смене трёх основных этапов жизненного цикла, связанных с участием в сфере занятости: получение образования и выход на рынок труда, основной этап трудовой деятельности и уход из сферы занятости. При этом возрастные границы двух «крайних» групп были выбраны с тем, чтобы выделить периоды, связанные с объективными причинами возможной незанятости – получение образования и выход на пенсию.

2.2. Уровень доходов от основной занятости, который оценивался на основе стандартов, увязанных со стандартами душевых денежных доходов и определяющих возможности обеспечения тех или иных стандартов уровня жизни с учётом фактической иждивенческой нагрузки на занятых⁴.

2.3. Причины отсутствия занятости. Для незанятых лиц из числа проживающих в домохозяйствах с детьми выявлялись основные причины отсутствия занятости применительно к каждой из рассматриваемых возрастных групп (от 15 до 24 лет, от 25 лет до пенсионного возраста, пенсионный возраст), что позволяло оценить их объективность.

В данной работе авторы фокусируются на выделенных параметрах трудового положения членов домохозяйств, оставляя за рамками исследования другие возможные социально-демографические и социально-экономические факторы, влияющие на положение домохозяйств: количество и возраст детей, трудовой потенциал родителей (здоровье, образование и квалификация и др.), другие источники доходов помимо доходов от занятости и т. д., что может стать предметом дальнейших исследований.

⁴ Учитывалась нагрузка по содержанию несовершеннолетних детей. В случае отсутствия детей у занятых применялись следующие границы стандартов в соотношении с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМтр): 1 ПМтр, 2 ПМтр, 3,1 ПМтр и 11 ПМтр. При наличии у занятых детей применялись скорректированные (более высокие) границы стандартов доходов от основной занятости, которые с учетом числа детей, возможности разделить нагрузку по их содержанию и экономии на совместном потреблении позволяют выйти на стандарты душевых денежных доходов (см. табл. 2).

Эмпирическую базу для проведения исследований составили: 1) микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата⁵ (далее – КОУЖ) – данные по домохозяйствам⁶ и индивидам⁷ за 2022 год (основная часть эмпирических данных); 2) данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁸ (далее – РМЭЗ) по индивидам (дополнительная и локальная часть эмпирических данных, востребованная для компенсации отсутствия в КОУЖ данных о доходах от занятости, необходимых для задач исследования⁹).

Таким образом, в исследовании выявлялась ситуация в 2022 году, связанная с рисками ухудшения положения домохозяйств (прежде всего с детьми) из-за последствий нарастания внешнего санкционного давления на Россию

в условиях обострения геополитического кризиса, продолжающегося усиливаться в настоящее время.

Основные результаты исследования

Уровень жизни домохозяйств с детьми и без детей: распространённые модели с учётом уровня денежных доходов и качества жилищных условий. Согласно полученным оценкам, средний и выше уровень жизни для домохозяйств с детьми практически не доступен (около 1,0%, 2022 г.; табл. 3). Доходами и жилищными условиями, отвечающими более высоким стандартам, чаще обеспечены домохозяйства без детей: такая модель уровня жизни выявлена у 13,7% домохозяйств без детей, прежде всего она связана с достижением не высоких (0,1%), а средних стандартов (13,6%). Модель ниже среднего уровня жизни среди домохозяйств с детьми

Таблица 3. Модели уровня жизни домохозяйств с детьми и без детей на основе уровня душевых денежных доходов и качества жилищных условий, оцениваемых на основе социальных стандартов, 2022 год, %

Модель уровня жизни	Уровень денежных доходов и качество жилищных условий, оцениваемые на основе социальных стандартов, обуславливающие модели уровня жизни	Домохозяйства с детьми	Домохозяйства без детей
Высокий уровень жизни	Денежные доходы и жилищные условия не ниже стандартов высокого уровня	0,0*	0,1
Средний уровень жизни	Денежные доходы и/или жилищные условия не ниже стандартов среднего уровня	1,0	13,6
Уровень жизни ниже среднего	Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают стандартов среднего уровня	11,5	29,2
Низкий уровень жизни	Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают социально приемлемых стандартов	46,4	25,6
Наиболее низкий уровень жизни	Денежные доходы и/или жилищные условия не достигают минимальных стандартов	41,1	31,5

* 0,0 – небольшая величина.
Источник: оценка авторов на основе данных КОУЖ.

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html.

⁶ Данные были востребованы для оценивания уровня жизни домохозяйств. В 2022 году КОУЖ было организовано во всех регионах России с охватом 60,0 тыс. домохозяйств.

⁷ Данные были востребованы для оценивания трудового положения экономически активного населения домохозяйств. Были отобраны лица в возрасте 15 лет и старше (в том числе по возрастным группам), проживающие в домохозяйствах с разным уровнем душевых денежных доходов. Выборка составила 103,1 тыс. чел., ошибка выборки $\pm 0,31\%$ (при доверительной вероятности 95%).

⁸ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

⁹ В базе РМЭЗ были востребованы данные последней 30-й волны (2021 г.), наиболее актуальной на момент проведения исследования. В массиве данных были отобраны лица в возрасте 15 лет и старше, являющиеся занятыми: 5,5 тыс. чел. Ошибка выборки $\pm 1,32\%$ (при доверительной вероятности 95%).

мало распространена (11,5%), тогда как среди домохозяйств без детей она встречается более чем в два раза чаще (29,2%).

Наиболее типичными для домохозяйств с детьми являются модели низкого и наиболее низкого уровня жизни. В 2022 году доля домохозяйств с детьми, у которых были выявлены соответствующие модели, суммарно составляла 87,5%, что в полтора раза выше, чем для домохозяйств без детей (суммарно – 57,1%). Низкий уровень жизни, при котором денежные доходы и/или жилищные условия не достигают социально приемлемых стандартов, отличает 46,4% домохозяйств с детьми при 25,6% домохозяйств без детей (в 1,8 раза меньше). Наиболее низкий уровень жизни, при котором денежные доходы и/или жилищные условия не достигают минимальных стандартов, выявлен у 41,1% домохозяйств с детьми при 31,5% среди домохозяйств без детей (в 1,3 раза меньше).

Среди домохозяйств, для которых характерны модели низкого и наиболее низкого уровня жизни, наиболее уязвимым положение можно назвать для тех домохозяйств, которые имеют душевые денежные доходы ниже минимального или социально приемлемого стандартов и при этом проживают в наиболее плохих или плохих жилищных условиях, а также для проживающих в жилище более высокого качества при душевых денежных доходах ниже минимального стандарта. Среди домохозяйств с детьми суммарная доля таких (58,6%) более чем в три раза выше, чем среди домохозяйств без детей (18,7%; табл. 4). В том числе доля имеющих наиболее плохие жилищные условия (не отвечают требованиям минимального стандарта) при наиболее низких душевых денежных доходах (менее 1 ПМ) среди домохозяйств с детьми (12,0%) кратно превышает их долю среди домохозяйств без детей (1,8%).

Таблица 4. Наиболее уязвимые домохозяйства с детьми и без детей с моделями низкого и наиболее низкого уровня жизни, выявляемого на основе социальных стандартов, 2022 год, %

Показатель	Домохозяйства с детьми	Домохозяйства без детей
С душевыми денежными доходами ниже минимального стандарта (менее 1 ПМ*) и наиболее плохими жилищными условиями (жилище не отвечает требованиям минимального стандарта)	12,0	1,8
С душевыми денежными доходами ниже минимального стандарта (менее 1 ПМ) и плохими жилищными условиями (жилище отвечает требованиям минимального стандарта, но не отвечает требованиям социально приемлемого стандарта)	4,7	0,4
С душевыми денежными доходами ниже минимального стандарта (менее 1 ПМ) и жилищными условиями от ниже средних до хороших (жилище отвечает требованиям социально приемлемого и более высоких стандартов)	1,5	0,5
С душевыми денежными доходами менее социально приемлемого стандарта (1–2 ПМ) и наиболее плохими жилищными условиями (жилище не отвечает требованиям минимального стандарта)	18,7	11,9
С душевыми денежными доходами менее социально приемлемого стандарта (1–2 ПМ) и плохими жилищными условиями (жилище отвечает требованиям минимального стандарта, но не отвечает требованиям социально приемлемого стандарта)	21,7	4,1
Наиболее уязвимые по уровню жизни домохозяйства, всего	58,6	18,7
<i>Справочно:</i> Доля домохозяйств с душевыми денежными доходами ниже минимального стандарта (менее 1 ПМ)	18,1	2,6
<i>Справочно:</i> Доля домохозяйств с плохими и наиболее плохими жилищными условиями	71,1	46,2
<i>Справочно:</i> Доля домохозяйств с душевыми денежными доходами ниже минимального или социально приемлемого стандарта (менее 2 ПМ) в общем числе домохозяйств, имеющих плохие и наиболее плохие жилищные условия	80,3	39,3
* ПМ – прожиточный минимум. Источник: оценка авторов на основе данных КОУЖ.		

Наиболее уязвимым домохозяйствам, отличающимся низким качеством жилищных условий, ввиду низкого уровня доходов затруднительно улучшить жилищные условия самостоятельно. Именно такие домохозяйства, как следует из полученных данных, составляют подавляющее большинство (80,3%) среди домохозяйств с детьми, проживающих в плохих или наиболее плохих жилищных условиях (71,1%), тогда как среди домохозяйств без детей их доля в два раза ниже (39,3% из 46,2%). При этом доля имеющих душевые денежные доходы ниже минимального стандарта (менее 1 ПМ) в домохозяйствах с детьми (18,1%) почти в семь раз превышает их долю среди домохозяйств без детей (2,6%).

Рассмотрим, каким в условиях выявленных для домохозяйств с детьми и без детей стандартов душевых денежных доходов, обуславливающих формирование моделей уровня жизни и возможности повышения качества жилищных условий, является трудовое положение проживающих в таких домохозяйствах лиц в возрасте 15 лет и старше.

Трудовое положение экономически активного населения домохозяйств с детьми и без детей при разном уровне душевых денежных доходов

Полученные данные показывают, что в целом доля занятых среди лиц в возрасте 15 лет и старше нарастает по мере повышения уровня доходов, которые обеспечены в домохозяйствах (табл. 5). При этом в случае проживания в домохозяйствах с детьми доля занятых выше по сравнению с домохозяйствами без детей. При обеспечении в домохозяйствах средних и выше стандартов доходов доли занятых практически не отличаются: 76,8% — для домохозяйств с детьми, 76,4% — для домохозяйств без детей (2022 год). При более низких стандартах доходов различия в доле занятых более заметны: от 15,8 п. п. при наиболее низких доходах (менее 1 ПМ) до 27,2 п. п. при доходах ниже среднего (2–3,1 ПМ).

В рассматриваемых возрастных группах в домохозяйствах с детьми и без детей наиболее высокая вовлечённость в занятость наблюдается среди лиц от 25 лет до пенсионного возраста. В других возрастных группах доля занятых

Таблица 5. Занятость лиц в возрасте 15 лет и старше из домохозяйств с детьми и без детей при разном уровне душевых денежных доходов в домохозяйствах, 2022 год, %

Показатель	Уровень денежных доходов в домохозяйствах на основе социальных стандартов			
	Наиболее низкий (до 1 ПМ**)	Низкий (1–2 ПМ)	Ниже среднего (2–3,1 ПМ)	Средний и выше (3,1 ПМ и более)
<i>Доля занятых среди лиц в возрасте 15 лет и старше</i>				
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах с детьми*	52,6	68,0	76,7	76,8
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах без детей*	36,8	43,6	49,5	76,4
<i>Доля занятых среди лиц в возрасте от 15 до 24 лет</i>				
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах с детьми*	11,6	11,2	14,5	6,6
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах без детей*	24,6	32,6	55,1	72,5
<i>Доля занятых среди лиц в возрасте от 25 до пенсионного возраста</i>				
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах с детьми*	67,8	85,8	92,7	90,0
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах без детей*	50,8	78,2	93,3	97,1
<i>Доля занятых среди лиц в пенсионном возрасте</i>				
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах с детьми*	8,0	14,1	16,8	40,1
– среди лиц, проживающих в домохозяйствах без детей*	10,8	8,8	11,4	46,2

* В % от численности лиц соответствующей возрастной группы, проживающих в домохозяйствах с разным уровнем доходов.
 ** ПМ – прожиточный минимум.
 Источник: оценка авторов на основе данных КОУЖ.

заметно ниже. При этом среди лиц в возрасте от 15 до 24 лет, проживающих в домохозяйствах с детьми, доля занятых заметно ниже по сравнению со сверстниками, проживающими в домохозяйствах без детей, и с ростом уровня доходов в домохозяйствах данные различия только увеличиваются.

В домохозяйствах с детьми более низкий (относительно сверстников из домохозяйств без детей) процент занятых из числа лиц в возрасте от 15 до 24 лет может быть связан с необходимостью отвлечения на семейные обязанности (при наличии младших братьев/сестёр, собственных детей в молодых семьях). Более высокий процент занятых в домохозяйствах с детьми при более низких душевых доходах может объясняться стремлением быстрее выйти на рынок труда для повышения общего уровня доходов в домохозяйствах. В более обеспеченных домохозяйствах с детьми такой необходимости нет, и есть возможность сконцентрироваться на получении образования.

Следует отметить, что в случае наиболее низких (менее 1 ПМ) и низких (1–2 ПМ) душевых доходов уровень занятости лиц от 25 лет до пенсионного возраста из домохозяйств с детьми (67,8 и 85,8%) выше, чем для их сверстников из домохозяйств без детей (50,8 и 78,2%). Аналогичная ситуация складывается для лиц пенсионного возраста при низких (1–2 ПМ) душевых доходах: 14,1 и 8,8%. При душевых доходах 2 ПМ и выше трудовое положение домохозяйств с детьми отличается

ещё более высокой долей занятых лиц от 25 лет до пенсионного возраста (около 90,0% и выше) и лиц пенсионного возраста (до порядка 40,0%).

Рассмотрение уровня доходов, которые обеспечивает занятость для позиционирования домохозяйств в том или ином слое по уровню жизни, показало следующее (табл. 6). У более половины (54,5%, 2021 год) занятых, у которых есть дети, доходы от основной занятости с учётом фактической иждивенческой нагрузки не позволяют их домохозяйствам выйти на социально приемлемый и выше уровень душевых денежных доходов. Среди занятых без детей, у которых в силу отсутствия иждивенческой нагрузки для вхождения в те же слои по уровню жизни доходы от занятости должны соответствовать более низким нормативным границам, подобная ситуация встречается реже (40,2%). При этом доля занятых, у которых занятость не обеспечивает доходы, достаточные для преодоления минимального стандарта душевых денежных доходов, в случае наличия детей (14,8%) и их отсутствия (5,4%) различается почти в три раза.

С учётом фактической иждивенческой нагрузки на занятых при наличии детей в домохозяйствах им труднее «пробиться» в более обеспеченные слои – со средними и выше стандартами душевых денежных доходов. Среди занятых с детьми (17,2%) доля таковых в 1,6 раза меньше, чем среди занятых без детей (27,9%).

Таблица 6. Распределение занятых по уровню доходов от основной занятости в зависимости от наличия несовершеннолетних детей, 2021 год, %

Уровень доходов от основной занятости на основе стандартов	Доля занятых с соответствующим уровнем доходов от основной занятости в зависимости от наличия несовершеннолетних детей	
	Нет детей	Есть дети
Обеспечивают высокие стандарты душевых денежных доходов в домохозяйствах	0,3	0,2
Обеспечивают средние стандарты душевых денежных доходов в домохозяйствах	27,6	17,0
Не обеспечивают средние стандарты душевых денежных доходов в домохозяйствах	31,9	28,3
Не обеспечивают социально приемлемые стандарты душевых денежных доходов в домохозяйствах	34,8	39,7
Не обеспечивают минимальные стандарты душевых денежных доходов в домохозяйствах	5,4	14,8

Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ.

Таким образом, более высокие показатели занятости для домохозяйств с детьми нивелируются небольшими размерами доходов от неё, которых, в условиях фактической иждивенческой нагрузки, у более 50% занятых оказывается недостаточно для выведения домохозяйств за пределы двух нижних слоев. В домохозяйствах без детей этот показатель был ниже (около 40%) при меньшей вовлечённости в сферу занятости.

В ходе рассмотрения основных причин незанятости лиц в возрасте 15 лет и старше из домохозяйств с детьми (табл. 7) выявлено следующее. Основной причиной незанятости для лиц в возрасте от 15 до 24 лет является обучение, причём чем выше уровень доходов в до-

мохозяйствах, тем выше доля обучающихся. В наименее обеспеченных домохозяйствах с детьми незанятость лиц в возрасте от 15 до 24 лет также объясняется другими объективными причинами (которые менее актуальны при других уровнях доходов), прежде всего безработицей (4,1%, 2022 год). Среди них незанятость чаще может быть связана с семейными обстоятельствами (ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, в том числе малолетними, и т. п.), а также нетрудоспособностью (временной или длительной). Все эти объективные обстоятельства могут объяснять невысокий уровень занятости лиц данной возрастной группы из низкодоходных домохозяйств с детьми.

Таблица 7. Основные причины незанятости лиц в возрасте 15 лет и старше из домохозяйств с детьми с разным уровнем душевых денежных доходов, 2022 год, %

Основные причины незанятости	Уровень денежных доходов в домохозяйствах на основе социальных стандартов			
	Наиболее низкий (до 1 ПМ**)	Низкий (1–2 ПМ)	Ниже среднего (2–3,1 ПМ)	Средний и выше (3,1 ПМ и более)
<i>Основные причины незанятости лиц в возрасте от 15 до 24 лет*</i>				
Обучение (учащийся, студент)	86,3	93,5	97,3	96,8
Не работают и ищут работу (безработные)	4,1	1,2	0,5	0,7
Ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или другими лицами	2,8	1,6	0,7	0,0
Беременность, роды, уход за ребёнком до достижения 1,5 (3-х) лет	2,0	1,5	0,4	0,4
Временная или длительная нетрудоспособность	1,3	0,1	0,4	0,0
Не работают и не ищут работу по другим причинам	2,3	1,3	0,8	2,0
<i>Основные причины незанятости лиц от 25 лет до пенсионного возраста*</i>				
Ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или другими лицами	51,2	58,6	70,0	63,8
Не работают и ищут работу (безработные)	19,6	12,9	6,0	7,0
Беременность, роды, уход за ребёнком до достижения 1,5 (3-х) лет	8,6	9,0	8,7	11,3
На пенсии	9,0	10,4	5,6	3,3
Временная или длительная нетрудоспособность	3,1	3,1	0,4	0,7
Не работают и не ищут работу по другим причинам	8,4	5,8	8,8	13,8
<i>Основные причины незанятости лиц в пенсионном возрасте*</i>				
На пенсии	92,8	99,1	99,5	95,4
Ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или другими лицами	3,4	0,1	0,0	4,6

* В % от численности лиц соответствующей возрастной группы, проживающих в домохозяйствах с разным уровнем доходов.
** ПМ – прожиточный минимум.
Источник: оценка авторов на основе данных КОУЖ.

Для лиц от 25 лет до пенсионного возраста основной причиной незанятости (более 50%, 2022 год) является ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или другими лицами. «Вес» данной причины нарастает по мере увеличения уровня доходов в домохозяйствах. В случае наиболее низких (менее 1 ПМ) и низких (1–2 ПМ) доходов в домохозяйствах актуальной причиной незанятости лиц данной возрастной группы также выступает безработица: 19,6 и 12,9% соответственно. В более обеспеченных доходами домохозяйствах с детьми эта причина незанятости менее распространена. Имеют место и другие объективные причины незанятости (беременность, роды, нетрудоспособность и др.) лиц от 25 лет до пенсионного возраста: их суммарная доля для менее обеспеченных доходами домохозяйств (менее 2 ПМ) составляет более 20%, для более обеспеченных домохозяйств (2 ПМ и более) они менее распространены — около 15%.

Для лиц в пенсионном возрасте из домохозяйств с детьми основной причиной незанятости ожидаемо является выход на пенсию (более 90%). Вместе с тем в домохозяйствах с детьми с наиболее низкими доходами (менее 1 ПМ), а также с доходами не ниже среднего уровня (3,1 ПМ и более) пенсионеры чаще, чем в домохозяйствах с другим уровнем доходов, объясняют свою незанятость ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или другими лицами. Очевидно, они стремятся помогать своим детям с семейными обязанностями.

Как следует из полученных данных, в домохозяйствах с детьми имеются «резервы» для повышения уровня занятости и, соответственно, уровня доходов. Они связаны, во-первых, с трудоустройством безработных лиц. Наибольшая их доля выявлена для домохозяйств с наиболее низкими доходами (менее 1 ПМ) среди неработающих в возрасте от 25 лет до пенсионного возраста (около 20%) и в возрасте от 15 до 24 лет (около 4%). Во-вторых, «резервы» связаны с вовлечением в сферу занятости лиц, которые не работают и не ищут работу. Среди неработающих лиц в возрасте от 15 до 24 лет наибольшая их доля выявлена для домохозяйств с наиболее низкими доходами (менее 1 ПМ); среди неработающих лиц от 25 лет до пенсионного возраста — для домохозяйств со средними и

выше доходами (3,1 ПМ и более): 13,8% при 8,4% для домохозяйств с наиболее низкими доходами (менее 1 ПМ).

Обсуждение результатов и предложения по итогам проведённого исследования

Полученные результаты дополняют выводы других исследований, фиксирующие ситуацию с уровнем жизни в целом по населению (Бобков, Колмаков, 2017; Мониторинг..., 2022; и др.), конкретизируя её для домохозяйств с детьми и без детей. При этом в фокусе внимания находятся не отдельные слои по уровню жизни (например, бедные или среднеобеспеченные (Бедность и бедные..., 2014; Средние классы..., 2018; Малева и др., 2019; и др.)), а рассматривается в целом «структура» по уровню жизни. Уровень жизни оценивается авторами не по отдельным компонентам (Тихонова и др., 2018; Семья и дети..., 2009; и др.), а на основе совместного анализа его базовых компонент (душевые денежные доходы и жилищная обеспеченность). В отличие от других работ, где также учитываются данные компоненты уровня жизни (Авраамова и др., 2003; Малева и др., 2015; и др.), при его измерении авторы опираются на социальные стандарты. Применение стандартов жилищной обеспеченности, актуализированных для более комплексной идентификации качества жилищных условий (в том числе с учётом места проживания — городская/сельская местность) по сравнению с предыдущими разработками (Мониторинг..., 2022; и др.), позволило, дополнив их стандартами душевых денежных доходов, получить более точные оценки уровня жизни домохозяйств с детьми в сравнении с домохозяйствами без детей.

В ходе исследования выявлено, что домохозяйства с детьми находятся в менее благополучном положении относительно домохозяйств без детей, при этом большинство (около 60,0%, 2022 год) из них отличается наиболее уязвимым положением по уровню жизни, параметры которого не достигают минимальных и социально приемлемых стандартов. Данные домохозяйства нуждаются в первоочередном внимании со стороны государства. Улучшение их положения требует целенаправленного подхода при задействовании мер политики в сфере доходов и жилищной обеспеченности.

При реализации государственной политики в области улучшения жилищной обеспеченности россиян, на наш взгляд, следует уделить первоочередное внимание домохозяйствам, проживающим в наиболее плохих и плохих жилищных условиях. Наиболее остро данная проблема стоит для домохозяйств с детьми (71,1% при 46,2% для домохозяйств без детей, 2022 год). При этом для большинства (около 80,0%) таких домохозяйств с детьми, вследствие низкого уровня доходов (менее 1 или 2 ПМ), улучшение жилищных условий без поддержки со стороны государства (через социальный найм, социальную аренду, субсидии и пр.) вряд ли возможно. Учитывая цели в области демографического развития, приоритетное внимание государства в обеспечении жилищем этой группы домохозяйств должно уделяться домохозяйствам с детьми.

При реализации политики в сфере доходов актуальным является, в первую очередь, повышение доходов от занятости. Данные исследования свидетельствуют, что значительной части работающих занятость не может обеспечить минимальных или социально приемлемых стандартов душевых денежных доходов в их домохозяйствах, а у большинства занятых — средние и выше стандарты. Полученные результаты корреспондируются с данными официальной статистики о размерах начисленной заработной платы. Согласно данным Росстата, около половины (47,5% в 2021 году и 45,4% в 2023 году¹⁰) наёмных работников организаций (более 80,0% занятых¹¹) имеют заработную плату менее 3 ПМтр, т. е. её размеры не позволяют обеспечить средние и выше стандарты доходов в их домохозяйствах даже при отсутствии иждивенческой нагрузки. Как показало проведённое исследование, у домохозяйств с детьми, по сравнению с домохозяйствами без детей, учитывая фактическую иждивенческую нагрузку на занятых, в связи с недостаточными доходами от занятости имеются более высокие риски локализации в нижних слоях по уровню жизни.

¹⁰ Оценка на основе данных Росстата: Индикаторы достойного труда, распределение численности работников организаций по размерам начисленной заработной (в пересчете на величину прожиточного минимума трудоспособного населения) по видам экономической деятельности / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

¹¹ Оценка на основе данных Росстата: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2022 г. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>

Как следствие низких доходов от занятости, не «страхующих» от рисков монетарной бедности, для преодоления сложной ситуации в домохозяйствах с детьми приходится «подключать» меры адресной социальной поддержки. Согласно результатам исследования, у 18,1% (2022 год) домохозяйств с детьми душевые денежные доходы не достигали минимального стандарта (менее 1 ПМ). Для домохозяйств без детей данная проблема не была такой острой и практически решена (2,6%, 2022 год). Повышение доходов в домохозяйствах с детьми, находящихся в монетарной бедности, возможно как через развитие действующих мер адресных социальных выплат (увеличение размеров пособий и пр.), так и введение новых мер поддержки. Одной из таких мер могло бы стать повышение душевых доходов до гарантированного минимального дохода (ГМД)¹² не ниже величины регионального прожиточного минимума. Введение механизма ГМД может быть увязано с: 1) высокой иждивенческой нагрузкой в домохозяйствах с детьми (многодетные семьи, неполные семьи, семьи с инвалидами, в том числе детьми-инвалидами); 2) оценкой трудового положения экономически активного населения домохозяйств с детьми (наличие/отсутствие занятости, объективные причины незанятости).

Полученные результаты дополняют выводы других авторов (Корчагина, Прокофьева, 2023; и др.) в части сравнения ситуации в домохозяйствах с детьми и без детей, относящихся к разным слоям по уровню жизни и с учётом вовлечённости в занятость членов домохозяйств разных возрастных групп. Как показало исследование, в домохозяйствах с детьми, в которых не обеспечены минимальные стандарты доходов (менее 1 ПМ), уровень занятости заметно ниже, чем в более обеспеченных домохозяйствах с детьми. В большинстве случаев это объясняется объективными обстоятельством

¹² Гарантированный минимальный доход (ГМД) представляет собой душевой доход малоимущих домохозяйств, не ниже регионального прожиточного минимума. Он обеспечивается введением дополнительной социальной выплаты (ДСВ) малоимущему домохозяйству в случае, если действующие меры адресной социальной поддержки не позволяют ему преодолеть абсолютную монетарную бедность (повысить душевой доход до регионального прожиточного минимума или другой установленной величины ГМД) (Бобков, 2019).

ми. Предлагаемый к введению ГМД как механизм поддержки домохозяйств с детьми целесообразно устанавливать для тех из них, в которых исчерпаны (или временно ограничены объективными причинами) возможности для повышения уровня доходов от занятости. Реализуемость и результативность таких мер поддержки для преодоления проблемы монетарной бедности семей с детьми подтверждены практическими результатами (Бобков, 2019; Универсальный..., 2022; и др.).

Для домохозяйств, в которых имеются «резервы» для повышения уровня занятости, увеличение уровня доходов может осуществляться через содействие занятости, в том числе через механизмы социального контракта с обязательствами, связанными с занятостью, повышением трудового потенциала (квалификации и пр.). Как показало исследование, в домохозяйствах с детьми с наиболее низкими доходами (менее 1 ПМ) реализация их «резервов» прежде всего связана с трудоустройством безработных лиц и с вовлечением в сферу занятости лиц, которые не работают и не ищут работу.

Способствовать повышению уровня доходов домохозяйств также может увеличение стипендий для обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования. На данном этапе стипендии не обеспечивают минимальный уровень текущего потребления¹³. Согласно полученным данным, около 90% неработающих лиц в возрасте от 15 до 24 лет не заняты по причине обучения, в том числе получения профессионального образования. Повышение уровня стипендий хотя бы до величины прожиточного минимума (в увязке с результатами обучения) позволило бы снизить иждивенческую нагрузку на бюджет домохозяйств с детьми, в которых есть неработающие студенты, компенсировать на минимальном уровне затраты труда, связанные с получением профессионального образования.

В условиях рисков снижения уровня жизни домохозяйств с детьми из-за социально-эконо-

мических последствий усиления внешнего санкционного давления на Россию (2022–2023 гг.) считаем целесообразным проведение регулярного Мониторинга благополучия семей с детьми. Опыт ведения подобного мониторинга имеется. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 1994 г. № 1376 проводился Мониторинг социально-экономического потенциала семей, который предусматривал «изучение, анализ и обобщение динамики уровня жизни различных типов семей с учётом трудоспособности, образовательного и профессионального потенциала членов семьи, её состава и иждивенческой нагрузки, факторов благосостояния, возможностей адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям»¹⁴. На новом этапе развития страны считаем целесообразным вернуться к этому опыту. В Мониторинг благополучия семей с детьми необходимо включить изучение положения семей с детьми, в том числе с учётом разных типов домохозяйств (неполные семьи, многодетные семьи и пр.), трудового положения членов домохозяйств различных возрастных групп, для конкретизации имеющихся у них рисков снижения уровня жизни. Индикаторную базу мониторинга могли бы составить оригинальные показатели, характеризующие трудовое положение и уровень жизни семей с детьми, отслеживаемые на основе микроданных Росстата и РМЭЗ. Результаты мониторинга могли бы учитываться при оперативной корректировке действующих и, при необходимости, введении новых программно-целевых механизмов поддержки семей с детьми.

Заключение

Результаты исследования показали, что домохозяйства с детьми, в отличие от домохозяйств без детей, чаще характеризует наиболее уязвимое положение по уровню жизни в связи с низким уровнем покупательной способности душевых денежных доходов и качеством жилищных условий. Более высокие риски снижения уровня жизни домохозяйств сопровож-

¹³ По данным официальной статистики, их размеры на 1 января 2023 г. составляли, соответственно, 9,5 и 3,4% от величины прожиточного минимума. См.: Размеры основных социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации, в соотношении с величиной прожиточного минимума / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

¹⁴ О мониторинге социально-экономического потенциала семей: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 1994 г. № 1376. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102033443&page=1&rdk=0&link_id=11#10

даются меньшей вовлечённостью в сферу занятости лиц из числа экономически активного населения домохозяйств, недостаточным уровнем доходов от занятости работающих лиц в домохозяйствах, а также нереализованными «резервами» для повышения уровня занятости в домохозяйствах.

Результаты исследования: а) демонстрируют приоритетность повышения уровня жизни домохозяйств с детьми для реализации внутренней государственной политики; б) подтверждают актуальность проработки мер государствен-

ной политики в парадигме взаимосвязи сферы занятости и уровня жизни, значимости повышения для этого уровня и качества занятости.

Проведённое авторами исследование дополняет опыт изучения уровня жизни в аспекте методологических и практических разработок на основе моделирования с учётом достигнутых по базовым компонентам (денежные доходы и жилищные условия) показателей, идентифицирующих разные уровни удовлетворения потребностей и воспроизводства жизни домохозяйств с детьми, и роли занятости и её качества.

Литература

- Авраамова Е.М., Малева Т.М., Михайлюк М.В. [и др.] (2003). Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф. 506 с.
- Бедность и бедные в современной России (2014) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 304 с.
- Бобков В.Н. (2019). Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: вологодский пилотный проект // Народонаселение. Т. 22. № 1. С. 106–121. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00008
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А. (2020). 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 3. С. 9–23. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2020.16.3.1>
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Литвинов [и др.] (2007). Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). М.: ВЦУЖ. 719 с.
- Бобков В.Н., Колмаков И.Б. (2017). Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. Т. 13. № 4. С. 971–984. DOI: 10.17059/2017-4-1
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2023). Незанятость родителей: одна из причин бедности в семьях с детьми // Народонаселение. Т. 26. № 2. С. 40–51. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.4
- Лайкам К.Э. (2021). Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // Вопросы статистики. Т. 28. № 5. С. 49–57. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-5-49-57
- Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. (2015). Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 27. С. 109–138.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. (2019). Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело (РАНХиГС). 52 с.
- Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год (2022) / колл. авторов; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ФНИСЦ РАН. Вып. 5 (201). 114 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022
- Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио. 267 с.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (31). С. 170–186. DOI: 10.31737/2221-2264-2016-31-3-8
- Пишняк А.И., Попова Д.О. (2011). Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 14. С. 57–78.
- Пузанов А.С., Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Туманов А.А. (2012). Анализ изменений жилищной обеспеченности и возможностей улучшения жилищных условий в период перехода к рыночной экономике // Уровень жизни населения регионов России. Т. 8. № 1 (167). С. 29–41.

- Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее: колл. монография (2009) / под ред. Л.Н. Овчаровой, Л.М. Прокофьевой. М.: ИСЭПН РАН. 274 с.
- Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни (1986) / колл. авторов; под ред. акад. Н.П. Федоренко и Н.М. Римашевской. М.: АН СССР, ЦЭМИ. 262 с.
- Средние классы в капиталистической России: научная монография (2018) / колл. авторов; науч. ред. В.Н. Бобков. М.: КНОРУС. 208 с.
- Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. [и др.] (2018). Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7
- Универсальный базовый доход: шанс для России? (2022): монография / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова; Ижевск: Шелест. 360 с. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022
- Шевяков А.Ю. (2010). Мифы и реалии социальной политики // Вестник Института социологии. № 1. С. 48–97.
- Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрин Н.Н. (2019). Проблемы ветхого и аварийного жилья в России // Народонаселение. Т. 22. № 4. С. 18–35. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00036
- Atkinson A.V. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge: Harvard University Press.
- Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2023). The employment quality potential of generation groups of workers and the economic sustainability of their households. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 196–211. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.10
- Chen S., Ravallion M. (2013). More relatively-poor people in a less absolutely-poor world. *Review of Income and Wealth*, 59(1), 1–28. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2012.00520.x
- Deaton A. (2005). Measuring poverty in a growing world (or measuring growth in a poor world). *Review of Economics and Statistics*, 87(1), 353–378.
- Jenkins S.P., Micklewright J. (Eds). (2007). *Inequality and Poverty Re-Examined*. Oxford: Oxford University Press.
- Kosareva N., Polidi T. (2021). Housing affordability in Russia. Housing policy debate. *Taylor and Francis Journals*, 31(2), 214–238. DOI: 10.1080/10511482.2020.1800778
- Milanovic B. (2011). A short history of global inequality: The past two centuries. *Explorations in Economic History*, 48(4), 494–506.
- Minchenko M.M., Nozdrina N.N. (2017). The dynamics of housing affordability for the population of Russia in 2008–2014. *Studies on Russian Economic Development*, 28(2), 191–203. DOI: 10.1134/S1075700717020071
- Padley M., Marshall L. (2019). Defining and measuring housing affordability using the minimum income standard. *Housing Studies*, 34(1), 1–23. DOI:10.1080/02673037.2018.1538447
- Ravallion M. (2016). *The Economics of Poverty: History, Measurement and Policy*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190212766.001.0001
- Solt F. (2020). Measuring income inequality across countries and over time: The standardized world income inequality database. *Social Science Quarterly*, 101(3), 1183–1199. Available at: <https://fsolt.org/res/published/solt2020/>
- Zheng-Xin Wang, Yue-Qi Jv. (2023). Revisiting income inequality among households: New evidence from the Chinese household income project. *China Economic Review*, 81, 102039. DOI: 10.1016/j.chieco.2023.102039

Сведения об авторах

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, руководитель научного проекта, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Татьяна Викторовна Чашина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: chashinatv@mail.ru)

Денис Александрович Мочалов – стажер-исследователь, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: d3nmochalov@yandex.ru)

Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A.

Features of the Standard of Living and Labor Situation in Households with Children and without Them

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to improve public policy in order to address current issues concerning Russians' standard of living and quality of life in the context of new risks posed by the socio-economic impact of a growing external pressure on the country. The article presents findings of a study that identifies the features of the standard of living of households with children (target group) and without children (control group), and considers the role of the labor situation of household members. The standard of living of households was considered through its modeling by per capita money income and by quality of housing conditions that were assessed with the help of social standards. We reveal that the most common models for households with children are those of low and lowest standard of living, which are less typical for households without children. Households with children are much more likely, in comparison to households without children, to face the most vulnerable situation in terms of income and quality of housing conditions. The article considers the labor situation of economically active members of households with different levels of per capita money income. We reveal the differences in the level of employment of persons aged 15 years old and older, with different income levels, living in households with and without children, depending on the age group. We assess the level of income from main employment, which ensures the positioning of households by standard of living (taking into account the actual dependent burden) and reveal that the presence of children increases the risks of households entering the lower strata by standard of living. We consider main reasons for the unemployment of persons aged 15 years old and older (by age group) living in households with children with different income levels and also determine "reserves" for increasing the level of employment in households with children and, as a consequence, their income level.

Key words: standard of living, social standards, money income level, quality of housing conditions, labor situation, employment, income from employment, reasons for unemployment, households with children, households without children.

Information about the Authors

Elena V. Odintsova – Candidate of Sciences (Economics), head of scientific project, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Tatyana V. Chashchina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: chashinatv@mail.ru)

Denis A. Mochalov – Intern Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: d3nmochalov@yandex.ru)

Статья поступила 25.08.2023.

Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе

Евгения Александровна

ХОТЕЕВА

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: ehoteeva@petsu.ru

ORCID: 0000-0003-4153-1142; ResearcherID: HNV-0443-2023

Аннотация. Актуальность исследования обосновывается тем, что в снижении численности населения и изменении социально-демографических структур Арктической зоны РФ существенную роль играет миграция. Учитывая негативные демографические тенденции, ограничивающие объективные возможности естественного воспроизводства населения, необходимо принимать во внимание существующий потенциал миграции молодежи в направлении Арктической зоны и предметно изучать мотивы миграции. Основная идея исследования заключается в том, что мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ имеют особенности, обусловленные спецификой места вселения, и изучение мотивации миграции потенциально усилит мотивационные инструменты привлечения населения. Цель работы состоит в выявлении мотивов миграции молодежи в Российскую Арктику в контексте взаимосвязи смысла миграции для человека и специфики территории. Научная новизна исследования связана с определением особенностей мотивации миграционного поведения молодых людей, имеющих опыт миграции в Российскую Арктику из неарктических субъектов РФ. Раскрытые и обоснованные особенности мотивов миграции молодежи в направлении Российской Арктики обладают практической и гносеологической значимостью при разработке мотивационных инструментов привлечения квалифицированного молодого населения в Арктическую зону в рамках демографической политики и политики занятости населения. Основные методы: статистический анализ, метод глубинного интервью, тематический анализ. Перспектива продолжения исследования состоит в уточнении и детализации мотивов миграции с точки зрения гендерного аспекта; особенностей возвратной

Для цитирования: Хотеева Е.А. (2023). Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10

For citation: Khoteeva E.A. (2023). Motives of youth migration to the Arctic zone of the Russian Federation at the present stage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10

квалифицированной миграции молодежи, уезжавшей из Арктической зоны РФ получать образование; а также в дополнении экспертными интервью по проблематике организации системы привлечения в регион квалифицированных кадров из неарктических территорий.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, мотивы миграции, глубинное интервью, тематический анализ, Арктическая зона РФ.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

Введение

Сбережение и воспроизводство населения России составляют ключевой приоритет государственной политики в сфере национальной безопасности. Задача народосбережения актуальна в контексте социально-экономического развития геополитически и экономически значимой Арктической зоны РФ (АЗ РФ), в которой снижение численности населения декларируется одной из основных угроз национальной безопасности¹. При этом в ряду целевых показателей «Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны РФ до 2025 года» назван *положительный миграционный прирост*, который является одним из факто-

ров демографического благополучия в регионе (Рязанцев и др., 2022). Достижение положительного миграционного прироста особенно актуально при сложившихся негативных демографических тенденциях в Российской Арктике (Shelomentsev, 2020; Sushko, Plastinin, 2021). На сегодняшний день в АЗ РФ исходящая миграция не компенсируется «встречной» миграцией (*табл. 1*).

Несмотря на положительный миграционный прирост в молодежных возрастах, в возрастной демографической структуре населения АЗ РФ существенно сокращается доля молодежной когорты (*рис. 1*).

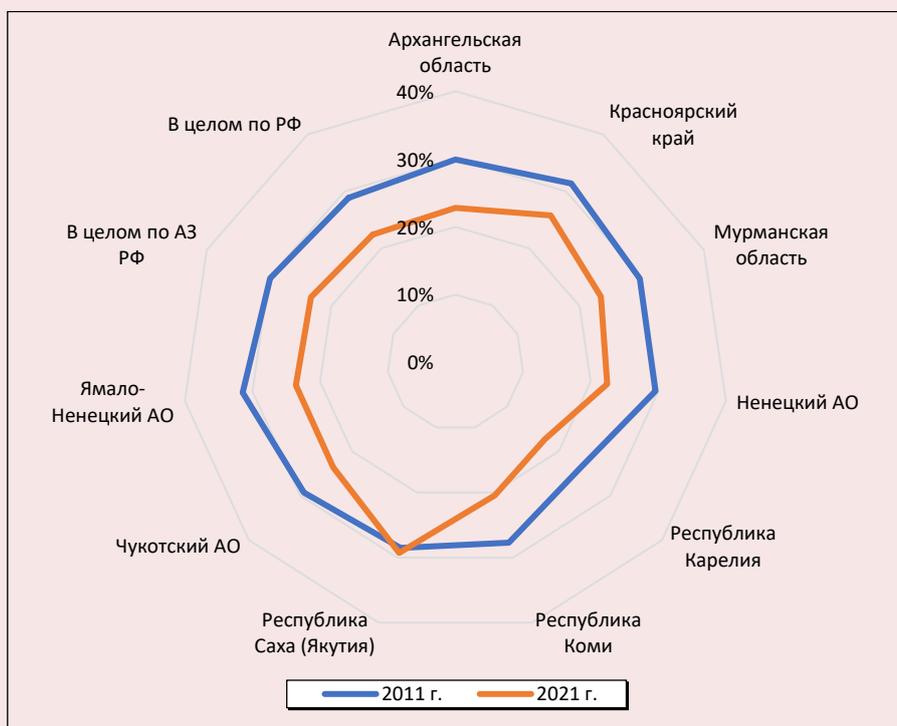
Таблица 1. Возрастная структура межрегиональной миграции на арктических территориях субъектов АЗ РФ в 2021 году

Возраст, лет	Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел.*	Относительное сальдо миграции, %	Прибытие, %	Выбытие, %
0–4	11,3	106,4	4,4	3,5
5–9	-25,5	89,2	5,8	5,5
10–14	-36,2	80,2	4,3	4,5
15–19	-173,9	57,2	6,0	8,8
20–24	187,1	145,6	13,6	7,9
25–29	23,6	105,8	10,6	8,5
30–34	-19,8	94,6	11,5	10,3
35+	-66,5	72,9	43,9	51,0
Всего	-42,0	84,7	100,0	100,0

* По Мурманской области в муниципальной статистике на 2021 год данные о численности населения представлены по однолетним возрастам (поэтому общая сумма неполная).
 Рассчитано по: База данных муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

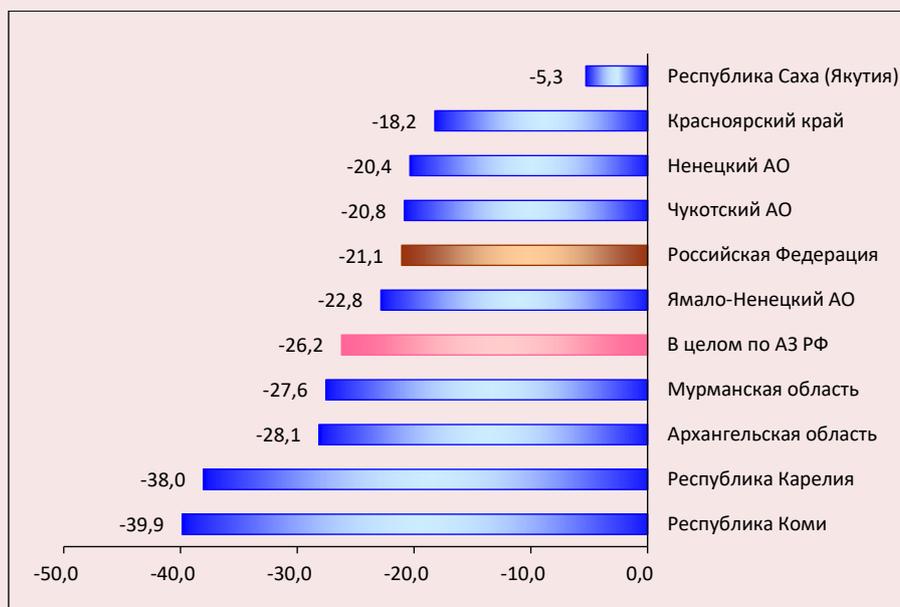
¹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года.

Рис. 1. Удельный вес молодежи (в возрасте 16–34 лет) в общей численности населения арктических территорий субъектов АЗ РФ в 2011 и 2021 гг., %

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Рис. 2. Изменение численности молодежи в возрасте 16–34 лет в АЗ РФ, 2021 к 2011 году, %

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Причем этот процесс в АЗ РФ происходит быстрее, чем по России в целом (рис. 2). Более интенсивно, чем в общероссийском масштабе, снижается доля молодежи в Мурманской и Архангельской областях (население этих регионов составляет 53% от общей численности населения АЗ РФ), обуславливая риск ухудшения демографических тенденций для Российской Арктики.

В снижении численности населения АЗ РФ и изменении социально-демографических структур Российского Севера существенную роль наряду с естественной убылью играет миграция населения (Фаузер и др., 2018). По мнению В.А. Фаузера и его коллег, миграция сдерживает старение населения и является одним из ведущих факторов роста численности жителей северных территорий. Однако компоненты динамики численности населения АЗ РФ с 2014 по 2021 год, показывающие, что отрицательный миграционный прирост существенно превышал естественный прирост до 2019 года, в совокупности обусловили снижение численности населения АЗ РФ, а доля молодежи среди выбывших в 2021 году составила 38,6% (пенсионеров — 22,7%) (Хотеева, Степуть, 2023). В то же время в зарубежной части Арктики складывается иная ситуация: в североамериканской Арктике, на северных территориях Канады, норвежских арктических регионов и в Исландии население выросло, поэтому более актуальны исследования внутренней миграции и миграции из сельской местности в городскую (Heleniak et al., 2020).

В связи с вышеизложенным актуализируется вопрос изучения способов притяжения молодежи в арктический регион, что требует определения особенностей миграционной мотивации. В исследованиях анализируются социально-экономические, климатические и личностно-семейные причины миграции в АЗ РФ в сочетании с оценками привлекательности территории (Недосека, Карбаинов, 2020; Недосека, Шарова, 2020; Симакова, 2019; Ljovkin et al., 2020; Osipova, Maklashova, 2016; Rozanova-Smith, 2021). Социологические исследования, касающиеся миграционных планов и стратегий в контексте уровня и качества жизни населения, определения «болевых» точек эконо-

мического и социального развития регионов, также выявляют общественное мнение о причинах миграционного оттока (Иванова, Ключкина, 2019; Potravnaya, Tishkova, 2022; Simakova et al., 2022; Pitukhina et al., 2021).

Один из подходов к исследованию миграционных намерений представлен аксиологическим аспектом отношения студенческой молодежи к Арктике как части территориальной (арктической) идентичности (Филиппова, 2020). Высокой объяснительной ценностью при анализе динамики миграционных установок и мотивов мобильности населения обладает поколенческий подход, при котором описывается связь мотивов миграции с возрастными когортами и выявляется специфика факторов миграции для различных возрастных групп. В рамках качественного анализа В.И. Ильиным показано, как поколенческая специфика стимулирует миграцию молодежи посредством развития глобальной виртуальной реальности, общества потребления, трансформации форм занятости (Ильин, 2022). Ещё один подход к исследованию мотивов межрегиональной миграции, в том числе с помощью метода интервью, раскрывается во взаимосвязи миграции с событиями жизненного пути (жизненными планами: учебой, трудоустройством, созданием семьи и др.) (Карцева и др., 2021).

Эксперты подробно рассматривают причины исходящей миграции с арктических территорий. Социологические исследования, связанные с темой переезда в АЗ РФ, представлены в научном поле не так широко. Например, в одной из работ с помощью биографического метода раскрываются личностно-семейные, экономические и психологические причины переезда в Мурманскую область (Сулейманова, 2020). Исследователи в сфере демографии Н.В. Мкртчян и Ю.Ф. Флоринская применяли качественные методы изучения миграционной мотивации, связанные с местами исхода и вселения (Мкртчян, Флоринская, 2020). Социологами на основе экспертных интервью и включенного наблюдения объясняются такие причины оттока молодежи, как непривлекательность территорий и низкий уровень возможностей для самореализации (Недосека, Шарова, 2020).

Согласно результатам анализа литературы, исследовательской лакуной является недостаток знаний о том, чем мотивируется миграция индивидов в АЗ РФ. Можно выделить следующие причины недостаточной изученности мотивов миграции в АЗ РФ: 1) вследствие доминирования методов анкетирования мотивы миграции слишком обобщены и представлены в контексте миграционного оттока из регионов АЗ РФ; 2) недостаточно отражено, как мотивы миграции в направлении Российской Арктики связаны со смыслами проживания и реализацией жизненных планов именно в АЗ РФ; 3) не распространено применение метода интервью для выявления особенностей и контекстов мотивации миграции. С учетом этого *целью* исследования стало определение особенностей мотивов миграции молодежи в Российскую Арктику в контексте взаимосвязи значения миграции для человека и специфики территории АЗ РФ. Постановка цели обусловлена спецификой обживания арктических территорий, отраженной в работах специалистов по изучению Арктики (Замятина, Пилясов, 2018). Исследование проведено на материалах интервью с мигрантами.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие *задачи*: 1) определить методологические, теоретические и методические рамки исследования; 2) в ходе анализа проведенных интервью обосновать особенности мотивации миграции молодежи в АЗ РФ; 3) определить направления работы и социальные институты в АЗ РФ, в рамках которых могут быть использованы полученные результаты исследования об особенностях мотивации молодежи при переезде в АЗ РФ.

Научная новизна определяется недостатком знаний о мотивах переезда молодежи в АЗ РФ и заключается в выявлении особенностей мотивов переезда в Российскую Арктику из неарктических регионов. Уточнение мотивов миграции имеет научную значимость при разработке мотивационных инструментов привлечения квалифицированного молодого населения в АЗ РФ и в целом при совершенствовании демографической политики в части улучшения потенциала перемещений на арктические территории.

Методология и методика исследования

В фокусе внимания находится межрегиональная миграция (из неарктических территорий на арктические территории субъектов АЗ РФ) со сроком проживания в АЗ РФ более года. Она объясняется через факторы и причины миграции, а также через мотивы индивидов. Согласно Л.Л. Рыбаковскому, факторами миграции являются «определенные компоненты объективных условий» и «факторы-условия», выступающие детерминантами (движущей силой) миграции (Рыбаковский, 2017). Факторы как компоненты объективных условий подтверждаются в актуальных работах, связанных с изучением АЗ РФ, и были изначально заложены в методологию исследования. Причина миграции лежит на стыке объективных и субъективных факторов. Для конкретизации понятий субъективной стороны детерминации миграции обратимся к категориям «ценность», «ценностная ориентация» и «мотив». М. Вебер, основоположник «понимающей» социологии в рамках интерпретативной парадигмы, определил, что ценность, субъективно значимая для индивида, выступает мотивом деятельности. Развитие этой идеи в работах Т. Парсонса привело к введению категории «ценностная ориентация», которая является критерием принятия ключевых жизненных решений (Евдокимова, 2018). Ценностные ориентации по достижению целей, определяющих главное содержание жизни, представляют собой смысл жизненных планов личности (Тощенко, 2016) и базируются на потребностях. Таким образом, миграция с точки зрения личности носит мотивированный характер, обусловленный потребностями и ценностями индивида, и по смыслу соотносится с социальной и экономической спецификой социума места вселения или выбытия. Под миграционным мотивом следует понимать сочетание потребности и ценностной ориентации индивида, недостаточная степень реализации которых в месте проживания побуждает индивида сменить место жительства и связана с ожиданиями жизнеустройства в месте вселения. Особенности мотивов миграции представляют собой аспекты, показывающие взаимосвязь жизненных планов индивида с объективными

социально-экономическими территориальными факторами места прибытия (как территории реализации жизненных планов) в контексте взаимосвязи значения миграции для человека и специфики территории.

Теоретические рамки исследования мотивов миграции также обусловлены отраслевой социологией миграции, призванной объяснить «факторы, определяющие мотивации решений мигрантов о перемещении и выборе места назначения» (Юдина, 2002). Одной из базовых теорий социологии миграции выступает теория «притяжения-выталкивания» (Э. Ли), структурирующая многообразие мотивов миграции через условную привлекательность/непривлекательность места проживания. Сетевая гипотеза миграции (Д. Мэсси) даёт понимание мотивов миграции через социальные взаимодействия индивидов в рамках социальных групп и общностей, а также принадлежность к ним (семьи, друзей, профессионального сообщества и т. д.) (Блинова, 2009).

Основным методом исследования является полуструктурированное глубинное интервью с представителями молодежи, переехавшими в АЗ РФ на постоянное место жительства. Гайд интервью разработан с учетом операционализации мотива и обозначенных теорий о мотивах миграции. В силу меньшей директивности со стороны исследователя он позволяет направлять беседу в пользу тех тем, «болевых» или «вдохновляющих» моментов и установок, которыми мыслит информант и которые вызывают рефлексию касательно «точек» привязанности к месту жительства (Российской Арктике) как части территориальной идентичности; а также опыта миграции в АЗ РФ как смыслообразующего жизненного плана. Охватывая вопросы особенностей личной материальной и нематериальной мотивации миграции, проекции жизненных планов относительно арктического региона, социального самочувствия и поколенческой приверженности гайд интервью дает возможность всесторонне изучить мотивы миграции.

Исследование проведено на территориях субъектов, полностью или частично входящих в Арктическую зону РФ. Понятия «Арктическая зона РФ» и «Российская Арктика» тождественны. Также применяются понятия «Север» и «Крайний Север», обозначающие северную часть Российской Федерации, обладающую климатической и экономической спецификой по отношению к другим (центральным, южным и восточным) территориям России. В ходе полевого этапа автором проведено 10 глубинных интервью с представителями молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, имеющими опыт миграции на постоянное место жительства в Арктическую зону РФ в диапазоне от 1 года до 7 лет. Информанты были отобраны по результатам осуществленного методом интернет-опроса в АЗ РФ в ноябре – декабре 2022 года анкетирования молодежи, охватившего 8,5 тыс. человек, в ходе которого респонденты самостоятельно обозначили желание принять участие в интервью. Интервью продолжительностью в диапазоне от 40 до 80 минут проводились посредством видеоконференции Zoom либо по телефону. В интервью по роду занятости приняли участие работники промышленного производства (3 чел.), социального сектора (3 чел.), самозанятый (1 чел.), муниципальные служащие (2 чел.), студент (1 чел.). География опроса представлена на *рисунке 3*.

Качественные данные были проанализированы с использованием процедуры тематического анализа², позволившего свести массив данных к компактным смысловым темам, чтобы выявить в отдельных биографиях объединяющие тенденции. Темы на основе индуктивно-дедуктивного анализа выводились непосредственно из эмпирических данных, анализировались и объединялись как характеристики изучаемого феномена – мотивации миграции. Каждая сформулированная тема является доминирующим компактным смысловым обобщением через анализ субъективного опыта людей, которые дают своё понимание и объяснение мотива переезда в Арктику.

² Практики анализа качественных данных в социальных науках (2023): учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Полухина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 383 с.

Рис. 3. География проведения глубинных интервью с представителями молодежи, имеющими опыт миграции в АЗ РФ

Источник: составлено автором по результатам полевого этапа социологического исследования.

В конечном счете, исследование позволило выявить значимость проживания в Арктике с позиции индивидов. Раскрыв и обосновав эти позиции, можно усилить потенциал перемещений в Российскую Арктику.

Результаты

В соответствии с объективными детерминантами миграции на основе анализа интервью были сформулированы темы, уточняющие и объясняющие особенности миграционной мотивации молодежи относительно переезда в АЗ РФ на постоянное место жительства (табл. 2). Темы показывают, как уточняется и объясняется смысл, вкладываемый реципиентами в миграцию на территории АЗ РФ.

Наиболее полно через выявленные темы раскрывается финансовый стимул прибытия в АЗ РФ, который выступает одним из самых базовых в структуре мотивов миграции и сохраняет свою доминанту наряду с другими смыслами миграции. Глубинный взгляд на монетарный мотив показал, что заработать финансы «на севере» зачастую не самоцель, а необходимость для осуществления крупных покупок (недви-

жимости: купить квартиру, «погасить» ипотечный кредит, построить дом и т. д.). Обычно вынужденной миграцию считают в тех форс-мажорных случаях, когда присутствует угроза жизни, однако в повествовании информантов, переехавших в Российскую Арктику, прослеживается характеристика «вынужденности» миграции вследствие невозможности достичь желаемого уровня жизни в прежнем регионе.

«У человека сильная нужда, у него большой долг, но это вынужденная мера остаться. Как таковых людей, желающих здесь остаться, убирая финансовую составляющую, редко таких встречал. Кто-то говорит есть определенная романтика на севере, затягивает их север, но я связываю это только с финансовой точкой зрения. Может, есть такие люди, которые духовно сроднились с Чукоткой, не хотят переезжать, но, наверное, это единичные случаи» (Чукотский АО, муж., 29 лет).

Зарплата воспринимается как средство компенсации трудностей, с которыми человек сталкивается, проживая и работая в арктических регионах. Зарплата компенсирует не только

Таблица 2. Структура тем, уточняющих и объясняющих мотивацию миграции молодежи в АЗ РФ

Объективные факторы в АЗ РФ как месте прибытия	Темы, выведенные из нарративов глубинных интервью
Высокие показатели средненачисленной заработной платы в субъектах АЗ РФ	<ul style="list-style-type: none"> • Доход в Арктике как решение острой проблемы дефицита финансовых средств • Заработок финансов на Севере – не самоцель, а средство решить проблему недостатка финансов для крупных покупок, чаще всего недвижимости (купить квартиру, «погасить» ипотеку, построить дом) • Финансовые возможности заработка на Севере: компенсация не только материальных, но и эмоциональных и стрессовых трудностей • Договоренность в семье о временных рамках миграции: миграция в Арктику как один из жизненных этапов для достижения определенных целей
Трудодефицитность экономики и урбанизированность арктических территорий субъектов АЗ РФ	Арктические города – альтернатива мегаполисам (комфорт ритма жизни и минимизация стресса)
Специфика экономики субъектов АЗ РФ; доминирование промышленного комплекса и военной инфраструктуры	Уникальный профессиональный опыт в Арктике как возможность развития в профессии и карьере
Практика работодателей оказывать содействие в получении жилья при трудоустройстве в АЗ РФ	Предоставление жилья как возможность сепарироваться от родителей и иметь «отдельное» жилье
Наличие образовательных организаций	Эффект образовательной миграции: устройство жизни и быта при взрослении и отделении от семьи
Высокие показатели интенсивности миграции	<ul style="list-style-type: none"> • «Карусель» миграции – экономическая и социальная норма для Арктики • Возвратная квалифицированная миграция: бэкграунд для старта (продолжения) трудовой деятельности в Арктике (влияние референтного окружения)
Устоявшиеся стереотипы о Севере	<ul style="list-style-type: none"> • Характер северян: «мир настоящих людей», отзывчивость, искренность • Романтизированное восприятие особенностей жизни в Арктической зоне РФ через их уникальность, необычность – «не быть в тренде»
Источник: составлено автором по материалам глубинных интервью социологического исследования.	

дороговизну жизни, но и эмоциональные и стрессовые трудности, накладываемые суровостью климата на физическое и эмоциональное здоровье, в том числе тоску по родным и близким, оставшимся в другом регионе. Следует отметить *синдром «отложенной жизни»*, «*упущенных возможностей*», который может приводить к серьезным эмоциональным переживаниям и выгоранию.

«Что я здесь делаю, когда жизнь проходит где-то там, это есть такое. Просто это вопрос отношений, взаимоотношений. Вопрос социализации, динамичной жизни, здесь это тяжело: погодные условия, полярные ночи» (Чукотский АО, муж., 29 лет).

«Сожаление из-за тех же самых родителей, которые до сих пор говорят: «Сейчас я накоплю, отложу денег, закончится рабочий год». Всё старшее

поколение говорит (Информант цитирует высказывания родителей): «Делайте так же: сейчас соберете денег, отработаете какое-то время, потом просто уезжайте, вам это не нужно. Мы – то поколение, которое приезжало строить» (Ямало-Ненецкий АО, жен., 21 год).

Формулировка «*держит зарплата*» стала обыденной и расхожей при объяснении закрепляемости и приживаемости населения в Арктике. Безусловно, работа в Арктике задает высокую планку по доходу, достижение которой во многих других регионах (особенно в тех, из которых человек переехал) представляется сложным.

«Тутходишь в кураж, чувствуешь деньги и хочешь ещё, ещё. В идеале я приехал сюда закрыть кредит, ипотеку. Ну, на лет 5, грубо говоря, все зависит от того, получишь ли ты хорошую долж-

ность и более высокий заработок, и уже не хочется возвращаться. Люди, которые здесь живут долгое время, получают хорошую заработную плату, уезжая на «материк», возвращаются, потому что не могут привыкнуть к уровню жизни «на материке», там иначе, чем в Анадыре. Частое явление» (Чукотский АО, муж., 29 лет).

Для определения основных «точек» притяжения молодежи в Арктику обратимся к данным статистики по муниципальным образованиям АЗ РФ, отражающим изменения численности населения, интенсивность миграционного прироста и уровень заработных плат (табл. 3). Наиболее массово прирастает численность жителей в тех населенных пунктах АЗ РФ, экономический импульс развития которых лежит в основе нефте- и газодобывающего секторов экономики. В сущности, популярность этого направления среди входящих потоков миграции и положительный прирост населения объясняются более высоким, чем в среднем по АЗ РФ, уровнем зарплат.

Финансовый фактор, являясь сильной стороной привлекательности работы в Арктике, в сочетании с урбанизированной средой имеет потенциал сделать арктические города альтернативой крупным агломерациям-мегаполисам, традиционно притягивающим молодежь за счет разнообразия социально-культурной инфраструктуры, высокого уровня развития

профессионально-деловой среды. При этом преимущество арктических городов на фоне мегаполисов состоит в более сбалансированном ритме жизни, более низком уровне социальной гонки и конкуренции.

«Мне кажется, что у нас очень хорошо на севере, уровень зарплат такой же, только нет этих пробок, ну, каждому свое. Мне нравится выезжать в Петербург, например, сходить в театр, сходить в кино, погулять по Невскому или выехать в Москву, сходить в Большой, также в театр, рестораны посидеть, т. е. есть такая возможность и мне больше так нравится, выезжать и отдыхать, а вот жить туда меня не тянет» (Мурманская область, жен., 31 год).

«Увеличился доход в три раза, начал более стабильно и сбалансировано работать, не так как работал раньше. Грубо говоря, я стал жить. Ты живешь в большом городе и тратишь много времени на дорогу, мало времени на сон, а здесь все рядом и здесь все есть, только в другом масштабе» (Красноярский край, муж., 31 год).

«Наблюдаю за тем, что здесь даже конкуренции нет, и люди очень расслабляются. Если люди уезжают на материк, то они возвращаются. Одной из причин, как раз таки, и может быть конкуренция, потому что там на одно рабочее место 100 человек, а здесь, наоборот, отрицательное число» (Чукотский АО, муж., 29 лет).

Таблица 3. Лидеры среди муниципальных образований АЗ РФ по росту численности населения и миграционному приросту в рамках межрегиональной миграции с указанием доли молодежи в общей численности прибывших и средненачисленной заработной платы (СНЗП), 2021 год

Муниципальный район	Численность населения, чел.	Изменение численности населения с 2011 по 2021 г., чел.	Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел.	Доля молодежи в общей численности прибывших в 2021 году, %	СНЗП, руб.	СНЗП/ПМ*
г. Лабытнанги	32586	6014	27	37,1	95931	5,6
г. Губкинский	38336	12488	19	40,4	120924	7,1
Пуровский район	42693	-9109	69	40,8	121660	7,1
г. Салехард	52272	7639	27	38,6	125666	7,4
Надымский район	67273	-1054	129	40,4	145196	8,5
г. Новый Уренгой	118667	6475	-48	35,6	127031	7,5
г. Норильск	184645	6506	-35	44,3	122922	9,2
По АЗ РФ в целом	2473086	-127839	-41	41,7	86180	4,9

*ПМ – прожиточный минимум (все население) в 2021 году.
 Рассчитано по: База данных муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 20.12.2022).

Таким образом, одним из базовых смыслов переезда в АЗ РФ является возможность высоких заработков на ее территории, что позволяет решить существенные материальные проблемы для мигрантов, которым не удавалось на предыдущем месте проживания заработать финансы для крупных покупок. При этом заработки «на севере» воспринимаются как компенсация переживаний и сложностей, обусловленных чувством изолированности северян и другими трудностями проживания в суровых условиях.

В сочетании с материальной стороной мотивации, нашедшей в ходе исследования дополнительное подтверждение и объясняющий контекст, раскрывается такой смысл закреплиться в Арктике на долгосрочный период, как возможность получения *уникального профессионального опыта и развития в профессии и карьере*. Экономическая направленность АЗ РФ и высокая наукоёмкость экономики Российской Арктики позволяют профессионально развиваться у крупных работодателей и получать уникальный и конкурентоспособный опыт.

«Попав сюда, понял, что есть уникальная возможность поучаствовать в научной деятельности, в ликвидации крупной экологической катастрофы в России — это была уникальная возможность применить все свои знания, опыт, навыки и умения в реальной жизни. В профессиональном плане это был очень большой толчок к развитию, возвращение» (Красноярский край, муж., 31 год).

«У меня есть знакомый, который изучает китов и людей. Он горит своей работой и ему «в кайф». Может, будет интересно с научно-исследовательской стороны, но только с этой стороны» (Чукотский АО, муж., 29 лет).

«Ну, на самом деле мой муж, если бы, наверное, я не подначивала его всё время, он бы, мне кажется, ещё бы тут остался на годик, может быть на полтора. Потому что он занимается тем, что ему нравится — развитием добровольчества в чрезвычайных ситуациях, начальная военная подготовка. Вся эта история ему нравится» (Ямало-Ненецкий АО, жен., 26 лет).

По данному мотиву можно заключить, что возможности профессионального развития диктуются, с одной стороны, экономической

спецификой макрорегиона, которая и лежит в основе его высокой значимости и особого выделения в управленческой практике. С другой стороны, на арктических территориях функционируют крупнейшие вертикально-ориентированные компании добывающего комплекса и обрабатывающей промышленности, которые через систему рекрутинга кадров предоставляют возможности построения профессиональной карьеры. Обозначенные профессионализация и заработок составляют основу рациональной мотивации информантов к миграции.

Исследование показало, что встречается и специфичный иррациональный мотив, романтизирующий жизнь в АЗ РФ через её уникальность, самобытность и сложность: жизнь воспринимается через установку *«не быть в тренде»*, *«преодолеть себя»*.

«Притягивала возможность назвать себя полярником, северянином. Ну и игра контрастов, ведь все предпочитают остаться на юге, а тут хотелось сохранить свою уникальность. Это надо просто любить, даже нет, это особая философия, особый подход. Другой тип характера, он формируется здесь по-другому» (Красноярский край, муж., 31 год).

«Говорят, что Чукотка — мир настоящих людей, потому что самобытность, ценности совсем другие. Здесь больше на доверии, на моральных аспектах. Не каждый здесь может прожить, а те, кто живут, обладают хорошими моральными качествами. Здесь не принято человека бросать в беде. Люди здесь добрее и ценят вещи, которым «на материке» никто не придает значения» (Чукотский автономный округ, муж., 29 лет).

«Эти экстремальные поездки на снегоходах, рыбалки, какой-то такой вот досуг, который как бы для настоящего мужчины. То есть «я вот — настоящий мужчина, я живу здесь на севере, в таком суровом крае» — такое отношение к северу, к себе. Север — здесь живут только стойкие духом. Если ты стойкий духом, то ты живешь здесь, ты молодец» (Красноярский край, жен., 33 года).

Научиться работать в сложных климатических условиях — своего рода личная амбиция, проверка на прочность, «вызов себе», пройдя через который, человек становится более вы-

носливым, конкурентоспособным, сильным и т. д. Данная формула схожа с тем романтизированным посылом советского времени, когда молодежь ехала «строить» северные города для будущих поколений, стояла у истоков освоения труднодоступных и сложных по климатическим условиям территорий. Романтический посыл сегодняшнего дня приобретает новое значение «не быть в тренде», то есть не жить «как все», не быть в потоке «модных тенденций», а быть в чём-то уникальным, особенным. Опыт жизни и работы в Арктике — как раз уникальный и особенный, составляющий основу человеческого и социального капитала и позиционирующийся как преимущество жителя Арктики.

Нельзя не отметить, что через романтизированный смысл жизни и пребывания в АЗ РФ в высказываниях информантов нашел отражение гендерный контекст. В мотивации миграции мужчин выражено преобладает стремление к профессиональному развитию и решению финансово-материальных задач с точки зрения улучшения уровня жизни семьи в целом. Мотивация женщин строится на следовании за мужчиной (партнером/супругом), они руководствуются мотивами развития отношений, поддержки мужчины и обустройства семейного быта. Из интервью очевидно, что профессиональная самореализация повышает закрепляемость мужчин в АЗ РФ. Также женщины склонны к сравнениям городов с точки зрения эстетической составляющей. Промышленные северные города «проигрывают» в этом сравнении, описываются с помощью таких эпитетов, как «серый», «провинциальный», «темный».

*«Знаете, когда есть в голове образ такой какой-то, провинциального городка, который **небольшой, серый**, и это наверно со Свердловской области у меня осталось такое. Там же тяжёлая промышленность в основном, и обычно города были основаны из-за того, что завод какой-то или производство было, и **вокруг этого производства строились города**. Поэтому у меня с того времени такой образ остался, что провинциальные уральские города, серые, где промышленность, и где **особо не занимаются развитием городов, благоустройством каким-то**, чтобы было красиво, приятно. Вот и Надым мне тоже показался таким городом»* (Ямало-Ненецкий АО, жен., 26 лет).

Тем не менее, несмотря на специфичность городской северной среды, для жителей из неарктических населенных пунктов сельской местности и некрупных городов, не сумевших в прежнем месте жительства найти работу с удовлетворяющим уровнем оплаты труда, миграция в урбанизированную Арктику является своего рода социальным лифтом, так как даёт возможность получать более высокие заработные платы, полностью или частично оплаченное жилье, предоставляемое работодателем в качестве бонуса при трудоустройстве, социальные гарантии и расширенные финансовые возможности для отдыха, оплаты кредитов и крупных покупок (недвижимости, авто и т. д.).

*«Страшно всегда ехать неизвестно куда, но так как там у нас **не было своей квартиры**, у родителей жили, а тут квартира рабочая получается, от работы»* (Республика Карелия, жен., 34 года).

Аналогичную функцию сепарации и социального лифта играет образовательная миграция для молодежи из неарктической сельской местности.

*«Давало сил то, что я не хотела в Петрозаводск, потому что слишком близко к дому. Мне **хотелось чуть-чуть подальше** почему-то, **попробовать чего-то нового**, потому что все мои знакомые поступали в Петрозаводск, многие очень. В принципе, всё, чего я ожидала, я и получила. Прекрасный университет. Интересные занятия, интересные внеучебные кружки»* (Мурманская область, жен., 19 лет).

В рамках социологического понимания функции миграция влечёт улучшение уровня жизни (заработок, жилье, крупные покупки), удовлетворение потребности в профессиональном развитии и признании (профессионализация), обретение самостоятельности и бытовой независимости (сепарация), создание семей, изменение социального статуса.

Мотивы миграции подтверждаются сетевой теорией миграции и лежат в контексте поддержания определенных социальных связей (вслед за мужем; к родителям или родственникам; по опыту друзей и т. д.), существенных черт определенной социальной группы. Социальные сети встроены в миграционный процесс: «эффект семьи и друзей», «цепная реакция», «капи-

тал миграции». Важно, что решение о миграции принимаются под влиянием референтных групп (родителей, родственников, друзей, коллег), а мотивы миграции соотносятся с целями улучшения благосостояния семей.

Таким образом, можно резюмировать, в чем заключаются особенности мотивации к миграции в АЗ РФ.

1) Миграция в АЗ РФ побуждается мотивом заработка среди тех, кого мегаполисы отталкивают своим уровнем конкуренции и ритмом жизни. Арктика даёт возможность заработать и избежать стресса от социальной гонки, конкуренции и напряженного графика. Мигрантам из регионов с не очень высоким экономическим потенциалом сложнее «пробиться» в крупных агломерациях, а трудодефицитные регионы Арктики предоставляют возможности для работы и развития.

2) Для некоторых представителей молодого поколения развитие в условиях сурового Севера, а не крупного мегаполиса, определяется мотивом получить уникальный опыт — «не быть в тренде» и проверить себя на «прочность», усилить свои навыки, «закалить» характер; как способ быть успешным. Молодежь притягивает «игра контрастов» по сравнению с жизнью крупного мегаполиса (контраст в способах проведения досуга; климате; ритме жизни). Факт, что человек живет на Севере, уже сам по себе говорит о стойкости духа, закаленном характере.

3) Стремление молодежи к таким моральным качествам, как доброта, отзывчивость и доверие, находит отражение в романтизации Арктики: теснота социальных связей в арктических городах является способом избежать «одиночества большого города».

4) Молодежь руководствуется при поиске работы или места учебы в Арктике мотивом сепарации, «попробовать чего-то нового», стремлением обрести новые социальные связи; при этом развитость института рекрутинга компаний, осуществляющих деятельность в АЗ РФ, с активным содействием переселению (возможности удаленного собеседования, предоставление жилья, транспортная доступность и т. д.) способствует миграции, в том числе из сельской местности.

В высказываниях некоторых информантов есть рациональная взаимосвязь между причиной миграции и конечной целью пребывания в Арктике, которая подтверждает так называемый феномен «временщика» на Севере (Бурцева и др., 2020) — стигматизацию человека с типичным мышлением отложенной жизни ради материальной цели и выгоды. Этим и обуславливается сменяемость поколений в Арктике, получившая название «карусель» миграции (Замятина, Пилясов, 2018), являющаяся социальной и экономической нормой для арктического макрорегиона.

«Тут круговорот такой происходит, из области народ, из поселков, из деревень едет молодежь работать, устраиваться, а уже более старшее поколение, которые себе что-то заработали, они да, изменяют на более теплое что-то климат, ну и скажем ближе к родственникам или куда-то это, потому что вот тогда искали жилье себе, агент по недвижимости нам такой вопрос и задавала «почему это вы именно решили в Северодвинск, здесь, наоборот, многие уезжают?» (Архангельская обл., жен., 35 лет).

«Карусель» миграции актуализирует цель исследования и ставит главный вопрос о привлечении мигрантов и стимулировании миграционного притока в Арктику. Очень точно дополняет значимость темы мотивов миграции мнение одного из информантов, нацеленного на долгосрочное закрепление в одном из арктических субъектов: *«Проблемы Российской Арктики не от холода и климата, а от экономической и социальной инфраструктуры»*. Глубинное погружение в причины миграции показывает дополнительные контексты мотивов, заточенные как на материальные компоненты, так и нематериальные, учет которых позволит формировать более позитивный имидж АЗ РФ с целью привлечения молодежи (Замятина, 2016). Отталкиваясь от сформулированных тем, уточняющих и объясняющих мотивацию миграции в АЗ РФ, мы определили следующие направления работы и социальные институты, в которых могут быть использованы полученные результаты (табл. 4).

Таблица 4. Направления научной и управленческой работы в АЗ РФ и деятельности социальных институтов, в рамках которых могут быть использованы полученные результаты исследования об особенностях мотивации молодежи при переезде в АЗ РФ

Темы, уточняющие и объясняющие миграцию в АЗ РФ, выявленные в ходе глубинных интервью	Направления научной и управленческой работы	Социальные институты
Эффект образовательной миграции: устройство жизни и быта при взрослении и отделении от семьи	Оценка возможностей образовательной миграции молодежи в АЗ РФ	Приемная кампания образовательных организаций профессионального образования в АЗ РФ; институт профессиональной ориентации
Возвратная квалифицированная миграция: бэкграунд для старта (продолжения) трудовой деятельности в Арктике (влияние референтного окружения)	Обеспечение возвратной квалифицированной миграции в АЗ РФ	Территориальные органы службы занятости населения в АЗ РФ
Уникальный профессиональный опыт в Арктике как возможность развития в профессии и карьере; доход в Арктике как решение острой проблемы дефицита финансовых средств	Освещение преимуществ трудоустройства у работодателей АЗ РФ	Система рекрутинга кадров работодателей АЗ РФ; институт профессиональной ориентации
Характер северян: «мир настоящих людей», отзывчивость, искренность; романтизированное восприятие особенностей жизни в АЗ РФ через их уникальность, необычность – «не быть в тренде»	Позиционирование информации о жизни и возможностях трудоустройства с учетом романтизированного контекста арктического образа жизни	Формирование привлекательного имиджа АЗ РФ и брендинга территорий
Предоставление жилья как возможность сепарироваться от родителей и иметь «отдельное» жилье	Всестороннее развитие рынка жилья в АЗ РФ; повышение спроса на услуги строительных компаний в АЗ РФ	Продвижение и расширение «арктической ипотеки»
Арктические города – альтернатива мегаполисам (комфорт ритма жизни и минимизация стресса)	Применение урбанистических технологий при совершенствовании социально-культурной инфраструктуры арктических городов; развитие исследований в отрасли инвайронментальной социологии	Формирование позитивного имиджа и брендинга территорий

Источник: составлено автором по материалам глубинных интервью социологического исследования.

Полемика и перспективы исследования

В целом можно заключить, что особенности мотивов миграции молодежи в Российскую Арктику через поиск взаимосвязи жизненных смыслов и специфики проживания в АЗ РФ имеют потенциал масштабирования с точки зрения усиления привлекательности АЗ РФ. Однако исследователи говорят о «мифологизации благополучия Севера, ужесточении структур неравенства и экстенсивном использовании инфраструктуры, что выражается в снижении уровня и качества жизни северян. Высокие доходы получает лишь незначительная их часть, но и они больше не компенсируют затраты, связанные с работой в суровых климатических условиях и дорогостоящим проживанием на Севере» (Лыткина, Смирнов, 2019).

Избегание стресса крупных мегаполисов может быть замещено стрессом и выгоранием

от жизни на удаленных северных территориях. Переживания обуславливаются климатическими неудобствами, чувством изолированности, спецификой промышленных северных городов. Всё это согласуется с так называемой «топофобией, поражающей население городов Кольского Севера» (Бурцева и др., 2020). «Топофобия» ослабляет связь с городами из-за равнодушия и негативного восприятия климата, экологической обстановки и т. д.

Арктическим городам, возможно, сложно конкурировать с мегаполисами в силу «формирования зрелой виртуальной реальности, <...> радикально меняющей пространство сравнения моделей самореализации» и «возникновения в России (особенно в столице и больших городах) развитых очагов общества потребления, формирующих для глубинки мощные поля притяжения» (Ильин, 2022).

Автор видит перспективу дальнейшего анализа результатов с учетом гендерного аспекта, направленного на выявление особенностей мотивации миграционного поведения мужского и женского населения. Также планируется расширение исследования в части формирования экспертного мнения о механизмах организации межрегиональной трудовой миграции с целью изучения способов привлечения населения в регион и внедрения знаний о мотивах миграционного поведения молодежи. Научный и прикладной интерес представляет также вопрос

возвратной квалифицированной миграции: возвращается ли молодежь, приспособленная с детства к жизни в Арктике, получив образование вне АЗ РФ, на работу в родные северные регионы?

Результаты исследования о структуре и взаимосвязях особенностей мотивов переезда в АЗ РФ обладают высокой практической и гносеологической значимостью при разработке более точного и детализированного мотивационного инструментария для привлечения населения в Арктическую зону в рамках демографической и кадровой политики макрорегиона.

Литература

- Блинова М.С. (2009). Современные социологические теории миграции населения: монография / под ред. В.И. Добренкова. М: КДУ. 160 с.
- Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С. (2020). Жизнестойкость городов Кольского Севера в пространственном, временном и антропологическом измерениях // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (50). С. 191–200. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17>
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. [и др.]. (2022). Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива». 108 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022
- Евдокимова Т.Г. (2018). Теоретико-методологические основания изучения ценностных ориентаций // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 1 (11). С. 65–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-65-75
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2018). Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: ЛЕНАНД, 400 с.
- Замятина Н.Ю. (2016). Символический капитал территории в контексте арктических миграций: взгляд из Норильска // Этнографическое обозрение. № 4. С. 45–59.
- Иванова М.В., Клюкина Э.С. (2017). Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 180–198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08
- Ильин В.И. (2022). Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // Мир России. Т. 31. № 4. С. 6–32. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2021). Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (52). С. 162–180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
- Лыткина Т.С., Смирнов А.В. (2019). Российский Север в условиях глобальной нелиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение // Мир России. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2020). Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 130–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
- Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. (2020). «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. № 41. С. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163
- Недосека Е.В., Шарова Е.Н. (2020). Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 355–375. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>

- Рыбаковский Л.Л. (2017). Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. № 2. С. 51–61.
- Симакова А.В. (2019). Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. Т. 18. № 2 (131). С. 134–144. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144
- Сулейманова О.А. (2020). «На Севере – жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. С. 179–189. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.014
- Тощенко Ж.Т. (2016). Смысл как качественная характеристика жизненного мира // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 2. С. 9–18.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Смирнов А.В. (2018). Влияние миграций на численность и трансформацию социально-демографических структур населения Российского Севера // Известия Коми научного центра УРО РАН. № 4 (36). С. 111–121. DOI: 10.19110/1994-5655-2018-4-111-121
- Филиппова Д.Н. (2020). Ценностное отношение к Арктике у студентов университетов Арктики // Российский экономический вестник. Т. 3. № 3. С. 274–279.
- Хотеева Е.А., Степуть И.С. (2023). Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8
- Юдина Т.Н. (2002). О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. № 10. С. 1–12.
- Heleniak T., Turunen E., Wang Sh. (2020). Demographic changes in the Arctic. In: *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-20557-7_4
- Ljovkin V.E., Detter G.F., Tukkel J.L. et al. (2020). Can digital transformation solve the problem of Arctic youth migration outflow? *Sustainability*. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410685>
- Osipova O.V., Maklashova E.G. (2016). Migration intentions of the Arctic youth in the context of subjective evaluations of the social wellbeing. *Arctic and North*, 24, 13–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14
- Pitukhina M. et al. (2021). Live, work or leave? Arctic youth survey results. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. DOI 10.1088/1755-1315/678/1/012020
- Potravnaya E.V., Tishkov S.V. (2022). Why young people leave the Arctic: The results of sociological research. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* DOI: 10.1088/1755-1315/962/1/012030
- Rožanova-Smith M. (2021). Stay or leave? Arctic youth prospects and sustainable futures of the Russian Arctic communities. *Sustainability*, 13(21). DOI: <https://doi.org/10.3390/su132112058>
- Shelomentsev A., Voronina L., Ukhanova A., Smirennikova E. (2020). Directions and prerequisites for the outflow of youth from the Arctic zone of Russian Federation. In: *Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019): Series Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. DOI: 10.2991/assehr.k.200113.055
- Simakova A., Pitukhina M., Ivanova A. (2022). Motives for migrating among youth in Russian Arctic industrial cities. In: *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. DOI: 10.4324/9781003110019
- Sushko O., Plastinin A. (2021). The labor potential of the regions of the Russian Arctic. *National Interest, National Identity and National Security, European Publisher*, 102, 992–1003. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.02.02.123>

Сведения об авторе

Евгения Александровна Хотеева – аспирант, ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33; e-mail: ehoteeva@petsu.ru)

Khoteeva E.A.

Motives of Youth Migration to the Arctic Zone of the Russian Federation at the Present Stage

Abstract. The relevance of the study is that migration plays a significant role in the population decline and changes in the socio-demographic structures of the Arctic zone of the Russian Federation. Taking into account the negative demographic trends that hinder real opportunities to natural reproduction of the population, it is necessary to consider the existing potential for youth migration to the Arctic zone and to study the motives for migration substantively. The main idea of the study lies in the fact that motives for youth migration to the Arctic zone of the Russian Federation have place-specific characteristics, and studying the motives for migration will potentially strengthen the motivational tools for population attraction. The aim of the work is to identify the motives for youth migration to the Russian Arctic in the context of the relationship between the meaning of migration for a person and the specifics of the territory. The scientific novelty of the study lies in the identification of the features of motives for migration behavior of young people who have experience of migration to the Russian Arctic from non-Arctic constituent entities of the Russian Federation. The revealed and substantiated features of the motives for youth migration to the Russian Arctic have practical and epistemological significance in the development of motivational tools for attracting qualified young people to the Arctic zone within the framework of demographic and employment policy. The main methods are statistical analysis, in-depth interview method, thematic analysis. Further research can be aimed at specifying and detailing the motives for migration in terms of gender aspect; features of return skilled migration of young people who left the Arctic zone of the Russian Federation to receive education; and supplemented by expert interviews on the problems of organizing the system of attracting qualified personnel from non-Arctic territories to the region.

Key words: interregional migration, migration motives, in-depth interview, thematic analysis, Arctic zone of the Russian Federation.

Information about the Author

Evgeniya A. Khoteeva – graduate student, leading specialist, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: ehoteeva@petrsu.ru)

Статья поступила 28.06.2023.

Факторы миграции населения в сельских районах европейской части Российской Арктики

**Ульяна Евгеньевна
ЯКУШЕВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: u.yakusheva@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-0807-7796; ResearcherID: ABF-1200-2020

**Антон Михайлович
МАКСИМОВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: amm15nov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0959-2949; ResearcherID: HHZ-6393-2022

**Мария Вадимовна
МАЛЫГИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: m.arteeva@narfu.ru
ORCID: 0009-0003-3400-0404

Для цитирования: Якушева У.Е., Максимов А.М., Малыгина М.В. (2023). Факторы миграции населения в сельских районах европейской части Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 188–209. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.11

For citation: Yakusheva U.E., Maksimov A.M., Malygina M.V. (2023). Rural areas population' migration factors in the European part of the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 188–209. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.11

Аннотация. Исследование миграции остается актуальным, несмотря на достаточную изученность процессов со стороны отечественных и зарубежных авторов. Наибольший интерес вызывают особенности миграционных процессов, в частности факторы миграции, в сельских территориях Арктической зоны Российской Федерации в связи с аккумулярованием к текущему времени достаточного количества данных для анализа. В рамках статьи сделан акцент на рассмотрении семи муниципальных образований европейской части Российской Арктики и эмпирическом определении статистически значимых факторов миграции посредством корреляционного анализа. Данные по 15 показателям собраны с 2008 по 2021 год. Выявлено, что наиболее значимыми факторами миграции выступают развитие образования, состояние транспортного сообщения, продовольственная и финансовая обеспеченность населения, обеспеченность жильем. При этом комбинация статистически значимых факторов уникальна для каждого отдельного муниципального образования. Распространенный в теории миграции тезис о большем влиянии экономических факторов на динамику миграций в случае обследованных сельских районов подтвердился лишь частично. Обнаружено, что отдельные показатели, такие как сельскохозяйственное производство и занятость, в целом не оказывают влияния на миграционную убыль (прирост), а установленная связь с таким индикатором, как уровень заработной платы, не может быть однозначно интерпретирована. С ростом трудовых доходов отток сельских жителей за пределы их родных районов ослабевает, но не исчезает полностью. В свою очередь увеличение номинальных зарплат в немалой степени является отражением инфляционного эффекта, поэтому само по себе не может быть действенным механизмом удержания сельского населения.

Ключевые слова: миграционное движение населения, факторы миграции, Арктическая зона Российской Федерации, муниципальное образование, сельский район.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.

Введение

Вопросы миграции всегда занимали центральное место в системе управления человеческим потенциалом региона. Так, в 2018 году для определения основ и ориентиров в этой сфере была одобрена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»¹, где миграционный прирост рассматривается как один из инструментов компенсации естественной убыли и «источник трудовых ресурсов». В качестве главных факторов миграции выделяются экономические и социальные, что определяет политику в отношении мигрантов. Более того, в документе «Основы государственной политики регионального развития Российской Федера-

ции на период до 2025 года»² в качестве одной из задач провозглашаемого курса выделяется совершенствование механизмов регулирования через стимулирование межрегиональной миграции в соответствии с потребностями каждого региона и сохранения трудовых ресурсов в стране. Таким образом, изучение миграционных процессов в целом и миграции трудовых ресурсов в частности остается актуальным в контексте сохранения рабочей силы на отдельно взятой территории. Наиболее остро данный вопрос стоит перед муниципальными образованияами, входящими в Арктическую зону Российской Федерации (далее – АЗРФ), где

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 ноября 2018 г. № 45 ст. 6917.

² Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 № 13 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701160039> (дата обращения 13.07.2023).

в последние 20 лет наблюдается отток населения (Фаузер, Смирнов, 2020). Помимо этого, известно, что тенденции выбытия более характерны для муниципальных образований, преимущественно представленных сельскими поселениями (Нефедова, Мкртчян, 2017). Все это позволяет утверждать, что отток населения из сельских территорий АЗРФ имеет наиболее выраженное и критическое значение в процессе их развития.

В рамках статьи мы обратимся к анализу связей между чистым миграционным приростом / убылью и различными параметрами, отражающими динамику социально-экономического состояния ряда сельских муниципальных районов³, относящихся к территориям европейской части АЗРФ. Эти районы входят в состав трех соседствующих субъектов Федерации:

1) Архангельская область – Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский и Приморский районы; 2) Ненецкий автономный округ – Заполярный район; 3) Республика Коми – Усть-Цилемский район⁴.

Доля сельского населения (*рис. 1*) в выделенных муниципальных образованиях колеблется от 30 до 100%, а в среднем в совокупности составляет 77%, при этом наблюдается незначительное уменьшение доли сельского населения в Онежском муниципальном районе⁵ и увеличение – в Мезенском⁶.

В большинстве исследуемых муниципальных образований (за исключением Приморского района) численность населения снижается в силу естественных причин и миграционной убыли (*рис. 2*).

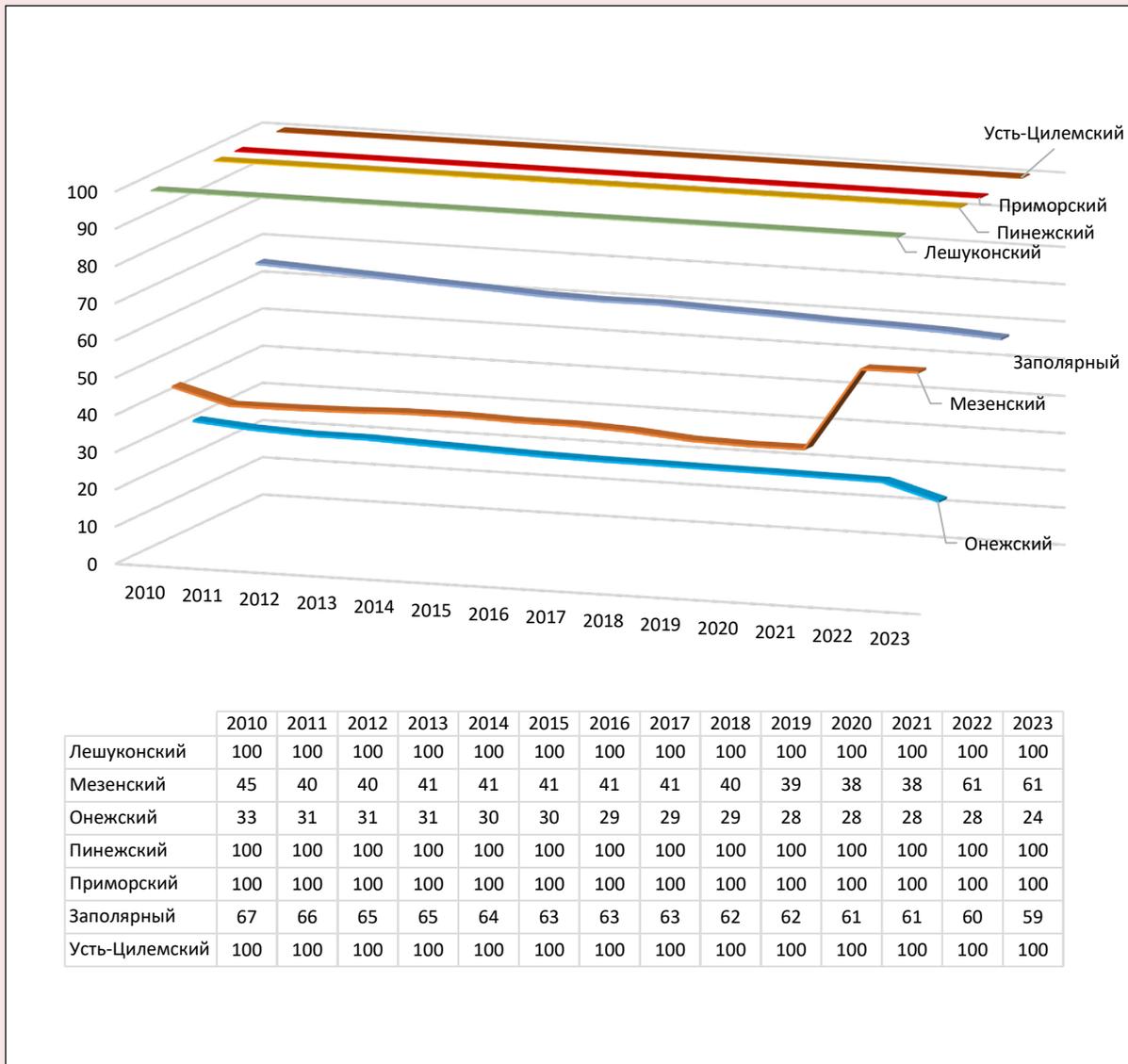
³ Некоторые муниципальные районы были преобразованы в муниципальные округа, но смена их статуса на исследование не влияет. Более того, динамические ряды представлены только для муниципальных районов, поэтому будет использоваться термин «муниципальный район» или «район», подразумевающий также территорию в рамках границ текущего муниципального округа.

⁴ Выбор именно таких географических рамок исследования, а не всех сельских районов европейской части АЗРФ обусловлен следующими обстоятельствами: 1) освоение этих территорий происходило примерно в одних и тех же хронологических пределах и по сходным моделям, что отличает его от аналогичных процессов на севере Карелии и в Мурманской области; 2) институционально Ненецкий автономный округ (НАО) входит в состав Архангельской области, оба региона имеют тесные отношения в финансово-экономической, культурно-образовательной и общественно-политической сферах; 3) в то же время Ненецкий АО и арктическая часть Республики Коми имеют сходный отраслевой профиль, в основе которого сегодня (на фоне снижения роли угольной промышленности на севере Коми) находится нефтегазодобывающий сектор; общим также является распространение оленеводства; 4) три региона имеют обширную сухопутную границу и при этом большинство приграничных муниципалитетов относятся к АЗРФ; Архангельскую область с Республикой Коми связывают линии Северной железной дороги и автомобильные дороги, развернуто строительство автодороги, которая свяжет Усинск и Нарьян-Мар. Таким образом, выбранные для анализа муниципальные районы по историко-хозяйственным параметрам образуют единый макрорегион.

⁵ Хотя соотношение городского и сельского населения в Онежском районе формально требует отнесения его к сильно урбанизированным муниципальным образованиям, практически всё городское население сосредоточено в Онеге (ещё одно городское поселение района – Малошуйское – представляет собой небольшой рабочий посёлок железнодорожников и несколько примыкающих к нему деревень). Онега – районный центр и одновременно город областного значения (наименьший по численности населения в регионе), является типичным моногородом с градообразующим предприятием «Онежский ЛДК», производственная деятельность которого целиком зависит от местных лесных ресурсов. Наличие единственного полноценного монопрофильного города при обширной территории с расположенными на ней более чем ста населенными пунктами делает Онежский район де-факто в значительной мере сельским по образу жизни его населения. Это отражается и в миграционных тенденциях, которые одинаковы как для города Онеги, так и для чисто сельской части района: за период с 2011 по 2022 год сальдо миграции для Онеги было стабильно отрицательным, численность населения снизилась на 22%. Рассчитано по: Паспорт муниципального образования «Онежское» // База данных показателей муниципальных образований Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst11&r=11646101 (дата обращения 13.07.2023).

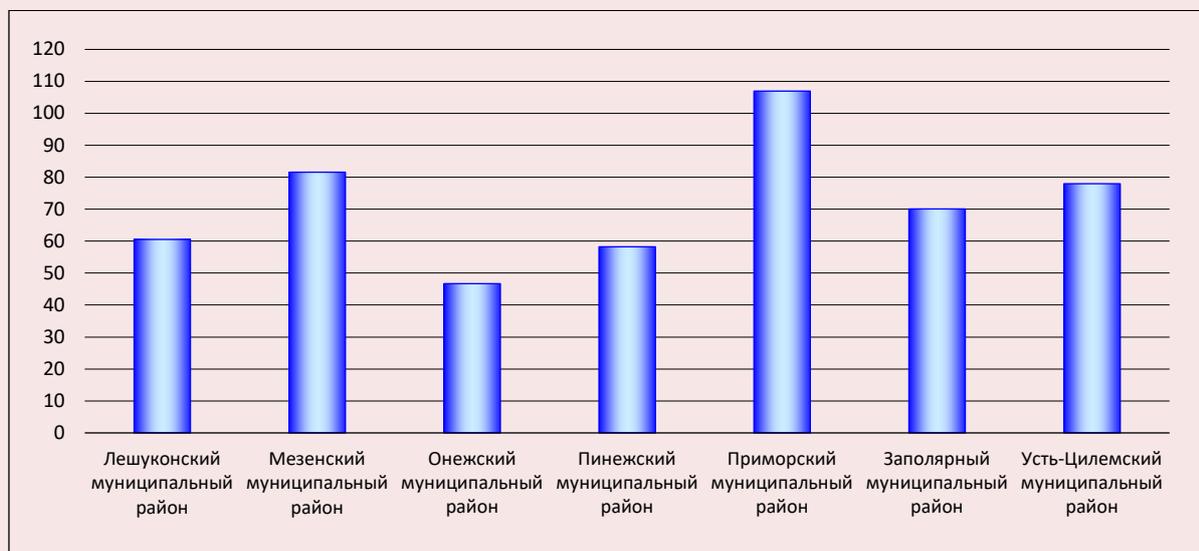
⁶ Резкий прирост доли сельского населения в Мезенском районе связан с изменением статуса посёлка городского типа Каменка в Каменское сельское поселение (доля в численности населения района на 1 января 2022 года – 23%). Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Архангельской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.07.2023).

Рис. 1. Доля сельского населения в общей численности жителей муниципальных образований европейской части АЗРФ с 2010 по 2023 год (на 1 января), %

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.07.2023); Паспорт муниципального образования «Муниципальный район Усть-Цилемский» // База данных показателей муниципальных образований Республики Коми / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst87&r=87652000 (дата обращения 13.07.2023).

Рис. 2. Темпы снижения (роста) численности населения муниципальных образований европейской части АЗРФ с 2010 по 2023 год, %

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.07.2023); Паспорт муниципального образования «Муниципальный район Усть-Цилемский» // База данных показателей муниципальных образований Республики Коми / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst87&r=87652000 (дата обращения 13.07.2023).

При этом на миграционное движение населения сельских территорий АЗРФ могут влиять как экономические факторы, например заработная плата и наличие рабочих мест, так и факторы иного порядка: состояние социальной инфраструктуры, культурно-досуговой сферы, транспортная доступность и т. п. Цель нашего исследования заключается в определении соотношения факторов миграционного движения населения в перечисленных выше сельских районах и выявлении специфики этого соотношения для конкретных муниципальных образований.

Теоретический обзор

В трудах исследователей тема миграции представлена достаточно широко. В работах последнего десятилетия освещены фундаментальные аспекты теории миграции (Вишневский, 2017; Рыбаковский, 2017а; Рыбаковский, 2017б; Logan, Shin Nyoung, 2012; Borjas, 2021), миграционное поведение (Амбражевич, 2014), миграция трудоспособного населения (Безбо-

родова, 2010; Комаровский, 2022), особенности внутренней и внешней миграции⁷ (Нефедова, Мкртчян, 2017; Мкртчян, 2019; Махрова, 2020; Champion, 2018), специфика женской миграции (Флоринская, 2022; Тюрюканова, 2005), отношение к мигрантам в принимающих сообществах (Бурундукова и др., 2017) и многие иные аспекты.

Другой блок теоретических разработок в рамках исследуемого объекта охватывает вопросы развития сельских поселений, в частности проблем и специфики их развития именно в европейской части АЗРФ (Дмитриева, Бурьян, 2011; Иванов, Лаженцев, 2014; Попова, 2014; Коновалова и др., 2022). Авторы исследований приходят к общему выводу об ухудшении демографической ситуации в муниципалитетах, недостаточности трудовых ресурсов в соци-

⁷ Тухтарова Е.Х. (2021). Влияние внешней трудовой миграции на экономическое развитие принимающих рынков труда: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург. 224 с.

альной сфере и широком разбросе социально-экономических профилей муниципалитетов, что требует индивидуального подхода при анализе. Отмечается ограниченность данных, затрудняющая выявление долгосрочных трендов для сельских поселений. В работах детально рассмотрены социально-экономические характеристики именно регионов АЗРФ, но вопрос миграций и их факторов раскрыт поверхностно.

В связи с этим основной фокус нашего исследования направлен на изучение факторов миграционных процессов. Ещё во второй половине XX века было показано, что миграционные установки в любом обществе дифференцированы, поскольку индивидами миграция рассматривается инструментально – как потенциальный способ удовлетворения своих специфических потребностей, определяемых их социальным положением (Хомра, 1979). В настоящее время к базовым факторам миграции исследователи относят уровень средней / медианной заработной платы, дифференциацию доходов населения, уровень инфляции и другие параметры конкретной территориальной системы, которые могут выступать для индивидов в качестве действенных экономических стимулов (Амбражевич, 2014). Неэкономические драйверы миграции лиц старше 14 лет, уезжающих из Арктики или, наоборот, приезжающих на её территории, были выявлены В.В. Фаузером. К ним относятся причины личного и семейного характера, а также поступление в университет. Примечательно, что экологическое благополучие и природно-климатические условия практически не влияют на миграционный процесс (Фаузер, 2013).

Изучению специфики миграционных процессов, протекающих на северных и арктических территориях в разных странах мира, посвящены работы многих зарубежных исследователей. Так, общие тенденции миграции в Арктике исследованы в работе Т. Хеленэк (Heleniak, 2014); П. Бивилэндер и Р. Пендакур занимались вопросами трансграничной трудовой миграции в арктических странах (Bevelander, Pendakur, 2014); Л. Джангсберг, А. Копуса и их коллеги изучали миграционные тренды в связи с особенностями рынков труда

в сырьевых регионах Арктики (Jungsberg et al., 2018). В России также имеется богатый опыт изучения этой проблематики (работы В.В. Фаузера, А.Г. Шеломенцева, Е.В. Смиренниковой и др.).

А.Г. Шеломенцев с соавторами на основе корреляционного анализа выявили наличие взаимосвязи между миграцией и такими факторами, как уровень заработной платы, занятость, стоимость и качество жилья, возраст, экономическая активность в регионах АЗРФ. В итоге наименьший уровень влияния рассматриваемых факторов зафиксирован в Мурманской области, а наибольший – в Республике Карелия и Архангельской области. Примечательно, что уровень занятости влияет на миграционные процессы в зависимости от преобладающего вида экономической деятельности. В частности, влияние его выявлено в тех муниципальных образованиях, где население было занято в обрабатывающей отрасли и строительстве. Более того, авторами найдена прямая связь между миграцией и числом лиц в трудоспособном возрасте (Шеломенцев и др., 2018).

Л.В. Воронина и У.Е. Якушева продолжили исследования в этом направлении и определили связь между оттоком населения и количеством зарегистрированных с болезнями органов дыхания, эндокринной системы и болезнями крови. Сложившаяся ситуация свидетельствует, что АЗРФ покидает преимущественно население с более крепким здоровьем. Взаимосвязь отсутствовала только для Чукотского автономного округа, что объясняется его отдаленностью от крупных городов России (Воронина, Якушева, 2019).

В.В. Фаузер и А.В. Смирнов на основе статистического и картографического анализа выделили основные направления миграции проживающих в регионах АЗРФ граждан, составив схему движения населения. Отличительной, но очевидной особенностью является миграция в крупные города, прежде всего города федерального значения. При этом процесс миграции идёт поэтапно: из сельского поселения в городской округ, далее в более крупный по численности населения город и, в конечном счете, в Москву (Фаузер, Смирнов, 2020).

В меньшей степени исследователи анализируют миграционное движение населения в АЗРФ на уровне муниципальных образований. Е.А. Корчак, рассматривая Мурманскую область, показывает, что практически половина внутрирегиональной миграции затрагивает административный центр – г. Мурманск, и связывает это с наличием большого числа трудовых вакансий в нём. Также он отмечает, что в г. Апатиты, население которого в значительной мере формируется за счет внутренней миграции, лишь четверть старшеклассников, согласно результатам опроса, планируют остаться в родном городе, несмотря на наличие существенного количества рабочих мест в сфере добывающей промышленности. В сельских поселениях миграционные тенденции характеризуются тем, что каждый второй житель переезжает в более крупное муниципальное образование (Корчак, 2019). Одной из причин может выступать отсутствие идентичности с местом проживания: по результатам опросов, каждый четвертый связывает себя с Мурманской областью, при этом 70% опрошенных отмечают идентичность с Россией. В таком случае фактор региональной / локальной идентичности в миграционных установках практически отсутствует, что говорит о равных возможностях как внутри- так и межрегиональной миграции (Недосека, Жигунова, 2019).

Более детально миграционные установки, но уже для абитуриентов муниципальных образований Республики Карелия, раскрыты в работе А.В. Симаковой и И.С. Степуть. Показано, что в арктических районах республики молодые люди с высоким уровнем образования или опытом проживания в другом регионе более склонны к эмиграции для получения образования. Причем 72% опрошенных планируют продолжить учебу после окончания школы, а основной ориентир – это образовательные организации Москвы и Санкт-Петербурга. Авторы объясняют такие установки через «ожидание лучшей жизни» (Симакова, Степуть, 2023, с. 258). Следует отметить, что склонность молодого населения к миграции в другие районы является одной из характерных черт данного возрастного периода и наблюдается по всему миру (Smith, Sage, 2014; Jiboku, Jiboku, 2022).

Исследование особенностей миграционных процессов в муниципальных образованиях АЗРФ было продолжено Д.Н. Мокренским. Автор провел сравнительный анализ Архангельской области с Костромской и Вологодской, разделив муниципалитеты на четыре типа в зависимости от динамики миграции и изменения естественного движения. Большая их часть была отнесена в группу имеющих отрицательную динамику естественного движения населения. Примечательно, что муниципальные образования Архангельской области представлены во всех четырех типах, тогда как Вологодской области – в трех, а Костромской – в двух. Сложившаяся ситуация свидетельствует об оптимальном соотношении миграционных процессов внутри Архангельской области как целостной системы (Мокренский, Николаева, 2022).

Выводы отечественных демографов и экономистов отчасти подкрепляются результатами социологических исследований, опирающихся на опросные методы. Если обратиться к наиболее часто упоминаемым в последние годы причинам, побуждающим людей к переезду⁸, то у респондентов, проживающих на территориях АЗРФ⁹(и имеющих выраженные миграционные установки), таковыми выступают высокая стоимость жизни, низкие доходы, неблагоприятность территорий проживания, неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры, неблагоприятные климатические условия и экологическая обстановка (Блынская и др., 2020; Гушина и др., 2019; Фаузер, Лыткина, 2017).

При этом следует иметь в виду, что не только масштабы реального миграционного движения населения могут сильно отличаться от уровня миграционных установок, но и оценки респондентами тех или иных социально-экономических параметров места их проживания, их относительной значимости для мотивации к переезду несут на себе отпечаток субъектив-

⁸ В контексте темы статьи авторы умышленно «выносят за скобки» указание респондентами на причины личного и семейного характера.

⁹ В обзор включены материалы опросов в регионах европейской части АЗРФ.

ных представлений, стереотипов восприятия и когнитивных искажений. Именно поэтому данные, получаемые в ходе социологических опросов, имеют ограниченный потенциал определения ключевых факторов миграции и требуют проверки другим методом, например корреляционным анализом данных миграционной и социально-экономической статистики (Шеломенцев и др., 2018).

Несмотря на внимание к вопросам миграции в Арктике со стороны зарубежных авторов, которые в большей степени нацелены на межстрановое сравнение и рассматривают процессы в глобальном аспекте, и российских исследователей, остается неизученным вопрос специфики миграционных процессов на *сельских* территориях АЗРФ и присущих им факторах влияния на миграционный отток / прирост именно в разрезе муниципальных образований. Мы присоединяемся к существующей дискуссии о факторах миграционного движения населения, но делаем акцент именно на сельских территориях АЗРФ. При этом в статье будет дополнительно верифицировано распространенное среди специалистов по миграции мнение, что именно экономические факторы в узком значении термина (экономические стимулы) в наибольшей степени определяют миграционное движение населения, и выявлено, подтверждается ли этот тезис на уровне локальных территориальных систем.

Методы исследования

Проведенное исследование включает два этапа: 1) анализ социально-экономических показателей сельских районов АЗРФ и 2) определение статистически значимых факторов миграции сельского населения. Статистический анализ основан на рассмотрении временных рядов средней начисленной заработной платы, занятости населения в целом и по видам деятельности на 2022 год, миграционного прироста (убыли) по семи ранее обозначенным муниципальным районам с целью выявления основных тенденций за 2010–2021 гг. Период анализа обоснован доступностью данных в рамках выбранных территориальных единиц. На втором этапе исследования оценено влияние различных факторов на миграционное движение населения в отобранных муниципальных образованиях.

В качестве показателя, отражающего миграционное движение населения, было выбрано миграционное сальдо, в связи с тем что оно результирует разнонаправленные миграционные потоки (прирост и убыль) и с этой точки зрения выступает наиболее комплексным индикатором (Рыбаковский, 2017а). Также мы исходим из того, что тот или иной показатель социально-экономического развития, если он является в конкретном районе фактором миграционного движения населения, при прочих равных условиях воздействует на миграционное поведение индивидов одинаковым образом – выступает либо стимулом уехать, либо стимулом остаться (приехать). Таким образом, миграционное сальдо учитывает действие изучаемого фактора одновременно и на приток, и на отток населения с территории, что делает его удобным индикатором для поиска корреляций между миграцией населения и динамикой социально-экономических параметров конкретной территориальной системы.

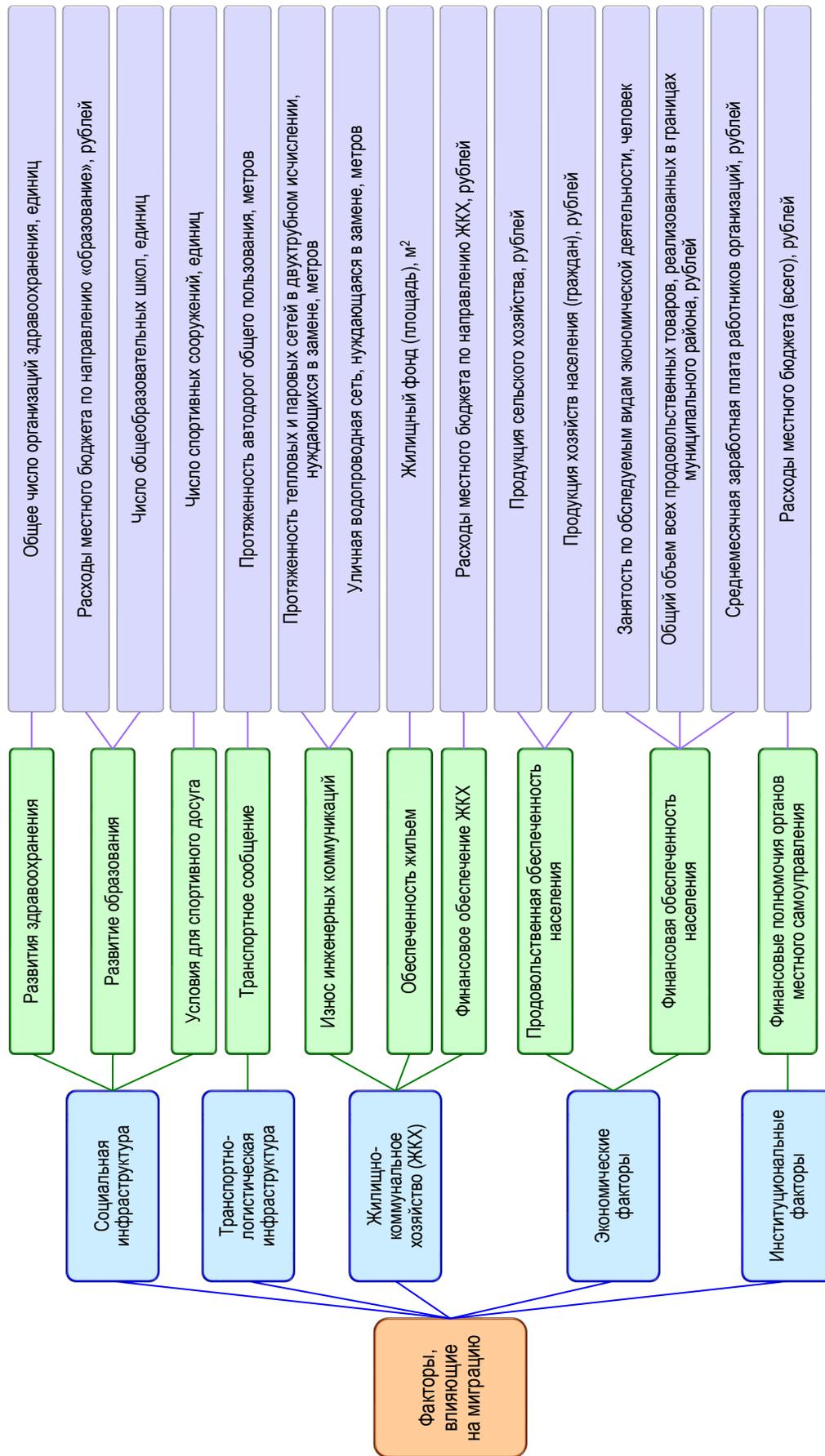
Система факторов миграции (их группировки) и отражающих их показателей представлена на *рисунке 3*. Факторы и отражающие их показатели были отобраны на основе доступности данных за период от 10 лет для получения достоверных результатов, а также с учетом их релевантности конвенциональным представлениям в теории факторов миграции. В итоге нами было отобрано 15 показателей для 10 факторов, распределенных по 5 группам:

1) расходы местного бюджета (всего) выступают отражением фактора финансовых полномочий органов местного самоуправления, что наряду с локальным законодательством (которое как фактор миграции не может быть квантифицировано, а потому неприменимо в статистическом анализе) является институциональным каркасом «жизнедеятельности» сельских территорий;

2) общее число организаций здравоохранения представляет собой индикатор фактора «развитие здравоохранения»;

3) число общеобразовательных школ является показателем фактора «развитие образования»; расходы местного бюджета по направлению «образование» также отражают развитие образования, но с акцентом на управленческое

Рис. 3. Система групп факторов миграционного движения населения в муниципальных образованиях АЗРФ

Источник: составлено авторами на основе (Амбражевич, 2014; Рыбаковский, 2017а; Рыбаковский, 2017б; Фаузер, 2013; Шеломенцев и др., 2018).

воздействие; нередко при участии главы между муниципальным образованием и частной компанией заключается соглашение о взаимодействии, в рамках которого в бюджет поступают финансовые средства для решения социальных проблем;

4) число спортивных сооружений отражает фактор условий для спортивного досуга (одновременно выполняет несколько социально значимых функций – поддержание здорового образа жизни, приобщение к нормам физической культуры, активного отдыха);

5) протяженность автодорог общего пользования характеризует фактор «транспортное сообщение» (отказ от учета железнодорожного, водного и авиасообщения связан с тем, что в открытом доступе по ним отсутствуют систематически собираемые и унифицированные для разных муниципалитетов количественные данные);

6) протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, нуждающихся в замене, и уличная водопроводная сеть, нуждающаяся в замене, раскрывают фактор износа инженерных коммуникаций;

7) жилищный фонд (площадь) характеризует фактор обеспеченности жильем;

8) расходы местного бюджета по направлению «жилищно-коммунальное хозяйство» – фактор финансового обеспечения ЖКХ: участие муниципального образования в различного рода проектах, государственных программах, получение целевых поступлений в бюджет является результатом деятельности органов власти в отношении решения той или иной проблемы, отражает их заинтересованность в развитии ЖКХ;

9) продукция сельского хозяйства и продукция хозяйств населения (граждан) представляют фактор продовольственной обеспеченности населения;

10) занятость по обследуемым видам экономической деятельности, среднемесячная заработная плата работников организаций и общий объем всех продовольственных товаров, реализованных в границах муниципального района, – три связанных показателя, отражающих фактор финансовой обеспеченности населения. Факторы 9 и 10 отнесены нами к группе «Экономические факторы».

Поиск силы и направления связи между миграционной убылью и представленными выше показателями осуществлялся при помощи корреляционного анализа. Период анализа для показателей Лешуконского, Мезенского, Пинежского, Приморского районов – с 2008 по 2021 год, кроме показателей «Занятость по обследуемым видам экономической деятельности», «Среднемесячная заработная плата работников организаций» и «Общий объем всех продовольственных товаров» – с 2009 по 2021 год. Для Усть-Цилемского района все данные взяты с 2008 по 2021 год, кроме показателя «Общий объем всех продовольственных товаров» (2009–2021 гг.). Для Онежского района оценка производилась с 2010 по 2021 год. Для Заполярного района также использовался временной период с 2010 по 2021 год, кроме показателей «Производство сельского хозяйства» и «Производство хозяйства населения (граждан)», для которых данные взяты с 2012 по 2021 год. Источниками информации послужили базы данных показателей муниципальных образований Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу и Управления по Республике Коми¹⁰, отчеты глав администраций муниципальных образований о результатах деятельности и деятельности администрации муниципального образования, доклады глав муниципальных образований о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, постановления администраций муниципальных образований «Об исполнении районных бюджетов за 2021 год».

Для оценки наличия связи, её силы и направления использовался коэффициент корреляции Спирмена, что обусловлено малым ко-

¹⁰ База данных показателей муниципальных образований Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.07.2023); Паспорт муниципального образования «Муниципальный район Усть-Цилемский» // База данных показателей муниципальных образований Республики Коми / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst87&r=87652000 (дата обращения 13.07.2023).

Таблица 1. Шкала Чеддока

Значение показателя корреляции	Характеристика силы связи
0,1–0,3	Слабая
0,3–0,5	Умеренная
0,5–0,7	Заметная
0,7–0,9	Высокая (сильная)
0,9–0,99	Весьма высокая (очень сильная)

Источник: составлено авторами на основе (Chaddock, 1925).

личеством значений в нашей выборке (менее 30). Нулевая гипотеза, H_0 : между переменной «Миграционное сальдо» и переменными, представленными на рисунке 3, связи нет. Уровень значимости $p \leq 0,05$. Для оценки силы связи используем шкалу Чеддока (табл. 1).

Полученные коэффициенты корреляции в рамках АВС-анализа были распределены на три группы в зависимости от частоты проявления и силы: характерные для всей территории (имеется 80% совпадений между муниципальными образованиями в рамках выбранного показателя), распространенные (от 79 до 30% совпадений), специфичные (имеется менее 29% совпадений).

Результаты и дискуссия

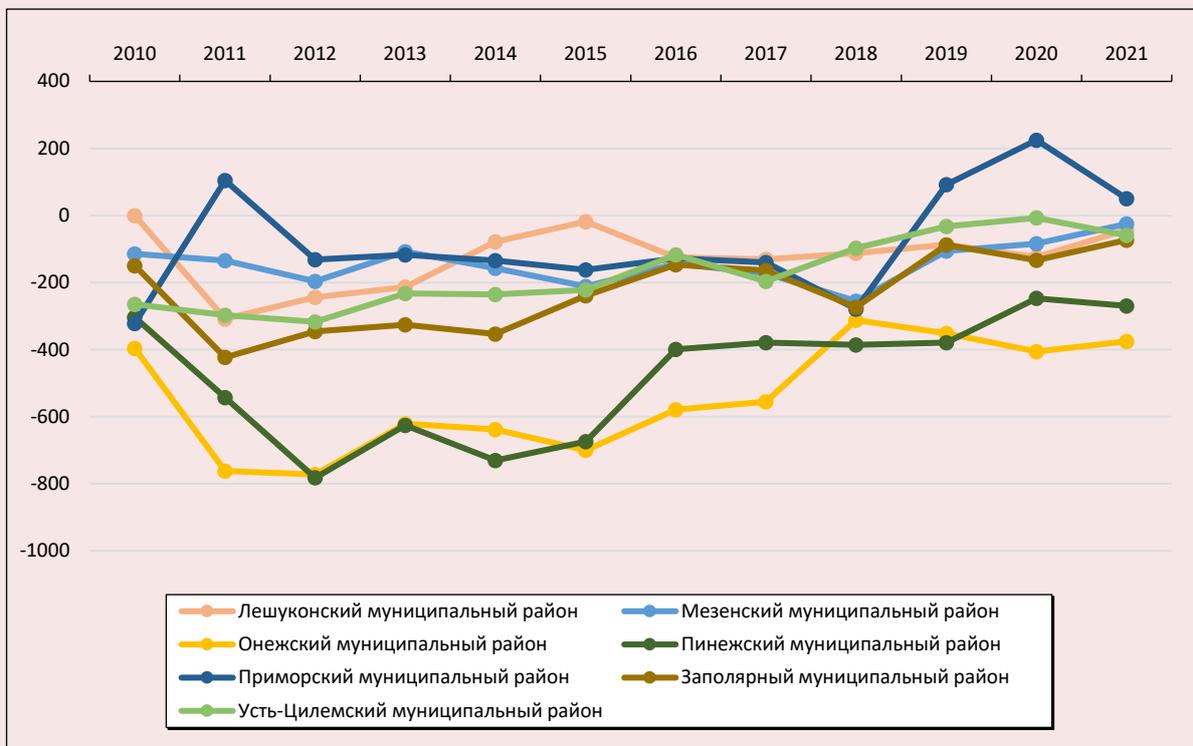
В ходе анализа ряда показателей, характеризующих социально-экономическое положение в обследованных муниципальных районах (Приложение), авторами были выявлены следующие основные тренды: отсутствие заметной динамики занятости практически во всех районах (за исключением Мезенского); восходящая динамика номинальных зарплат вследствие влияния инфляции; структура занятости в разных районах заметно отличается, но общим является преобладание занятости в разного рода бюджетных учреждениях (от почти половины всех занятых и выше); во внебюджетной сфере основными работодателями выступают организации, предоставляющие услуги транспортировки, хранения и связи, ресурсогенерирующие и ресурсоснабжающие организации (в системе коммунального хозяйства), а также предприятия сельского и лесного хозяйства (особенно много занятых в этих отраслях в Пинежском районе); Онежский район – единственный, где фиксируется значительная занятость в обрабатывающих производствах (в большинстве из обследованных районов таковые попросту отсутствуют).

Отдельно следует отметить результаты анализа миграционного движения как наиболее полно отражающего происходящие изменения в объекте исследования. В ходе анализа динамических рядов (рис. 4) выявлено, что практически во всех муниципальных районах наблюдается миграционная убыль. Исключением является Приморский район, где в 2019–2021 гг. зафиксирован прирост населения. Среди остальных муниципалитетов выделяются явные антилидеры по оттоку населения: в Онежском и Пинежском районах ежегодные показатели миграционной убыли наибольшие за весь рассматриваемый период. Высокие значения показателя убыли населения наблюдались в первой половине 2010-х годов и в Заполярном районе Ненецкого АО. Данные красноречиво свидетельствуют о тенденции к «сжатию» поселений и низкой степени жизнеспособности сельских территорий на европейской части АЗРФ.

Проведенный корреляционный анализ показал, что факторы влияния на миграцию в зависимости от муниципалитета достаточно сильно разнятся (табл. 2), что подтверждает выводы Л.В. Коноваловой и её коллег в отношении общего анализа социально-экономических индикаторов (Коновалова и др., 2022). Так, в Лешуконском районе на миграционное движение населения в большей степени влияют обеспеченность жильем и услугами здравоохранения.

В Мезенском районе наблюдается отрицательная корреляция между сальдо миграции и объемом произведенной домохозяйствами сельхозпродукции – уменьшение оттока населения к концу 2010-х гг. после сравнительно высоких его значений на протяжении почти всего десятилетия сопровождалось снижением производства продукции приусадебных хозяйств. Причина такого на первый взгляд

Рис. 4. Динамика миграционного сальдо (в разрезе муниципальных образований АЗРФ), 2010–2021 гг., чел.

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Архангельской области / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.07.2023); Паспорт муниципального образования «Муниципальный район Усть-Цилемский» // База данных показателей муниципальных образований Республики Коми / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst87&r=87652000 (дата обращения 13.07.2023).

парадоксального факта кроется в накопленном эффекте убыли трудоспособного населения: в течение многих лет уезжали жители района, которые могли активно заниматься приусадебным хозяйством, что в конечном итоге сказалось на валовых объемах производства, а заметное снижение масштабов эмиграции в последние годы не смогло само по себе компенсировать эти потери (численность населения района продолжает снижаться, хотя и не такими значительными темпами).

Изложенное выше справедливо и в отношении Онежского района, однако в нём миграционное движение населения, помимо связи с динамикой сельхозпроизводства, имеет сильную статистически значимую связь с состоянием жилищно-коммунального хозяйства: замедле-

ние миграционной убыли положительно коррелирует с ростом фонда жилья и отрицательно — с расходами бюджета на ЖКХ. В последнем случае снижение бюджетных расходов свидетельствует об отсутствии критических проблем в этой сфере, которые бы требовали наращивания денежных «вливаний». В такой ситуации состояние ЖКХ перестаёт быть фактором, «выталкивающим» население из района.

Для Усть-Цилемского района факторами, формирующими миграционный отток или приток, стали финансовая и продовольственная обеспеченность, «развитие» образования (сопутствующий уменьшению численности детей школьного возраста процесс закрытия школ) и изменение протяженности сети автомобильных дорог (положительная корреляция).

Таблица 2. Корреляции между миграционным салдо и независимыми переменными (при $p \leq 0,05$ – выделено цветом)

Показатель	Коэффициенты	Муниципальный район									
		Лешуконский	Мезенский	Онежский	Пинежский	Приморский	Заполярный	Усть-Цилемский			
Число спортивных сооружений	Корреляция Спирмена	0,467	-0,471	0,669	-0,157	0,126	0,686	0,792			
	Значимость (2-сторонняя)	0,093	0,089	0,017	0,593	0,669	0,014	0,001			
Общее число организаций здравоохранения	Корреляция Спирмена	-0,607	-0,405	0,509	-0,098	-0,060	0,100	0,274			
	Значимость (2-сторонняя)	0,021	0,151	0,091	0,739	0,838	0,757	0,344			
Протяженность автодорог общего пользования	Корреляция Спирмена	0,580	-0,172	0,168	-0,071	-0,029	-0,655	0,860			
	Значимость (2-сторонняя)	0,030	0,557	0,602	0,809	0,923	0,021	0,000			
Число общеобразовательных школ	Корреляция Спирмена	.	-0,045	-0,553	-0,043	-0,280	-0,658	-0,833			
	Значимость (2-сторонняя)	.	0,879	0,062	0,885	0,332	0,020	0,000			
Продукция сельского хозяйства	Корреляция Спирмена	0,341	-0,442	-0,762	0,031	-0,116	0,612	-0,125			
	Значимость (2-сторонняя)	0,233	0,114	0,004	0,917	0,692	0,060	0,670			
Продукция хозяйства населения (граждан)	Корреляция Спирмена	0,385	-0,534	-0,748	0,055	0,125	0,612	-0,653			
	Значимость (2-сторонняя)	0,175	0,049	0,005	0,852	0,670	0,060	0,011			
Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, нуждающихся в замене	Корреляция Спирмена	0,144	-0,046	-0,594	0,565	0,143	-0,336	-0,499			
	Значимость (2-сторонняя)	0,623	0,875	0,042	0,035	0,626	0,286	0,069			
Уличная водопроводная сеть, нуждающаяся в замене	Корреляция Спирмена	-0,230	0,086	-0,368	0,473	0,231	-0,481	-0,116			
	Значимость (2-сторонняя)	0,429	0,771	0,240	0,088	0,427	0,113	0,692			

Окончание таблицы 2

Показатель	Коэффициенты	Муниципальный район							Усть-Цилемский
		Лешуконский	Мезенский	Онежский	Пинежский	Приморский	Заполярный	Усть-Цилемский	
Весь жилищный фонд (площадь)	Корреляция Спирмена	-0,777	-0,205	0,718	-0,873	0,182	0,769	0,881	
	Значимость (2-сторонняя)	0,001	0,482	0,009	0,000	0,533	0,003	0,000	
Расходы местного бюджета, всего	Корреляция Спирмена	0,473	0,196	0,483	-0,011	0,244	-0,580	0,758	
	Значимость (2-сторонняя)	0,088	0,503	0,112	0,970	0,401	0,048	0,003	
Расходы местного бюджета по направлению ЖКХ	Корреляция Спирмена	-0,297	0,288	-0,713	-0,191	-0,029	-0,329	-0,020	
	Значимость (2-сторонняя)	0,303	0,318	0,009	0,512	0,923	0,297	0,946	
Расходы местного бюджета по направлению «образование»	Корреляция Спирмена	0,596	0,116	0,601	0,007	-0,200	-0,790	0,754	
	Значимость (2-сторонняя)	0,000	0,692	0,039	0,982	0,493	0,002	0,002	
Занятость по обследуемым видам экономической деятельности	Корреляция Спирмена	-0,231	-0,456	-0,035	0,253	0,121	-0,357	-0,837	
	Значимость (2-сторонняя)	0,448	0,117	0,914	0,404	0,694	0,255	0,000	
Среднемесячная заработная плата работников организаций	Корреляция Спирмена	0,654	0,242	0,636	0,363	0,242	0,692	0,908	
	Значимость (2-сторонняя)	0,015	0,426	0,026	0,223	0,426	0,013	0,000	
Общий объем всех продовольственных товаров, реализованных в границах муниципального района	Корреляция Спирмена	0,654	0,242	0,636	0,363	0,258	0,713	0,500	
	Значимость (2-сторонняя)	0,015	0,426	0,026	0,223	0,394	0,009	0,082	

Источник: рассчитано авторами.

Фактор транспортного сообщения Т.Е. Дмитриева и М.С. Бурьян выделили как один из значимых в формировании системы здравоохранения Республики Коми, так как он предопределяет время ожидания медицинской помощи в частности и возможности предоставлять определенный уровень качества жизни в целом (Дмитриева, Бурьян, 2011).

Примечательно, что для Приморского района не обнаружено значимой корреляции между миграционным сальдо и любым другим рассматриваемым показателем. Объяснением этого служит близость большинства сельских территорий района к городской агломерации — областному центру (Архангельску) и расположенным рядом с ним крупным городам (Северодвинску и Новодвинску). Часть жителей отказывается от решения о переезде на постоянное место жительства в крупный город внутри региона (вопреки обозначенному В.В. Фаузером и А.В. Смирновым паттерну миграционного поведения), а остаётся в районе в связи с наличием организованного быстрого транспортного сообщения с этим городом. Более того, в период пандемии COVID-19 наблюдался миграционный прирост в сельских муниципальных образованиях внутри данного района, которые относительно близко расположены к Архангельской агломерации и связаны с ней развитыми транспортными коммуникациями. Это является признаком наметившегося процесса рурализации (дезурбанизации), в особенности если учесть, что ряд сельских территорий в составе района (муниципальные образования «Катунинское», «Уемское», «Приморское», «Лисестровское», посёлок Талаги и др.) фактически становятся своеобразной «субурбией» областного центра.

В целом результаты корреляционного анализа позволяют утверждать, что значимые факторы миграционного движения сельского населения представляют в каждом отдельном муниципальном образовании уникальную комбинацию.

Дальнейший анализ был направлен на поиск закономерностей, исходя из предположения о том, что характеристики районов, такие как географическое положение относительно регионального центра и соседних субъектов РФ, а также транспортная связность с другими муниципальными образованиями, состояние

и особенности локальной экономики, общая демографическая ситуация, должны обуславливать зависимость миграционных установок от вполне определенных средовых факторов (социально-экономических, инфраструктурных, институциональных), а значит количество и состав эмпирически выявленных факторов, имеющих значимые корреляции (со средней и выше силой связи) с сальдо миграции, должны быть примерно одинаковыми у районов со схожими характеристиками.

Соответственно, мы можем выделить, во-первых, Приморский район Архангельской области, контрастный по отношению ко всем остальным: компактное расселение в устье и верхнем течении Северной Двины, плотность расселения возрастает по мере приближения сельских территорий к агломерации, в целом развитая транспортно-логистическая инфраструктура, сравнительно высокий уровень жизни и тесные экономические связи с региональным центром. Выше было отмечено, что в силу этих особенностей а) сальдо миграции в Приморском районе не коррелирует ни с одним из отобранных нами показателей, б) миграционный отток населения из района в город в целом низкий, в отдельные годы наблюдался небольшой прирост.

Во-вторых, в нашей выборке выделяется группа сельских районов, которые могут быть обозначены как периферийные или пограничные: Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский и Усть-Цилемский. Они расположены в отдалении от ключевых транспортных магистралей своего региона, граничат (или близко расположены) с территориями соседних регионов, отличаются слабой заселенностью и низкой плотностью населения¹¹, локальная экономика базируется на эксплуатации обширных лесных ресурсов и, в меньшей степени, традиционных отраслях сельского хозяйства¹².

¹¹ Онежский район представляет собой исключение за счет города Онеги, численность населения которого вдвое превосходит всё остальное население района. Но если ограничиться только сельскими поселениями Онежского района, то суммарное число их жителей сопоставимо с населением других районов в этой группе.

¹² В Мезенском районе осуществляется добыча алмазов и действует горно-обогатительный комбинат, но занятые на этом производстве работают вахтовым методом, проживают локально и не оказывают влияния на миграционную картину в районе.

Однако однородности количества и состава факторов, влияющих на миграционное движение населения в этой группе, обнаружить не удастся: Пинежский и Мезенский районы демонстрируют статистически значимые корреляции с двумя и одним показателями соответственно (слабое влияние средовых факторов), для Лешуконского района их число равняется шести (среднее влияние), а в случае с Онежским и Усть-Цилемским районами мы имеем по девять показателей, коррелирующих с миграционной убылью в них (сильное влияние). При этом показателей, общих для всех районов и хорошо скоррелированных с миграционным сальдо, выделить не удастся. Между Онежским и Усть-Цилемским районами, несмотря на их взаимную географическую удаленность, довольно много общего: пять из девяти корреляций у них совпадают (см. табл. 2). Три из них связаны с показателями, упомянутыми выше, как наиболее часто встречающиеся во всей выборке, а значит не характеризующие специфику этих двух районов. Из действительно интересных соответствий можно указать на то, что замедление оттока населения из Онежского и Усть-Цилемского районов в конце 2010-х – начале 2020-х гг., что также подтверждается выводами о росте доли трудоспособного населения Усть-Цилемского муниципального образования (Попова, 2014), одинаково сопровождается снижением производства сельхозпродукции домохозяйств. Как было отмечено выше, это связано с кумулятивным эффектом постепенного роста числа выбывших в трудоспособном возрасте жителей на протяжении нескольких предшествующих лет. Данная особенность сближает эти два района с Мезенским.

Наконец, особняком стоит Заполярный район Ненецкого АО, фактически покрывающий всю территорию округа за вычетом территории г. Нарьян-Мар. Район отличается большой территорией, низкой плотностью населения, слабой транспортной связностью как с соседними территориями, так и внутри; суровым климатом, отсутствием пахотных земель и лесных ресурсов. Число показателей, имеющих значимую корреляцию с миграционным сальдо, равняется восьми. По семи из них наблю-

дается совпадение с Усть-Цилемским районом. Однако различия в силе и направлении связи по большинству из них не позволяют сделать вывод о реальной близости состава факторов миграционного движения для двух этих районов, хотя определенное сходство, безусловно, имеется.

В контексте проведенного корреляционного анализа факторы миграционного движения населения для всей совокупности рассматриваемых нами муниципальных образований сгруппированы по ABC-анализу следующим образом:

- характерные для всех районов факторы: не выявлено;
- распространенные факторы: развитие образования, состояние транспортного сообщения, продовольственная и финансовая обеспеченность населения, обеспеченность жильем;
- специфичные факторы: развитие здравоохранения, состояние инженерных коммуникаций и финансовые полномочия муниципальных властей.

В то же время следует отметить, что в группе «распространенные факторы» чаще других оказываются связаны с миграционным сальдо следующие показатели: изменение площади жилищного фонда, динамика муниципальных расходов на образование и среднемесячных зарплат. При этом роль обеспеченности жильем как фактора миграционного движения имеет разное влияние: от района к району миграционное сальдо повышается то при увеличении общей площади жилья, то при её уменьшении. Схожие выводы о влиянии обеспеченности жильем на миграцию были получены авторским коллективом во главе с А.Г. Шеломенцевым, но тенденция взаимосвязи среди всех входящих в АЗРФ регионов была выделена только для Архангельской области (Шеломенцев и др., 2018). Однако выявленная авторами слабая взаимосвязь фактора «износ инженерных коммуникаций» с миграционным сальдо говорит об его несущественности при принятии решения индивидом, что противоречит выдвинутому тезису Л.В. Коноваловой о прямой связи миграционного оттока с некомфортностью проживания (Коновалова и др., 2022).

Прямая взаимосвязь между заработной платой и миграционным сальдо объясняется тем, что оставшиеся жители трудоустроены на приемлемо оплачиваемых должностях (минимальная заработная плата среди всех районов на 2021 год составляла 48 тыс. рублей), а мигрирует в основном население с более низким доходом, что также подтверждено результатами социально-экономического анализа Республики Коми (Попова, 2014). А положительная корреляция между миграционным оттоком и ростом бюджетных расходов на образование объясняется инфляцией и отложенным эффектом привлечения финансовых средств в силу длительного принятия решений.

Заключение

В ходе исследования была проанализирована динамика миграционного движения населения в семи сельских муниципальных районах, входящих в состав территории АЗРФ, за период с 2010 по 2022 год. Корреляционный анализ выявил статистически значимую связь выше среднего между динамикой сальдо миграции в исследуемых районах и отдельными показателями из числа использованных нами для эмпирического определения факторов миграции. В частности, наиболее значимыми факторами оказались развитие образования, состояние транспортного сообщения, продовольственная и финансовая обеспеченность населения, обеспеченность жильем. Однако ни один фактор из перечисленных не продемонстрировал действия во всех семи районах.

Одновременно с этим результаты исследования свидетельствуют, что количество и состав статистически значимых факторов скорее уникальны для каждого отдельного муниципального образования, отражают его своеобразие, а сколько-нибудь убедительная типологизация сельских районов на основе факторов миграционного движения населения (по крайней мере в пределах нашей выборки) затруднительна.

Выдвинутый в начале статьи тезис о большем влиянии экономических факторов (занятость, заработная плата, розничные цены, производство домохозяйств и т. д.) на динамику миграций в сравнении с факторами социальной сферы, транспортной инфраструктуры и коммунального хозяйства в случае обследованных

сельских районов подтвердился лишь частично. Более того, выяснилось, что отдельные показатели, такие как сельскохозяйственное производство и занятость в целом, не оказывают влияния на миграционную убыль (прирост), при этом такой значимый показатель, как уровень заработных плат, более чем в половине районов демонстрирует положительную корреляцию с миграционным сальдо: с ростом зарплат снижается отток населения. Не стоит исключать в качестве объяснения данной взаимосвязи реакцию людей на удорожание стоимости жизни — номинальные заработные платы увеличиваются вслед за инфляцией, а их реальная покупательная способность может отставать, что «выталкивает» наиболее мобильную часть местных жителей за пределы родного района. В итоге рассматриваемые авторами показатели были разделены на «характерные для всех районов», «распространенные факторы», «специфичные факторы» по частоте их проявления.

Полученные результаты исследований о влиянии тех или иных факторов на миграционное движение населения в рамках муниципальных образований европейской части АЗРФ могут быть использованы при корректировке как региональной, так и муниципальной политики, в частности через социально-экономические стратегии, региональные проекты «Демография», муниципальные программы, такие как «Комплексное развитие сельских территорий», «Управление муниципальными финансами» и другие.

Ограничением исследования стал малый размер выборок по анализируемым показателям в связи с неполнотой данных из открытых источников, вызванной особенностями статистического учета на муниципальном уровне. Следствием указанного ограничения, а также небольшого числа районов, отобранных для изучения, является невозможность генерализации полученных результатов. Выводы, представленные в статье, справедливы для рассмотренных локальных кейсов, но некоторые закономерности, которые при этом хорошо согласуются с отдельными конвенциональными положениями в современной теории миграций, могут служить точкой отчета для более масштабных исследовательских проектов.

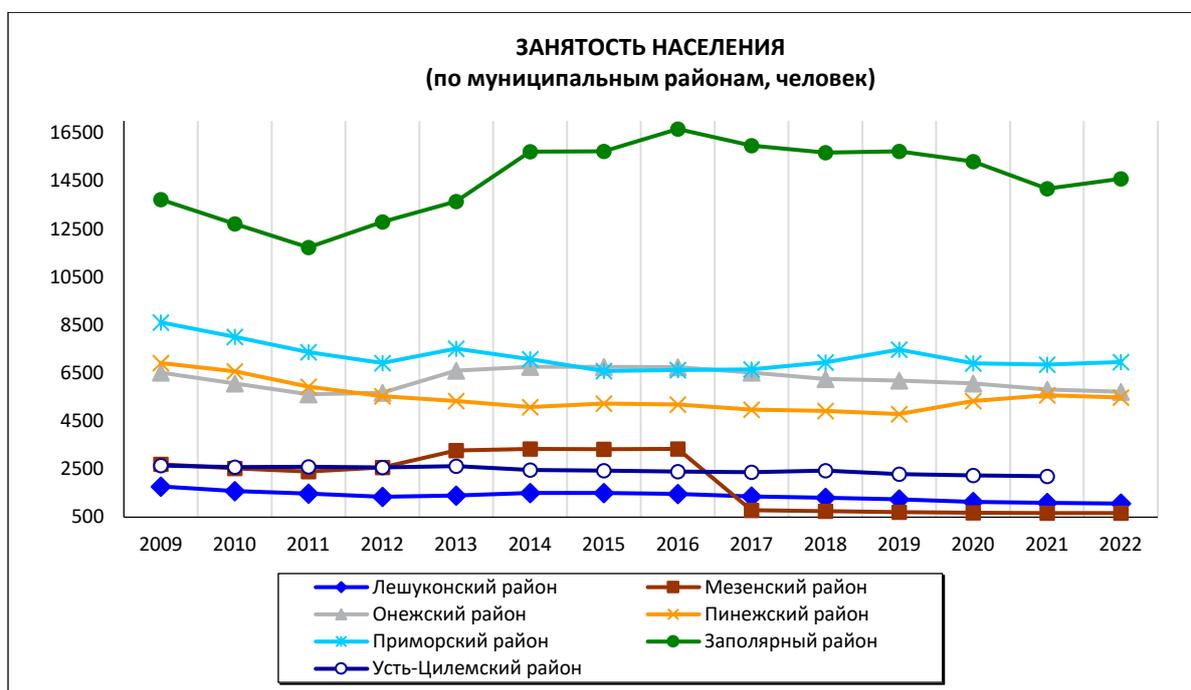
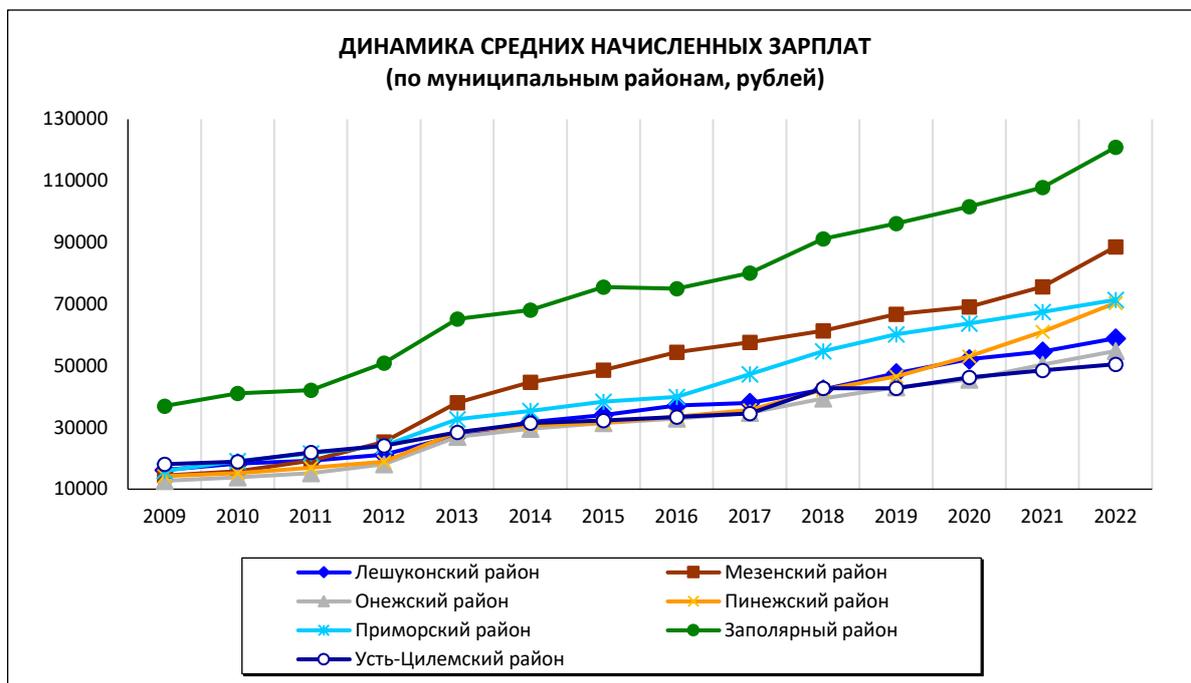
Аккумуляция и аналитическое обобщение результатов проведенных ранее другими учеными локальных исследований сельской миграции в Арктике и расширение географии исследования миграционного движения населения на уровне муниципальных районов и округов представляются авторам перспективным направлением дальнейшего научного поиска.

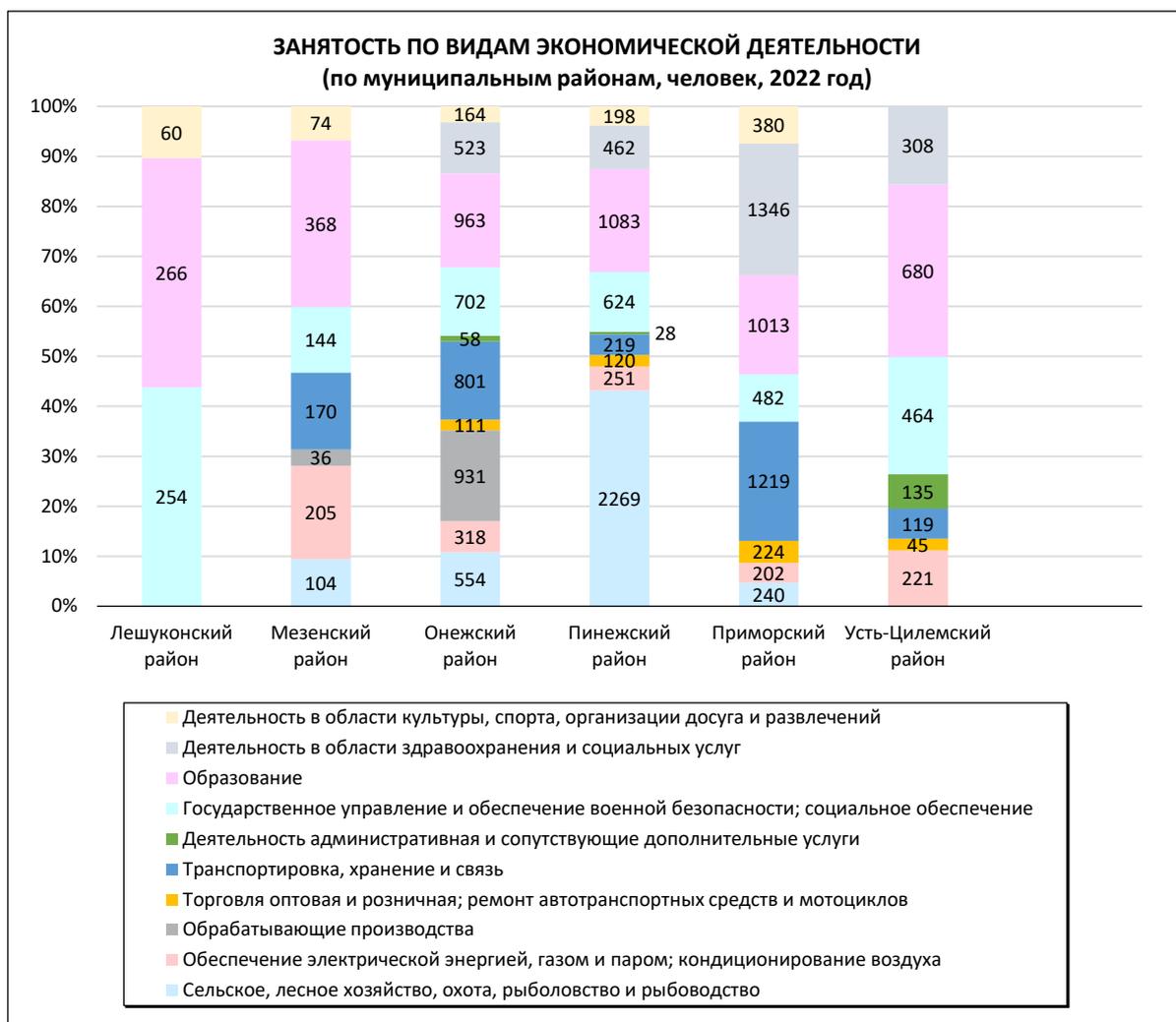
Литература

- Амбражевич А.И. (2014). Миграционное поведение и миграционное Настроение населения Республики Беларусь // Социология. № 3. С. 115–123.
- Безбородова Т.М. (2010). К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 1. С. 76–80.
- Блынская Т.А., Малинина К.О., Максимов А.М. (2020). Факторы миграционной убыли населения в Арктическом регионе (на примере Архангельской области) // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2 ч. Вологда, 18–22 мая 2020 года. Т. I. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. С. 31–34.
- Бурундукова Е.М., Родь Ю.С., Хромцова Л.С. (2017). Результаты социологического исследования вопросов трудовой миграции на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник Югорского государственного университета. Т. 13. № 3. С. 29–35. DOI: 10.17816/byusu201713329-35
- Вишневский А.Г. (2017). Демографические и миграционные процессы // Всемирная история. В 6 т. / отв. ред. А. О. Чубарьян. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. Москва: Наука. С. 22–55.
- Воронина Л.В., Якушева У.Е. (2019). Взаимосвязь заболеваемости и оттока населения в регионах российской Арктики // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 5 (149). С. 144–147.
- Гушина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А. (2019). Динамика социального развития территорий российской Арктики в оценках населения: Мурманская область. Апатиты. 231 с.
- Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С. (2011). Пространственное развитие социального сервиса северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (18). С. 77–92.
- Иванов В.Н., Лаженцев В.А. (2014). Модернизация аграрного сектора экономики северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) // Экономика региона. № 2 (38). С. 220–230.
- Комаровский В.В. (2022). Динамика безвизовой трудовой миграции в период пандемии 2019-2021 гг. // Социально-трудовые исследования. № 1 (46). С. 90–102. DOI:10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102
- Коновалова Л.В., Ушакова Т.Н., Зыкова Н.В. [и др.] (2022). Анализ динамики индикаторов социально-экономических факторов общественного здоровья арктических территорий Архангельской области // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 11. С. 3007–3022.
- Корчак Е. А. (2019). Миграционная ситуация в Мурманской области в свете реализации арктических интересов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (58). С. 12.
- Махрова А.Г. (2020). Оценка перспектив развития процессов урбанизации в России: возможна ли жизнь за границами мегаполисов? // Наука, образование и экспериментальное проектирование. № 1. С. 237–239. DOI: 10.24411/9999-034A-2020-10054
- Мкртчян Н.В. (2019). Миграция и субурбанизация в региональных столицах и пригородных территориях России // Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. сборник тезисов докладов международной научной конференции. В 2-х частях, г. Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. С. 14–21. DOI: 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-14-21
- Мокренский Д.Н., Николаева У.Г. (2020). Сравнение внутрорегиональных тенденций демографического развития в регионах Ближнего Севера России (на примере Архангельской, Вологодской и Костромской областей) // Социологический ежегодник 2019–2020: сборник научных трудов. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 51–64.
- Недосека Е.В., Жигунова Г.В. (2019.). Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 5. С. 58–67.
- Попова Л.А. (2014). Демографический фактор обеспеченности экономики Республики Коми трудовыми ресурсами // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 6. № 1 (11). С. 140–148.
- Рыбаковский Л.Л. (2017а). К уточнению понятия «Миграция населения» // Социологические исследования. № 12. С. 78–83.
- Рыбаковский Л.Л. (2017б). Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. Т. 20. № 2. С. 51–61.
- Симакова А.В., Степуть И.С. (2023). Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 247–264. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.13
- Тюрюканова Е.В. (2005.). Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. № 1. С. 48–64.
- Фаузер В.В. (2013). Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. № 10. С. 19–47.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С. (2017). Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. Т. 16. № 1(120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020). Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. № 4 (40). С. 4-18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Флоринская Ю.Ф. (2022). Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 78–90.
- Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В. (2018). Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). Т. 10. № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418
- Хомра А.У. (1979). Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова Думка. 146 с.
- Bevelander P., Pendakur R. (2014). The labour market integration of refugee and family reunion immigrants: A comparison of outcomes in Canada and Sweden. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(5), 689–709.
- Borjas G. (2021). *Foundational Essays in Immigration Economics. World Scientific Book*.
- Champion T. (2018). How many extra people should London be planning for? *Town and Country Planning*, 87(7), 251–257.
- Chaddock R.E. (1925). *Principles and Methods of Statistics* (1st edition). Cambridge: Houghton Mifflin Company, The Riverside Press.
- Heleniak T. (2014). Migration in the Arctic. In: *Arctic Yearbook*. Available at: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2014/Scholarly_Papers/4.Heleniak.pdf
- Jiboku J., Jiboku P. (2022). Youth and desperate migration: Is there social protection in Nigeria? *Journal of Public Administration, Finance and Law Issue*, 26, 167–180. DOI: 10.47743/jopaf1-2022-26-15
- Jungsberg L., Copus A., Nilsson K., Weber R. (2018). *Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Large-Scale Resource-Based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm: Nordregio, Available at: https://www.researchgate.net/publication/322540054_Demographic_change_and_labour_market_challenges_in_regions_with_large-scale_resource-based_industries_in_the_Northern_Periphery_and_Arctic
- Logan J.R., Shin Hyoung-jin. (2012). Immigrant incorporation in American Cities: Contextual determinants of Irish, German, and British intermarriage in 1880. *International Migration Review*, 46(3), 710–739.
- Smith D.P., Sage J. (2014) The regional migration of young adults in England and Wales (2002–2008): A “conveyor-belt” of population redistribution? *Children’s Geographies*, 12(1), 102–117. DOI: 0.1080/14733285.2013.85085

Показатели социально-экономического состояния сельских поселений европейской части АЗРФ

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Архангельской области // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst11 (дата обращения 13.09.2023).

Сведения об авторах

Ульяна Евгеньевна Якушева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 54, корп. 1; e-mail: u.yakusheva@narfu.ru)

Антон Михайлович Максимов – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (163020, Российская Федерация, г. Архангельск, пр. Никольский, д. 20; e-mail: amm15nov@yandex.ru)

Мария Владимовна Малыгина – ассистент кафедры, младший научный сотрудник, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 54, корп. 1; e-mail: m.arteeva@narfu.ru)

Yakusheva U.E., Maksimov A.M., Malygina M.V.

Rural Areas Population' Migration Factors in the European Part of the Russian Arctic

Abstract. The study of migration remains relevant, despite the presence of a wide range of papers by authors from Russia and other countries on the subject. The features of migration processes, in particular migration factors, in rural areas of the Arctic zone of the Russian Federation are of the greatest interest due to the current accumulation of sufficient amount of data for analysis. The article considers seven municipalities of the European part of the Russian Arctic and empirically determines statistically significant migration factors through correlation analysis. Data on 15 indicators were collected from 2008 to 2021. We reveal that the most significant migration factors are the development of education, the situation regarding transport links, food and financial security of the population, and housing provision. At the same time, the combination of statistically significant factors is unique for each individual municipal entity. The thesis, widespread in the migration theory, about the greater influence of economic factors on the dynamics of migration was only partially confirmed in the case of the rural areas under consideration. It was found that individual indicators, such as agricultural production and employment, generally do not affect migration decline (increase), and the established relationship with such an indicator as wage level cannot be interpreted unambiguously. With the growth of labor incomes, the outflow of rural residents from their native areas reduces, but does not disappear completely. In turn, the increase in nominal wages is to a large extent a reflection of the inflationary effect; therefore, it cannot be an effective mechanism for retaining the rural population.

Key words: human migration, migration factors, Arctic zone of the Russian Federation, municipality, rural area.

Information about the Authors

Ulyana E. Yakusheva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, associate professor of department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (54, building 1, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: u.yakusheva@narfu.ru)

Anton M. Maksimov – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: amm15nov@yandex.ru)

Mariya V. Malygina – Junior Researcher, assistant professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (54, building 1, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: m.arteeva@narfu.ru)

Статья поступила 20.07.2023.

Роль местных сообществ в развитии малых территорий

**Ксения Евгеньевна
КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

Аннотация. Исследование посвящено вопросам участия местных сообществ в развитии малых территорий и рассмотрению условий для повышения уровня вовлеченности населения в процессы улучшения пространства для жизни на местном уровне. Применяется социопро пространственный подход к изучению местных сообществ в сочетании с деятельностно-активистской концепцией пространственного развития. В теоретической части описаны основные подходы к исследованию местных сообществ и их роли в развитии территорий. Выделены базовые признаки местного сообщества: общность людей; единое пространство, место; общие интересы, условия жизни; связи, взаимодействие. Изложены механизмы участия местного сообщества в развитии территорий. Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в Вологодской области в двух крупных и пяти малых городах в 2021 году (N = 1550). Рассматриваются средние значения по крупным и малым городам, а также выполняется их сравнение по индикаторам участия местного сообщества в развитии места проживания с целью выявления особенностей этого процесса. Субъективные оценки свидетельствуют, что основными акторами территориальных изменений выступают органы управления и местное сообщество, а бизнес практически не несет ответственности за развитие территорий присутствия. В малых городах местное сообщество в большей степени ориентировано на развитие территорий и осознает свою ответственность, чем в крупных городах. Выявлены более высокий потенциал и уровень участия в инициативах у местного сообщества малых территорий. Почти по всем практикам доля участвующих в малых городах выше, чем в крупных. Определено, что значимым барьером вовлечения населения в процессы решения проблем места проживания выступает отсутствие опыта коллективной работы. В качестве перспективных направлений преодоления этих барьеров рассматриваются институализированные механизмы участия местного сообще-

Для цитирования: Косыгина К.Е. (2023). Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 210–229. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.12

For citation: Kosygina K.E. (2023). The role of local communities in the development of small territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 210–229. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.12

ства в развитии территорий: инициативное бюджетирование и проектная деятельность в рамках работы некоммерческих организаций.

Ключевые слова: местные сообщества, малые территории, крупный город, развитие, социальные проблемы, инициативное бюджетирование, некоммерческие организации.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества» (<https://www.rscf.ru/project/23-28-01587/>).

Введение

Настоящее и будущее страны в определяющей степени зависит от уровня социально-экономического развития территорий, что зафиксировано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, в которой, в свою очередь, лидирующая роль в экономике отводится мегаполисам и крупным агломерациям. В то же время политика пространственного развития не должна привести к запустению малых территорий (Бухвальд, Кольчугина, 2019) – населенных пунктов с численностью населения до 50 тыс. жителей (малые и моногорода, поселки городского типа, сельские поселения).

Немаловажным фактором в рамках подхода к развитию малых территорий являются управленческие преобразования, направленные на укрупнение муниципальных образований. В последние годы в России сложилась тенденция преобразования муниципальных районов в городские и муниципальные округа с ликвидацией поселенческого уровня управления, что, как свидетельствуют результаты исследований, не дает реальных значимых экономических и бюджетных эффектов (Ворошилов, 2021). Со стороны населения этот процесс сопровождается противоречивыми и скептическими оценками, основанными на проблеме фокусировки внимания новой администрации исключительно на развитии центральной территории и утери связи с малыми муниципальными образованиями, что создает трудности взаимодействия с органами местного самоуправления для жителей при решении вопросов локального значения в различных сферах (Позаненко, 2015).

Между тем статистические данные свидетельствуют, что на малых территориях проживает 50% населения страны. В России количество малых городов превышает число крупных:

по состоянию на 2021 год насчитывалось 240 крупных городов и 801 малый. То есть малые города составляют самую многочисленную группу городов (71% от общей численности административно-территориальных образований). В них проживает 16,6 млн человек, в крупных городах – 24,4 млн человек. Сельских поселений насчитывается 16332 ед., где проживает 29,2 млн человек¹.

Малые территории обладают значимым социокультурным потенциалом развития, заключающимся в особой роли малых городов и сельских поселений при сохранении культурного наследия и традиций (Аксенова, 2015; Титаренко, 2020; Халий, 2008). В то же время небольшие населенные пункты характеризуются благоприятной экологией, наличием природных ресурсов и свободных территорий для расширения хозяйственной деятельности, развития отраслей, связанных с туризмом и оздоровлением (Кузнецов, Чернышева, 2012). Малые территории обеспечивают продовольственную и национальную безопасность государства. Эксперты отмечают, что «небольшие города – это реальные опорные пункты российского государства на ее огромной территории; именно малые и средние города, прежде всего – районные центры, обеспечивают многообразную связь территории и государства, формируют территориальный каркас управления в масштабе субъектов Федерации»².

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

² Значение и пути развития малых (небольших) городов в Программе пространственного развития России // Союз малых городов РФ. URL: <https://smgrf.ru/znamenie-i-puti-razvitiya-malyh-nebolshih-gorodov-v-programme-prostranstvennogo-razvitiya-rossii/?ysclid=1h10s4l2uy921541170>

Несмотря на социокультурный и экономический потенциал, для малых территорий характерен комплекс проблем, которые рассматриваются в исследованиях, подтверждаются статистическими данными и результатами социологических опросов. Тенденции развития свидетельствуют о сокращении численности населения в малых городах и сельской местности, в том числе за счет миграции трудоспособного населения по причине отсутствия рабочих мест и мест проведения досуга, об ослаблении экономического потенциала (Черныш и др., 2020). Остро стоят проблемы обеспечения финансовыми ресурсами, дефицита собственных доходных источников на решение вопросов социально-экономического развития (Бухвальд, Печенская, 2017), поддержания необходимого уровня социальной инфраструктуры, качества жизни населения и комфортной среды проживания, благоустройства общественных пространств (Секушина, 2020).

Названные проблемы актуализируют поиск ресурсов для развития малых территорий силами разных акторов: представителей власти, бизнес-сообщества, объединений, ассоциаций, профсоюзов, НКО, государственных учреждений, солидарных групп и отдельных граждан (Маркин и др., 2019), которые входят в структуру местного сообщества или являются стейкхолдерами пространственных преобразований (Уханова, 2023). Исследования показывают, что планирование развития на местном уровне требует подхода «снизу вверх», который увеличивает результативность действий (Moallemi et al., 2021). Важно, когда инициатива исходит «снизу», жители готовы брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу территории или объекта (Смолева, 2021). Эффективность введения элементов такого подхода обуславливается еще и тем фактом, что местные акторы и население обладают тесными связями с территорией проживания, знаниями об основных проблемах, необходимыми для разработки локальных решений (Manzo, Perkins, 2006).

Таким образом, цель исследования состоит в обобщении теоретико-методологических основ изучения местных сообществ и в выявлении особенностей форм участия местных сообществ в развитии малых территорий.

Теоретико-методологические основания исследования

В научной литературе существует несколько основных подходов к изучению местных сообществ и их роли в развитии территорий. Теоретический обзор выстроен следующим образом: во-первых, рассматриваются научные подходы, определяющие основные характеристики (признаки) местных сообществ («консолидированной местности», «социального капитала», «гражданского участия»); во-вторых, концепции, в которых обсуждается управленческий компонент, планирование и результаты функционирования местных сообществ в развитии территорий («теория изменений», концепции местного самоуправления).

1. В классической теории локальные сообщества интерпретируются с точки зрения «консолидированной местности». Подразумевается место, характеризующееся однородной социальной структурой, где большинство людей обладают одинаковыми возможностями и находятся в схожих условиях жизнедеятельности (Тыканова, Хохлова, 2014; McKnight et al., 2016). Это определение близко к коммунитаристскому подходу к (местным) сообществам (Etzioni, 1995). В исследованиях также отмечается, что сообщества формируются в определённых местах (в границах территорий различного ранга). Совместное проживание на одной территории является связующим фактором для членов сообщества (Шарыгин, Осоргин, 2018). Аналогичного подхода придерживались представители Чикагской школы социологии (Р. Парк, Л. Вирт), которые рассматривают городские сообщества как пространственную конфигурацию с определённым урбанизированным образом жизни населения (Парк, Николаев, 2006).

2. Вопросы функционирования местных сообществ можно рассматривать в рамках концепции социального капитала, изучающей особенности социальной жизни – сети, основанной на доверии и нормах. Люди «встроены» в сеть социальных отношений, влияющих на решения и действия (Putnam, 2000). В данном контексте социальный капитал трактуется как предиктор, формирующий дополнительные возможности развития местных сообществ на основе идей кооперации, солидаризации и доверия (Рогач, 2019; Leping, Hon, 2019).

3. К вопросам развития местных сообществ обращается теория гражданского участия. Гражданское участие рассматривается как инструмент развития сообществ (Staples, 2012). Эта теория предполагает, что усилия по изменению на уровне сообщества наиболее достижимы при сотрудничестве местных жителей и вовлечении в процесс решения проблем в различных формах. Это могут быть как формальные (деятельность некоммерческих организаций, общественных советов, сходов, территориально-общественного самоуправления и др.), так и неформальные (инициативные группы, активисты, онлайн-сообщества и др.) виды деятельности. Причем в исследованиях сторонников гражданского участия прослеживается общий критерий – общественно значимый результат от участия местного сообщества, как следствие, общий интерес среди членов сообщества (Уханова, 2022).

4. В управленческом дискурсе местное сообщество рассматривается как основа для территориальной самоорганизации и самоуправления (Пясецкая, 2015; Майкова, Симонова, 2021). Концепция управления может быть адаптирована к вопросам отношений власти с местными сообществами на базе определения круга вопросов, которые решаются совместно, в том числе управленческими методами. В исследованиях отмечается, что «органы местного самоуправления с участием местных сообществ способны решать такие задачи, до которых у государства „не доходят руки”. Эффективное местное самоуправление освобождает органы государственной власти от множества „малых” дел и позволяет им сконцентрироваться на решении стратегических проблем» (Бабун, 2017, с. 62).

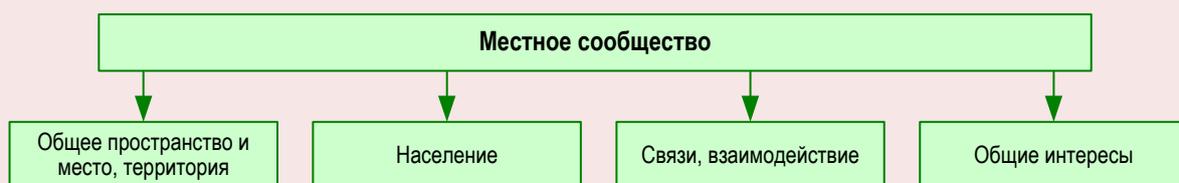
5. Заслуживает внимания «теория изменений» – практический инструмент для управле-

ния деятельностью, результатами в местных сообществах. Основывается на проектно и программном подходе к изменениям и действиям. Применяется для планирования и оценки социальных результатов (Funnell, Rogers, 2011; Msila, 2013).

Таким образом, в рамках обсуждения теоретических подходов к местным сообществам раскрыты несколько наиболее часто упоминаемых представлений о данном феномене. В обобщенном смысле «местное сообщество» означает группу взаимодействующих людей, совместно проживающих на одной территории. Следовательно, основные признаки местного сообщества – это общность людей (население); единое пространство или место; общие интересы, условия жизни; связи, взаимодействие или общение (рис. 1).

Ряд научных работ сосредоточен на исследовании форм и механизмов участия местных сообществ в развитии территорий. В зарубежных источниках внимание уделяется таким механизмам, как инициативное бюджетирование (Sintomer et al., 2008; Zhang, Liao, 2011), деятельность фондов местных сообществ (Azevedo et al., 2022), онлайн-инициативы (Paricio-Esteban et al., 2020). Российский исследователь А.А. Чернега выделяет следующие механизмы: сходы и собрания граждан, общественные обсуждения; инициативное бюджетирование; краудфандинг; проектную деятельность через реализацию грантов; создание некоммерческих организаций (НКО); информационные сети; конструирование туристических достопримечательностей; социальное инвестирование (Чернега, 2020). М.Л. Шагалов, А.Ю. Рубин рассматривают в качестве ресурса развития территорий территориальное общественное самоуправление (Шагалов, Рубин, 2019).

Рис. 1. Основные признаки местного сообщества

Источник: составлено автором.

В ходе анализа литературы выявлено множество механизмов участия местного сообщества в развитии малых территорий. Тем не менее представляется необходимым определить основные механизмы, которые наиболее часто встречаются в российской действительности, исследуются в научных кругах и закреплены в нормативно-правовых источниках, в том числе в ключевом законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (табл. 1).

Исходя из степени вовлеченности местного сообщества представленные механизмы можно типологизировать на активные и пассивные формы. Активные формы отличаются непосредственным (прямым) участием местного сообщества в реализации проектов, мероприятий, в действиях по развитию территорий проживания, улучшению качества жизни, трудовым участием, денежным вкладом. Пассивные формы – это вовлечение граждан в процессы инициирования, обсуждения и контроля, ко-

Таблица 1. Механизмы участия местного сообщества в развитии территорий

	Наименование механизма	Содержание	Источник
Активные формы механизмов (прямые)	Инициативное бюджетирование (партисипаторное бюджетирование)	Совокупность практик вовлечения в бюджетный процесс граждан, объединенных идеологией гражданского участия, а также сфера государственного и муниципального регулирования участия населения в определении и выборе проектов, финансируемых за счет средств соответствующих бюджетов, и последующем контроле над реализацией отобранных проектов со стороны граждан	Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в РФ (утв. Минфином России) в ред. от 22.12.2021
	Проектирование	Деятельность, связанная с инициированием, подготовкой, реализацией (включая мониторинг и внесение изменений в проекты) и завершением реализации проектов. Проект – комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений	Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 01.03.2023) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»
	Территориальное общественное самоуправление	Самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения	Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.05.2023, с изм. от 30.05.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
Пассивные формы механизмов (косвенные)	Публичные слушания и общественные обсуждения	Разновидность формы участия граждан в осуществлении муниципального управления, обеспечивающего возможность учета мнения населения муниципального образования при решении вопросов местного уровня	Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.05.2023, с изм. от 30.05.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
	Сходы и собрания граждан	Форма коллегиального решения вопросов местного значения	
	Опросы граждан	Проводятся на всей территории или на части территории городского округа для выявления мнения населения и его учета при принятии решений	
Источник: составлено автором на основе нормативно-правовых источников.			

торы не предполагают вложения физических или финансовых ресурсов.

Таким образом, предпринятый обзор научной литературы показал, что отдельные аспекты участия местных сообществ в развитии территорий достаточно полно освещаются как в зарубежных, так и отечественных публикациях. В то же время, интегрируя полученное теоретическое знание, наше исследование опирается на социопро пространственный подход к изучению местных сообществ в сочетании с деятельностью-активистской концепцией развития территорий.

Материалы и методы

Для проведения анализа выбрана Вологодская область, так как территориальное устройство региона показывает, что в нем преобладают малые территории с небольшой численностью населения. В состав Вологодской области входят только два крупных города с населением более 100 тыс. чел. – Вологда и Череповец (промышленный центр), а также 13 малых городов с населением менее 50 тыс. чел.; 21 городское поселение и 158 сельских поселений (по состоянию на 1 января 2022 года)³. С учетом специфики российской действительности малые территории в рамках исследования понимаются в широком смысле как единый социально-экономический, природный и историко-культурный комплекс, включающий городское и сельское население (до 50 тыс. чел.), а также территорию в официальных границах муниципального образования.

Сбор и анализ материала осуществлялись в два этапа в зависимости от поставленных задач. На первом этапе оценивались основные проблемы малых территорий и уровень гражданского участия местного сообщества на основе массива данных социологического опроса, проведенного на территории Вологодской области в двух крупных (г. Вологда, г. Череповец) и пяти малых (г. Никольск, Сокол, Великий Устюг, Грязовец, пгт. Шексна) городах в 2021 году. Выборочная совокупность составила 1550 респондентов. Рассматривались средние значения по включенным в опрос типам городов, а также выполнялось сравнение крупных и малых городов по индикаторам участия местного

сообщества в развитии места проживания с целью выявления особенностей этого процесса. Выбор территорий, в частности городов, а не сельских поселений, обусловлен доступностью необходимых данных.

На втором этапе анализировались механизмы участия местного сообщества в развитии территорий на базе нормативно-правовых источников, отчетов органов власти федерального уровня, общественных структур регионального и местного уровня, открытых данных Фонда президентских грантов, осуществляющего поддержку некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социальные проекты на конкурсной основе.

Эмпирическая база в зависимости от источников и показателей охватывает период 2017–2022 гг.

Результаты и обсуждение

Основные проблемы территорий в субъективных оценках и оценки участия местного сообщества в развитии территорий (Вологодская область)

В первую очередь для определения направлений развития малых территорий с участием местного сообщества необходимо обозначить наиболее острые проблемы для жителей, требующие решения. Данные проблемы можно выявить на материалах официальной статистики и отчетов органов власти⁴, что отражено во многих исследованиях. Однако в ракурсе поставленной цели работы интерес представляют субъективные оценки жителей как местного сообщества. Социологические данные показывают, что приоритетной проблемой для населения выступают низкий уровень жизни и постоянный рост цен (62–56%), при этом в оценках жителей малых городов она ощущается менее остро, чем крупных. Невысокое качество медицинских и образовательных услуг в наибольшей степени волнует местное сообщество малых городов, в то же время вопрос низкой доступности жилья более значим для населения круп-

³ Вологодская область в цифрах. 2021 (2022): крат. стат. сб. / Вологдастат. Вологда. С. 130.

⁴ Например, Сводный доклад Вологодской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов по итогам 2021 года // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/mestnoe_samoupravlenie/

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для Вашего населенного пункта?», %

Вариант ответа	Крупные города*	Малые города**
Низкий уровень жизни, постоянный рост цен	62	56
Низкое качество медицинских услуг	35	47
Низкое качество образовательных услуг	14	29
Низкая доступность жилья	30	25
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	29	23
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	34	22
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	12	20
Необходимость освоения цифровых технологий	13	19
Неблагоприятные условия для развития малого бизнеса, отсутствие господдержки	18	16
Нарушение гражданских прав	17	12
Чрезмерное усиление исполнительной власти	17	11
Высокий уровень преступности	8	3

* г. Вологда и Череповец.
** г. Никольск, Сокол, Великий Устюг, Грязовец, пгт. Шексна (здесь и далее в таблицах и рисунках по соц. опросу представлены средние значения по крупным и малым городам).
Ранжировано по малым городам.
Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.

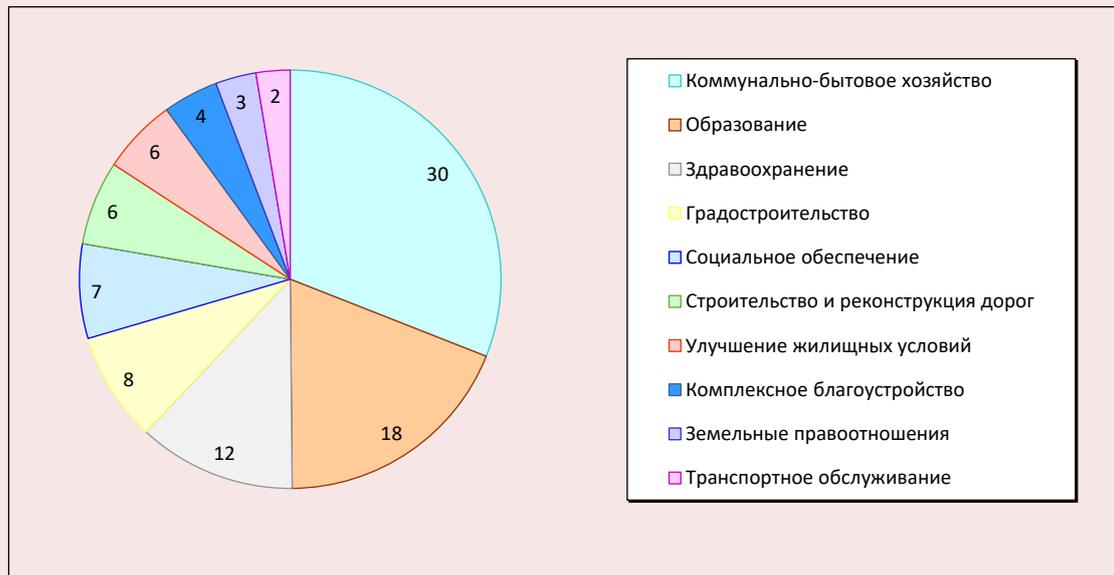
ных городов области. Высокое место в рейтинге проблем, отмеченных населением, занимает социальное неравенство, однако местным сообществом малых городов расслоение на «бедных» и «богатых» ощущается менее остро, чем в крупных муниципальных образованиях. Также различается отношение к проблемам экологии. Наиболее остро состояние окружающей среды воспринимается жителями крупных городов Вологодской области (33%), чем малых (22%). Следует отметить, что в отношении малых территорий актуален вопрос о создании условий для отдыха и проведения досуга (табл. 2).

Проблемы, волнующие местное сообщество, можно выявить, помимо социологических опросов, основываясь на обращениях граждан. По данным Департамента внутренней политики Вологодской области, осуществляющего мониторинг рассмотрения обращений граждан, в органы местного самоуправления в 2021 году населением области направлено 44,2 тыс. обращений. Поступившие запросы рассматриваются с учетом тематики поставленных в обращениях вопросов. Так, в 2021 году чаще всего граждане обращались по поводу проблем в сфере ЖКХ (30% от общего числа), образования (18%), здравоохранения (12%). Также местное сообщество обеспокоено вопросами, связанными с градостроительством, социальным обеспечением и состоянием дорог (рис. 2).

Таким образом, со стороны местного сообщества малых территорий формируется запрос на решение проблем в социальной сфере, обслуживающей базовые потребности населения. В то же время по характеру воздействия на отмеченные проблемы их решение преимущественно относится к прерогативе органов власти федерального центра, региона или местного самоуправления, в связи с чем возникает вопрос о готовности населения к вовлечению в процесс улучшения пространства для жизни и об определении тех проблем и лакун, в решение которых местное сообщество смогло бы внести посильный вклад. Исследование показало, что к числу основных проблем, которые могут быть успешно решены совместными усилиями людей, население как крупных, так и малых городов относит плохую экологию, загрязнение окружающей среды (23–25%) и низкий уровень жизни (22%).

Немаловажным индикатором, обуславливающим участие местного сообщества в развитии места проживания, выступает осознание ответственности, включающее определение основных субъектов процесса территориальных преобразований. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что в крупных городах заметно выше, чем в малых, доля тех, кто ответственность за их развитие возлагает на органы федеральной, региональной власти и местного самоуправления (61–44%). При этом ощущают

Рис. 2. Тематика обращений граждан, 2021 год, %

Источник: информация о рассмотрении обращений граждан, поступивших в Правительство Вологодской области и органы местного самоуправления в 2021 году.

собственную ответственность за состояние дел 34% опрошенных в крупных городах региона. Напротив, в малых городах местное сообщество в большей степени ориентировано на развитие территорий и осознает свою ответственность (52%). Роль федеральной, региональной власти и главы муниципального образования в представлениях жителей малых городов меньше, чем потенциальный вклад местного сообщества. Следует отметить, что в оценках населения бизнес практически не несет ответственности за развитие как малых, так и крупных городов (табл. 3).

Исходя из полученных данных можно сделать следующий вывод: согласно субъективным оценкам граждан выявляются два основных актора территориальных изменений – органы управления и местное сообщество. При этом выявлен высокий уровень ответственности за развитие своего населенного пункта у жителей малых городов, что, возможно, объясняется их позитивным отношением к месту проживания и локальной идентичностью. Более трети (35%) респондентов в малых городах отвечают «я рад, что живу здесь», в крупных городах такого мнения придерживаются только 23%, высказывают

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени зависит развитие Вашего места проживания?», %

Вариант ответа	Крупные города	Малые города
От органов местного самоуправления	61	53
От самих жителей	34	52
От органов государственной власти региона	59	41
От главы муниципального образования	37	40
От федеральных органов власти	44	39
От частного бизнеса	11	11
От общественных организаций	13	9

Ранжировано по малым городам.
Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.

равнодушие к месту проживания больше жители крупных городов, чем малых (рис. 3).

Согласно результатам исследования, население малых городов проявляет большую потенциальную готовность к объединению и коллективным действиям (общественная включенность) в целях решения проблем в месте проживания, чем местное сообщество крупных городов. На вопрос о личной заинтересованности (индивидуальная включенность) в совмест-

ной деятельности по решению общих вопросов 62% жителей малых территорий отметили: «конечно, я с теми, кто готов (а) объединяться» и «скорее я готов(а) объединяться», только незначительная доля (9%) отказывается от включения в общие практики развития территорий силами местного сообщества. В крупных городах потенциал объединения и гражданского участия среди местного сообщества значительно меньше (табл. 4).

Таблица 4. Потенциал включенности местного сообщества в развитие территорий и решение общих вопросов, %

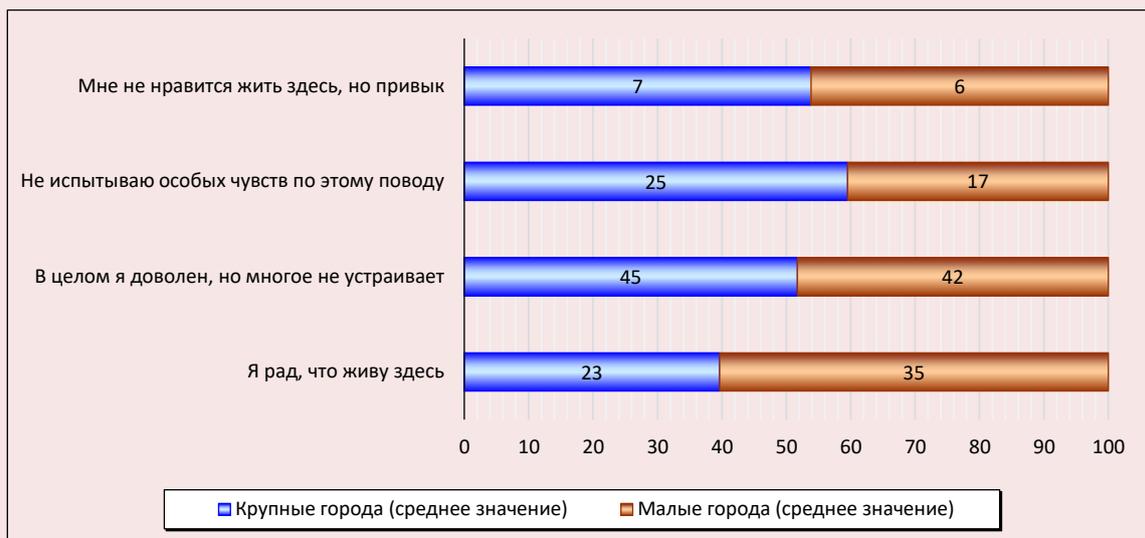
Потенциал общественной включенности (оценка окружения)*			Потенциал индивидуальной включенности (личная оценка)**		
Вариант ответа	Крупные города	Малые города	Вариант ответа	Крупные города	Малые города
Да	12	16	Конечно, я с теми, кто готов(а) объединяться	10	16
Скорее да	42	41	Скорее я готов(а) объединяться	37	46
Скорее нет	31	30	Скорее я не готов(а) объединяться	39	30
Нет	15	13	Я категорически не готов(а) объединяться	13	9

* Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, готовы ли люди из Вашего окружения объединиться для решения проблем в месте проживания?».

** Распределение ответов на вопрос «Есть люди, которые готовы объединяться с другими для совместных действий по решению общих вопросов, а есть те, которые предпочитают не объединяться с другими. К каким бы Вы отнесли себя?».

Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.

Рис. 3. Отношение населения крупных и малых городов Вологодской области к месту проживания, %

Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.

Большинство населения независимо от территории проживания не участвует в мероприятиях общественной жизни. Среднероссийские данные демонстрируют, что в общественные инициативы и в деятельность некоммерческих организаций вовлечена треть жителей страны⁵. Региональные измерения показали, что наблюдается более высокий уровень участия в инициативах местного сообщества малых территорий. Включенность граждан в практики самоорганизации составила 18% для крупных городов и 23% для малых. Почти по всем практикам доля участвующих в малых городах выше, чем в крупных. Более того, из предложенных 13 практик общественного участия у жителей малых городов наиболее востребованными были благотворительные акции, мероприятия благоустройства территорий по месту проживания и деятельность, направленная на взаимодействие с органами власти. Несколько реже отмечены институализированные формы участия в рамках деятельности некоммерческих

организаций и территориального общественного самоуправления (табл. 5).

Таким образом, в ходе эмпирического исследования выявлено довольно существенное противоречие. Несмотря на высокую потенциальную готовность жителей малых городов участвовать в решении общих вопросов, уровень реального участия оценивается как достаточно низкий. Это противоречие также отмечено и в исследованиях, выполненных на общероссийском уровне в разрезе малых городов (Черныш и др., 2020), и в авторских аналитических работах непосредственно по Вологодской области и регионам Северо-Западного федерального округа (Уханова, 2021). Значительно реже проблематика участия местных сообществ в формировании благоприятной среды для развития экономики и социальной сферы рассматривается в контексте сравнения малых и крупных городов, что вызывает интерес в ракурсе выявления территориальных особенностей.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных мероприятий Вы участвовали за последний год?», %

Вариант ответа	Крупные города	Малые города
Благотворительные акции (включая денежные пожертвования нуждающимся)	38	41
Общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству дома, собрания жильцов и т. п.)	41	35
Подписание обращений, петиций в органы власти	19	25
Публичные слушания, отчёты местной власти	10	23
Участие в самоуправлении домом, подъездом	29	23
Публичное обсуждение общественно значимых проблем (в коллективе, на собрании, сходе и т. п.)	13	22
Поддержка экологического движения / участие в нем (раздельный сбор мусора, сохранение зелёных насаждений, защита животных и т. п.)	26	20
Волонёрская работа	17	19
Публичные акции по поводу важных неполитических проблем (например, вырубка деревьев, строительство автостоянки, точечная застройка и т. п.)	12	18
Ликвидация последствий стихийных бедствий	9	18
Наблюдение за порядком (народные дружины и т. д.)	9	18
Деятельность некоммерческой (общественной) организации	7	17
Территориальное общественное самоуправление	6	17
Уровень участия (среднее значение по практикам)	18	23
Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.		

⁵ Доверять и участвовать: что граждане знают об НКО? Мониторинг состояния гражданского общества Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/presentations>

Для более четкого понимания препятствий к самоорганизации на уровне местных сообществ респондентам был задан соответствующий вопрос. Объединению людей друг с другом для решения общей проблемы в крупных городах региона в первую очередь мешает неверие в возможность что-то изменить. Второе и третье места в рейтинге препятствий занимают разобщенность людей и индивидуальные человеческие качества. В малых городах распределение «мотивов неучастия» выглядит иначе. Среди предложенного набора барьеров к совместным действиям, направленным на достижение общего блага, лидирующую позицию занимает вариант «отсутствие опыта совместной работы», затем идут «неуверенность в результатах своей деятельности» и «недостаточность ресурсов для решения той или иной проблемы». При этом наименее значимым оказалось препятствие, связанное с отсутствием членов сообщества, с которыми хотелось бы объединиться (табл. 6).

Полученные данные, на наш взгляд, можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, несмотря на осознание наличия проблем на территории проживания и непосредственно затрагивающих индивидуальное пространство повседневной жизни в малых населенных пунктах, поведение большинства населения не характеризуется реальными прояв-

лениями для поиска их решения, не используются возможности сформировавшихся практик участия на локальном уровне, но в то же время жители ориентированы на собственную ответственность за развитие территорий. Также положительный момент заключается в сравнительно высоком потенциале и установке на необходимость кооперации для решения общих проблем у жителей малых городов по отношению к тому же индикатору в крупных городах.

Во-вторых, предпосылка к повышению вовлеченности местного сообщества в формирование благоприятной среды для проживания состоит в том, что главным препятствием в малых городах выступает отсутствие опыта коллективной работы. При формировании необходимых институциональных условий для приобретения такого опыта, с учетом вышечисленных положительных моментов, можно ожидать увеличения уровня самоорганизации граждан для осуществления собственных инициатив по вопросам локального значения. В связи с этим важность приобретает формирование институциональных условий для коллективной деятельности местных сообществ, к которым относятся закрепленные в нормативной базе российского правового поля практики инициативного бюджетирования и проектной деятельности.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Что препятствует, на Ваш взгляд, объединению людей друг с другом для решения волнующей их проблемы?», %

Вариант ответа	Крупные города	Малые города
Отсутствие опыта коллективной работы	40	48
Неверие в возможность что-то изменить	66	47
Нехватка ресурсов (в том числе финансовых) для решения той или иной проблемы	36	44
Человеческие качества (лень, эгоизм и др.)	44	41
Разобщенность людей, все заняты своими делами	47	36
Люди просто не хотят делать что-то для других	23	32
Отсутствие поддержки со стороны региональных и местных органов власти	38	29
Отсутствие в населенном пункте лидеров, способных повести за собой	32	27
Можно воспользоваться тем, что сделали другие	14	26
Отсутствие информации об успехе у кого-то (в других городах)	17	20
Опасения оказаться в оппозиции к местной власти	24	16
Нет таких, с кем хотелось бы объединиться	11	10

Источник: данные социологического опроса, Вологодская область, 2021 год, N = 1550.

Механизмы участия местного сообщества в развитии территорий: инициативное бюджетирование (1) и проектная деятельность в рамках работы некоммерческих организаций (2)

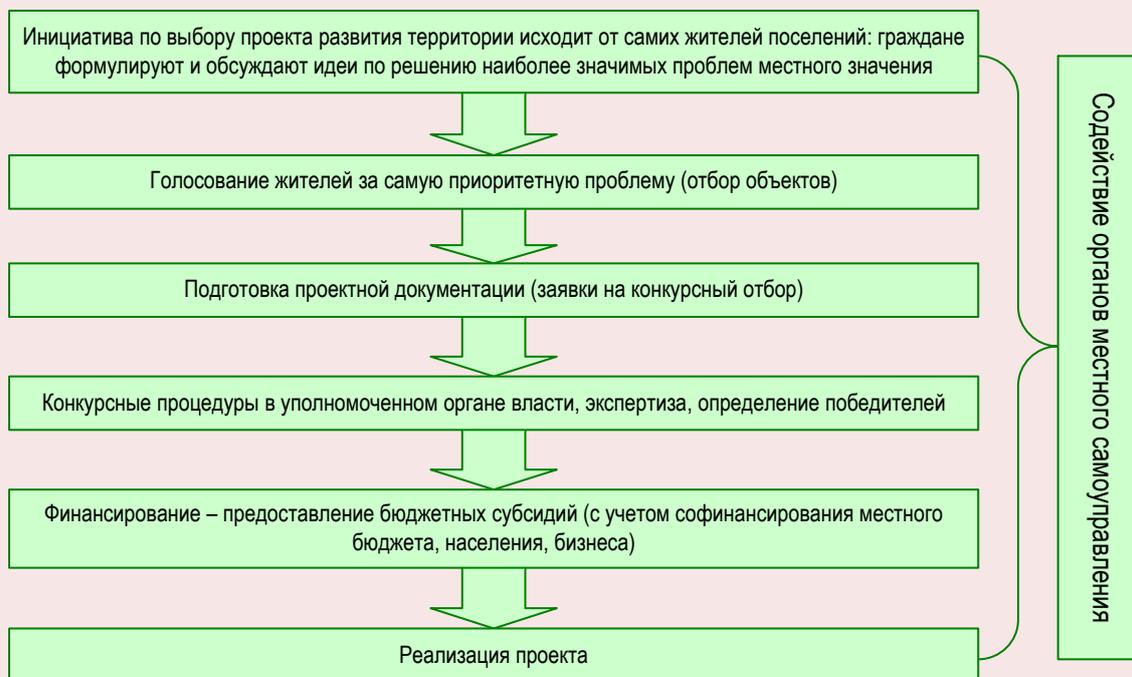
Особого внимания при рассмотрении участия местного сообщества в развитии территорий заслуживает вопрос о включенности граждан в бюджетный процесс в рамках проектов инициативного бюджетирования – механизма привлечения дополнительных финансовых ресурсов, направленных на решение вопросов местного значения при непосредственном участии населения той или иной территории. Как отмечают А.Н. Диденко и И.В. Бабичев, «решение проблем местного значения в инициативном бюджетировании сопровождается целым рядом дополнительных экономических, управленческих, социальных эффектов» (Диденко, Бабичев, 2023, с. 23). Так, управленческий эффект заключается в создании комфортных условий взаимодействия между органами местного самоуправления и локальным сообществом, повышении эффективности управления муниципальными финансами за счет вовлечения населения и бизнеса в

процессы принятия решений по их использованию. Экономический – в привлечении финансовых средств для развития территорий. Социальный эффект – готовность вложить личные ресурсы, конвертируемые в другие общественно значимые процессы, такие как увеличение социального капитала в местном сообществе, рост гражданской культуры, солидарности и локальной идентичности.

В России механизм инициативного бюджетирования применяется на федеральном (например, национальный проект «Жилье и городская среда» и входящий в него федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»; государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»), региональном (в Вологодской области «Народный бюджет») и местном уровнях.

Реализация инициативного бюджетирования в зависимости от нормативного регулирования в субъекте РФ видоизменяется. Однако в большинстве случаев процедура проходит на конкурсной основе с участием жителей и в общем виде алгоритм включает следующие действия (рис. 4).

Рис. 4. Алгоритм инициативного бюджетирования

Источник: составлено автором на основе анализа положений о процедурах инициативного бюджетирования.

По информации Министерства финансов РФ, основанной на анализе данных, поступивших из 75 регионов, существенно увеличилось число практик инициативного бюджетирования с 212 в 2020 году до 323 в 2021 году. Общее число применяемых практик, предусматривающих участие граждан в бюджетных решениях, возросло с 290 до 406. Следует отметить, что группа муниципальных практик демонстрирует наилучшую динамику: с 2018 по 2021 год их количество увеличилось более чем в три раза (с 91 до 274). В 2021 году Вологодская область вошла в число субъектов РФ, лидирующих в СЗФО по финансовому обеспечению проектов инициативного бюджетирования в зависимости от показателей доля средств, выделенных на проекты в региональном бюджете субъекта РФ, и бюджетная поддержка на одного жителя (табл. 7).

В Вологодской области практика инициативного бюджетирования осуществляется в рамках проекта «Народный бюджет», который действует в регионе с 2015 года и является частью государственной программы «Управление региональными финансами Вологодской области на 2021–2025 годы» (Подпрограмма 2 «Поддержание устойчивого исполнения местных бюджетов и повышение качества управления муниципальными финансами»). Реализация проекта предусматривает отбор инициатив жителей на условии софинансирования: из пожертвований граждан в размере не менее 5% от стоимости проекта; 25% из местного бюджета муниципальных образований или средств

бизнеса; 70% – субсидия из регионального бюджета. Основные направления – это благоустройство территорий, организация массового спорта, досуга и культурной жизни, решение проблем в сфере ЖКХ, связи и обеспечения общественного порядка⁶. По мнению С.Г. Жестянкина, «минимальное софинансирование от населения правильнее расценивать как вовлекающий механизм, способствующий погружению в процесс обсуждения и реализации проекта, а затем использования его результатов» (Жестянкин, 2021, с. 59).

Анализ показателей инициатив местных сообществ в рамках проекта «Народный бюджет» свидетельствует о значительном увеличении с 2017 по 2022 год объема субсидий регионального бюджета (более чем в 8 раз) на поддержку проектных идей жителей по улучшению условий проживания на малых территориях. Возможно, это связано с тем, что первоначально субсидирование инициатив населения за счет средств областного бюджета составляло 50%, начиная с 2020 года повысилось до 70% общей стоимости проекта. Позитивной, с точки зрения развития малых территорий, является тенденция роста количества участвующих в конкурсе поселений муниципальных образований в 1,4 раза с 2017 по 2022 год, особенно поселения стали активно вовлекаться в проект с 2019 года. В 2022 году на конкурс было заявлено 171 поселение из 179 образованных по административно-территориальному делению Вологодской области, т.е. проектом охвачен прак-

Таблица 7. Регионы-лидеры в СЗФО по финансовому обеспечению проектов инициативного бюджетирования (ИБ) в 2021 году

Субъект СЗФО	Количество практик ИБ	Доля средств на ИБ в бюджете субъекта РФ, %	Бюджетная поддержка ИБ на одного чел., руб.
Республика Карелия	3	0,65	711,95
Республика Коми	1	0,25	316,25
Вологодская область	1	0,27	256,86
Калининградская область	3	0,42	479,84
Новгородская область	6	0,88	721,32

Источник: Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2022 г. // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf

⁶ Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2022 год. URL: <https://kgzsb.gov35.ru/gosudarstvennaya-sluzhba>

Таблица 8. Динамика показателей инициатив местных сообществ в рамках проекта «Народный бюджет» в Вологодской области

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 к 2017, раз
Объем субсидий, предусмотренных в областном бюджете на реализацию проекта, млн руб.	48,8	59,6	88,7	156,5	305,8	405,8	8,3
Количество участвующих в конкурсе поселений	124	128	168	163	175	171	1,4
Количество участвующих в конкурсе муниципальных районов и округов	25	25	26	25	22	24	1,0
Количество победивших проектов	373	458	818	976	1472	1335	3,6
Доля жителей области, непосредственно вовлеченных в процесс решения вопросов местного значения муниципальных образований области в рамках реализации проекта «Народный бюджет», %	8,2	11,0	11,0	11,5	11,5	12,0	1,5
Источники: данные Департамента финансов Вологодской области «Бюджет для граждан»; Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2017–2022 гг.							

тически полный объем городских и сельских поселений, которые относятся к малым территориям региона. В процесс решения вопросов местного значения муниципальных образований в рамках реализации проекта «Народный бюджет» вовлечено 12% жителей области, прирост показателя за 2017–2022 гг. составил 1,5 раза (табл. 8).

Несмотря на положительную динамику реализации регионального проекта «Народный бюджет», в муниципальных образованиях Вологодской области самостоятельные практики инициативного бюджетирования не получили широкого распространения, что позволяет сделать вывод о необходимости формирования комплексного подхода к развитию этого механизма в регионе, включая внедрение муниципальных практик организации инициативного бюджетирования при финансировании из местных бюджетов с соответствующими нормативно-правовыми инструментами вовлечения граждан. В качестве практического кейса можно привести опыт Вологодского муниципального округа как одну из первых формирующихся практик муниципального инициативного бюджетирования в регионе. Так, с 2022 года в округе действует местный проект «Народное решение». По итогам 2022 года на реализацию народных инициатив из бюджета муниципалитета выделено более 9 млн руб. В проекте уча-

ствуют инициативы жителей преимущественно по благоустройству территорий, которые не прошли отбор на региональном уровне⁷.

Механизмом прямого участия сообществ в стимулировании новых видов деятельности и привлечении ресурсов на территорию является образование активными группами неправительственных некоммерческих организаций⁸ (Чернега, 2020). Характерная особенность формирования НКО состоит в том, что они создаются по инициативе граждан и предполагают интеграцию жителей для решения социальных проблем и получения общественных благ. Однако динамика числа НКО в провинциальных территориях Вологодской области отрицательна. Так, рост количества НКО характерен для крупных городов региона (+4%). Напротив, в районах (округах) и малых территориях диагностируется постепенное сокращение числа НКО: с 2020 по 2022 год на 6% (табл. 9).

⁷ Общественное участие как ресурс развития: опыт и перспективы реализации проектов инициативного бюджетирования в Вологодском муниципальном округе Вологодской области: материалы круглого стола. 23.03.2023. Государственная Дума РФ. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/12_ZhESTYaNNIKOV_SG.pdf

⁸ Общественные объединения, общественные организации, общественные движения, фонды и другие организационно-правовые формы некоммерческих организаций.

Таблица 9. Количество некоммерческих организаций по муниципальным образованиям, 2020–2022 гг., ед.

Тип территории	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 к 2020, %
Крупные города	1148	1153	1189	3,6
Малые территории	484	475	455	-6,0

Источник: расчеты автора по данным Доклада о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Вологодской области в 2022 году / В.В. Приятелев, О.В. Воскресенская; Общественная палата Вологодской области, Ресурсный центр НКО «Инициатива». Вологда, 2022.118 с.

Детализация по муниципальным районам и округам показывает, что сокращение НКО наблюдается в 16 из 26 муниципальных районов и округов. Положительной динамикой характеризуются только пять муниципалитетов⁹.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить один из факторов, влияющих на развитие НКО и, как следствие, инициатив местных сообществ: концентрация некоммерческих организаций в крупных экономически привлекательных центрах и сужение их представительства в малых городах и муниципалитетах. Выявлен высокий уровень территориальной дифференциации представительства некоммерческого сектора в рамках одного региона.

Тем не менее НКО являются активным актором деятельности на территории и выступают инструментом привлечения грантовых средств и агрегатором нефинансовых ресурсов, каналом артикуляции интересов (потребностей) местного сообщества. Данные организации привлекают федеральные средства на развитие малых территорий и решение проблем в социальной сфере, что доказывает открытая информация Фонда президентских грантов (ФПГ), осуществляющего поддержку некоммерческих неправительственных организаций, реализующих социальные проекты на конкурсной основе. В ходе исследования выявлено, что на малых территориях действует ограниченное число НКО, в связи с этим наблюдается значительный разрыв в объеме привлеченных средств, количестве проектов в пространственном распределении «крупный город – малые территории». Общая предоставленная сумма поддержки социаль-

ных проектов за 2017–2022 гг. в крупных городах региона составила 432,4 млн рублей, в малых территориях – 129,2 млн рублей. Однако по средней сумме на один поддержанный проект различия незначительные, что свидетельствует о реализации в малых населенных пунктах ресурсоемких инициатив местного сообщества в рамках деятельности некоммерческих организаций. Подробный анализ инициативных проектов, получивших финансовую поддержку Фонда, в разрезе малых территорий Вологодской области позволяет выделить лидера по привлеченным средствам. Некоммерческий сектор Тотемского муниципального округа за счет федерального конкурсного финансирования в 2017–2022 гг. реализовал 27 проектов на общую сумму 69,7 млн рублей. В 2022 году объем привлеченных средств в округ составил 26,9 млн рублей. За рассматриваемый период фиксируются положительные изменения как для малых городов, так и для крупных. В то же время, несмотря на положительные тенденции и рост, в динамике показателей наблюдается неустойчивость (*табл. 10*).

ФПГ осуществляет финансовую поддержку НКО по нескольким направлениям. Перечень направлений дает основания полагать, что такие организации обладают возможностями для решения широкого спектра социально-экономических проблем территорий и улучшения качества жизни населения. В малых территориях наибольшее число поддержанных проектов в рамках федерального финансирования нацелено на сохранение исторической памяти и социальную поддержку граждан. В крупных городах за исключением отмеченных к приоритетным относится решение проблем в сфере здоровья граждан (*табл. 11*).

Следует обратить внимание, что в перечне направлений, по которым ФПГ поддерживает некоммерческие организации, отсутствуют

⁹ Доклад о состоянии и развитии институтов гражданского общества в Вологодской области в 2022 году / В.В. Приятелев, О.В. Воскресенская; Общественная палата Вологодской области, Ресурсный центр НКО «Инициатива». Вологда, 2022.118 с.

Таблица 10. Динамика показателей участия некоммерческих организаций крупных городов и малых территорий Вологодской области в социально-проекторной деятельности Фонда президентских грантов, 2017–2022 гг.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Крупные города*						
Объем привлеченных средств, млн руб.	56,8	51,8	98,0	97,9	44,4	83,5
Количество поддержанных проектов, ед.	40	43	80	75	40	50
Средняя сумма на 1 проект, млн руб.	1,4	1,2	1,2	1,3	1,1	1,7
Малые территории**						
Объем привлеченных средств, млн руб.	6,9	17,2	31,6	22,7	14,2	36,6
Количество поддержанных проектов, ед.	8	15	17	21	12	15
Средняя сумма на 1 проект, млн руб.	0,9	1,2	1,9	1,1	1,2	2,4

* г. Вологда и г. Череповец.
 ** Округа и муниципальные районы Вологодской области.
 Отбор проектов-победителей производился по заданным фильтрам: регион, муниципальное образование, дата – январь – декабрь соответствующего года.
 Источник: расчеты автора по данным Фонда президентских грантов (URL: президентскиегранты.рф) по всем конкурсам, проведенным Фондом президентских грантов со дня начала его работы 3 апреля 2017 г.

Таблица 11. Направления поддержанных проектов неправительственных некоммерческих организаций Вологодской области (Фонд президентских грантов), 2017–2022 гг., %

Направление	Крупные города	Малые территории
Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия	0,3	1,6
Сохранение исторической памяти	16,4	18,1
Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни	16,7	11,0
Поддержка проектов в области культуры и искусства	4,9	10,2
Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства	15,1	4,7
Охрана окружающей среды и защита животных	5,9	13,4
Поддержка молодежных проектов	1,9	14,2
Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников	0,9	0,0
Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан	20,7	19,7
Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения	9,9	3,1
Развитие институтов гражданского общества	4,9	3,1
Защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных	2,5	0,8
Итого:	100,0	100,0

Источник: расчеты автора по данным Фонда президентских грантов. URL: президентскиегранты.рф

благоустройство территорий и создание комфортной среды для проживания. Однако содержательный анализ проектов показывает, что инициативы по благоустройству и созданию туристической привлекательности малых территорий реализуются в рамках самого поддерживаемого направления – сохранение исторической памяти.

Таким образом, механизм социокультурного проектирования в рамках деятельности некоммерческих организаций направлен на вовлечение активной части местного сообщества в

практики по развитию малых территорий. При этом необходимо отметить, что исследование выявило сокращение числа НКО и их небольшое количество в малых территориях, а также незначительный уровень участия населения в целом. Можно предположить, что при поступательном и устойчивом развитии некоммерческого сектора увеличится доля общественно значимых проектов с привлечением неактивных групп местного сообщества и их вклад в решение проблем социальной сферы, определенных нами на первом этапе исследования.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о значимости проблематики, связанной с развитием малых территорий и участием в этом процессе местного сообщества, особенно в условиях ограниченных бюджетных возможностей и ресурсов на решение социальных проблем и удовлетворение потребностей населения.

В соответствии с целью исследования выделены особенности, характерные для местного сообщества малых городов, посредством сравнения с крупными населенными пунктами на основе массива данных социологического опроса. В малых городах местное сообщество в большей степени ориентировано на развитие территорий и осознает свою ответственность, чем в крупных городах региона. Выявлены более высокий потенциал и уровень участия в инициативах у местного сообщества малых территорий. Почти по всем практикам доля участвующих в малых городах выше, чем в крупных. Определено, что значимым барьером к вовлечению населения в процессы решения проблем места проживания выступает отсутствие опыта коллективной работы. Субъективные оценки показали, что основными акторами территориальных изменений являются органы управления и местное сообщество, а бизнес практически не несет ответственности за развитие территорий.

В качестве перспективных направлений в преодолении этих барьеров рассматриваются институализированные механизмы участия местного сообщества в развитии территорий: инициативное бюджетирование и проектная деятельность в рамках работы некоммерческих организаций.

Рассмотрение итогов реализации практики инициативного бюджетирования в Вологод-

ской области «Народный бюджет» свидетельствует о положительной динамике показателей: проектом охвачены практически все основные вопросы местного значения поселенческого уровня, однако приоритет остается за благоустройством территорий; увеличивается количество участвующих поселений и проектов, получивших поддержку; наблюдается рост суммы субсидий из регионального бюджета; повышается доля жителей Вологодской области, вовлеченных в процесс.

Установлено, что внутри региона существует определенная диспропорция относительно представительства некоммерческих организаций, выступающих объединяющим каналом для деятельности местного сообщества в направлении развития территорий: концентрация в крупных городах и сужение их представительства в малых городах и муниципалитетах. Однако выявлено, что механизм проектной деятельности НКО является дополнительной возможностью привлечения финансовых ресурсов на внебюджетной основе в социальную сферу малых территорий с участием местного сообщества, а эффект подобной деятельности позволит закрыть часть проблем развития этих территорий. Потенциальный социальный эффект от такого механизма — вовлечение широкого круга местных жителей в проекты по созданию благоприятной среды и комфортных условий жизни.

Дальнейший план исследований включает углубленный анализ факторов, барьеров и перспектив участия местного сообщества в преодолении социальных противоречий и развитии своих малых территорий, а также разработку методики типологизации малых городов и сел в зависимости от наличия социальных проблем и степени развития общественного потенциала.

Литература

- Аксенова О.В. (2015). Традиции развития в российской провинции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. № 1 (14). С. 75–79.
- Бабун Р.В. (2017). Местное самоуправление России на новом этапе муниципального строительства // ЭКО. № 3 (513). С. 60–77.
- Бухвальд Е.М., Печенская М.А. (2017). Возможности местных бюджетов при реализации муниципальных стратегий развития // Проблемы развития территории. № 4 (90). С. 37–50.
- Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019). Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: доклад. М.: Институт экономики РАН. 30 с.

- Ворошилов Н.В. (2021). Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России // Проблемы развития территории. № 25 (5). С. 105–124.
- Диденко А.Н., Бабичев И.В. (2023). Нормативные и социально-экономические условия формирования межсекторного взаимодействия (местные сообщества – бизнес – муниципалитет – государство – научные и экспертные сообщества) на региональном и муниципальном уровнях как технологии комплексного и устойчивого развития территории и повышения ее человеческого потенциала // Местное право. № 2. С. 3–32.
- Жестянников С.Г. (2021). Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 52–67. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.3
- Кузнецов С.В., Чернышева Е.А. (2012). Проблемы устойчивого развития малых городов Российской Федерации // Экономика и управление. № 4 (78). С. 123–126.
- Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. (2021). Местное самоуправление в российских малых городах: модели развития (на примере Тверской области) // Урбанистика. № 1. С. 1–17.
- Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю. (2019). Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. № 4 (33). С. 46–55.
- Черныш М.Ф., Маркин В.В. [и др.]. (2020). Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: [монография] / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 523 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020
- Парк Р., Николаев В. (2006). Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. № 1. С. 11–18.
- Позаненко А.А. (2015). Последствия укрупнения сельских поселений: взгляд снизу // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 168–184.
- Пясецкая Е.Н. (2015). Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Концепт. № 9. С. 61–65.
- Рогащ О.В. (2019). Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. № 9. С. 25–39.
- Секушина И.А. (2020). Состояние жилищной сферы и качество городской среды в малых и средних городах (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 2. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.2 URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28522>
- Смолева Е.О. (2021). Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиитуализация или институционализация «сверху» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14
- Титаренко И.Н. (2020). Сохранение культурного наследия исторических поселений в России: история и современные проблемы // Вестник Томского государственного университета. № 450. С. 177–184.
- Тыканова Е.В., Хохлова А.М. (2014). Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. № 2. С. 104–122.
- Уханова Ю.В. (2021). Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
- Уханова Ю.В. (2022). Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: ВолНИЦ РАН. 255 с.
- Уханова Ю.В. (2023). Межсекторное социальное партнерство как основа развития малых территорий: возможности и риски // Местное право. № 2. С. 33–43.
- Халий И.А. (2008). Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // Власть. № 5. С. 19–26.
- Чернега А.А. (2020). «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. № 23 (3). С. 51–77. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3
- Шагалов И.Л., Рубин А.Ю. (2019). Территориальное общественное самоуправление: предпосылки, функции, оценка // Вопросы экономики. № 5. С. 103–121.

- Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. (2018). Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 94–104.
- Azevedo L., Bell A., Medina P. (2022) Community foundations provide collaborative responses and local leadership in midst of COVID-19. *Nonprofit Management and Leadership*, 32(3), 475–485. DOI: 10.1002/nml.21490
- Etzioni A. (1995). *Rights and the Common Good: The Communitarian Perspective*. Wadsworth Publishing Company.
- Funnell S., Rogers P. (2011). Purposeful program theory: Effective use of theories of change and logic models. *Management Review*, 35(2), 281–302.
- Leping Y., Hon L. (2019). How social ties contribute to collective actions on social media: A social capital approach. *Public Relations Review*, 45(4). Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S036381118302650>. DOI: 45. 10.1016/j.pubrev.2019.04.005
- Manzo L.C., Perkins D.D. (2006). Finding common ground: The importance of place attachment to community participation and planning. *Journal of Planning Literature*, 20(4), 335–350. DOI: 10.1177/0885412205286160
- McKnight M., Sanders S., Benjamin G., Brown R. (2016). Communities of place? New evidence for the role of distance and population size in community attachment. *Rural Sociology*, 82(2). Available at: https://www.researchgate.net/publication/306388473_Communities_of_Place_New_Evidence_for_the_Role_of_Distance_and_Population_Size_in_Community_Attachment. DOI:10.1111/ruso.12123
- Moallemi E.A., de Haan F.J., Hadjidakou M. et al. (2021). Evaluating participatory modeling methods for co-creating pathways to sustainability. *Earth's Future*, 9(3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/349117329_Evaluating_Participatory_Modeling_Methods_for_Co-creating_Pathways_to_Sustainability
- Msila V. (2013). Evaluation of programs: Reading Carol Weiss. *Universal Journal of Educational Research*, 1, 324–327.
- Paricio-Esteban P., Bruno-Carlos T., Alonso-Romero E., García-Alcober M.P. (2020). Transparency websites and portals for citizen participation in the management of public relations with local stakeholders. *Information Professional*, 29(3). DOI: 10.3145/epi.2020.may.35
- Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A. (2008). Participatory budgeting in Europe: Potentials and challenges. *International Journal of Urban and Regional Research*, 32(1), 164–178. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2008.00777.x
- Staples L. (2012). Community organizing for social justice: Grassroots groups for power. *Social Work with Groups*, 35, 287–296. DOI: 10.1080/01609513.2012.656233
- Zhang Y., Liao Y. (2011). Participatory budgeting in local government. *Public Performance & Management Review*, 35, 2, 281–302.

Сведения об авторе

Ксения Евгеньевна Косыгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Kosygina K.E.

The Role of Local Communities in the Development of Small Territories

Abstract. The paper studies the participation of local communities in the development of small territories and the conditions that increase public involvement in the processes of spatial development at the local level. We apply a socio-spatial approach to study local communities combined with an action-activist concept to spatial development. In the theoretical part, we consider the main approaches to the study of local communities and their role in the territories' development. We define the basic characteristics of the local community: social community; a common space, place; common interests, living conditions; ties, interaction. We provide the mechanisms of local community's participation in the development of territories. The empirical part of the study is based on data from the opinion poll, conducted in two large cities and five small ones of the Vologda Oblast in 2021 (N=1550). We consider the average values for

large and small cities and compare the indicators of the local community's participation in the development of territories to reveal the features of this process. According to subjective estimates, we find that the main actors of territorial changes are the governing bodies and the local community, while business is practically not responsible for the development of the territories in which it operates. In small cities, compared to large cities, the local community is more focused on the development of territories and is aware of its responsibility. The local community shows a higher potential and level of participation in initiatives. In almost all practices, the share of participants in small cities is higher than in large cities. We determine that a lack of teamwork experience hinders community engagement in spatial development issues. As promising areas, we consider institutionalized mechanisms of local community participation in territories' development, such as participatory budgeting and project activities as part of the work of non-profit organizations.

Key words: local communities, small territories, large city, development, social issues, participatory budgeting, non-profit organizations.

Information about the Author

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Статья поступила 20.07.2023.

Привлечение в вузы образовательных мигрантов: обзор институциональных ресурсов

**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

**Екатерина Николаевна
ВАСИЛЬЕВА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: vasilevaen@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0460-5539

Аннотация. Представлен обзор ключевых институциональных ресурсов для привлечения образовательных мигрантов, в том числе соотечественников, в российские вузы. Теоретической базой послужили российские и зарубежные работы по теории образовательной миграции и адаптации иностранных студентов. Выявлено, что исследований, оценивающих институциональные ресурсы для привлечения образовательных мигрантов в вузы, недостаточно. В качестве основной причины этого названо встраивание работы с иностранными студентами в вузах в концепцию «мягкой силы». Новизна исследования состоит в попытке авторов заполнить указанный пробел, осуществить обзор институциональных ресурсов для привлечения образовательных мигрантов в вузы, систематизировать данные теоретических и эмпирических исследований. Отражена и

Для цитирования: Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2023). Привлечение в вузы образовательных мигрантов: обзор институциональных ресурсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 230–246. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.13

For citation: Rostovskaya T.K., Vasileva E.N. (2023). Attracting educational migrants to universities: An overview of institutional resources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 230–246. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.13

практическая сторона проблемы: статистические показатели из разных российских источников по образовательной миграции и добровольному переселению соотечественников в Россию представлены фрагментарно, что затрудняет их сопоставление. Методом качественного анализа открытых для изучения документов получены данные, позволившие осуществить обзор основных институциональных ресурсов российских вузов по привлечению образовательных мигрантов, в том числе соотечественников. Рассмотрено, какие ресурсы российских вузов в работе с иностранными студентами могут трактоваться как «притягивающие» факторы; есть ли специальные инструменты работы с иностранными студентами из стран СНГ и/или соотечественниками. Сделаны выводы о недостаточной проработанности в российских вузах стратегий привлечения молодых соотечественников (русофонов) к образовательной миграции. Вузы не выделяют данную категорию абитуриентов в отдельную группу, что способствовало бы оптимизации управленческих решений, ориентированных на развитие миграционной, демографической и образовательной политики. Указанные обстоятельства актуализируют необходимость оптимизации институциональных ресурсов и управленческих решений в отношении привлечения русофонов в вузы России.

Ключевые слова: образовательная миграция, соотечественники, русофоны, вуз, демографическая политика, миграционная политика.

Благодарность

Публикация выполнена в рамках проекта № 060508-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Введение

Демографическое развитие России в настоящее время зависит не только от репродуктивного поведения россиян, государственных мер поддержки российских семей, но и от миграционной политики. По данным Росстата (пересчитаны с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 года, приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям)¹, численность населения страны на 1 января 2022 года составляла 147,0 млн человек, а на 1 января 2023 года — 146,4 млн человек. Изменения численности за 2022–2023 гг. обусловлены отрицательным естественным (-594557 чел.) и положительным миграционным (61920 чел.) приростом населения. Государственная миграционная политика дифференцирована в зависимости от потоков миграции, в каждом случае (внешняя, внутренняя, возвратная (Рязанцев и др., 2015), трудовая, об-

разовательная и др.) разрабатываются специальные инструменты регуляции и снижения социальных рисков.

В контексте демографического развития перспективным направлением государственной политики является стимулирование добровольного переселения соотечественников в Россию, особенно русскоязычных (русофонов), т. к. отсутствие языковых барьеров будет благоприятно влиять на адаптацию в принимающем сообществе. В Федеральном законе от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»² и Указе Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»³ закреплено понятие «соотечественники». Установлено, что право получить российское гражданство имеют все рожден-

¹ URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781; OkPopul_Comp_2023_Site

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875>

³ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937>

ные в Российском государстве, Российской республике, РСФСР, СССР и Российской Федерации, а также их потомки, т. к. данные категории культурно и исторически близки россиянам.

Наибольшее количество соотечественников проживает в странах СНГ (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина), но доля среди них русофонов различна и зависит от статуса русского языка в стране. Г.И. Осадчая, О.А. Волкова, Т.Н. Юдина, А.А. Кочербаева (Osadchaya et al., 2023) предлагают классифицировать степень адаптации мигрантов (на примере кыргызских женщин) в российском обществе: устойчиво адаптированные; неустойчиво адаптированные; неустойчиво дезадаптированные; устойчиво дезадаптированные. Интересен вывод исследователей – чем выше степень адаптации, тем большая часть мигрантов хотела бы остаться жить в России.

В интерпретации понятия «адаптация» мы будем опираться на подход W. Searle, C. Ward (Searle, Ward, 1990), которые указывают, что развитие межкультурных исследований сопряжено с прояснением использования терминов «аккомодация», «аккультурация», «приспособление» и «адаптация». В итоге именно термин «адаптация» стал широко применяться для изучения межкультурного опыта людей. Адаптация в кросс-культурной среде – это поведенческое и когнитивное обучение в процессе социального и культурного взаимодействия человека с новой средой, в результате которого формируются психологическое благополучие и социокультурная компетентность в противовес депрессии, социальным трудностям, развивающимся, если снижено количество и качество социальных коммуникаций и увеличена социальная дистанция между акторами.

Для повышения адаптивности мигрантов необходимо формировать условия, что легче всего осуществить, если использовать ресурсы образовательной миграции, т. к. за время обучения в вузе интеграция акторов в принима-

ющее сообщество протекает мягче (это обусловлено возрастом обучающихся и активной работой вузов с иностранными студентами). Длительное проживание иностранных студентов из числа соотечественников в российских городах может способствовать принятию взвешенного решения о получении российского гражданства. Следует комплексно решать проблемы, которые могут возникать у иностранных студентов в российских вузах, совершенствовать программы включения в социум. Нами образовательная миграция иностранных абитуриентов из числа соотечественников рассматривается как ресурс демографического развития России.

Цель работы заключается в проведении обзора основных ресурсов российских вузов по привлечению образовательных мигрантов, в том числе соотечественников. Объект исследования – образовательная миграция. Предмет исследования – институциональные ресурсы российских вузов, используемые для привлечения образовательных мигрантов, включая русскоязычных соотечественников (русофонов). В контексте демографического развития важно выявить, какие институциональные ресурсы сформированы и способствуют принятию иностранными абитуриентами решения об образовательной миграции в Россию, т. к. именно знание о том, что препятствует и способствует миграции, позволяет разрабатывать обоснованные управленческие решения.

Научные подходы по теме исследования

Э. Ли разделяет факторы, влияющие на миграцию, на две группы: «выталкивающие» (из страны проживания, побуждающие покинуть страну происхождения) и «притягивающие» (определяющие выбор страны для миграции). Уточняется, что принятие окончательного решения – это поиск баланса между разнообразными условиями, положительными, негативными и нейтральными, наблюдаемыми в странах проживания и миграции (Lee, 1966). Теория Э. Ли разработана для объяснения потоков трудовой миграции, но может применяться и для понимания выбора вуза и образовательной миграции. Например, уровень образования в вузах, перспективы трудоустройства у выпуск-

ников разных вузов, стоимость образования или возможность бесплатного обучения, прозрачность процедур взаимодействия с миграционными службами, рейтинг вузов в ведущих рейтинговых агентствах, язык обучения и др. выступают выталкивающими или притягивающими факторами. На этом основании миграционные потоки абитуриентов могут двигаться из одних стран в другие.

В концепции Э. Ли оцениваются внешние факторы и социально-экономические условия труда на родине и за рубежом. В отношении трудовых мигрантов Э. Ли предостерегает от упрощенного суммирования факторов при выявлении причин миграции, т. к. акторы не любят покидать привычные места и субъективно оценивают позитивные и негативные факторы. В отношении образовательной миграции также необходимо отказаться от упрощений, но принять во внимание, что выпускники школ менее привязаны к привычному месту, т. к. могут стремиться к сепарации от родительской семьи, еще не связаны брачными узами, находятся в ситуации, когда привычное окружение — сверстники — также покидают привычные места. Таким образом, абитуриенты готовы к ситуации изменения привычного образа жизни, а соотечественники русофоны могут стремиться к получению образования на русском языке.

Перспективной для исследования является теория V. Chirkov, M. Vansteenkiste, R. Tao, M. Lynch (Chirkov et al., 2007). Авторы выделили два мотивационных фактора, влияющих на решение абитуриентов учиться за рубежом: «фактор сохранения» (цель — предотвращение невыгодных условий проживания в своей стране) и «фактор саморазвития» (цель — получить образование и остаться строить карьеру за рубежом) и рассматривают внутреннюю мотивацию, психологию акторов.

Общетеоретическую схему объяснения мотивов к миграции предлагает Л.Л. Рыбаковский (Рыбаковский, 2017): необходимо различать факторы миграции как объективные условия и причины миграции как объяснение последующей реакции акторов на изменения, обусловленные факторами. В этом случае факторы

предшествуют причинам, однако, когда речь идет о добровольном переселении русофонов в Российскую Федерацию, причины могут стать более существенными, чем социально-экономические, политические факторы.

Образовательную миграцию как отдельную категорию миграции рассматривали И.А. Бронников (Суворова, Бронников, 2019), Т.К. Ростовская, М.И. Скоробогатова (Ростовская, Скоробогатова, 2021), С.В. Рязанцев (Рязанцев, 2019; Рязанцев и др., 2021), В.М. Филиппов (Филиппов, 2015). В рамках этих исследований в понятие образовательной миграции вкладывался смысл, предопределенный целями и задачами исследований. Обобщающим определением понятия «миграционная образовательная политика» можно считать следующее — это «комплекс мер по обеспечению эффективного привлечения профессионалов из-за рубежа, сдерживанию выезда квалифицированных кадров из страны, репатриации мигрантов, созданию системы национальных образовательных программ по поддержке зарубежного обучения, а также разработке совместных меж-университетских программ с целью повышения репутации региона в области образовательных услуг» (Ростовская и др., 2021).

Зарубежные исследования образовательной миграции ведутся очень интенсивно, особенно в Великобритании и США, где образовательная миграция реализуется в соответствии с концепцией «мягкой силы» (Nye, 1990). «Мягкая сила», по сути, является стратегией использования технологий адаптации акторов с целью их интеграции в принимающее сообщество, что в некоторых случаях сопряжено с трансформацией ценностей акторов. Однако цель «мягкой силы» не в том, чтобы итогом адаптации стала смена гражданства, а в том, чтобы акторы вернулись на родину и способствовали продвижению идей, принятых в период получения образования. Ресурсам российских вузов по привлечению образовательных мигрантов и адаптации иностранных студентов в рамках реализации стратегии «мягкой силы» посвящены работы I. Vershinina, A. Kurbanov, N. Panich (Vershinina et al., 2016), С.Ю. Болдыревой, Р.Ю. Болдырева, Н.Н. Белошицкой

(Boldyreva et al., 2020). Актуальны и российские исследования международной мобильности в условиях интернационализации, анализирующие влияние академического обмена на развитие человеческого капитала (Егорычев, Ростовская, 2021; Закирова, Харитоновна, 2022; Ростовская, Золотарева, 2021).

В соответствии с отчетом Института политики высшего образования (HEPI)⁴ за 2022 год, США и Великобритания занимают лидирующие позиции по привлечению иностранных студентов. В отчете представлены данные, показывающие, что США сохраняет лидерство с 2017 года. Инструменты «мягкой силы» используются с целью привлечения самых амбициозных абитуриентов в образовательные учреждения ведущих университетов, т. к. именно абитуриенты с высоким уровнем притязаний становятся в своих странах политическими лидерами и проводниками новых ценностей (возможно, некоторые страны используют скрытые механизмы продвижения таких выпускников в политические лидеры). Согласно указанному отчету, на 2022 год 67 мировых лидеров получили образование в США; 55 — в Великобритании; 31 — во Франции; 10 — в России; 9 — в Австралии; на 2020 год 62 мировых лидера получили образование в США; 57 — в Великобритании; 35 — во Франции; 10 — в России. Россия занимает четвертое место по обучению политических лидеров, а США продвинулось в рейтинге с 2020 года (+5).

Дополним информацию данными Project Atlas⁵, которые собираются международной исследовательской группой и фиксируют показатели студенческой мобильности, академической миграции и интернационали-

зации высшего образования. По данным за 2022 год в России учатся 351127 иностранных студентов, в основном из следующих стран: Казахстан — 62358 чел.; Китай — 39939 чел.; Узбекистан — 39825 чел.; Туркменистан — 36773 чел.; Таджикистан — 20251 чел.; Индия — 18536 чел.; Украина — 11123 чел.; Египет — 10535 чел.; Беларусь — 9769 чел.; Азербайджан — 7987 чел. Наиболее распространенные направления подготовки: медицинские — 72029 чел.; инженерные — 75542 чел.; экономика и управление — 60695 чел.; педагогические — 30849 чел.; гуманитарные — 19021 чел. В глобальном рейтинге, составленном Project Atlas, Россия занимает шестое место по количеству иностранных студентов, после США — 948519 чел.; Великобритании — 633915 чел.; Канады — 552580 чел.; Франции — 364756 чел., Австралии — 363859 чел.

К сожалению, получить полную картину образовательной миграции молодых соотечественников в Россию, опираясь на открытые данные, сложно. Некоторые выводы можно сделать при интерпретации следующей информации:

- сведения о въезде иностранных граждан в РФ по целям визита, если выбрать в конструкторе ЕМИСС цель — учеба (*табл. 1*);

- данные Министерства внутренних дел Российской Федерации по результатам мониторингов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (*табл. 2*);

- сведения, предоставляемые вузами в отчетах о контингенте и об образовательной миграции; сбор данных координируется Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Таким образом, международные статистические данные показывают, что интерес к российскому образованию на рынке образовательных услуг высок. В то же время данные российской статистики недостаточны для формулировки обоснованных выводов. Попробуем выявить основные ресурсы привлечения и адаптации иностранных абитуриентов, опираясь, во-первых,

⁴ Hillman N. HEPI Soft-Power Index: UK slips further behind the US for the fifth year running. Available at: <https://www.hepi.ac.uk/2022/08/22/2022-hepi-soft-power-index-uk-slips-further-behind-the-us-for-the-fifth-year-running/> (accessed: September 4, 2023); Hillman N. HEPI's Annual Soft-Power Ranking, 2020: The UK slips further behind the US (August 27, 2020). Available at: <https://www.hepi.ac.uk/2020/08/27/hepi-annual-soft-power-ranking-2020-the-uk-slips-further-behind-the-us-2/> (accessed: May 4, 2023).

⁵ Project Atlas. Available at: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-global-data/> (accessed: September 4, 2023).

Таблица 1. Данные о въезде иностранных граждан в РФ (цель визита – учеба), чел.

Страна	2019				2020				2021				2022			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Республика Азербайджан	2344	1692	4272	2965	2845	0	177	62	326	857	3684	1634	1491	776	3959	1609
Республика Армения	2050	1433	5133	1620	1823	0	292	35	1118	1437	4781	1880	1548	1076	4951	1537
Республика Беларусь	114	117	179	113	113	0	0	1	4	18	78	75	83	47	66	96
Республика Казахстан	36204	23102	37229	22223	38467	0	864	2700	5459	12979	44 224	24125	26378	14448	32017	14422
Киргизская Республика	4916	3446	13665	4212	4917	0	469	1465	2037	3402	13342	6409	4751	4620	20130	6195
Республика Молдова	3098	2062	5094	1543	2786	0	3	2	7	137	1117	571	726	174	653	300
Республика Таджикистан	6422	5055	25640	6623	6585	0	223	18	58	3013	23701	10499	7643	8840	41148	13132
Туркменистан	4156	1659	9922	3076	3798	0	12	18	43	30	184	572	402	141	2241	4693
Республика Узбекистан	7927	6101	22549	6610	9093	0	115	59	102	5982	21411	9273	8284	7063	28440	9672
Украина	8340	5359	7905	4567	6605	0	14	10	23	228	1859	860	849	268	1379	195
Итого	75571	50026	131588	53552	77032	0	2169	4370	9177	28083	114381	55898	52155	37453	134984	51651

Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения 04.05.2023).

Таблица 2. Данные мониторингов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; на территориях вселения субъектов Российской Федерации за 2018–2022 гг.

Год	2018				2019				2020				2021				2022			
	I	II	III	IV																
Квартал	16,7	17,6	17,7	19,0	15,5	15,8	16,9	16,8	12,0	5,1	8,9	12,2	10,0	10,7	11,4	11,9	10,2	12,1	11,5	6,5
Принято заявлений, тыс.	38,3	41,4	42,0	44,5	35,9	37,5	39,7	40,1	28,6	11,0	20,4	30,8	25,2	27,6	29,0	31,3	27,4	34,2	33,0	18,1
Включено в заявления человек, тыс.	53,0	54,0	57,0	52,0	52,0	48,9	54,5	50,3	45,6	10,9	25,2	46,4	47,5	50,8	60,3	60,1	63,9	67,3	73,3	68,1
Из них принято заявлений за рубежом, %	47,0	46,0	43,0	48,0	48,0	51,1	45,5	49,7	54,4	89,1	74,8	53,6	52,5	49,2	39,7	39,9	36,1	32,7	26,7	31,9
На территории РФ, %	11,4	13,6	13,9	14,5	11,8	13,5	13,6	15,0	10,2	5,7	6,2	10,6	8,2	8,8	9,4	10,0	8,6	9,8	10,3	7,2
Оформлено свидетельств участника Государственной программы, тыс.	27,0	31,6	33,0	33,5	28,0	31,7	32,4	35,1	24,6	12,8	13,2	26,3	21,1	22,9	24,1	25,6	23,3	26,8	30,3	19,9
Включено человек в свидетельства, тыс.	48,0	51,0	56,0	52,0	51,0	50,4	53,2	51,6	49,5	19,6	15,6	47,6	49,5	50,1	61,0	61,1	61,9	67,2	72,2	69,3
Из них за рубежом, %	52,0	49,0	44,0	48,0	49,0	49,6	46,8	48,4	50,5	80,4	84,4	52,4	50,5	49,9	39,0	38,9	38,1	32,8	27,8	30,7
На территории РФ, %	24,2	27,1	30,9	25,5	23,9	28,0	31,0	25,7	19,9	9,5	16,8	15,7	15,7	19,2	25,3	18,3	15,7	16,9	20,0	12,2
Прибыло и поставлено на учёт в подразделениях по вопросам миграции ТО МВД России, тыс. чел.																				

Составлено по: данные Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--pta1/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvvm/com patriots/monitoring (дата обращения 04.05.2023).

на концепцию Э. Ли, позволяющую анализировать различные факторы миграции – «выталкивающие» и «притягивающие»; во-вторых, на концепцию Л.Л. Рыбаковского, систематизирующую социальные процессы, влияющие на миграцию, т. к. анализ факторов и условий является основой развития ресурсов поддержки иностранных студентов; в-третьих, на концепцию «мягкой силы» и, наконец, на исследования стратегий адаптации студентов к принимающему сообществу.

Институциональные ресурсы привлечения и адаптации образовательных мигрантов в зарубежных вузах

О повышенном интересе к проблемам адаптации иностранных студентов свидетельствует динамика количества публикаций в международной базе ScienceDirect (поиск осуществлялся по ключевым словам «adaptation of international students»; доступ по ссылке <https://www.sciencedirect.com/>); за период 2000–2022 гг. в базе представлено 57007 работ (рисунок).

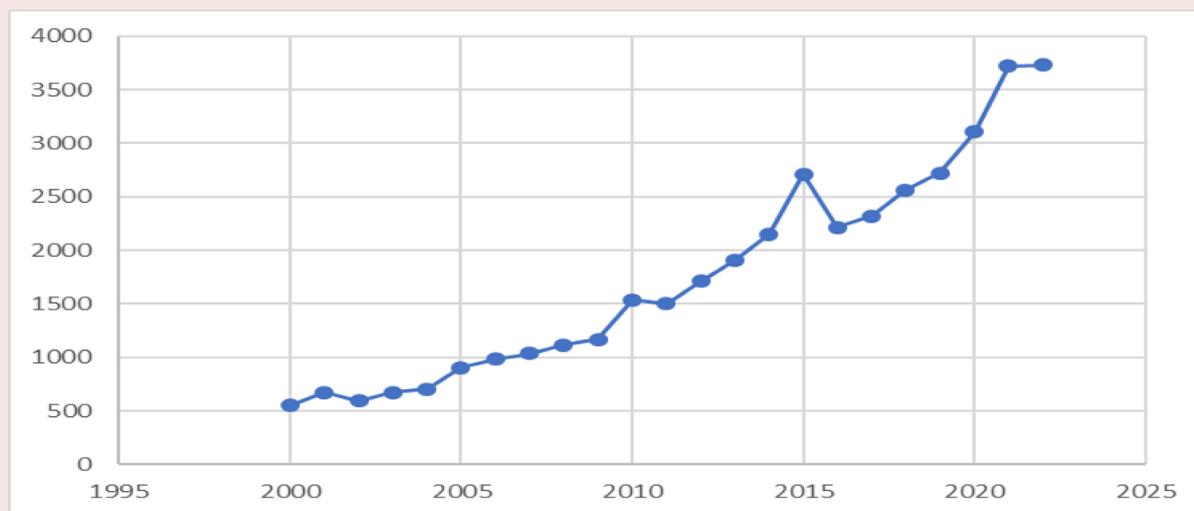
Исследования адаптации иностранных студентов носят международный характер. Примером реализации международного проекта сотрудничества является публикация С.В. Рязанцева с соавторами, в которой анализируется японская модель привлечения иностранных

студентов. Авторы на основе данных фокус-групп отмечают, что в Японии используют выборочную (селективную) миграцию, ориентируясь на привлечение абитуриентов из близких в этнокультурном отношении стран Азии (Рязанцев и др., 2020), т. е. принята модель работы по адаптации образовательных мигрантов, наиболее удобная для реализации.

Вопросы адаптации широко освещаются в обзорных статьях. Н. Xiaoying, S. Baharom, L. Sunjing (Xiaoying et al., 2023) исследуют влияние на академическую адаптацию иностранных студентов уровня их культурного интеллекта. А. V. Sarmiento с соавторами (Sarmiento et al., 2019) систематизировали статьи, опубликованные в период с 2012 по первый семестр 2017 года, и обозначили 45 теоретических основ исследования адаптации иностранных студентов.

Адаптация абитуриентов из постсоветских стран изучалась А. Yerken, L.A. Nguyen Luu (Yerken, Nguyen Luu, 2022). В ходе исследования, проведенного методом качественного интервью, сделан вывод о том, что студенты из Казахстана, Азербайджана, Грузии и Молдовы рассматривают Венгрию как принимающее общество только на период получения образования, далее ориентируются строить карьеру в других западных странах.

Динамика числа публикаций в международной базе ScienceDirect по проблемам адаптации иностранных студентов

Источник: составлено авторами.

В целом в зарубежных работах больше внимания уделяется психологическим аспектам адаптации, чем ресурсам и технологиям работы с иностранными студентами (Matera, Catania, 2021; Zeng et al., 2022; и др.).

Динамику публикаций исследований, касающихся институциональных ресурсов привлечения иностранных студентов, проследить не представляется возможным, т. к. дискурс не является единым. Например, большое количество работ было опубликовано в США после 11 сентября 2001 г. Так, G. Borjas говорит о переосмыслении положительных результатов и рисков образовательной миграции (Borjas, 2002). Действительно, с одной стороны, возможно достижение позитивных задач – иностранные студенты знакомятся с институтами и культурой, что ведет к продвижению ценностей принимающего сообщества. G. Borjas отмечает, что в США остается самая талантливая молодежь из других стран. С другой стороны, иностранные студенты могут подорвать безопасность страны, а низкое знание ими английского языка ведет к снижению качества образования в целом.

M. Rosenzweig (Rosenzweig, 2006) выделяет две модели для объяснения международной мобильности студентов в развитые страны. Во-первых, миграция происходит из-за нехватки образовательных учреждений в родной стране (что не актуально для России). В этом случае студенты мигрируют, чтобы приобрести человеческий капитал, и возвращаются домой, чтобы воспользоваться преимуществами инвестиций в образование на родине. Во-вторых, миграция по студенческой визе может быть средством въезда и пребывания в другой стране, чтобы избежать низкой отдачи от образования в стране происхождения. Стремление к более высокому доходу является основным фактором, определяющим миграцию студентов.

США и Великобритания занимают в мировых рейтингах самые высокие строчки по числу ведущих университетов. Основной институциональный ресурс в этом случае – высокий уровень жизни принимающего сообщества и признание высокого качества образования. Для США и Великобритании актуальным является не вопрос увеличения числа иностранных студентов и нахождения ресурсов, а введение

инструментов конкурсного отбора (в том числе языковые экзамены), визовых ограничений на въезд (Chen et al., 2023; Kato et al., 2013). Ряд исследований посвящен ответу на вопрос, не ограничивает ли поток иностранных студентов и аспирантов возможности американской молодежи или высокая плата за обучение для иностранных студентов позволяет субсидировать обучение молодежи принимающего сообщества? (Borjas, 2007; Shih, 2017).

Ресурсы привлечения иностранных студентов и повышения академической мобильности необходимы, если вуз не входит топ ведущих университетов или планируется сохранить место в международном рейтинге. Высокая конкуренция на рынке образовательных услуг способствует проведению мониторинга технологий выхода на рынок образовательных услуг университетов, академическая репутация которых только формируется. Например, H. French отмечает, что китайские университеты привлекают для работы в малоизвестных университетах лучших профессоров из числа соотечественников (French, 2005). Технология работы с лучшими специалистами из числа соотечественников, получивших образование за границей, предоставление им возможности руководить оборудованными лабораториями, отбирать талантливых студентов, получать высокую заработную плату – одна из действенных мер для повышения репутации вуза и места университета в международных рейтингах. Интересно, что не всегда участие в международных рейтингах повышает узнаваемость университета, т. к. в мире фиксируется цифровое неравенство (Rostovskaya et al., 2023). На примере исследования, проведенного в Австралии (Tran et al., 2022), можно сделать вывод, что привлечение образовательных мигрантов можно выстраивать как бизнес-модель, но даже в этом случае необходима государственная поддержка, т. к. этот вопрос включен в систему международных отношений.

Таким образом, мы выявили, что общие тенденции исследования институциональных ресурсов для привлечения иностранных мигрантов не сформированы в научном дискурсе, а вопросы, которые поднимаются в разных странах, полностью зависят от стратегии национальной безопасности. В связи с этим для

рассмотрения институциональных ресурсов, способствующих формированию «притягивающих» факторов, позволяющих иностранным абитуриентам, в том числе соотечественникам, принимать положительное решение об образовательной миграции в Россию и эффективно адаптироваться в принимающем сообществе, необходимо провести обзор ресурсов, используемых российскими вузами.

Деятельность российских вузов по привлечению образовательных мигрантов и адаптации иностранных студентов

Для достижения цели исследования был использован метод качественного анализа документов — отчетов о самообследовании вузов, где обучается наибольшее количество иностранных студентов. В выборку вошли отчеты о результатах самообследования за 2022 год 10 университетов, которые по информации, опубликованной на сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации⁶, являются лидерами приема иностранных студентов: Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»⁷ (далее — РУДН); Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“»⁸ (далее — НИУ ВШЭ); Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»⁹ (далее —

СПбПУ); Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»¹⁰ (далее — КФУ); Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»¹¹ (далее — УрФУ); Частного учреждения образовательной организации высшего образования «Омская гуманитарная академия»¹²; а также отчета о результатах самообследования за 2021 год: Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»¹³ (далее — МГУ); Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»¹⁴ (далее — СПбГУ); Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет)¹⁵; Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»¹⁶.

¹⁰ Отчет о самообследовании КФУ 2022. URL: <https://kpfu.ru/sveden/document/> (дата обращения 22.04.2023).

¹¹ Отчет о самообследовании деятельности Уральского федерального университета. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/self/2023/samoobsledovanie_URFU_Ekaterinburg.pdf (дата обращения 22.04.2023).

¹² Отчет о результатах самообследования ЧУОО ВО «ОмГА» за 2021 год. URL: <https://www.omg.su/sveden/document/> (дата обращения 22.04.2023).

¹³ Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2021 год. URL: <https://www.msu.ru/upload/pdf/2022/samoobs2022.pdf> (дата обращения 22.04.2023).

¹⁴ Отчет о результатах самообследования СПбГУ за 2021 год. URL: <https://spbu.ru/sveden/document> (дата обращения 22.04.2023).

¹⁵ Отчет о результатах самообследования Сеченовского Университета за 2021 год. URL: <https://www.sechenov.ru/normativnye-dokumenty/samoobsledovaniyeotchet/> (дата обращения 22.04.2023).

¹⁶ Отчет о результатах самообследования Университета «Синергия» за 2021 год. URL: <https://synergy.ru/about/official/dokumentyi/> (дата обращения 22.04.2023).

⁶ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения 22.04.2023).

⁷ Отчет о результатах самообследования РУДН за 2022 год. URL: [https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytatax_samoobsledovaniya_za_2022_god\(1\).pdf](https://www.rudn.ru/sveden/files/Otchet_o_rezulytatax_samoobsledovaniya_za_2022_god(1).pdf) (дата обращения 22.04.2023).

⁸ Отчет о самообследовании федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“» за 2022 год. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/825973527.pdf> (дата обращения 22.04.2023).

⁹ Отчет о самообследовании СПбПУ за 2022 год. URL: https://www.spbstu.ru/upload/sveden/otchet_samoobsledovaniya-20-04-2022.pdf (дата обращения 22.04.2023).

В современных сложных геополитических условиях в глобальных СМИ появилась информация о том, что российские вузы были исключены из Болонской системы¹⁷, в целом это не отразится на качестве российского образования, которое традиционно высокое, но может повлиять на представленность российских университетов в международных рейтингах QS World University Ranking (QS), Academic Ranking of World University (ARWU), Times Higher Education World University Rankings (THE). Снижение представленности вузов в рейтингах может стать «выталкивающим» фактором и способствовать их меньшей узнаваемости на рынке образовательных услуг, поэтому необходимо исследовать, какие стратегии и ресурсы используются в вузах, чтобы преодолеть современные риски.

В процессе качественного анализа документов решались следующие задачи: обозначить стратегии и систематизировать ресурсы российских вузов в работе с иностранными студентами, которые могут трактоваться как «притягивающие» факторы; определить, есть ли специальные инструменты работы с иностранными студентами из стран СНГ и/или соотечественниками. Далее вузы будут расположены в порядке, соответствующем порядку их упоминания в информационном сообщении Минобрнауки России, исключая данные по ОмГА, Сеченовскому Университету и Университету «Синергия», т. к. структура отчетов указанных вузов сжата, что не позволяет проанализировать стратегии работы с иностранными абитуриентами и студентами, в общих чертах заявлено, что реализуются задачи включения вуза в мировое образовательное пространство, но не содержится фактических данных о ресурсах, используемых для решения поставленной задачи, поэтому необходимы иные методы исследования ресурсов вуза для формулировки обоснованных выводов.

Традиционно очень востребованным вузом у иностранных абитуриентов остается РУДН. Согласно отчету о самообследовании в универ-

ситете сохраняется многоязычие в обучении; проводятся мероприятия по укреплению академического престижа как на федеральном, так и на региональном уровне; Центром карьеры запущен телеграм-канал для иностранных обучающихся, где представлена информация о трудоустройстве студентов-иностранцев на территории России; разрабатываются стипендиальные программы, сетевые образовательные программы; реализуются проекты по трудоустройству иностранных студентов и выпускников с компаниями «Яндекс» (YanGo) и «Новосталь-М». В отчете представлен отдельный параграф о наборе иностранных студентов, указано, что индикатором выполнения программ «Приоритет-2030» и «Программа комплексного развития Российского университета дружбы народов – 2025» является «не менее 10000 обучающихся РУДН ежегодно из 160+ стран», в итоге планы приема выполнены, растет число студентов из Азии, СНГ и Балтии, Европы, с Ближнего Востока и из Северной Африки. Положительные результаты в РУДН достигнуты не только благодаря инициативным проектам руководства вуза, но и в ходе реализации мероприятий государственного задания, вследствие активного взаимодействия с Минобрнауки России, участия в квотировании мест для иностранных абитуриентов и т. д. Также вуз использует ресурсы, формирующиеся после встреч-совещаний с послами и представителями дипломатических миссий, привлекает к приемной кампании рекрутинговые агентства, используются площадки центров российского образования за рубежом, которые РУДН организует на базе зарубежных образовательных организаций-партнеров, вузов-партнеров и т. д. В 2022 году открыты новые площадки в Тунисе, Индонезии, Марокко, Сербии. РУДН участвует в международном олимпиадном движении, выставочно-презентационной деятельности, используя как офлайн, так и онлайн-форматы. Параллельно ведется научная совместная деятельность, т. к. она стала основой увеличения числа иностранных аспирантов.

В Казанском федеральном университете разработан Перечень мероприятий по предоставлению квот иностранным гражданам на

¹⁷ Russian universities excluded from Bologna Process, says science and education ministry. Available at: <https://tass.com/society/1461333> (accessed: May 4, 2023).

обучение в вузах РФ по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры; проводится международная олимпиада «МагистриУм», в которой в 2022 году приняли участие бакалавры из 22 стран, а победителями стали 13 иностранных граждан. Идет работа по привлечению иностранцев не только в магистратуру, но и в аспирантуру (100 чел., в том числе 89 чел. — из стран дальнего зарубежья, 11 — из стран СНГ). В отчете обозначено: «КФУ занимает устойчивые лидирующие позиции среди российских вузов по экспорту образовательных услуг, является вторым по абсолютной численности иностранных обучающихся на основных образовательных программах среди вузов РФ и входит в первую тройку вузов России, определяемых иностранными абитуриентами в качестве приоритетных с использованием электронных систем Россотрудничества в рамках приемной кампании. По показателю «Доля иностранных студентов» в 2020 году КФУ вошел в топ-200 международного рейтинга QS (198 место). КФУ является также одним из лидеров среди российских академических центров по привлечению иностранных ученых и входит в первую пятерку по взаимодействию российских научных организаций и университетов с иностранными учеными»¹⁸. Активная позиция ректора вуза в поддержке международных встреч, командирование сотрудников в зарубежные страны, взаимодействие с Россотрудничеством, участие за 2022 год в девяти международных образовательных выставках в Узбекистане, Киргизии, Казахстане, Беларуси, Египте, подготовительная программа в Египте, сетевые программы обучения в Турции и Иране, использование разработанной в КФУ образовательной платформы «STUDERUS», организация повышения квалификации в форме стажировки для 20 проректоров по научной работе и инновациям вузов Узбекистана, создание сети филиалов КФУ за рубежом в приоритетных регионах и странах — Узбекистане, Египте, Казахстане — по востребованным специальностям и направлениям подготовки, — факторы, «притягивающие» ино-

странных абитуриентов в КФУ. Интересным проектом является проведение уникальных мероприятий по линии деятельности группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», которую с 2014 года возглавляет Президент Республики Татарстан Р.Н. Минниханов. Развитие этого проекта позволяет рассматривать религию как «притягивающий» фактор обучения в КФУ, также в вузе развивается мультикультурная среда.

В СПбПУ для иностранных граждан в 2022 году был проведен конкурс BIG PhD. Представители СПбПУ входят в состав Президиума Оргкомитета Международной Олимпиады «Open Doors» по треку магистратуры и аспирантуры, в предметные, методические и экспертные комиссии. В отчете отмечено, что целевыми регионами для набора иностранных студентов в 2022 году являлись страны Иbero-Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, СНГ. Иностранные студенты получают в университете уникальные компетенции. Например, уже восемь лет СПбПУ занимается подготовкой студентов из Турции в области ядерной энергетики в сотрудничестве с Государственной корпорацией «Росатом» и Компанией «Аккую Нуклеар», совместно с МАГАТЭ. При финансовой поддержке «Росатома» открыта новая международная образовательная программа магистратуры «Emergency preparedness and response» (Аварийная готовность и реагирование). Для привлечения иностранных студентов проводятся Летние и Зимние школы СПбПУ, реализуются международные программы повышения квалификации и другие мероприятия.

МГУ является российским вузом, наиболее узнаваемым на глобальном рынке образовательных услуг, что обусловлено историей, репутацией университета, качеством образования, подтвержденным всеми международными рейтингами. Высока репутация и зарубежных филиалов МГУ в Астане, Ташкенте, Баку, Душанбе, Ереване, Копере (Словения). Опыт дистанционного обучения позволил МГУ быстро трансформировать технологии привлечения абитуриентов («Начиная с 2020 года, в условиях пандемии COVID-19 приемная кампания в МГУ проходит полностью в дистанционном

¹⁸ Отчет о самообследовании КФУ 2022. URL: <https://kpfu.ru/sveden/files/001780.pdf> (дата обращения 22.04.2023). С. 22.

формате. Этот формат позволяет выстраивать эффективную кампанию по привлечению иностранных обучающихся и их набору на образовательные программы Московского университета). В итоге в Московском университете реализуется комбинированная модель приема, что повысило доступность программ аспирантуры для иностранных граждан. В 2021 году был проведен набор на 14 программ, реализуемых совместно с международными партнерами из числа ведущих мировых университетов, а также с участием корпоративных партнеров, ведется набор на программы на иностранных языках, программы двух и более дипломов.

В НИУ ВШЭ за иностранными студентами закреплены учебные консультанты, иностранным студентам оказывается содействие в трудоустройстве, сформирована система международного рекрутинга студентов, олимпиадные состязания, программы краткосрочного обучения для иностранных студентов, создан центр по международному онлайн-продвижению (создание русскоязычного и англоязычного контента для социальных сетей, порталов – VK, Baidu, QQ, WeChat, Zhihu и др.), внедрена модель приема «Год в НИУ ВШЭ», в Ташкенте запущен проект академических лицейских классов НИУ ВШЭ, достигнута договорённость о формировании Высшей школы экономики Киргизии на базе Учебного центра Министерства финансов Киргизии, разработан инфохаб по визово-миграционному сопровождению иностранных студентов ivisa.hse.ru, иностранным студентам предоставляется возможность комфортного размещения в общежитии.

В УрФУ ведется работа по налаживанию дружеских отношений не только с вузами-партнерами, но и с предприятиями Узбекистана, Таджикистана, Монголии, Белоруссии, Киргизии, Египта, Шри-Ланки, Китая. Университет принимает участие в международных выставках, при участии вуза в 2022 году открыты центры русского языка в Египте, а также в Китае на базе Университета Хэнсин.

В СПбГУ с целью привлечения иностранных абитуриентов и повышения востребованности выпускников на международном рынке труда в диплом вносятся сведения о наличии международной аккредитации образовательных

программ; реализуются программы «два диплома», в том числе с Ферганским государственным университетом (Узбекистан) программа «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного» по направлению 45.04.02 «Лингвистика»; организована работа советов образовательной программы, в составы которых входят консулы и послы иностранных государств, иностранным гражданам предлагают принять участие в Олимпиаде школьников СПбГУ, 27 основных образовательных программ полностью реализуются на иностранном языке, развивается Клуб иностранных обучающихся СПбГУ и т. д. В отчете СПбГУ, в отличие от отчетов других вузов, есть отсылка к категории соотечественников: «В 2021 году организован открытый конкурс для иностранных граждан в рамках квоты мест, выделяемой для обучения иностранных граждан, лиц без гражданства и соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета Российской Федерации»¹⁹.

Систематизируем информацию об институциональных ресурсах вузов для повышения количества иностранных абитуриентов (табл. 3).

Заключение

Нормативно-правовая база оказывает преимущественное влияние на привлечение образовательных мигрантов. Согласно положениям Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественники могут поступать в образовательные организации России на равных правах с гражданами РФ. В этом случае прием на программы бакалавриата и программы специалитета проводится на основании результатов вступительных испытаний и/или результатов ЕГЭ как на места с оплатой стоимости обучения, так и на места, финансируемые за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

Иностранные граждане могут поступать на места, финансируемые за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, в соответ-

¹⁹ URL: https://spbu.ru/sites/default/files/otchet_o_rezultatah_samoobsledovaniya_za_2021_god_0.pdf

Таблица 3. Институциональные ресурсы привлечения в вузы образовательных мигрантов

Ресурсы	Результаты
Внешние ресурсы	
Нормативно-правовая база	<p><i>Регулирующая квотирование мест для иностранных абитуриентов</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Программа квотирования мест для иностранных абитуриентов <p><i>Регулирующая пересечение границы иностранными студентами</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Визово-миграционное сопровождение иностранных студентов <p><i>Регулирующая реализацию образовательных программ в РФ</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Сетевые образовательные программы, программы двух и более дипломов
Финансы	<ul style="list-style-type: none"> Государственные программы поддержки российских университетов («Приоритет-2030») Программы Россотрудничества Гранты и другие источники
Информационные ресурсы	<ul style="list-style-type: none"> Новости об основных трендах развития высшего образования в мире Новостная повестка институциональных акторов (Министерства науки и высшего образования, Россотрудничества и др.)
Цифровые технологии	<ul style="list-style-type: none"> Международные и российские образовательные платформы Дистанционное образование Онлайн-встречи (деловые, образовательные, научные)
Международные образовательные рейтинги	<ul style="list-style-type: none"> Укрепление академического престижа Экономия средств на продвижении новостной повестки о достижениях российского образования
Внутренние ресурсы	
Человеческий капитал вуза	<ul style="list-style-type: none"> Участие преподавателей и студентов в международном олимпиадном движении Расширение сети зарубежных партнеров Организация повышения квалификации, стажировок для иностранных студентов, преподавателей, специалистов, работающих в системе высшего образования Открытие образовательных программ на английском и других языках Организация для студентов Летних и Зимних школ Программы адаптации обучающихся (закрепление за иностранными студентами учебных консультантов; открытие клубов иностранных обучающихся, обеспечение мультикультурной среды и др.)
Стратегия управления финансами	<ul style="list-style-type: none"> Международная аккредитация образовательных программ Стипендиальные программы для иностранных студентов Работа с рекрутинговыми агентствами Командирование сотрудников в зарубежные страны Таргетинг Организация международных олимпиад Стипендиальные программы для талантливой молодежи и молодых преподавателей Рекрутинг ведущих специалистов для ведения преподавательской деятельности
Информационные ресурсы	<ul style="list-style-type: none"> Продвижение новостной повестки о достижениях вуза Публикация на официальном сайте вуза информации на нескольких языках Публикации в социальных сетях, в том числе популярных в других странах
Выстраивание партнерских взаимодействий (стейкхолдеры)	<p><i>Россотрудничество:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Участие во встречах и совещаниях с послами и представителями дипломатических миссий Организация или участие в открытии центров русского языка Поддержка в создании сети филиалов за рубежом в приоритетных регионах и странах Участие в международных образовательных выставках <p><i>Работодатели:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Помощь студентам-иностранцам в трудоустройстве на территории РФ Стипендиальные программы <p><i>Другие образовательные организации:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Консорциумы и др.
Цифровые технологии	<ul style="list-style-type: none"> Дистанционное образование Онлайн-встречи (деловые, образовательные, научные)
Источник: составлено авторами.	

ствии с постановлением Правительства РФ от 18.12.2020 № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»²⁰. Установлены следующие квоты на образование в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом: в 2021 году – не более 18 тыс. человек; в 2022 году – 23 тыс. человек; начиная с 2023 года – 30 тыс. человек.

Показательно, что только в одном исследовании отчета образовательных учреждений используется понятие «соотечественники», следовательно, специфической работы с данной категорией иностранных абитуриентов не проводится. В целях оптимизации миграционной политики в отношении соотечественников интерес представляет разработанная Концепция правового регулирования миграционной научно-образовательной политики в контексте экспорта российского образования до 2030 года, представляющая собой систему принципов, подходов и приоритетов в сфере правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе реализации конституционно-правовых основ миграционной образовательной политики (Скоробогатова, 2021). Однако основные постулаты указанной концепции не нашли отражения в работе университетов.

Анализ документов позволяет утверждать, что основными ресурсами ведущих университетов являются человеческий капитал; стейк-

холдеры (что возможно только при развитии коммуникаций на разных уровнях в процессе взаимодействия вузов с Министерством образования, дипломатическими миссиями, вузами-партнерами, образовательными организациями среднего общего образования, работодателями и т. д.); информационные ресурсы, способствующие продвижению бренда вуза, в том числе через социальные сети (VK, Baidu, QQ, WeChat, Zhihu и др.); финансы.

Эффективность привлечения образовательных мигрантов зависит от наличия комплексной стратегии вуза, где структура расходов включает затраты как на привлечение ведущих профессоров, так и удержание внутреннего человеческого капитала – от ведущих профессоров до специалистов по молодежной политике. Финансирование вуза – сложный механизм, но вложения в привлечение образовательных мигрантов окупаются, т. к. стоимость обучения для иностранных студентов выше, чем для российских граждан. Привлекая внимание иностранных абитуриентов, налаживая долгосрочное сотрудничество, вузы формируют эксклюзивные предложения, которые могут стать причиной выбора конкретного учебного заведения для поступления (религия, мультикультурность среды, трудоустройство иностранных студентов, программы двух дипломов и т. д.). Планирование же специфической работы с соотечественниками позволит университетам работать в контексте демографического развития России.

Литература

- Егорычев А.М., Ростовская Т.К. (2021). Перспективы развития профессионального образования в условиях глобализации мирового сообщества // ЦИТИСЭ. № 1 (27). С. 55–64.
- Закирова Е.Р., Харитоновна Н.И. (2022). Человеческий капитал как предмет исследований в сфере международных отношений // Теории и проблемы политических исследований. Т. 11. № 3А. С. 136–144.
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2021). Тенденции академической мобильности в России: статистическая аналитика и прогнозика // Интеграция образования. Т. 25. № 3 (104). С. 421–439.
- Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. (2021). Правовые аспекты образовательной миграции в контексте вызовов пандемии // Миграционное право. № 2. С. 3–7.
- Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Лукьянец А.С. (2021). Особенности образовательной миграции в условиях цифровизации // Информационное общество. № 3. С. 32–40.

²⁰ URL: <http://government.ru/docs/all/131611/> (дата обращения 20.09.2023).

- Рыбаковский Л.Л. (2017). Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. № 2 (76). С. 51–61.
- Рязанцев С.В. (2019). Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. № 9. С. 117–126.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. (2015). Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. № 2 (68). С. 64–73.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Очирова Г.Н., Плетнева Ю.Э. (2021). Государственные стипендиальные и грантовые программы на обучение за рубежом как фактор развития человеческого капитала: российский и зарубежный опыт // Logos et Praxis. Т. 20. № 1. С. 65–77.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Рязанцев Н.С. (2020). Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования // Образование и наука. Т. 22. № 9. С. 148–173. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-9-148-173
- Скоробогатова В.И. (2021). Миграционная политика России в контексте экспорта образования: конституционно-правовые основы и перспективы развития: [монография] / ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива. 180 с.
- Суворова В.А., Бронников И.А. (2019). Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. № 4. С. 131–139.
- Филиппов В.М. (2015). Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Международные отношения. Т. 15. № 3. С. 203–211.
- Boldyreva S.Yu., Boldyrev R.Yu., Beloshitskaya N.N. (2020). Federal university's role in the implementation of the Russian Federation "Soft Power" Conception in Central Asia (the case of Northern (Arctic) Federal University Named After M.V. Lomonosov). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 25(2), 223–232.
- Borjas G. (2002). Rethinking foreign students. A question of the national interest. *National Review*, June 17. Available at: https://scholar.harvard.edu/gborjas/_publications/rethinking-foreign-students (accessed: September 20, 2023).
- Borjas G. (2007). Do foreign students crowd out native students from graduate programs? *Science and the University*, 134–149.
- Chen M., Howell J., Smith J. (2023). Best and brightest? The impact of student visa restrictiveness on who attends college in the US. *Labour Economics*, 84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2023.102385>
- Chirkov V., Vansteenkiste M., Tao R., Lynch M. (2007). The role of self-determined motivation and goals for study abroad in the adaptation of international students. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 199–222.
- French H. (2005). China luring scholars to make universities great. *The New York Times*, October 28. Available at: <http://www.nytimes.com/2005/10/28/international/asia/28universities.html> (accessed: February 10, 2006).
- Hanushek E.A., Machin S., Woessmann L. (Eds.). (2011). *Handbook of the Economics of Education*. Vol. 4. Amsterdam: Elsevier Science.
- Kato T., Sparber Ch. (2013). Quotas and quality: The effect of H-1B visa restrictions on the pool of prospective undergraduate students from abroad. *Review of Economics and Statistics*, 95(1), 109–126.
- Lee E. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3, 47–57.
- Matera C., Catania M.A. (2021). Correlates of international students' intergroup intentions and adjustment: The role of metastereotypes and intercultural communication apprehension. *International Journal of Intercultural Relations*, 82, 288–297.
- Nye J.S. (1990). Soft power. *Foreign Policy*, 80, 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>
- Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N., Kocherbayeva A.A. (2023). Young women from Kyrgyzstan in Moscow metroplex. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 1, 43–62.
- Rosenzweig M. (2006). Global wage differences and international student flows. *Brookings Trade Forum*, 57–96.
- Rostovskaya T., Skorobogatova V., Kholina V. (2023). Problems and prospects of the online model for exporting Russian education in the context of digital inequality. *Changing Societies & Personalities*, 7(3). DOI:10.15826/csp.2023.7.3.241

- Sarmiento A.V., Pérez M.V., Bustos C. et al. (2019). Inclusion profile of theoretical frameworks on the study of sociocultural adaptation of international university students. *International Journal of Intercultural Relations*, 70, 19–41.
- Searle W., Ward C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*, 14, 449–464. DOI: 10.1016/0147-1767(90)90030-Z
- Shih K. (2017). Do international students crowd-out or cross-subsidize Americans in higher education? *Journal of Public Economics*, 170–184. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2017.10.003
- Tran L.T., Blackmore J., Bui H. et al. (2022). “Building the business model” or “Broadening our international perspectives”? Staff positioning on the values of hosting international students in the Australian school sector. *International Journal of Educational Research*, 114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.101975>
- Vershina I., Kurbanov A., Panich N. Foreign students in the Soviet Union and modern Russia: Problems of adaptation and communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 236(14), 295–300. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.032>
- Xiaoying H., Baharom S., Sunjing L. (2023). A systematic literature review of the relationship between cultural intelligence and academic adaptation of international students. *Social Sciences & Humanities Open*, 8(1). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100622>
- Yerken A., Nguyen Luu L.A. (2022). A stepping stone to the “West”: Academic adaptation of international students from post-Soviet countries in Hungary. *International Journal of Intercultural Relations*, 89, 183–194.
- Zeng F., Brunsting N.C., Brocato N. (2022). Biopsychosocial factors associated with depression among U.S. undergraduate international students. *Journal of International Students*, 12(1), 101–122.

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru); профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

Екатерина Николаевна Васильева – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vasilevaen@yandex.ru)

Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N.

Attracting Educational Migrants to Universities: An Overview of Institutional Resources

Abstract. The paper presents an overview of key institutional resources for attracting educational migrants, including compatriots, to Russian universities. The theoretical base includes Russian and foreign works on the theory of educational migration and adaptation of foreign students. It is revealed that there are not enough studies evaluating institutional resources to attract educational migrants to universities. It is mainly due to the fact that the work with foreign students in universities is embedded in the concept of “soft power”. The novelty of the study consists in our attempt to fill this gap, review institutional resources for attracting educational migrants to universities, and systematize the data of theoretical and empirical studies. The practical side of the problem is reflected as well: statistical indicators from various Russian sources on educational migration and voluntary resettlement of compatriots to Russia are presented in fragments, which makes it difficult to compare them. We use qualitative analysis of documents in the public domain to obtain the data that made it possible to review the main institutional resources of

Russian universities to attract educational migrants, including compatriots. We consider which resources of Russian universities in working with foreign students can be interpreted as “attracting” factors; whether there are special tools for working with foreign students from CIS countries and/or compatriots. We draw conclusions that Russian universities do not have well-elaborated strategies to encourage young compatriots (Russophones) to participate in educational migration. Universities do not consider this category of applicants as a separate group, which would help optimize management decisions focused on the development of migration, demographic and educational policies. These circumstances bring to the fore the need to optimize institutional resources and management decisions regarding the attraction of Russophones to Russian universities.

Key words: educational migration, compatriots, Russophones, university, demographic policy, migration policy.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru); professor of Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation)

Ekaterina N. Vasileva – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; vasilevaen@yandex.ru)

Статья поступила 10.05.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.14

УДК 338.001.36:004:316.4, ББК 65.5

© Фан Фан, Груздева М.А., Тань Жоюй, Чжан Сяося

Опыт России и Китая в преодолении возрастного аспекта цифрового разрыва

ФАН ФАН

Академия общественных наук провинции Цзянси
Nanchang, China
e-mail: 604376473@qq.com

Мария Андреевна

ГРУЗДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8759-4953; ResearcherID: H-4981-2017

ТАНЬ ЖОЮЙ

Академия общественных наук провинции Цзянси
Nanchang, China
e-mail: tanruoyu1995@163.com

ЧЖАН СЯОСЯ

Академия общественных наук провинции Цзянси
Nanchang, China
e-mail: xiao9624217@163.com

Для цитирования: Фан Фан, Груздева М.А., Тань Жоюй, Чжан Сяося (2023). Опыт России и Китая в преодолении возрастного аспекта цифрового разрыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 247–261. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.14

For citation: Fang Fang, Gruzdeva M.A., Tan Ruoyu, Zhang Xiaoxia (2023). The experience of Russia and China in addressing the age aspect of the digital divide. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 247–261. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.14

Аннотация. Процесс демографического старения носит глобальный и необратимый характер, доля пожилых граждан в численности населения большинства стран будет неуклонно увеличиваться. Это ставит стратегические задачи, связанные с учетом данных тенденций в управлении, созданием условий для качественной жизни людей в старших возрастах. На фоне стремительной цифровизации экономики и отраслей социальной сферы остро стоят вопросы интеграции пожилых в современные процессы, наблюдения за динамикой и факторами включенности, создания условий для нивелирования разного рода эксклюзий. Цель исследования состоит в сравнительном анализе практик включенности пожилых людей в цифровую среду в Китае и России для выявления возможностей повышения эффективности таких практик. В работе использованы комплекс общенаучных методов и актуальная эмпирическая база, содержащая данные переписей населения и статистики по развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры в изучаемых странах. Показано, как в настоящее время исследуется проблема возрастного цифрового разрыва в Китае, России и других государствах. Обрисованы масштабы и основные тенденции использования цифровых технологий пожилыми людьми, сходные для Китая и России. Эти тенденции выражаются в росте числа интернет-пользователей в старших возрастах, их стремлении к более активному использованию мобильного интернета и мобильных приложений. Сформулированы ограничения и вызовы для пожилых людей при недостаточной цифровой интеграции. В заключительной части сформированы основные направления развития и повышения эффективности практик включенности старшего поколения в цифровые взаимодействия. Результаты работы могут быть полезны для формулирования управленческих решений в целях успешного цифрового развития в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое неравенство, цифровой разрыв, возрастной фактор цифрового неравенства, пожилые люди, Россия, Китай.

Введение

Согласно докладу ООН «Перспективы мирового населения на 2022 год», посвященному демографическим оценкам и прогнозам, 15 ноября 2022 года численность населения планеты достигнет 8 миллиардов человек, а доля населения в возрасте 65 лет и старше вырастет с 10% в 2022 году до 16% в 2050 году, а к 2100 г. — утроится и достигнет почти 30%. По прогнозам, к 2050 году число людей в возрасте 65 лет и старше во всем мире более чем в два раза превысит число детей в возрасте до 5 лет и будет примерно таким же, как число детей в возрасте до 12 лет¹. Главные причины — падение рождаемости при одновременном росте продолжительности жизни. С разной скоростью стареть будет население всех стран. И никто сегодня не знает, как сумеют

адаптироваться к этому процессу общество и экономика².

Глобальное старение может занять ряд десятилетий и захватить все общества, хотя в странах с высокой рождаемостью его результаты начнут давать о себе знать лишь во второй половине — последней трети текущего столетия. К тому же это один из немногих процессов, направленных в будущее, о котором можно сказать, что он осуществится почти со стопроцентной вероятностью. Глобальное старение будет иметь многосторонний результат, причем ряд его аспектов пока вовсе не исследован либо даже неясен. Кроме того, у человечества нет опыта подобного рода процессов (Гринин, 2020).

¹ Five key findings from the 2022 UN Population Prospect. URL: <https://ourworldindata.org/world-population-update-2022>

² Макурин А. (2021). Стар, но не супер. Почему для человечества старение страшнее атомной войны // Аргументы и факты. № 13. URL: https://aif.ru/money/economy/star_no_ne_super_pochemu_dlya_chelovechestva_starenie_strashnee_atomnoy_voyny

В связи с этим встают вопросы об изучении включенности пожилых людей в различные социальные процессы, в частности в цифровые взаимодействия, которые являются неотъемлемой частью жизни современного человека. Для управления возникает принципиально новая задача интеграции данной группы в цифровое общество в целях снижения распространённости различных видов социальной незащищённости, неравного доступа к благам и услугам, дискриминации, в том числе на рынке труда. Сложность этой задачи состоит в том, что группа людей старшего возраста, являющихся «цифровыми мигрантами», принципиально отличается от «цифровых аборигенов». Так, первые родившиеся после цифровой революции и привыкшие получать информацию через цифровые каналы (примерная граница оценивается как 1980 год) обладают более развитыми цифровыми навыками, так как это было частью их повседневной жизни с детства. А люди, родившиеся до указанных изменений, были вынуждены на разных этапах взрослой жизни и для разных целей знакомиться с цифровыми новшествами. Людей, так и не принявших цифровую реальность, называют также «аборигенами доцифровой эпохи» (Prensky, 2001).

Учитывая глобальность и необратимость процесса демографического старения, необходимость развития управленческих инструментов для нивелирования его негативных сторон, обратимся к изучению опыта преодоления цифровых разрывов в отношении пожилого населения Китая и России.

Председатель КНР Си Цзиньпин уделяет большое внимание развитию цифровой среды в Китае. Он неоднократно делал важные заявления по этому поводу, подчеркивая необходимость приложить все усилия для ускорения данного процесса. Согласно последнему отраслевому отчету, по состоянию на июнь 2022 года количество интернет-пользователей в Китае составило 1,051 млрд человек, а уровень проникновения интернета достиг 74,4%; страна занимает второе место в мире по уровню доступности интернета для населения. В цифровом обществе, особенно на фоне продолжающейся глобальной пандемии, с одной стороны, подчеркивается социальное и экономическое значение онлайн-обучения, удаленной работы, телемедицины и удаленного отдыха, с другой

стороны, актуализируются проблемы социального неравенства, порожденного разной степенью доступности высоких технологий. На фоне цифровизации и продолжающегося старения общества Китая вопрос о том, как обеспечить пожилым людям возможность идти в ногу со временем и привнести «умные» технологии в их жизнь, становится очень актуальным.

В России данному вопросу также отводится заметная роль в сфере управления цифровизацией и в научных исследованиях. На начальных этапах внедрения интернет-технологий (2000–2005 гг.) РФ значительно отставала от европейских и крупных азиатских стран по доле пользователей, находясь по этому показателю в одной группе со странами Африки. Однако с 2013 года число пользователей интернета среди жителей России стало превышать среднемировой уровень и с этого времени только росло, повышая статус страны в рейтинге интернетизированных территорий (Груздева, 2020). На начало 2022 года в России насчитывалось 124630000 пользователей интернета, что определяет уровень его проникновения 85,3%³.

Задачи масштабной цифровизации экономики и общества решаются в настоящее время в России посредством реализации национального проекта «Цифровая экономика», который предполагает ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере, создание условий для высокотехнологичного бизнеса, повышение конкурентоспособности страны на глобальном рынке, укрепление национальной безопасности и рост качества жизни людей. Несмотря на продолжительный этап целевого финансирования, развитие нормативно-правовой базы, повышение включенности населения и органов государственной власти в цифровые взаимодействия, актуальным остается ряд специфических проблем, в частности повышающих риски дальнейшего отставания России и технологической зависимости от мировых лидеров цифровизации (Национальные проекты..., 2019).

Целью работы стал сравнительный анализ практик включенности пожилых людей в цифровую среду в Китае и России для выявления возможностей повышения эффективности таких практик.

³ По данным Internet World Stats.

В задачи исследования вошли анализ теоретико-методических подходов к изучению возрастных цифровых разрывов в мире; рассмотрение практик использования цифровых технологий пожилыми людьми в Китае и России; аналитическая оценка факторов включенности и исключенности людей пожилого возраста из цифрового общества; обобщение и систематизация практик преодоления возрастного цифрового разрыва на примере Китая и России.

Научная новизна проведенного исследования включает теоретический аспект, так как авторами проанализированы исследования по тематике возрастного цифрового разрыва в Китае, России и других странах мира. Практическая значимость состоит в обобщении практик преодоления возрастного аспекта цифрового разрыва в Китае и России.

Материалы и методы

Для реализации цели и задач в исследовании применен комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ. В ходе обсуждения результатов используются методы системно-структурного и кросс-табуляционного анализа, для оценки динамики разрывов – метод «расстояния во времени». Теоретической базой исследования являются научные работы по проблематике возрастного цифрового неравенства, адаптации пожилых людей к цифровым трансформациям современного общества, рисков и выгод повышения включенности людей разных возрастов в онлайн-взаимодействия.

Объект исследования – политика в сфере снижения цифрового неравенства, в частности возрастного разрыва, в Китае и России.

Информационной базой послужили официальные данные Международного союза электросвязи, Internet World Stats, сборник «Информационное общество в Российской Федерации», данные выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, статистический ежегодник Китая, 49-й статистический отчет о развитии интернета в Китае, данные седьмой переписи населения Китая.

Результаты исследования

Исследование проблемы в Китае, России и других странах

Распространение интернета в глобальном масштабе и растущий уровень обеспеченности цифровыми каналами связи породили концепцию «цифрового разрыва», впервые предложенную Э. Тоффлером в книге «Метаморфозы власти» (Тоффлер, 2003). Цифровой разрыв обозначает неравенство между демографическими группами и регионами, имеющими доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям, и теми, которые его не имеют. Р. Ленуар (1974) предложил теорию социальной маргинализации, в рамках которой технологические преобразования существенно влияют на жизнь пожилых людей, их социальные роли, социальный статус, окружение, создавая разрыв между реальной жизнью пожилых людей и их деятельностью в цифровой среде (Silver, 1994). Согласно D. Kaijie (Kaijie, 2009), «цифровой разрыв» – это социальная изоляция в информационную эпоху. Zhong Xiangming и Fang Xingdong разработали концепцию «интеллектуального разрыва», представляющую собой развернутую версию основных черт «цифрового разрыва» в новую эпоху. «Цифровое неравенство» пожилых людей не только включает трудности в использовании интернета для получения экономических и иных выгод, но и подчеркивает, что более низкая способность использовать цифровые технологии лишает пожилых права на участие в цифровой жизни (Xiangming, Xingdong, 2022).

Исследования цифрового разрыва в Китае начали появляться в последние годы, и данная тематика еще недостаточно разработана. M. Tianqi с соавторами (Tianqi et al., 2021) показали, что разрыв в доступе к цифровым технологиям в Китае постепенно преодолевается благодаря расширению интернет-охвата, что приводит к постоянному снижению стоимости доступа, в то время как разрыв в использовании остается более значительным из-за индивидуальных различий, касающихся навыков пользования интернетом. В работе (Ran Xiaosheng, Hu Hongwei, 2022) утверждается, что различия в уровне владения навыками интернет-поль-

зователей служат возможным объяснением формирования неравенства в состоянии здоровья между городскими и сельскими пожилыми людьми. Однако внедрение цифровых технологий изменило предоставление государственных услуг в различных секторах, включая управление, образование и здравоохранение, обеспечив возможность получения качественных услуг по приемлемой стоимости в сельской местности (Hodong et al., 2020). В. Niehaves (Niehaves, Plattfaut, 2014) и другие исследователи показали, что возрастное неравенство более распространено, но на него обращают меньше внимания, чем на гендерное или расовое неравенство. Ученые (Joan, 2005) и (Ramon, Angel, 2016) проанализировали негативные последствия развития цифровой экономики для стареющего населения, включая экономическое неравенство, неравенство в доступе, способностях, наличии практических навыков и медиаграмотности.

Результаты некоторых исследований свидетельствуют, что цифровая экономика может способствовать увеличению доходов и снижению уровня бедности, тем самым смягчая неравенство доходов, или же она, напротив, может привести к увеличению разрыва в доходах (Skiter et al., 2020). Другие исследователи пришли к выводу, что развитие цифровой экономики способно повысить качество жизни граждан и снизить уровень бедности за счет развития самозанятости. В работе (Kurantin, Osei-Hwedie, 2019) изучается взаимосвязь между цифровой экономикой и бедностью в Гане. Автор приходит к выводу о том, что инновационный потенциал является ключевым фактором эффективной политики по сокращению бедности, а цифровая экономика может способствовать его развитию. Кроме того, в США разработаны программы Digital Inclusion Programs, Connecting America: National Broadband Plan и т. д.; Европейским союзом принята инвестиционная схема под названием Senior Plus, которая подчеркивает, что цифровые технологии должны использоваться для решения социальных проблем и побуждает социальные секторы и бизнес улучшать цифровую доступность через инновационные продукты и услуги, направленные на удовлетворение цифровых потребностей пожилых граждан.

В России вопросы изучения цифрового неравенства стали актуальными недавно и по большей части на данный момент базируются на постулатах, методическом аппарате зарубежных работ. Так, предметом множества зарубежных и отечественных исследований стал неравномерный доступ к цифровым технологиям (Гладкова и др., 2019; Груздева, 2020; Шиняева и др., 2019; Nieminen, 2016; Ragnedda, Kreitem, 2018).

Вместе с тем вопросы, связанные с факторами цифрового неравенства, особенно на локальном уровне (в случае с Россией между регионами, муниципальными образованиями и внутри них), остаются недостаточно изученными. По мнению ряда авторов (Зарубина, Власова, 2018), одной из насущных проблем, связанных с цифровизацией общества, является понимание механизмов, с помощью которых устоявшиеся, институционализированные формы взаимодействия в обществе, социальные представления, ценности и ориентации будут меняться в новом социальном контексте. Так, тенденциями цифрового развития выступают процессы, тем или иным образом касающиеся людей разных возрастных групп и поколений: это более раннее приобщение детей к цифровым ресурсам (Шабунова, Короленко, 2019), цифровизация рабочих мест, что актуально для людей трудоспособного возраста, старение населения и связанные с этим барьеры цифрового участия наравне с его возрастающей важностью для людей старших возрастов (Сенокосова, 2018; Смирных, 2020). Это предопределяет актуальность исследований в данном направлении.

Современные исследователи так или иначе обращаются к рассмотрению влияния возраста пользователей ПК и интернета на формирование и масштабы цифровых разрывов (Волченко, 2016; Шиняева, Слепова, 2019; Robinson et al., 2015; Yates et al., 2015). Доказано влияние возраста на пользование цифровыми услугами, в частности финансовыми (Кучмаева, Архипова, 2017), потребительское поведение в сети (Горелова, Серебровская, 2021). В работе (Варламова, 2022) изучена динамика межпоколенческого разрыва в доступе к интернету, показано, что она достаточно стабильна и в отсутствие внешних шоков в краткосрочной перспективе сохранится в существующих границах.

Наиболее часто рассматриваются определенные группы населения по социально-демографическим характеристикам, где возраст является детерминантой: это дети, молодые люди и пожилые люди (чаще пред- и пенсионного возраста, третьего 60+ и четвертого 75+ возрастов). Оценивается уровень владения цифровыми навыками как важная составляющая для получения образования, конкурентоспособности на рынке труда, обращения к услугам в цифровом формате и т. д. (Смирных, 2020; Соломатина, 2020). Особый интерес представляют крайние противоположные группы: дети и пожилые. Для детей цифровая среда рассматривается как рискогенная, изучается ее негативное влияние на здоровье, успеваемость. Возникновение зависимостей становится важным предметом исследования в социологии, психологии, педагогике и демографии (Шакирова, 2020; Chassiakos et al., 2016; Donelle et al., 2021). В отношении пожилых чаще рассматриваются возможные преимущества их включения в пользование цифровыми благами, в частности для повышения качества жизни, продления периода занятости, переобучения в старшем возрасте (Биккулов, Сергеева, 2016; Anderson, Perrin, 2017; Mitzner et al., 2019). Кроме того, медицинские исследования фиксируют сохранение устойчи-

вых когнитивных функций и продление долголетия пожилых людей при использовании интернета и компьютера (Berger et al., 2012). Несмотря на исследовательский интерес, общей картины различий в доступе к ИКТ, наличии цифровых навыков, привилегий в использовании интернета для пожилых, в частности на региональном уровне, не сформировано.

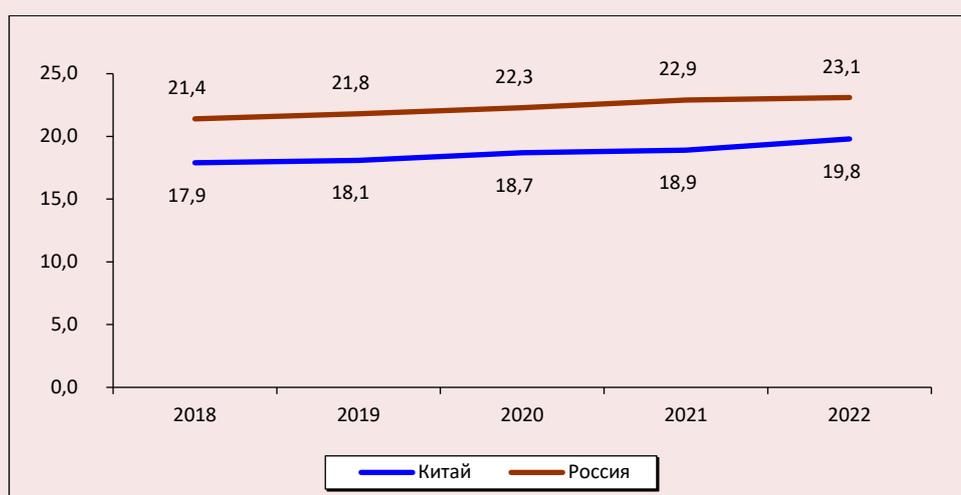
Таким образом, и в Китае, и в России исследование цифровых разрывов находится в начальной стадии, актуальным является изучение их масштабов, факторов распространения и поиска инструментов снижения в целях нивелирования возможных рисков и повышения качества жизни населения.

Использование цифровых технологий пожилыми людьми

Первая тенденция в рассматриваемых странах — ускоренное старение населения и увеличение числа пожилых интернет-пользователей.

В последние годы старение населения продолжает ускоряться. За 5 лет доля населения старшего возраста в Китае выросла на 1,9 п. п. и составила 19,8% в 2022 году (рис. 1). В России демографическое старение глубже, темпы прироста — схожие, в период 2018–2022 гг. доля пожилых увеличилась на 1,7 п. п. и составила 23,1% в 2022 году.

Рис. 1. Доля населения в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения Китая и России, %

Составлено по: данные седьмой переписи населения Китая, статистический ежегодник Китая, статистический ежегодник России.

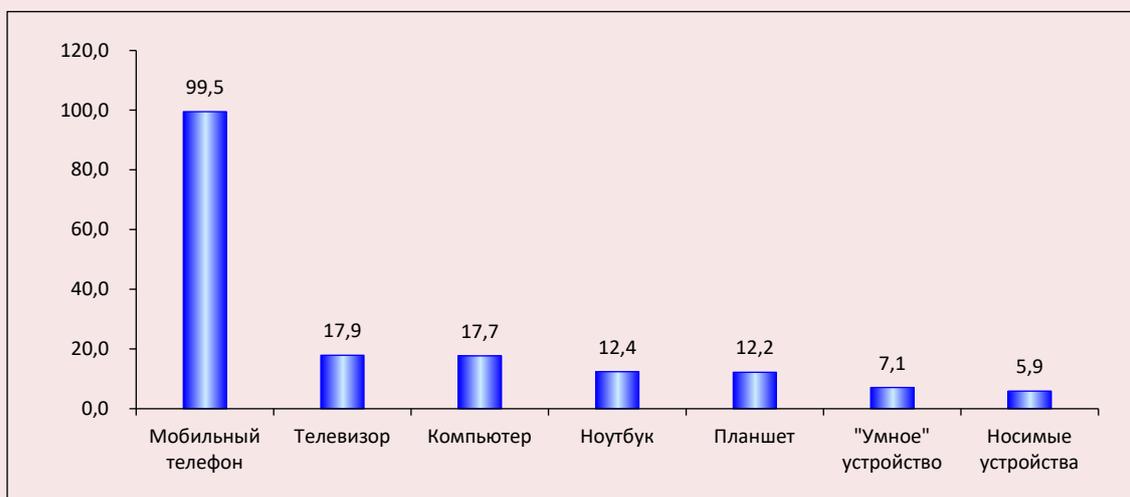
Между тем число пожилых интернет-пользователей также продолжало расти: по состоянию на декабрь 2021 года в Китае насчитывалось 119 миллионов интернет-пользователей в возрасте 60 лет и старше, в результате чего уровень проникновения интернета среди пожилого населения равнялся 43,2%⁴. В России в 2022 году доля интернет-пользователей старше 60 лет составляла более 17,9 млн человек, уровень проникновения интернета среди пожилого населения – 53%⁵. За последние 5 лет доля пожилых пользователей интернета в России выросла вдвое: с 7,9% от всего населения старше 15 лет в 2018 году до 15,2% в 2022 году. В целом положительные тенденции включения людей старшего поколения в цифровое пространство, в частности позитивное отношение и доверие к нему, в России нарастают. Выяснено, что для устранения межпоколенческого разрыва в цифровизации и достижения уровня проникновения интернета в среде пенсионеров, аналогичного молодежному уровню, потребуется 4,2 года в

отношении молодых пенсионеров (55–64 лет) и 7,4 года для людей в возрасте 65–74 лет (Груздева, 2022).

Второй тренд заключается в том, что китайские исследователи наблюдают стремление пожилых людей к использованию мобильных устройств для выхода в интернет. Доля пожилых интернет-пользователей, применяющих мобильные телефоны для доступа в интернет, в КНР достигла 99,5%, что практически совпадает с долей интернет-пользователей в целом (рис. 2). Тех, кто использует умные домашние и носимые устройства для доступа в интернет, насчитывается менее 10%.

В России 97,7% пожилых людей из возрастной группы 60–69 лет пользуются мобильным телефоном, в том числе для выхода в интернет, из группы 70–79 уже чуть меньше – 91,5%, в возрасте старше 80 лет – 67,4%. Уровень использования персональных компьютеров в старших возрастных группах значительно ниже, чем у людей молодого и среднего возраста.

Рис. 2. Устройства, которые пожилые пользователи применяют для доступа в интернет в Китае, %

Источник: 49-й статистический отчет о развитии интернета в Китае.

⁴ 49-й статистический отчет о развитии интернета в Китае. URL: <http://www.cnnic.net.cn/n4/2022/0401/c88-1131.html>

⁵ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html

Если в двух последних группах доля использующих ПК в последние 12 месяцев составляла более 87%, то для людей в возрасте 65–74 – только 52%, старше 75 лет – 20,8%.

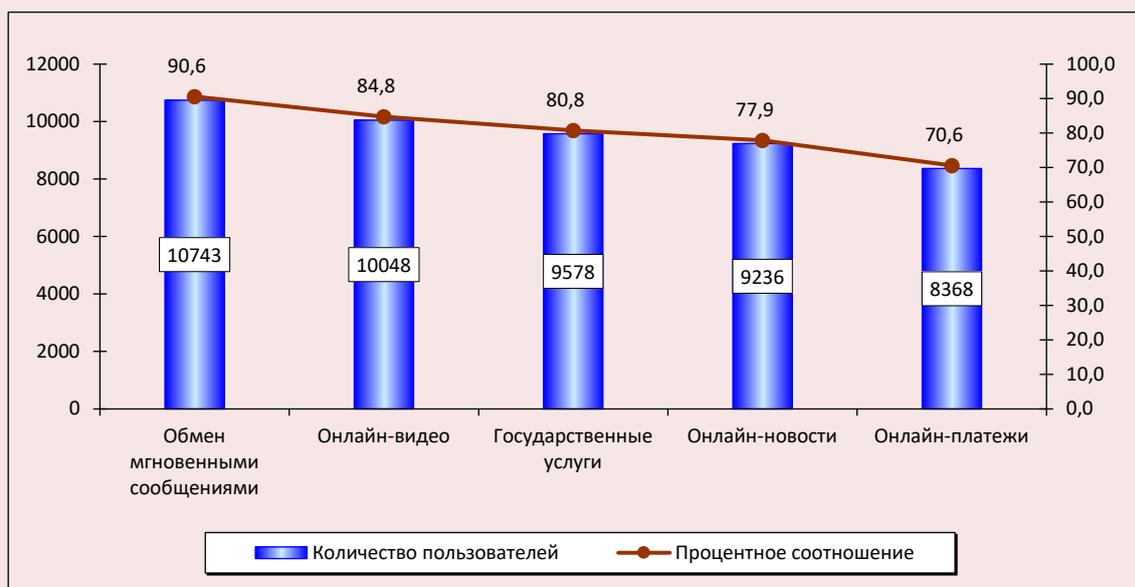
Необходимо отметить, что стремление к мобильности является общемировым трендом (Груздева, 2020). С одной стороны, эта тенденция продиктована доступностью и удобством мобильной связи и интернета, с другой – доходными возможностями населения для приобретения персональных компьютеров, обновления программного обеспечения, установки проводного интернета. Эмпирические данные о наличии в домашних хозяйствах россиян персональных компьютеров показывают позитивную картину: на 100 семей число ПК уже давно превышает 100, однако замеры не учитывают моральное устаревание оборудования, повышающиеся требования к устройствам для интернет-серфинга, просмотра видео в высоком разрешении и т. д.

Среди услуг, наиболее часто используемых пожилыми интернет-пользователями в Китае, можно отметить обмен мгновенными сообщениями, онлайн-видео, государственные услуги, онлайн-новости и онлайн-платежи (рис. 3).

Онлайн-новости – единственное приложение, коэффициент использования которого среди пожилых превышает коэффициент использования среди интернет-пользователей в целом; то есть пожилые интернет-пользователи более активно следят за событиями в реальном времени и актуальными новостями.

В России практики использования интернета пожилыми отличаются от практик других возрастных групп: по наблюдениям в масштабах страны люди старше 60 лет значительно реже применяют интернет как место для покупок и получения государственных и муниципальных услуг онлайн (таблица). По данным регионального опроса, проведенного в Вологодской области в 2021 году, пожилые люди реже пользуются всеми категориями возможностей и предпочитают личный визит в ведомство онлайн-форме получения государственных услуг (Груздева, 2021). Весомую роль в этом играет более низкий уровень доверия интернет-практикам, пожилые люди чаще оказываются жертвами мошенников, опасаются потери финансовых средств при недостаточном опыте обращения с ними при онлайн-оплатах и т. д.

Рис. 3. Приложения, наиболее востребованные среди пожилых интернет-пользователей

Источник: 49-й статистический отчет о развитии интернета в Китае.

Практики использования интернета представителями различных возрастных групп в России, 2022 год, %

Показатель	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–69	70–79	80 и старше
Доля населения в возрасте 15 лет и старше, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и/или услуг	52,2	71,6	74,1	73,2	71,1	66,4	60,0	52,4	42,9	24,4	8,6	1,8
Доля населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг	65,5	77,6	81,6	83,3	83,7	81,1	79,4	74,2	67,6	45,0	Н. д.	Н. д.

Источник: Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html

Цифровая интеграция или «цифровой разрыв»: дилемма для пожилых

Пожилые люди получают меньше выгод от инклюзивной цифровой экономики. По сравнению с молодежью они находятся в значительно менее выгодном положении с точки зрения доступа к цифровым технологиям и их использования, а различные экономические возможности, открывающиеся благодаря инклюзивным цифровым технологиям, зачастую косвенно исключают людей старшего возраста, что снижает уровень доступности цифровых технологий для пожилого населения и возможности цифрового потребления (Yifei, 2019). Хотя цифровая экономика способствовала значительной автоматизации и интеллектуализации производства, предоставив больше возможностей для экономического роста, она также вызвала безработицу среди стареющего населения (Chenxi, 2020). Например, в сельской местности автоматизация и интеллектуальные технологии неизбежно приведут к тому, что здоровые люди раннего пожилого возраста окажутся в группе риска и могут потерять работу в отдельных отраслях, например в сельском хозяйстве, транспортной сфере и т. д. Офлайн-магазины, где могут работать пожилые, испытывают серьезную конкуренцию ввиду быстрого развития онлайн-торговли и логистики, что делает пожилых работников розничной торговли более уязвимыми в плане потери работы (Zechi et al., 2016).

В результате пенсионной реформы, начавшейся в России в 2019 году, выросла доля работников в старших возрастах. Все это проис-

ходило в условиях цифровизации экономики, возрастания требований к рабочим местам и функциям в самых различных областях, начиная с продавцов (переход на новую электронную маркировку, новые кассы, терминалы оплаты), работников сферы социальных услуг, заканчивая высокотехнологичными сферами. Таким образом, на рынке труда увеличилась доля «цифровых мигрантов», исследователи стали отмечать формирование техноэйджизма в силу стереотипов и дискриминации пожилых людей, что в свою очередь сопровождается технострессом на рабочем месте. Это отрицательно влияет на результаты труда, ставит пожилых работников в уязвимое положение (Карапетян и др., 2021).

В целом цифровое общество предлагает широкие возможности для развития, но большинство пожилых людей имеют ограничения, связанные с физическим состоянием, поэтому получают меньше выгод от инклюзивной цифровой экономики по сравнению с представителями более молодых групп.

Выделяются трудности с удовлетворением потребностей пожилых людей в продукции, учитывающей их возрастные особенности. Некоторые цифровые продукты, представленные на рынке, разработаны без учета особых потребностей стареющего населения и сложны в эксплуатации (Hodong, 2020). Пожилые люди часто попадают в неловкие ситуации, например испытывают трудности с онлайн-записью на прием к врачу и покупкой билетов, боятся совершать банковские операции на основе самообслуживания, а также испытывают трудности

при оплате покупок наличными (Xiaohong, 2016). Результаты исследования свидетельствуют, что относительно большое число пожилых интернет-пользователей в Китае могут самостоятельно совершать такие действия онлайн, как предъявление медицинского кода / проездной карты, покупка товаров повседневного спроса и поиск информации (69,7, 52,1 и 46,2% соответственно); в то же время меньшее число пожилых интернет-пользователей могут самостоятельно совершить такие онлайн-действия, как вызов такси, заказ билетов и запись на прием к врачу. При отсутствии навыка пользования смартфоном или приложением 55,7% пожилых интернет-пользователей «попросят помощи у членов семьи или друзей», 21,1% предпочитают «отказаться от использования», а 20,0% — «научатся пользоваться самостоятельно по инструкции». Следовательно, пожилые интернет-пользователи в большей степени зависят от помощи со стороны.

Каналы социального участия пожилых людей относительно узкие. Развитие цифровых технологий предоставляет все новые и новые способы участия в общественной деятельности, однако старшее поколение не проявляет активности в изучении чего-то нового, в том числе из-за физического состояния и других ограничений. Чаще всего пожилые получают информацию в одностороннем порядке из традиционных СМИ, таких как телевидение и радио (Hongyan et al., 2020). В то же время цифровое общество, которое делает акцент на двустороннем взаимодействии, способствует коммуникации между людьми, прогрессу и развитию инноваций посредством перекрестно распределенных сетей передачи данных. Поэтому технологическое развитие в определенной степени влияет на активное или пассивное формирование «технофобии» у пожилых людей, что сказывается на их участии в общественной жизни (Peng, Wenting, 2021). В последние годы государство и соответствующие ведомства, сообщества и организации общественного благосостояния расширяют социальное участие пожилых людей в цифровую эпоху посредством различных мероприятий. Однако на сегодняшний день все еще существуют проблемы, например неадекватные механизмы управления деятельностью и недостаточное распределение ресур-

сов для деятельности. Необходимо еще многое сделать для расширения цифрового участия пожилых людей (Zechi, 2021).

Поскольку пожилые не являются основными пользователями смарт-устройств, а также вследствие наличия пробелов в цифровом образовании и его популяризации среди людей старшего возраста необходимо повышать уровень цифровой грамотности пожилых людей в целом. В условиях цифрового разрыва некоторые пожилые интернет-пользователи также становятся «интернет-зависимыми» и попадают в «интернет-ловушки» (Lili, 2014). Данные исследования показывают, что некоторые люди старшего возраста используют мобильные приложения в среднем более трех часов в день; 17,25% опрошенных пожилых сталкивались с онлайн-мошенничеством, например принуждением к покупке поддельных медицинских товаров, навязыванием ложной медицинской информации, мошенничеством с «выгодной мобильной связью» и навязыванием «высокодоходных» финансовых продуктов. Стоит обратить внимание на слабую способность пожилых людей фильтровать информацию в цифровом обществе: при избытке всевозможной информации, циркулирующей в интернете, 80% опрошенных пожилых людей доверяют только собственному мнению, а 60% из них будут использовать веб-сайты или приложения для проверки подлинности информации. Отсутствие внутренней мотивации у пожилых также является важным фактором цифрового разрыва; у большинства людей старшего возраста отсутствует желание исследовать новое в цифровом обществе, они не проявляют активность в сфере изучения или использования умных устройств и продуктов, что приводит к дальнейшему увеличению разрыва между ними и цифровым обществом (Yongai et al., 2019).

Как пожилые люди могут преодолеть цифровой разрыв

Преодоление цифрового разрыва в отношении пожилых должно осуществляться с акцентом на их поддержку в целом. В цифровую эпоху важно, чтобы как можно больше людей старшего возраста шли в ногу со временем. Предлагаемые меры можно разделить на три группы, подразумевающие учет возрастных особенностей при создании цифровых продук-

тов, защиту финансовой безопасности пожилых при цифровых взаимодействиях и создание специальных обучающих программ, в том числе профессиональных, для пожилых людей.

Учет возрастных особенностей при создании программного обеспечения, гаджетов

Государство должно активно продвигать проекты и программы, учитывающие особенности пожилого населения и направленные на расширение его цифровых возможностей, помогая пожилым людям интегрироваться в цифровое общество.

Необходимо разрабатывать и продвигать приложения с версией «забота» и специальным режимом, облегчающим их использование пожилыми людьми (с большими кнопками, крупным шрифтом, крупными иконками и высокой громкостью), адаптировать онлайн-среду к тенденциям поведения пожилых интернет-пользователей (упростить пользовательский интерфейс, структуру, функции и процесс). Приложения должны охватывать различные сервисы, такие как новости и информация, социальные сети и коммуникации, поисковая система, покупки, финансовые услуги, путешествия, медицина и здравоохранение и т. д., чтобы более эффективно удовлетворять онлайн-потребности пожилых людей. При разработке приложений для покупок и путешествий крупные интернет-компании должны упростить поиск, выбор, оплату и другие функции, а также этапы использования этих функций для пожилых людей, чтобы реализовать основные функции «запуск в один клик».

Создание технологических инноваций и научно-исследовательских разработок, интеллектуальных продуктов и услуг для пожилых людей возможно через государственное стимулирование, предоставление субсидий, организацию конкурсов проектов, закупки услуг и т. д. в отношении компаний, учитывающих физиологические особенности и потребности людей старшего возраста при проектировании и разработке своей продукции.

Защита финансовой безопасности пожилых людей при цифровых взаимодействиях

Поощряется введение специальных льготных тарифов для групп пожилых людей и разумное снижение стоимости услуг мобильной связи и широкополосного интернета.

Следует принимать меры по усилению поддержки и надзора в целях создания безопасной цифровой среды для пожилых. Важно совершенствовать финансовую систему, улучшать систему регулирования и внедрять соответствующие институциональные механизмы, чтобы обеспечить безопасное участие пожилых людей в цифровой экономике; бороться с онлайн-мошенничеством и незаконными действиями. От цифрового неравенства в основном страдают именно пожилые, поэтому необходимо создать специальный финансовый фонд для сокращения цифровой бедности среди людей старшего возраста, в частности для приобретения цифровых продуктов, предоставления услуг цифрового образования, улучшения информационной инфраструктуры и т. д., чтобы обеспечить населению равные возможности для цифрового развития. Важно повышать информированность пожилых людей о кибербезопасности, предоставлять им основные стратегии защиты и правовую защиту их личной информации в целях создания безопасной и надежной среды для доступа в интернет.

Образовательные программы для пожилых людей

Следует активно увеличивать число образовательных ресурсов для пожилых, внедрять инновационные идеи в эту сферу, укреплять систему вспомогательных услуг для образования пожилых, чтобы люди старшего возраста могли оценить преимущества цифровой экономики и получить удовольствие от использования ее продуктов в процессе обучения. В российской практике образовательные проекты по повышению цифровой грамотности пожилых поддерживаются фондами (Фонд Президентских грантов, Фонд Тимченко и т. д.). Это, помимо прочего, косвенно решает задачу налаживания межпоколенческой коммуникации, так как преподавателями становятся представители более молодых поколений, а усовершенствованные навыки пожилые могут использовать для общения с семьей в интернете.

Для людей старшего возраста, желающих найти работу, следует организовывать программы по трудоустройству и соответствующее обучение для ознакомления с особенностями цифровой экономики. Подобные программы

уже успешно реализуются в России: курсы цифровой грамотности в рамках реализации нацпроекта «Цифровая экономика», университеты третьего возраста / серебряного возраста (Санкт-Петербург, Курск, Калуга).

Заключение

Цифровизация несет как риски, так и возможности повышения качества жизни населения и отдельных его групп. Старшее поколение с точки зрения включенности в цифровую среду остается более уязвимым. Вместе с тем масштабы доступности устройств и интернета для пожилых людей в России и Китае достаточно высоки и продолжают расти. Участие государства и гражданского общества в преодолении возрастных аспектов цифрового разрыва имеет заметные результаты. Повышение эффективности работы в данном направлении связано с адаптацией цифровых услуг и сервисов, гаджетов к особенностям пожилых пользователей. Эти особенности могут быть присущи пред-

ставителям и других возрастных групп в силу индивидуальных когнитивных характеристик. Так или иначе, цифровизация — часть социальной реальности и перспективный тренд социально-экономического развития. Важный вопрос состоит в том, чтобы усилить социальную интеграцию групп населения, находящихся в неблагоприятном положении с точки зрения цифровых технологий. Нужно уделять внимание цифровой интеграции пожилых людей, которые находятся в более уязвимом положении, помочь им сохранять привычный образ жизни, что также является воплощением социальной среды, благоприятной для цифровых технологий.

В связи с этим политика России и Китая наряду с целями экономического роста ставит задачу обеспечить равные возможности для максимальной реализации преимуществ и снижения цифрового разрыва всем членам цифрового общества.

Литература

- Биккулов А.С., Сергеева О.В. (2016). «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (42). С. 95–103.
- Варламова Ю.А. (2022). Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. № 31 (2). С. 51–74. URL: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>
- Волченко О.В. (2016). Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. (2019). Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172
- Горелова Т.П., Серебровская Т.Б. (2021). Поколение N: формирование новых цифровых потребителей // Проблемы теории и практики управления. № 6. С. 263–278.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л. (2020). Глобальное старение и будущее глобального мира // Век глобализации. № 1 (33). С. 3–20.
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Груздева М.А. (2022). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14
- Груздева М.А. (2021). Цифровизация государственных и муниципальных услуг: портрет регионального пользователя // Журнал исследований по управлению. № 5. С. 3–13.
- Зарубина Ю.Н., Власова А.А. (2018). Гендерное неравенство в цифровом обществе // Вестник социально-политических наук. № 17. С. 16–20.
- Карапетян Р.В., Лебедева Е.В., Титаренко Л.Г. (2021). Техноэйджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований // Успехи геронтологии. Т. 34. № 2. С. 311–318.

- Кучмаева О.В., Архипова Ю.М. (2021). Цифровые технологии в повседневной жизни россиян // Вопросы статистики. № 3. С. 45–55.
- Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Научно-технологическая сфера и предпринимательство: научно-аналитическое издание (2019) / колл. авторов, под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 75 с.
- Сенокосова О.В. (2018). Проблемы использования труда и подготовки населения в возрасте 60+ // Профессиональная ориентация. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-truda-i-podgotovki-naseleniya-v-vozraste-60>
- Смирных Л.И. (2020). Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. № 12. С. 104–124.
- Соломатина В.А. (2020). Цифровая грамотность детей на ранних этапах развития // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. № 1 (37). С. 71–74.
- Тоффлер Э. (2003). Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: Издательство АСТ. 669 с.
- Шабунова А.А., Короленко А.В. (2019). Вовлеченность детей в цифровое пространство: тенденции гаджетизации и угрозы развитию человеческого потенциала // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 3. № 4. С. 430–442.
- Шакирова Г.Ф. (2020). Психологические особенности гаджет-зависимости учащихся // Казанский педагогический журнал. № 1 (138). С. 217–223.
- Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. (2019). Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>
- Шиняева О.В., Слепова О.М. (2019). Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 19. Вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>
- Anderson M., Perrin A. (2017). *Tech Adoption Climbs Among Older Adults: Technology Use Among Seniors*. Pew Research Center. Available at: http://assets.pewresearch.org/wpcontent/uploads/sites/14/2017/05/16170850/PI_2017.05.17_OlderAmericans-Tech_FINAL.pdf
- Berner J., Rennemark M., Jøgræus C., Berglund J. (2012). Distribution of personality, individual characteristics and internet usage in Swedish older adults. *Aging and Mental Health*, 16, 119–126. DOI:10.1080/13607863.2011.602958
- Bin W. (2020). A study on the influencing factors of internet use among Chinese senior citizens in a multidimensional explanatory perspective. *Population and Development*, 26(3), 98–106.
- Chassiakos Y.J., Radesky D., Christakis M., Moreno C. (2016). Cross children and adolescents and digital media. *Pediatrics*, 138(5). DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-2593>
- Chenxi H. (2020) The current situation, challenges and countermeasures of the digital divide of the elderly. *People's Forum*, 29(10), 126–128.
- Donelle L., Facca D., Burke Sh. et al. (2021). Exploring Canadian children's social media use, digital literacy, and quality of life: Pilot cross-sectional survey study. *JMIR Formative Research*, 5. DOI: 10.2196/18771
- Hodong Y., Peng H., Sangui W. (2020). Digital transformation of agriculture and rural areas: Realistic representation, influence mechanism and promotion strategy. *Reform*, 12, 48–56.
- Hongyan Y., Xin Ch. et al. (2020). Potential categories and influencing factors of mental health of the elderly. *Social Security Research*, 2, 20–28.
- Joan M.K. (2005) The digital divide: Internet and E-mail use by the elderly. *Medical Informatics and the Internet in Medicine*, 30(01), 19–23.
- Kaijie D. (2009) Bridging the digital divide: A social integration perspective. *Contemporary World and Socialism*, 03, 159–162.
- Kurant N., Osei-Hwedie B.Z. (2019) *Digital Financial Integration, Investment, Economic Growth, Development and Poverty Reduction*. Bradford: Emerald Publishing Limited.
- Lili Xie (2014). A study on the factors influencing the internet use of the elderly based on the theory of planned behavior. *Scientific Research on Aging*, 4, 50–59.
- Mitzner T., Savla J., Boot W. et al. (2019). Technology adoption by older adults: Findings from the PRISM trial. *Gerontologist*, 59(1), 34–44. DOI:10.1093/geront/gny113

- Niehaves B., Plattfaut R. (2014). Internet adoption by the elderly: Employing IS technology acceptance theories for understanding the age-related digital divide. *European Journal of Information Systems*, 23, 708–726.
- Nieminen H. (2016). Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 31(1), 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
- Peng Du, Wenting Han (2021). Internet and the seniors' life: Challenges and opportunities. *Population Studies*, 3, 3–16.
- Prensky M. (2001). Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon. MCB University Press*, 9(5).
- Ragnedda M., Kreitem H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 4, 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
- Ramon T.M., Angel J. (2016). The capacity of elderly citizens to access digital media in Andalusia (Spain). *Information Communication and Society*, 19(10), 1427–1444
- Robinson L., Cotten S.R., Ono H. et al. (2015). Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*, 18(5), 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532
- Silver H. (1994). Social exclusion and social solidarity: three paradigms. *International Labour Review*, 133, 531–578.
- Skiter N.N., Ketko N.V., Rogachev A.F. et al. (2020). Institutional poverty as one of the main threats to the digital economy. *International Journal of Sociology and Social Policy*, ahead-of-print.
- Tianqi M., Lu D., Peng H. (2021). Digital economy and urban and rural inclusive growth: A perspective based on digital skills. *Financial Review*, 13(04), 36–125.
- Xiangming Zh., Xingdong F. (2022). Smart divide: Paradigm shift of digital divide. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 44(04), 133–142.
- Xiaohong Zh. (2016). Intergenerational differences in reverse cultural nurturing and media influence. *Journal of Jiangsu Administrative College*, 2, 63–69.
- Yates S., Kirby J., Lockley E. (2015). Digital media use: Differences and inequalities in relation to class and age. *Sociological Research Online*, 20(4), 1–21. DOI: 10.5153/sro.3751
- Yifei G. (2019). Protection of the rights of the “digital disadvantaged” in the smart society. *Jianghai Journal*, 5, 163–169.
- Yong'ai Jin, Menghan Zhao (2019). Internet use and active aging of Chinese elders: An analysis based on data from the 2016 China Social Tracking Survey of the Elderly. *Journal of Population*, 6, 44–55.
- Zechi Q., Shuqin Zh., Shiding L. (2016). From digital divide to dividend difference – a perspective of internet capital. *China Social Science*, 10, 93–115.
- Zechi Qiu (2021). How to cross the intergenerational digital divide in the context of population aging. *Popular Tribune*, 6, 15–18.

Сведения об авторах

Фан Фан – научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (649 Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: 604376473@qq.com)

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Тань Жоюй – научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (649 Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: tanruoyu1995@163.com)

Чжан Сяося – младший научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси (649 Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: xiao9624217@163.com)

Fang Fang, Gruzdeva M.A., Tan Ruoyu, Zhang Xiaoxia

The Experience of Russia and China in Addressing the Age Aspect of the Digital Divide

Abstract. The process of demographic aging is global and irreversible, and the share of the elderly in the population of most countries will steadily increase. This sets strategic tasks of taking these trends into account in management, creating conditions for quality life of people in older ages. In the conditions of rapid digitalization of the economy and branches of the social sphere, the issue of integration of elderly people into modern processes, monitoring the dynamics and factors of inclusion, and creating conditions for leveling various kinds of related exclusion is acute. The aim of the article is to comparatively analyze the practices of digital inclusion of the elderly in China and Russia in order to identify opportunities to improve their effectiveness. We used a complex of general scientific methods and relevant empirical base, consisting of data from population censuses and statistics on the development of information and communication infrastructure in the countries under consideration. We show the current state of research on the problem of age digital divide in China, Russia and other countries. We outline the scale and main trends in the use of digital technologies by elderly people, which unite China and Russia and are expressed in the growing number of Internet users in older ages, the desire for more active use of mobile Internet and mobile apps. The main constraints and challenges for the elderly with inadequate digital inclusion are formulated. In the conclusion, the main directions of development and increasing the effectiveness of inclusion practices of the older generation in digital interactions are formed. The results may be useful for formulating management decisions for successful digital development in the countries under consideration.

Key words: digitalization, digital inequality, digital divide, digital divide age factor, elderly people, Russia, China.

Information about the Authors

Fang Fang – Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: 604376473@qq.com)

Mariya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Tan Ruoyu – Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: tanruoyu1995@163.com)

Zhang Xiaoxia – Junior Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, Hongdu North Avenue, Nanchang, Jiangxi, 330077, China; e-mail: xiao9624217@163.com)

Статья поступила 14.07.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.15

УДК 330.15:502.335, ББК 65.28

© Дургун Ф., Даянир А.

К проблеме изучения взаимосвязи между экономическим ростом, человеческим капиталом и качеством окружающей среды

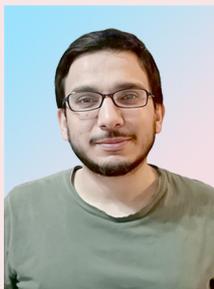
Фунда ДУРГУН

Университет Диджле

Диярбакыр, Турция

e-mail: funda.uncu@dicle.edu.tr

ORCID: 0000-0001-7254-227X

Азиз ДАЯНИР

Стамбульский университет

Стамбул, Турция

e-mail: aziz.dayanir@istanbul.edu.tr

ORCID: 0000-0001-7279-1487

Аннотация. Различные виды антропогенной деятельности, приводящие к выбросу парниковых газов, усугубляют проблемы, связанные с изменением климата. Растущая необходимость смягчения пагубных последствий глобального потепления привлекает внимание к ухудшающему экологии воздействию ископаемого топлива. В нашем эмпирическом исследовании на основе данных за 1990–2019 гг. изучается взаимосвязь между человеческим капиталом Китая (h_c), ростом ВВП ($lgdp$), энергоемкостью (lei) и ухудшением состояния окружающей среды (lco_2). Анализируются макроэкономические данные по Китаю; для анализа коинтеграции используется тест Байера – Ханка, а для анализа причинности – тест Тода – Ямамото. Коинтеграционный анализ показывает, что существует коинтегрированная зависимость между lco_2 , h_c , $lgdp$ и lei .

Для цитирования: Дургун Ф., Даянир А. (2023). К проблеме изучения взаимосвязи между экономическим ростом, человеческим капиталом и качеством окружающей среды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 262–278. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.15

For citation: Durgun F., Dayanir A. (2023). Revisiting the linkages between economic growth, human capital and environmental quality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 262–278. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.15

Согласно результатам FMOLS-анализа, рост энергоемкости, ВВП и уровня человеческого капитала приводит к увеличению выбросов углекислого газа в долгосрочной перспективе. Повышение энергоэффективности благоприятно сказывается на состоянии окружающей среды, а экономический рост и увеличение человеческого капитала оказывают неблагоприятное воздействие на экологическую обстановку. Тест причинности Тода – Ямамото позволил получить результаты, свидетельствующие о наличии причинно-следственных связей между человеческим капиталом и объемом выбросов углерода, а также между человеческим капиталом и энергоемкостью. Более того, было замечено, что первая переменная оказывает однонаправленное влияние на вторую. Также существует однонаправленная причинно-следственная связь всех переменных с объемом выбросов углерода, ростом ВВП и энергоемкости соответственно.

Ключевые слова: экономический рост, человеческий капитал, Китай, выбросы CO₂, коинтеграция Байера – Ханка.

Введение

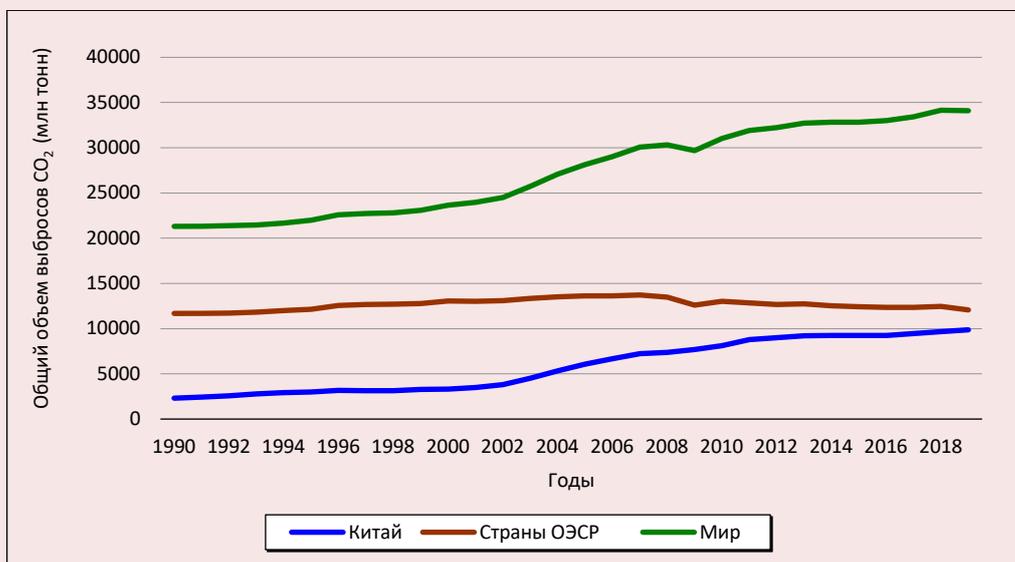
Ухудшение состояния окружающей среды в первую очередь связано с загрязнением парниковыми газами в результате человеческой деятельности. Наибольшая часть антропогенных выбросов появляется в ходе производства продукции с использованием энергии, получаемой из ископаемого топлива. Проблемам глобального потепления и изменения климата по-прежнему уделяется значительное внимание в современном научном дискурсе, причем важное место отведено экологическим последствиям поведения человека и, следовательно, вопросам антропогенного загрязнения окружающей среды. Поэтому необходимо понимать взаимосвязи ухудшения состояния окружающей среды с ростом экономики и другими факторами, вызывающими экологические проблемы. Снижение антропогенных выбросов стало актуальным вопросом и для политиков, поскольку требуется решать экологические проблемы и обеспечивать устойчивое развитие экономики. Наибольшую долю среди выбросов парниковых газов составляют выбросы CO₂. Основной целью стран в процессе экономического роста является увеличение объемов производства, поэтому начиная с 1990-х гг. экологические проблемы приобрели глобальный масштаб. Наиболее заметными среди них являются безответственное потребление природных ресурсов, уменьшение площади зеленых зон и глобальное потепление. Последнее, ввиду быстрого и масштабного воздействия, вышло на первое место в списке проблем, требующих решения. Объем

выбросов парниковых газов в результате антропогенной деятельности, являющихся важным фактором, способствующим глобальному потеплению, продолжает возрастать с каждым годом (рис. 1, 2). По данным BP Statistics, в период с 1990 по 2019 год общий мировой объем выбросов CO₂ от энергетики и глобальный объем выбросов углерода на душу населения увеличились на 60 и 10% соответственно¹.

Начиная с 1990-х гг. рост выбросов CO₂ в результате антропогенной деятельности в новых индустриальных странах был более значительным, чем в промышленно развитых (Kasman, Duman, 2015). Среди новых индустриальных стран Китай является наиболее важным и крупным государством, использующим ископаемое топливо в производстве и выбрасывающим большой объем CO₂. За последние тридцать лет экономика Китая пережила значительный период роста, что привело к чрезмерным выбросам CO₂ и, как следствие, к ухудшению окружающей среды. В 2019 году в Китае, который с 2006 года является крупнейшим в мире эмитентом CO₂, было выброшено в атмосферу около 9868,5 млн т углекислого газа. Общий объем выбросов углерода в Китае увеличился с 10,8% от общемирового показателя в 1990 году до 28,9% в 2019 году. По данным BP Energy Statistics, годовой темп роста выбросов CO₂ в Китае за

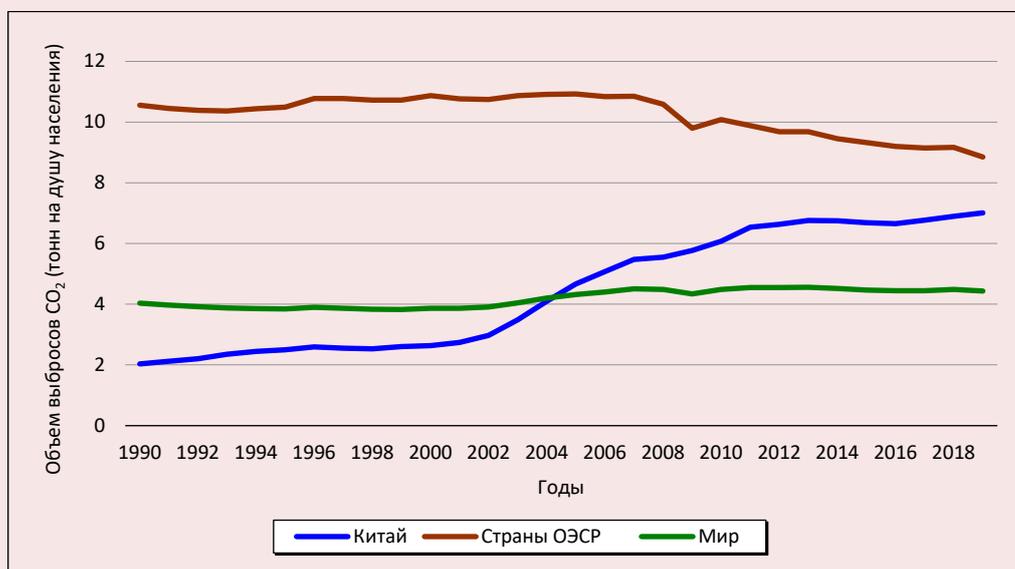
¹ BP Statistical Review of World Energy (2022). Data on Carbon Dioxide Emissions from Energy. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 19.08.2022).

Рис. 1. Общий объем выбросов CO₂

Источник: BP Statistical Review of World Energy (2022). Data on Carbon Dioxide Emissions from Energy. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 28.12.2022).

Рис. 2. Объем выбросов CO₂ на душу населения

Источник: BP Statistical Review of World Energy (2022). Data on Carbon Dioxide Emissions from Energy. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 28.12.2022).

период с 1990 по 2019 год составил 10,9%². С 1990 по 2019 год разрыв по общему объему выбросов CO₂ между Китаем и странами ОЭСР сокращается (см. рис. 1), т. к. за этот период (несмотря на небольшое снижение в последние годы) суммарный объем выбросов CO₂ в странах ОЭСР практически не изменился, а в Китае – возрос почти в четыре раза.

На рисунке 2 показано, как продолжает сокращаться разрыв в уровне выбросов CO₂ на душу населения между Китаем и государствами ОЭСР. Объем выбросов углекислого газа на душу населения в Китае превышает средние показатели по всем остальным странам. Несмотря на снижение среднего уровня выбросов CO₂ на душу населения в странах ОЭСР, на 10%-ный рост мировых выбросов на душу населения повлияло значительное увеличение выбросов в Китае. Китай официально вступил в ВТО в декабре 2001 года (Teng, 2004), что привело к росту производства в стране за счет реализации стратегии развития, ориентированной на экспорт, и увеличению с этого времени как общего объема выбросов CO₂, так и выбросов на душу населения.

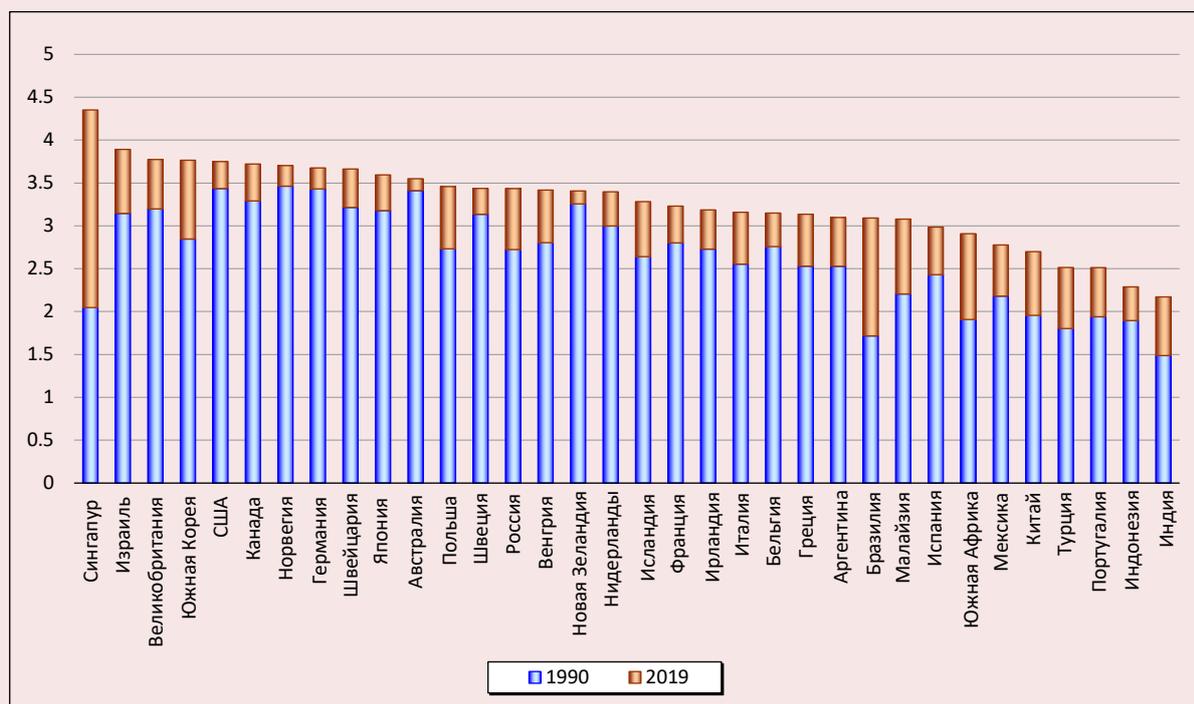
Данные, представленные на рисунках 1 и 2, отражают влияние мирового экономического спада на ситуацию в Китае, странах ОЭСР и других регионах мира. Глобальный экономический кризис 2008 года серьезно затронул мировую экономику и страны ОЭСР, но в меньшей степени Китай. По состоянию на 2008 год выбросы CO₂ снизились в странах ОЭСР и оставались стабильными в мире из-за сокращения производства. В Китае же такого снижения уровня выбросов из-за экономического кризиса 2008 года не произошло.

Для борьбы с загрязнением окружающей среды важно применять как традиционные, так и нетрадиционные методы. Один из нетрадиционных методов включает рассмотрение человеческого капитала. Многочисленные исследования показывают, что рост

человеческого капитала уменьшает выбросы углекислого газа. В литературе подчеркивается, что инвестиции в образование способствуют снижению выбросов CO₂. Предполагается, что высокообразованные люди будут использовать продукцию с низким уровнем выбросов CO₂. Регионы со значительным объемом человеческого капитала, а значит, и технологического потенциала могут способствовать улучшению экологической обстановки, поскольку в них могут применяться сложные технологии (Lan et al., 2012). Потребители с более высоким уровнем дохода тратят больше средств на «зеленые» товары, но при этом требуют соблюдения правил защиты окружающей среды (Dinda, 2004; Aytun, Akın, 2016). Высокообразованные и талантливые люди почти всегда зарабатывают больше других (Becker, 1994). Люди с растущими доходами больше заботятся об экологии, поэтому регуляторы работают более эффективно, а уровень деградации окружающей среды снижается (Dinda, 2004). Доказано, что выделение ресурсов на развитие человеческого капитала приводит к повышению производительности труда и служит катализатором экономического роста. Существует очень мало примеров стран, которые пережили период устойчивого экономического развития без значительных инвестиций в рабочую силу. Результаты большинства исследований, в которых предпринимаются попытки количественного анализа движущих сил экономического роста, показывают, что инвестиции в человеческий капитал играют важную роль (Becker, 1994). Число исследований и разработок, направленных на улучшение состояния окружающей среды, растет по мере увеличения дохода (Komen et al., 1997). Утверждается, что качественный человеческий капитал важен для технологического прогресса (Vandenbussche et al., 2006). По мере развития технологического прогресса старые технологии, загрязняющие окружающую среду, заменяются новыми и более чистыми, которые положительно влияют на качество окружающей среды (Dinda, 2004).

² BP Statistical Review of World Energy (2022). Data on Carbon Dioxide Emissions from Energy. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 19.08.2022).

Рис. 3. Индекс человеческого капитала в отдельных странах

Источник: Feenstra R.C., Inklaar R., Timmer M.P. (2015). The next generation of the Penn World Table. *American Economic Review*, 105(10), 3150–3182.

Как видно на рисунке 3, уровень человеческого капитала в Китае не очень высок, страна по этому показателю отстает от многих промышленно развитых государств. Хотя с 1990 по 2019 год уровень человеческого капитала в Китае увеличился более чем в два раза, этого недостаточно для того чтобы догнать промышленно развитые страны.

Основная цель исследования – изучить возможное влияние инвестиций в человеческий капитал как нетрадиционного метода решения проблемы загрязнения воздуха путем снижения выбросов CO_2 . Анализ взаимосвязи между индексом человеческого капитала, являющимся комплексным инструментом оценки уровня образования, и качеством окружающей среды позволит разработать предложения в сфере политики. Несмотря на то, что во многих работах рассматривалась взаимосвязь между уровнем образования в стране и его влиянием на состояние окружающей среды, в научной литературе нет единого мнения относительно конкретного направления влияния человеческого

капитала на ухудшение экологической обстановки. Различные результаты были получены в моделях, разработанных путем добавления разных контрольных переменных. Нами в качестве контрольной переменной используется энергоёмкость. Для этого применяется тест Байера – Ханка.

Работа состоит из следующих разделов: первый раздел содержит обзор литературы, посвященной взаимосвязи человеческого капитала и выбросов углекислого газа; затем рассматриваются данные и методология; далее представлены основные результаты исследования и их обсуждение; в конце статьи приводятся некоторые практические рекомендации для Китая.

Обзор литературы

В последние годы значительно увеличилось число научных исследований, посвященных факторам, влияющим на здоровье населения. Литература по качеству окружающей среды очень обширна, поскольку изучаемые страны или группы стран, используемые эконометрические методы и разрабатываемые модели

существенно отличаются друг от друга. Насколько нам известно, преобладающий массив исследований, посвященных изучению влияния человеческого капитала на качество окружающей среды, дал результаты, свидетельствующие о наличии положительной корреляции между уровнем образования и качеством окружающей среды. Однако многочисленные работы показывают, что повышение уровня человеческого капитала либо ухудшает состояние окружающей среды, либо не оказывает на него существенного влияния.

Например, Danish et al. с помощью модели авторегрессии с распределенным лагом провели анализ взаимосвязи между ростом ВВП Пакистана, экологическим следом, биоразнообразием и уровнем образования в период с 1971 по 2014 год. Показано, что инвестиции в образование не приводят к существенному увеличению экологического следа (Danish et al., 2019). Используя модель STIRPAT, Yao et al. оценили влияние уровня образования на выбросы CO₂ в странах ОЭСР в период с 1870 по 2014 год и пришли к выводу, что инвестиции в образование потенциально могут служить эффективным средством снижения выбросов углекислого газа (Yao et al., 2020).

В работе Khan проанализирована гипотеза ЕКС для 122 стран в период с 1980 по 2014 год с помощью модели Хансена. Обнаружено, что после определенного порогового уровня объем выбросов CO₂ снижается с ростом человеческого капитала (Khan, 2020). В исследовании (Hao et al., 2021) используются данные по странам G-7, собранные с 1991 по 2017 год, и перекрестная расширенная модель авторегрессии с распределенным лагом для анализа связи между человеческим капиталом и выбросами углекислого газа. Ученые пришли к выводу, что инвестиции в человеческий капитал помогают окружающей среде, поскольку способствуют снижению выбросов углекислого газа (Hao et al., 2021). Mahmood и соавторы исследовали влияние возобновляемых источников энергии и роста ВВП в Пакистане с 1980 по 2014 год на выбросы CO₂ с помощью человеческого капитала и обнаружили, что более эффективное использование человеческого капитала может способствовать снижению количества углекислого газа, попадающего в окружающую среду (Mahmood et al., 2019). В ходе исследо-

вания Beuene, в котором применялась модель STIRPAT по отношению к 38 африканским странам за период с 2000 по 2018 год, выявлена положительная нелинейная связь между индексом развития человеческого потенциала и состоянием окружающей среды (Beuene, 2022). Khan et al. изучили данные по семи странам ОЭСР за период с 1990 по 2018 год с помощью модели CS-ARDL, показав, что более высокий уровень человеческого капитала связан с более низким уровнем выбросов углекислого газа и ухудшением качества окружающей среды (Khan et al., 2021).

Используя метод квантильной регрессии с панельными данными, Chen и соавторы исследовали факторы экологического следа в 110 странах. Согласно их выводам человеческий капитал первоначально приводит к увеличению экологического следа, а впоследствии способствует его уменьшению. Кроме того, в странах с высоким уровнем дохода с ростом человеческого капитала деградация окружающей среды уменьшается, в то время как в странах с низким уровнем дохода — увеличивается (Chen et al., 2021).

Aytun и Akin исследовали причинно-следственные связи между ухудшением состояния окружающей среды, человеческим капиталом и энергопотреблением в Турции, проанализировав данные с 1971 по 2010 год. Результаты метода бутстреп показали отсутствие связи между количеством поступивших в начальную или среднюю школу и загрязнением воздуха, в то время как существует причинно-следственная связь между человеческим капиталом и ухудшением состояния окружающей среды (Aytun, Akin, 2016). В исследовании по Пакистану Li и соавторы изучили влияние экономического неравенства на качество окружающей среды с учетом глобализации и человеческого капитала за период 1980–2015 гг. и отметили, что человеческий капитал способствует загрязнению окружающей среды (Li et al., 2022).

Ahmed и Wang проанализировали влияние человеческого капитала на экологический след Индии в период с 1971 по 2014 год с помощью коинтеграционного теста и теста с авторегрессией и распределенным лагом (ARDL), выявив, что улучшение человеческого капитала способствует повышению качества окружающей среды за счет снижения экологического следа как в

краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе (Ahmed, Wang, 2019). Iorember и соавторы изучили взаимосвязь между человеческим капиталом и качеством окружающей среды в Южной Африке в период 1990–2016 гг. на основе коинтеграционных тестов Маки, модели с авторегрессией и распределенным лагом (ARDL) и тестов причинности VECM и пришли к выводу, что развитие человеческого капитала необходимо для улучшения экологической ситуации в Южной Африке за счет снижения экологического следа (Iorember et al., 2021).

В исследовании, основанном на данных по 16 странам Центральной и Восточной Европы за период с 1991 по 2014 год, Shujah-Ur-Rahman и соавторы показали, что накопление человеческого капитала способствует уменьшению экологического следа, что приводит к улучшению качества окружающей среды (Shujah-Ur-Rahman et al., 2019).

Pata и Caglar на данных по Китаю с 1980 по 2016 год проанализировали, как реальный ВВП на душу населения, уровень образования, глобализация, использование возобновляемых источников энергии и открытость торговли влияют на качество окружающей среды. Они выяснили, что темпы деградации окружающей среды в долгосрочной перспективе снижаются с ростом уровня человеческого капитала в стране (Pata, Caglar, 2021). Li и Ouyang также рассмотрели влияние уровня образования на качество воздуха, используя данные по Китаю за период с 1978 по 2015 год, с применением ARDL подхода. Результаты показали, что связь между человеческим капиталом и выбросами CO₂ имеет нелинейный характер: вначале с ростом человеческого капитала уровень выбросов CO₂ снижался (до 1992 года), затем начал увеличиваться и, наконец, снижается в долгосрочной перспективе (Li, Ouyang, 2019).

Zafar и соавторы исследовали влияние человеческого капитала на экологический след в США за 1970–2015 гг. с помощью модели ARDL и обнаружили, что повышение качества человеческого капитала улучшает состояние экологии за счет уменьшения экологического следа (Zafar et al., 2019). Jun et al., используя панельные данные по провинциям Китая за 1996–2008 гг. для изучения связи между экономическим неравенством и выбросами CO₂ с учетом чело-

веческого капитала с помощью трехступенчатого метода наименьших квадратов, пришли к выводу, что при наличии качественного человеческого капитала объем выбросов в Китае снижается и неравенство доходов уменьшается (Jun et al., 2011). Используя набор данных по 11 странам ЕС с переходной экономикой за период с 2000 по 2018 год, Bayar и соавторы исследовали потенциальную взаимосвязь между уровнем человеческого капитала и повышением качества окружающей среды, в частности за счет сокращения выбросов CO₂. Они выяснили, что более высокий уровень человеческого капитала значительно снижает выбросы CO₂ в некоторых странах, но увеличивает их в ряде других государств (Bayar et al., 2022). Sarkodie и др. изучили факторы, влияющие на деградацию окружающей среды в Китае с 1961 по 2016 год, с помощью динамической ARDL-модели и выявили, что рост человеческого капитала оказывает положительное влияние на экологический след Китая (Sarkodie et al., 2020). В исследовании, проведенном Zhang и соавторами, использовалась динамическая ARDL-модель для изучения влияния природных ресурсов, человеческого капитала и роста ВВП на экологический след и выбросы углерода в Пакистане в период с 1985 по 2018 год. Была обнаружена положительная взаимосвязь между человеческим капиталом, выбросами CO₂ и экологическим следом в краткосрочном периоде. Кроме того, в долгосрочной перспективе человеческий капитал отрицательно коррелирует с выбросами CO₂ и положительно — с экологическим следом (Zhang et al., 2021).

В 2021 году Williamson исследовал взаимосвязь между образованием, государственной структурой и выбросами углекислого газа и метана в 181 стране и пришел к выводу, что объем выбросов CO₂ снижается с ростом человеческого капитала, но только после достижения определенных пороговых уровней человеческого капитала (Williamson, 2017). Hassan и соавторы изучили влияние человеческого капитала на экологическую обстановку в Пакистане в период 1970–2014 гг. с помощью теста пределов ARDL и отметили, что человеческий капитал не оказывает статистически значимого влияния на экологический след в Пакистане (Hassan et al., 2019).

Таким образом, в ходе обзора литературы нами рассмотрено 22 исследования, в которых изучалась связь между уровнем образования и состоянием окружающей среды. Вкратце можно сказать, что существуют различные точки зрения относительно влияния уровня образования на экологическую обстановку в стране.

Методы

Эмпирическая база исследования предполагает, что на деградацию окружающей среды влияют энергоёмкость, экономический рост и человеческий капитал. Для выявления связи между переменными использовались методы анализа временных рядов. Во-первых, для определения уровней стационарности рядов применялся тест на единичный корень Квятковского и др. (Kwiatkowski et al., 1992). Затем был использован тест на коинтеграцию, предложенный Байером и Ханком (Bayer, Hanck, 2012), для определения наличия долгосрочной связи между указанными переменными. Долгосрочные параметры оценивались методом FMOLS. Для определения наличия или отсутствия причинно-следственной связи между переменными применялся тест причинности Toda – Ямамото (Toda, Yamamoto, 1995).

Тест единичного корня KPSS

Тест единичного корня KPSS, впервые предложенный авторами Kwiatkowski, Phillips, Schmidt и Shin (Kwiatkowski et al., 1992), представляет гипотезу, противоположную той, которую отражают стандартные тесты единичного корня. При наличии детерминированного тренда тест KPSS предлагается в качестве средства проверки нулевой гипотезы о том, что наблюдаемый ряд является стационарным. В тесте KPSS ряд состоит из трех структур, представляет собой комбинацию детерминированного тренда, случайного блуждания и стационарной ошибки. Тест LM используется для проверки нулевой гипотезы о том, что дисперсия случайного блуждания равна нулю в рамках теста KPSS (Kwiatkowski et al., 1992, p. 159).

Модель:

$$Y_t = \beta + \delta t + \alpha_t + \varepsilon_t, \alpha_t = \text{постоянная}, \alpha_t = \alpha_{t-1} + u_t, u_t \sim WN(0, \sigma_\varepsilon^2) \text{ (Kozhan, 2010, p. 74).}$$

Критические значения, используемые для проверки гипотез в тесте KPSS, были получены с помощью множителя Лагранжа и

$$KPSS = \frac{\left(\frac{1}{T^2} \sum_{t=1}^T \hat{S}_t^2\right)}{\hat{\lambda}^2}.$$

Уравнение $\hat{S}_t = \sum_{j=1}^t \hat{\varepsilon}_j$, $\hat{\varepsilon}_t$, t и $\hat{\lambda}_t^2$ представляет собой остаток регрессии на $a(t)$.

Альтернативная гипотеза предполагает, что ряд является нестационарным и содержит единичный корень, в отличие от нулевой гипотезы, которая предполагает, что ряд является стационарным и не содержит единичного корня.

Комбинированный коинтеграционный тест Байера – Ханка

Комбинированный коинтеграционный тест Байера – Ханка (Bayer, Hanck, 2012) предлагает комбинированные процедуры, оценивающие несколько тестов вместе для получения более сильных тестов (метатестов) путем объединения результатов нескольких научных исследований. В первой версии теста, разработанной в 2008 году, использовались метод Энгла – Грейнджера (Engle, Granger, 1987) и тест Йохансена (Johansen, 1988), а версия, разработанная в 2012 году, включает также тесты Босвейка (Boswijk, 1994), Банерджи и др. (Banerjee et al., 1998), основанные на коррекции ошибок. Тестовая статистика получается путем сложения значений вероятностей коинтеграционных тестов, рассчитанных с помощью χ^2 -теста Фишера (Fisher, 1932; Bayer, Hanck, 2012):

$$\chi_1^2 = -2 \sum_{i \in I} \ln(p_i), \text{ где } p_i \text{ представляет значения } p \text{ каждого теста или}$$

$$\begin{aligned} EG - JOH &= -2[\ln(p_{EG}) + \ln(p_{JOH})] \\ EG - JOH - BO - BDM &= -2[\ln(p_{EG}) + \ln(p_{JOH}) + \\ &+ \ln(p_{BO}) + \ln(p_{BDM})]. \end{aligned}$$

Значения вероятностей (p) коинтеграционных тестов Энгла–Грейнджера, Йохансена, Босвейка и Банерджи представлены как $p_{EG}, p_{JOH}, p_{BO}, p_{BDM}$ соответственно (Govindaraju, Tang, 2013).

Нулевая гипотеза теста указывает на отсутствие коинтеграции, а альтернативная гипотеза – на наличие коинтеграции.

FMOLS

Метод FMOLS применяется для оценки долгосрочных коэффициентов при условии, что ряды демонстрируют коинтеграцию. Для того чтобы метод работал, необходимо сначала рассчитать ошибки регрессии (w_t) независимых переменных, а затем, используя метод наименьших квадратов, определить коинтегрированные ошибки регрессии (ε_t). Затем следует рассчитать долгосрочную ковариационную матрицу (A) от ошибок регрессии независимых переменных и ковариационную матрицу (Ω) от ошибок регрессии независимых переменных. Для устранения проблемы эндогенности к зависимой переменной необходимо применить преобразование. Полученные оценки FMOLS выглядят следующим образом:

$$\hat{\theta}_{FMOLS} = \begin{bmatrix} \hat{\alpha} \\ \hat{\beta} \end{bmatrix} = \left(\sum_{t=1}^T S_t Y_t^+ - T \hat{\gamma}_{12}^+ \right) \left(\sum_{t=1}^T S_t S_t' \right)^{-1} \quad (\text{Phillips, Hansen, 1990}).$$

Pedroni также рассмотрел метод FMOLS в своей работе, опубликованной в 2001 году (Pedroni, 2001). С помощью моделирования он получил последовательные, асимптотически несмещенные и нормально распределенные результаты анализа и пришел к выводу, что метод FMOLS будет давать хорошие результаты и на малых выборках.

Тест причинности Toda – Ямамото

Тест причинности Toda – Ямамото основан на модели VAR и, в отличие от классического теста причинности Грейнджера, не выявляет стационарность и коинтеграционную связь в рядах. Перед проведением теста необходимо определить оптимальную длину лага VAR-модели и максимальный уровень интеграции в ряду. Здесь должно выполняться условие $d_{max} \leq k$, чтобы не учитывать разность переменных и тем самым предотвратить потерю информации за счет включения в анализ переменных на уровне (Toda, Yamamoto, 1995).

Модель выглядит следующим образом:

$$Y_t = \beta_0 + \sum_{i=1}^{k+d_{max}} \lambda_{1i} Y_{t-i} + \sum_{i=1}^{k+d_{max}} \lambda_{2i} X_{t-i} + \varepsilon_{1t} \quad (1)$$

$$X_t = \beta_0 + \sum_{i=1}^{k+d_{max}} \gamma_{1i} X_{t-i} + \sum_{i=1}^{k+d_{max}} \gamma_{2i} Y_{t-i} + \varepsilon_{2t} \quad (2)$$

Для проведения анализа необходимо сначала рассчитать VAR-модель с длиной лага ($k + d_{max}$), а затем рассчитать параметры. Однако при применении теста Toda – Ямамото к стационарному ряду на уровне в VAR-модель не могут быть добавлены запаздывающие переменные, поэтому полученная тестовая статистика совпадает с тестом причинности Грейнджера на основе VAR-модели.

Гипотеза уравнения 1 теста:

$H_0: \lambda_{2i} = 0$ X не является причиной Y по Грейнджеру.

$H_1: \lambda_{2i} \neq 0$ X является причиной Y по Грейнджеру.

Гипотеза уравнения 2 теста:

$H_0: \gamma_{2i} = 0$ Y не является причиной X по Грейнджеру.

$H_1: \gamma_{2i} \neq 0$ Y является причиной X по Грейнджеру.

Здесь тестовая статистика гипотез вычисляется с помощью теста Вальда, который подчиняется распределению χ^2 с k степенями свободы (при условии, что $i \leq k$) (Toda, Yamamoto, 1995).

Данные

В исследовании изучается влияние расширения производства, энергоемкости и человеческого капитала на загрязнение окружающей среды углекислым газом в Китае в период 1990–2019 гг. Используются данные о выбросах углерода для показателя деградации окружающей среды, данные о реальном ВВП для показателя экономического роста, данные о потреблении первичной энергии на выпуск продукции для показателя энергоемкости и данные об индексе человеческого капитала для показателя человеческого капитала. Показатели эмиссии углерода и роста доходов были пересчитаны на душу населения. Перед включением в модель рассчитаны натуральные логарифмы переменных. Подробная информация о переменных приведена в *таблице 1*. Функциональная модель, используемая в исследовании, имеет вид:

$$lco2 = f(lei, lgdp, lhc)$$

$$lco2_t = \beta_0 + \beta_1 lei_t + \beta_2 lgdp_t + \beta_3 lhc_t + \varepsilon_t.$$

Таблица 1. Используемые переменные

Переменная	Определение	Единица измерения	Источник
<i>lco2</i>	Выбросы углекислого газа	Млн т углекислого газа на душу населения	BP Statistical Review of World Energy, World Bank WDI (Population)
<i>lei</i>	Интенсивность потребления первичной энергии	Эксаджоули (ВВП – постоянный показатель за 2015 год в долларах США)	BP Statistical Review of World Energy, World Bank WDI (GDP)
<i>lgdp</i>	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения (постоянный показатель за 2015 год в долларах США)	World Bank, World Development Indicators
<i>lhc</i>	Индекс человеческого капитала	Основано на количестве лет обучения в школе и выгоде от вложения средств в образование	PennWorld Table 10.0

В модели β_0 представляет собой постоянный член или автономный коэффициент, β_1 , β_2 и β_3 обозначают коэффициенты независимых переменных, а ϵ_t – член ошибки. Положительные коэффициенты β_1 , β_2 и β_3 указывают на то, что качество окружающей среды ухудшается по мере роста энергоемкости, дохода или человеческого капитала, а отрицательные коэффициенты β_1 , β_2 и β_3 свидетельствуют, что рост энергоемкости, дохода или

уровня образования снижает уровень загрязнения.

Описательная статистика и корреляционная матрица рядов приведены в *таблице 2*. Каждый из рядов, содержащих данные за 30 лет, имеет нормальное распределение. Все переменные сильно коррелируют друг с другом. Переменная *lei* отрицательно коррелирует со всеми переменными. Остальные корреляции положительные.

Таблица 2. Описательная статистика и корреляционная матрица

	<i>lco2</i>	<i>lei</i>	<i>lgdp</i>	<i>lhc</i>
Наблюдения	30	30	30	30
Среднее	1.396010	2.755635	8.100115	0.854279
Медиана	1.478849	2.744280	8.077781	0.870074
Максимум	1.941460	3.329926	9.232913	0.992877
Минимум	0.716422	2.296033	6.807969	0.670941
Стандартное отклонение	0.460667	0.278626	0.753663	0.089956
Асимметрия	-0.091036	0.323727	-0.082661	-0.407844
Экссесс	1.282113	2.500363	1.738759	2.280940
Тест Харке – Бера	3.730356	0.836043	2.022575	1.477994
Вероятность	0.154869	0.658348	0.363750	0.477593
<i>lco2</i>	1.000000			
<i>lei</i>	-0.854411	1.000000		
<i>lgdp</i>	0.974300	-0.948065	1.000000	
<i>lhc</i>	0.924358	-0.978356	0.979951	1.000000

Источник: составлено авторами.

Результаты

Прежде чем приступить к исследованию долговременной взаимосвязи между переменными, необходимо убедиться в их стационарности. Для анализа стационарности используется тест на единичный корень KPSS. Из *таблицы 3* видно, что рассчитанная тестовая статистика для значений уровня превышает 5%-ное и 10%-ное критические значения. В результате нулевая гипотеза о стационарности ряда отвергается. При проведении дифференцирования нулевая гипотеза не может быть отвергнута, так как рассчитанные тестовые статистики ниже критических значений. Иными словами, анализ показывает, что ряд имеет единичный корень на уровне, а его первые разности обладают стационарностью. Следовательно, необходимо

выяснить, существует ли долговременная связь между переменными. Интеграция переменных на уровне $I(1)$ позволяет применить коинтеграционный тест Байера – Ханка.

При анализе временных рядов результаты тестов чувствительны к длине лага. Поэтому перед проведением коинтеграционного теста важно определить подходящую длину лага. В *таблице 4* приведены результаты оценки VAR-модели. Согласно всем информационным критериям, подходящая длина лага определяется как 2.

В *таблице 5* представлены результаты коинтеграционного теста Байера – Ханка. Согласно статистике отдельных тестов, коинтегрированная связь была обнаружена только в тестах Йохансена и Босвика. Нулевая гипотеза,

Таблица 3. Анализ единичного корня

	<i>lco2</i>	<i>lei</i>	<i>lgdp</i>	<i>lhc</i>
I(0)	0.673141	0.674352	0.712530	0.702510
I(1)	0.139412	0.151816	0.272310	0.341069
1%	0.739			
5%	0.463			
10%	0.347			
Источник: составлено авторами.				

Таблица 4. Выбор длины лага

Lag	LogL	LR	FPE	AIC	SC	HQ
0	155.9806	NA	2.27e-10	-10.85576	-10.66544	-10.79758
1	391.8342	387.4738	3.48e-17	-26.55959	-25.60801	-26.26868
2	440.9588	66.66907*	3.54e-18*	-28.92563*	-27.21280*	-28.40200*
Примечание: * представляет уровень значимости в 10%. Источник: составлено авторами.						

Таблица 5. Результаты коинтеграционного теста Байера – Ханка

Расчетные модели	Engle – Granger	Johansen	Banerjee et al.	Boswijk	EG-J	EG-J-BA-BO
$lco2=f(lei, lgdp, lhc)$	-3.2392 (0.4586)	34.1885 (0.0196)	-2.2132 (0.7203)	29.2102 (0.0023)	9.4236052 *	22.229473 **
$lei=f(lco2, lgdp, lhc)$	-3.5709 (0.2896)	34.1885 (0.0196)	-3.3516 (0.2331)	31.8766 (0.0009)	10.342961 *	27.281768 **
$lgdp=f(lco2, lei, lhc)$	-3.4407 (0.3529)	34.1885 (0.0196)	-2.4390 (0.6304)	32.0999 (0.0008)	9.9475925 *	25.132192 **
$lhc=f(lco2, lei, lgdp)$	-4.2980 (0.0643)	34.1885 (0.0196)	-4.4299 (0.0225)	45.7574 (0.0000)	13.352843 **	76.203365 ***
Примечание: *, ** и *** представляют уровень значимости в 10%, 5% и 1% соответственно. В круглых скобках даны показатели значимости. Критические значения 1%, 5% и 10% для теста EG-J составляют 16263, 10711, 8352 соответственно; критические значения 1%, 5% и 10% для теста EG-J-BA-BO составляют 31742, 20788 и 16239 соответственно. Источник: рассчитано авторами.						

предполагающая отсутствие коинтеграции, отвергается на основании результатов, полученных по тесту EG-J и тесту EG-J-BA-BO. Также было установлено наличие коинтегрированной связи в моделях, где зависимыми переменными являются рост, энергоёмкость и человеческий капитал. Полученные результаты свидетельствуют о наличии коинтегрированной зависимости между $lco2$, lei , $lgdp$ и lhc . Другими словами, между этими переменными существует долгосрочная зависимость.

После определения наличия коинтегрированной связи между факторами необходимо выяснить коэффициенты их долговременной связи. В таблице 6 приведены результаты оценки, полученные с помощью метода FMOLS. Статистическая значимость наблюдалась для всех переменных в модели. Согласно полученным результатам, выбросы углерода увеличиваются на 1,25% на каждый 1% роста энергоёмкости, на 1,38% на каждый 1% роста ВВП и на 1,32% на каждый 1% роста человеческого капитала. Все переменные в модели имеют положительную связь с выбросами углерода,

что свидетельствует о растущем влиянии. Если повышение энергоэффективности влияет на экологию положительно, то рост объемов производства и уровня образования оказывают негативное влияние на качество окружающей среды.

Модель коррекции ошибок строится путем добавления в модель запаздывающих значений остатков, полученных при оценке долгосрочных коэффициентов. Модель коррекции ошибок, отражающая кратковременную динамику в исследовании, выглядит следующим образом:

$$\Delta lco2_t = \alpha_0 + \sum_{i=1}^m \alpha_{1i} \Delta lco2_{t-i} + \sum_{i=0}^n \alpha_{2i} \Delta lei_{t-i} + \sum_{i=0}^p \alpha_{3i} \Delta lgdp_{t-i} + \sum_{i=0}^q \alpha_{4i} \Delta lhc_{t-i} + \beta ECT_{t-1} + \varepsilon_t.$$

В приведенном уравнении Δ , α_0 , β и ε_t обозначают разностный оператор, постоянный член, член коррекции ошибок и член ошибки соответственно. Результаты оценки модели коррекции ошибок приведены в таблице 7. Все коэффициенты в модели значимы на уровне 10%. Влияние независимых переменных на

Таблица 6. Долговременный анализ

Показатель	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
lei	1.255213	0.050302	24.95356	0.0000
$lgdp$	1.384287	0.063256	21.88376	0.0000
lhc	1.328164	0.261181	5.085225	0.0000
c	-13.77963	0.507668	-27.14300	0.0000
@trend	-0.043432	0.005916	-7.341792	0.0000
R2	0.999415			

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 7. Анализ краткосрочной динамики

Показатель	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
Δlei	1.209813	0.049130	24.62493	0.0000
$\Delta lgdp$	1.266015	0.064732	19.55768	0.0000
Δlhc	0.578302	0.294373	1.964520	0.0617
$ect(-1)$	-0.265227	0.144540	-1.834978	0.0795
c	-0.027580	0.006269	-4.399177	0.0002
R2	0.982282			
Тест Харке – Бера	2.129068			0.3448
LM-тест Бройша – Годфри	2.626693			0.2689
BPG-тест на гетероскедастичность	2.330506			0.6752
RESET-тест Рамсея	0.004112			0.9495
CUSUM-тест	Стабилен			
CUSUMQ-тест	Стабилен			

Источник: составлено авторами.

Таблица 8. Тест причинности Тода – Ямамото

	Хи-квадрат	Разница	Вероятность
$lhc \rightarrow lco2$	12.69879	2	0.0017
$lgdp \rightarrow lco2$	0.812548	2	0.6661
$lei \rightarrow lco2$	1.294541	2	0.5235
All $\rightarrow$ lco2	15.89347	6	0.0143
$lco2 \rightarrow lhc$	3.885790	2	0.1433
$lgdp \rightarrow lhc$	3.298155	2	0.1922
$lei \rightarrow lhc$	4.336021	2	0.1144
All $\rightarrow$ lhc	5.604208	6	0.4690
$lco2 \rightarrow lgdp$	0.836165	2	0.6583
$lhc \rightarrow lgdp$	3.995740	2	0.1356
$lei \rightarrow lgdp$	0.659725	2	0.7190
All $\rightarrow$ lgdp	15.92684	6	0.0142
$lco2 \rightarrow lei$	2.175016	2	0.3371
$lhc \rightarrow lei$	9.230317	2	0.0099
$lgdp \rightarrow lei$	2.007678	2	0.3665
All $\rightarrow$ lei	12.63654	6	0.0492

Источник: составлено авторами.

зависимые переменные положительно как в кратковременном, так и в долговременном периоде. Член коррекции ошибок, отражающий скорость корректировки краткосрочных дисбалансов, оказался отрицательным и значимым. Соответственно, 26% неравновесия, возникающего в кратковременном периоде, рассеивается к следующему периоду, приближаясь к долгосрочному равновесию. Результаты диагностического тестирования модели коррекции ошибок также отражены в таблице 7. Согласно полученным результатам, члены ошибки имеют нормальное распределение, проблемы автокорреляции и гетероскедастичности отсутствуют. Также отсутствует ошибка спецификации модели, а коэффициенты стабильны.

Для проверки причинно-следственной связи между переменными используется тест причинности Тода – Ямамото. В таблице 8 приведены результаты VAR-анализа, где соответствующая длина лага равна 2, а максимальная степень интеграции – 1. Согласно этим результатам, установлена односторонняя причинно-следственная связь от человеческого капитала к выбросам углерода и от человеческого капитала к энергоёмкости. Кроме того, существует односторонняя причинно-следственная связь от всех переменных к выбросам углерода, экономическому росту и энергоёмкости по отдельности.

В Китае приоритет экономического роста и быстрая индустриализация привели к тому, что экологические проблемы отошли на второй план. Несовершенство природоохранного законодательства и неоптимальные практики природопользования вызвали рост загрязнения и ухудшение состояния окружающей среды. Предполагается, что образование будет способствовать повышению экологической грамотности и сохранению окружающей среды. Однако часто наблюдается положительная связь между более высоким уровнем образования, ростом заработной платы и уровнем использования ресурсов. Такое явление может привести к росту энергопотребления и истощению природных ресурсов, а значит, и к экологическому ущербу. Кроме того, часто наблюдается положительная корреляция уровня образования и роста промышленности с развитием технического прогресса, что влечет за собой повышение загрязнения и ухудшение экологии (Нои, 2022).

Заключение

В исследовании рассматривалось влияние уровня образования, энергоэффективности и развития производства на ухудшение экологической обстановки в Китае в период с 1990 по 2019 год. Результаты эконометрического анализа свидетельствуют о наличии значимой корреляции между переменными в долгосрочном периоде. Показатели эластичности свидетель-

ствуют о том, что каждый из трех независимых факторов в долговременном периоде оказывает пагубное влияние на состояние окружающей среды. Увеличение ВВП также приводит к росту выбросов углерода, поскольку повышается потребление энергии, которая выступает основным источником производства. Такая зависимость является ожидаемым результатом для Китая, где уровень использования возобновляемых источников энергии невысок. Результат анализа энергоемкости оказался соответствующим ожидаемому результату. Как и предполагалось, увеличение энергоемкости, которая также является показателем энергоэффективности, т. е. увеличения количества первичной энергии, потребляемой на единицу продукции, приводит к ухудшению состояния окружающей среды и росту выбросов углерода. Развитие человеческого капитала в Китае, где его уровень ниже по сравнению с развитыми странами, приводит к увеличению выбросов углерода. В научных источниках в отношении к развитым странам обычно утверждается, что инвестиции в образование способствуют улучшению состояния окружающей среды. Однако сравнительно низкий уровень человеческого капитала в Китае в процессе развития не располагает механизмом повышения качества окружающей среды. При сопоставлении результатов кратковременного и долговременного анализа можно увидеть, что эластичности также совпали с результатами долгосрочного анализа. При анализе причинно-следственных связей было установлено, что накопление человеческого капитала вызывает увеличение выбросов углерода.

Эти результаты дают полезную информацию для разработки образовательной и экологической политики Китая. В ходе исследования было установлено, что повышение уровня образования в Китае приводит к снижению качества окружающей среды. Следовательно, необходимо уделять больше внимания защите экологии. Другим методом улучшения качества окружающей среды в Китае является повышение эффективности использования энергии. Поскольку снижение энергоемкости напрямую уменьшает количество вредных выбросов, то повышение энергоэффективности может дать быстрые результаты. Одним

из эффективных способов снижения энергоемкости выступает увеличение доли энергии, получаемой из возобновляемых источников, в общем объеме потребления. Несмотря на высокие первоначальные затраты, использовать возобновляемые источники энергии целесообразно, поскольку они способствуют снижению выбросов углерода и могут предотвратить или уменьшить возникновение серьезных экологических проблем в будущем.

Для выработки практических рекомендаций в сфере государственной политики в отношении человеческого капитала в целях предотвращения деградации окружающей среды можно предложить следующее. Во-первых, нужно оперативно поднять средний уровень образования в Китае до необходимого для сохранения окружающей среды уровня, который в настоящее время сравнительно невысок по сравнению с промышленно развитыми странами. Кроме того, проводить обучение людей на всех уровнях образования, что повысит осведомленность в вопросах охраны окружающей среды и позволит освоить методы эффективного использования энергии. На уровне высшего образования следует поддерживать экологически чистые технологии, проекты в области возобновляемых источников энергии, а также идеи и методы повышения эффективности. Наконец, необходимо стимулировать и субсидировать частный сектор для снижения выбросов углекислого газа.

В учебных программах довузовского образования в Китае не уделяется должного внимания вопросам устойчивого развития и экологической ответственности. Необходимо усовершенствовать программу экологического образования, чтобы дать студентам более полное представление о проблемах устойчивого развития (Wang, 2021). Установление сотрудничества как на местном, так и на общестрановом уровне имеет решающее значение для развития экологического образования. Благодаря сотрудничеству между экологическими группами, колледжами, местными органами власти и другими заинтересованными сторонами эти партнерства могут способствовать продвижению и реализации инициатив в сфере экологического образования (Li et al., 2022).

Наше исследование является оригинальным с точки зрения эконометрической модели и методов, однако в будущих исследованиях в этой области тема может быть рассмотрена по-другому. Методология исследования не учитывает структурные разрывы, они не были добавлены в модели при анализе, поэтому могут быть учтены в будущем. Также модель может быть расширена путем добавления дополнительных контрольных переменных.

Литература

- Ahmed Z., Wang Z. (2019). Investigating the impact of human capital on the ecological footprint in India: An empirical analysis. *Environmental Science and Pollution Research*, 26, 26782–26796.
- Aytun C., Akin C. (2016). Relationship between CO₂ emissions, energy consumption and education in Turkey: Bootstrap causality analysis. *Eurasian Econometrics, Statistics & Empirical Economics Journal*, 4, 49–63.
- Banerjee A., Dolado J., Mestre R. (1998). Error-correction mechanism tests for cointegration in a single-equation framework. *Journal of Time Series Analysis*, 19(3), 267–283.
- Bayar Y., Smirnov V., Danilina M., Kabanova N. (2022). Impact of institutions and human capital on CO₂ emissions in EU transition economies. *Sustainability*, 14(1), 353.
- Bayer C., Hanck C. (2012). Combining non-cointegration tests. *Journal of Time Series Analysis*, 34(1), 83–95.
- Becker G.S. (1994). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Third edition. Chicago: University of Chicago Press.
- Beyene S.D. (2022). Human activities and environmental quality: Evidence beyond the conventional EKC hypothesis. *Heliyon*, 8(9), e10756.
- Boswijk H.P. (1994). Testing for an unstable root in conditional and unconditional error correction models. *Journal of Econometrics*, 63, 37–60.
- Chen Y., Lee C.-C., Chen M. (2021). Ecological footprint, human capital, and urbanization. *Energy & Environment*, 33(3), 487–510.
- Danish H.S.T., Baloch M.A., Mahmood N., Zhang J.W. (2019). Linking economic growth and ecological footprint through human capital and biocapacity. *Sustainable Cities and the Society*, 47, 101516. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2019.101516>.
- Dinda S. (2004). Environmental Kuznets Curve hypothesis: A survey. *Ecological Economics*, 49(4), 431–455.
- Engle R.F., Granger C.W.J. (1987). Co-integration and error correction: Representation, estimation, and testing. *Econometrica*, 55(2), 251–276.
- Feenstra R.C., Inklaar R., Timmer M.P. (2015). The next generation of the Penn World table. *American Economic Review*, 105(10), 3150–3182.
- Fisher R. (1932). *Statistical Methods for Research Workers*. London: Oliver and Boyd.
- Hao L.-N., Umar M., Khan Z., Ali W. (2021). Green growth and low carbon emission in G7 countries: How critical the network of environmental taxes, renewable energy and human capital is? *Science of the Total Environment*, 752, 141853.
- Hassan S.T., Xia E., Khan N.H., Shah S. (2019). Economic growth, natural resources, and ecological footprints: Evidence from Pakistan. *Environmental Science and Pollution Research*, 26(3), 2929–2938.
- Hou G. (2022). How to promote the environmental education among young people in China. In: *Proceedings of the 2022 7th International Conference on Social Sciences and Economic Development (ICSSSED 2022)*. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsssed-22/125973938> (accessed: August 12, 2023).
- Iorember P.T., Jelilov G., Usman O. et al. (2021). The influence of renewable energy use, human capital, and trade on environmental quality in South Africa: Multiple structural breaks cointegration approach. *Environmental Science and Pollution Research*, 28(11), 13162–13174.
- Johansen S. (1988). Statistical analysis of cointegration vectors. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 12, 231–254.
- Jun Y., Zong-kui Y., Peng-fei S. (2011). Income distribution, human capital and environmental quality: Empirical study in China. *Energy Procedia*, 5, 1689–1696.
- Kasman A., Duman Y.S. (2015). CO₂ emissions, economic growth, energy consumption, trade and urbanization in new EU member and candidate countries: A panel data analysis. *Economic Modelling*, 44, 97–103.

- Khan M. (2020). CO2 emissions and sustainable economic development: New evidence on the role of human capital. *Sustainable Development*, 28(5), 1279–1288.
- Khan Z., Ali S., Dong K., Li R.Y.M. (2021). How does fiscal decentralization affect CO2 emissions? The roles of institutions and human capital. *Energy Economics*, 94, 105060.
- Komen R., Gerking S., Folmer H., (1997). Income and environmental R&D: empirical evidence from OECD countries. *Environment and Development Economics*, 2(4), 505–515. DOI:10.1017/S1355770X97000272
- Kozhan R. (2010). *Financial Econometrics – with Eviews*. Roman Kozhan & Ventus Publishing ApS.
- Kwiatkowski D., Phillips P.C.B., Schmidt P., Shin Y. (1992). Testing the null hypothesis of stationarity against the alternative of a unit root: How sure are we that the economic time series have a unit root? *Journal of Econometrics*, 54, 159–178.
- Lan J., Kakinaka M., Huang X. (2012). Foreign direct investment, human capital and environmental pollution in China. *Environ Resour Econ.*, 51(2), 255–275.
- Li G., Xi Y., Zhu Z. (2022). The way to sustainability: Education for sustainable development in China. *Asia Pacific Education Review*, 23(4), 611–624.
- Li P., Ouyang Y. (2019). The dynamic impacts of financial development and human capital on CO2 emission intensity in China: An ARDL approach. *Journal of Business Economics and Management*, 20(5), 939–957.
- Mahmood N., Wang Z., Hassan S.T. (2019). Renewable energy, economic growth, human capital, and CO2 emission: An empirical analysis. *Environmental Science and Pollution Research*, 26, 20619–20630. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11356-019-05387-5>
- Pata U.K., Caglar A.E. (2021). Investigating the EKC hypothesis with renewable energy consumption, human capital, globalization and trade openness for China: Evidence from augmented ARDL approach with a structural break. *Energy*, 216, 119220.
- Pedroni P. (2001). Fully modified OLS for heterogeneous cointegrated panels. In: Baltagi B.H., Fomby T.B., Carter Hill R. (Eds.). *Nonstationary Panels, Panel Cointegration, and Dynamic Panels (Advances in Econometrics, Vol. 15)*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited.
- Phillips P.C., Hansen B.E. (1990). Statistical inference in instrumental variables regression with I(1) processes. *Review of Economic Studies*, 57(1), 99–125.
- Sarkodie S.A., Adams S., Owusu P.A. et al. (2020). Mitigating degradation and emissions in China: The role of environmental sustainability, human capital and renewable energy. *Science of the Total Environment*, 719, 137530.
- Shujah-ur-Rahman Chen S., Saud S., Saleem N., Bari M.W. (2019). Nexus between financial development, energy consumption, income level, and ecological footprint in CEE countries: Do human capital and biocapacity matter? *Environmental Science and Pollution Research*, 26, 31856–31872.
- Teng B.-S. (2004). The WTO and entry modes in China. *Thunderbird International Business Review*, 46, 381–400.
- Toda H.Y., Yamamoto T. (1995). Statistical inference in vector autoregressions with possibly integrated processes. *Journal of Econometrics*, 66(1-2), 225–250.
- Vandenbussche J., Aghion P., Meghir C. (2006). Growth, distance to frontier and composition of human capital. *Journal of Economic Growth*, 11 (2), 97–127.
- Wang A. (2021). *Enhancing Sustainability Education in China's Secondary Schools*. Available at: <https://news.climate.columbia.edu/2021/05/04/sustainability-education-china/> (accessed: August 12, 2023).
- Williamson C. (2017). Emission, education, and politics: An empirical study of the carbon dioxide and methane environmental Kuznets curve. *The Park Place Economist*, 25(1), 21–33.
- Yao Y., Ivanovski K., Inekwe J., Smyth R. (2020). Human capital and CO2 emissions in the long run. *Energy Economics*, 91, 104907.
- Zafar M.W., Zaidi S.A.H., Khan N.R. et al. (2019). The impact of natural resources, human capital, and foreign direct investment on the ecological footprint: The case of the United States. *Resources Policy*, 63, 101428.
- Zhang L., Godil D.I., Bibi M. et al. (2021). Caring for the environment: How human capital, natural resources, and economic growth interact with environmental degradation in Pakistan? A dynamic ARDL approach. *Science of the Total Environment*, 774, 145553.

Сведения об авторах

Фунда Дургун – PhD (эконометрика), преподаватель, Университет Диджле (Турция, г. Диярбакыр, İİBF, Fetih Mah., Sur; e-mail: funda.uncu@dicle.edu.tr)

Азиз Даянир – PhD (экономика), младший научный сотрудник, Стамбульский университет (Турция, г. Стамбул, главный кампус, 34452, Beyazıt, Fatih; e-mail: aziz.dayanir@istanbul.edu.tr)

Durgun F., Dayanir A.

Revisiting the Linkages Between Economic Growth, Human Capital and Environmental Quality

Abstract. Various anthropogenic activities that cause the release of greenhouse gases have increased the problems caused by climate change. The increasing necessity of mitigating the damaging impacts of worldwide warming draws attention to the environmental degrading effects of fossil fuels. This empirical research explores the relationship among China's human capital (lhc), GDP growth ($lgdp$), energy intensity (lei) and environmental degradation (lco_2) by using the data from 1990 to 2019. In this study, macroeconomic data of China is analyzed; the Bayer – Hanck test is employed in the analysis of cointegration, and the Toda – Yamamoto test is conducted for causality analysis. The following are the study's findings: the cointegration analysis shows that there exist a cointegrated relationship between lco_2 , lhc , $lgdp$ and lei . In other words, it shows that the factors have a cointegrated relationship. According to the outcomes of FMOLS analysis, increases in energy intensity, GDP growth, and human capital increase carbon dioxide releases in the long term. As evidenced by the findings, improvement in energy efficiency is associated with favorable outcomes for the environment, though economic expansion and the augmentation of human capital are linked to adverse effects on environmental conditions. The Toda – Yamamoto causality test has yielded results indicating the presence of causality links between human capital and carbon emissions, as well as between human capital and energy intensity. Furthermore, it has been observed that the former variable exerts a unidirectional influence on the latter. There is also a unidirectional causality from all variables to carbon emissions, GDP growth and energy intensity, respectively.

Key words: economic growth, human capital, China, CO₂ emissions, Bayer – Hanck cointegration.

Information about the Authors

Funda Durgun – PhD in Econometrics, Lecturer, Dicle University (İİBF, Fetih Mah., Sur, Diyarbakır, Türkiye; e-mail: funda.uncu@dicle.edu.tr)

Aziz Dayanir – PhD in Economics, Research Assistant, Istanbul University (Main Campus, 34452, Beyazıt, Fatih, Istanbul, Türkiye; e-mail: aziz.dayanir@istanbul.edu.tr)

Статья поступила 26.05.2023.

«Один пояс, один путь»: достижения и перспективы (к десятилетию инициативы)

ЛЮЙ ХУНИН

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: islvhy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3365-7992

ВАН ЧАО

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: chao920426@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5397-1597

Аннотация. 7 сентября 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин в рамках выступления в Астане (Казахстан) предложил инициативу «Экономический пояс Шелкового пути», а 3 октября 2013 года в Индонезии – «Морской Шелковый путь XXI века». В 2023 году исполняется 10 лет глобальной инициативе «Один пояс, один путь», которая получила положительные отзывы от многих стран и международных организаций. Стратегия «Один пояс, один путь» соответствует ходу исторического развития и отвечает ожиданиям всех сторон. Международное сообщество уделяет ей значительное внимание. По состоянию на январь 2023 года Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве со 151 страной и 32 международными организациями. Преодолев за десять лет непростой путь, инициатива «Один пояс, один путь» добилась плодотворных результатов, принесла ощутимую пользу населению стран, расположенных вдоль маршрута.

Для цитирования: Люй Хунин, Ван Чао (2023). «Один пояс, один путь»: достижения и перспективы (к десятилетию инициативы) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 279–293. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.16

For citation: Lyu Hongying, Wang Chao (2023). The Belt and Road: Achievements and prospects (to the tenth anniversary of the Initiative). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 279–293. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.16

В настоящее время взаимодействие в рамках проекта «Один пояс, один путь» сталкивается с турбулентностью внешней среды, однако его возможности не исчерпаны. В будущем оно будет способствовать развитию международного сотрудничества в большем количестве областей и на более глубоком уровне, достижению взаимной выгоды. В статье обобщены достижения и опыт строительства «Один пояс, один путь» за десять лет, анализируются возникшие проблемы и трудности, а также рассматриваются новые возможности и вызовы в продвижении высококачественного развития в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Китай, «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути, Морской шелковый путь, возможности, вызовы.

Введение

В 2023 году исполняется 10 лет с момента начала реализации инициативы «Один пояс, один путь». «Один пояс, один путь» – сокращенное название инициатив «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», выдвинутых Председателем КНР Си Цзиньпином в ходе переговоров в Казахстане и Индонезии в 2013 году. «Один пояс, один путь» представляет самый протяженный экономический коридор в мире, связывающий несколько экономических регионов, таких как Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка и Европа. Инициатива «Один пояс, один путь» охватывает большое количество развивающихся стран и направлена на установление связей между развивающимися и развитыми государствами. Отечественные и зарубежные ученые проявляют большой интерес к влиянию инициативы «Один пояс, один путь» на экономическое развитие отдельных стран и мира в целом.

Научная новизна нашей работы состоит в том, что на основе результатов последних исследований и данных проводится комплексный анализ развития стратегии «Один пояс, один путь» за десять лет, обсуждаются достижения в рамках сотрудничества, предлагаются дальнейшие перспективы развития проекта.

Теоретический вклад результатов исследования связан с тем, что только своевременное обобщение и всестороннее осмысление последних достижений инициативы «Один пояс, один путь» позволит обеспечить постоянное руководство развитием сотрудничества в ее рамках. В статье обобщен практический опыт реализации проекта за десять лет, а также рассмотрены новые возможности и задачи, с которыми предстоит столкнуться в ближайшие десять лет, для содействия высококачественному развитию в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Практический вклад результатов исследования заключается в том, что они могут использоваться с целью извлечения уроков и рекомендаций для других стран и регионов в случае их участия в инициативе «Один пояс, один путь».

Обзор исследований

Китайские и зарубежные ученые с большим интересом относятся к развитию «Одного пояса, одного пути», в целом положительно оценивая концепции открытости и инклюзивности, мирного развития, взаимной выгоды и выдвигая ряд мнений и предложений.

Говоря о влиянии стратегии «Один пояс, один путь» на китайскую экономику, Helen Wong (Wong, 2015) отметил, что она предполагает укрепление отношений Китая с торговыми партнерами, в частности экономических отношений с соседями по Азии, в основном за счет развития транспортных сетей и других инфраструктурных проектов.

Georgi Georgiev (Georgiev, 2015) утверждает, что реализация инициативы «Один пояс, один путь» дала возможность расширить транспортно-коммуникационные связи между странами Центральной Европы посредством строительства железнодорожных, автомобильных, авиационных, телекоммуникационных и электрических сетей, что способствует экономическому развитию евразийских стран.

Согласно Jeanne L. Wilson (Wilson, 2016), для укрепления связей со своими соседями Евразийский экономический союз объединяет страны-участницы в интегрированный единый рынок со свободным перемещением товаров, капитала, услуг и рабочей силы, а Китай разработал стратегию «Один пояс, один путь». Это отражает цели расширенной внешней политики России и Китая, что положительно сказалось на российско-китайских отношениях.

Leonard K. Cheng (Cheng, 2016) ставит вопрос о будущем развитии инициативы «Один пояс, один путь»: какие из более чем 60 стран Азии, Европы и Африки, расположенных вдоль маршрута, могут стать приоритетными объектами экономического сотрудничества в ее рамках? Он утверждает, что хорошим руководящим принципом выступают экономические интересы (т. е. долгосрочные взаимовыгодные ситуации).

Lyu Han, Zhang Chunting (Lyu, Zhang, 2023) изучают влияние инициативы на финансовое развитие 62 стран, расположенных вдоль маршрута «Один пояс, один путь». Эмпирические результаты показывают, что стратегия «Один пояс, один путь» в целом может существенно способствовать повышению уровня финансового развития стран, расположенных вдоль маршрута.

Ma Weiguang (Ma, 2020) проанализировал влияние инициативы «Один пояс, один путь» на экономическое развитие стран, расположенных вдоль маршрута, в том числе на торговлю, инвестиции и строительство инфраструктуры, и выявил, что они получили такие преимущества, как экономический рост, создание рабочих мест, оптимизация и модернизация промышленности.

Gu Weiyu (Gu, 2018) считает, что стратегия «Один пояс, один путь» является позитивным ответом на изменения времени и оказывает глубокое положительное влияние на развитие экономики Китая, Европы и Центральной Азии, а также способствует культурному обмену и развитию мировой культуры.

В статьях С.С. Жильцова (Жильцов, 2021), А.А. Киреевой (Киреева, 2018), Т.А. Левченко (Левченко, 2020) анализируются причины, побудившие Китай выдвинуть данную инициативу, а также механизмы ее применения при реализации долгосрочных планов.

По мнению Ли На (Ли, 2018), концепции Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века заложили основы новой внешней стратегии Китая на ближайшую историческую перспективу.

По словам Hu Biliang, исполнительного директора Института «Один пояс, один путь» Пекинского педагогического университета (Hu, 2021; Hu, Zhang, 2022), несмотря на то что реализация инициативы встретила с

некоторым сопротивлением и неудачами, перспективы ее развития представляются многообещающими.

За десять лет проект «Один пояс, один путь» достиг заметного прогресса

В феврале 2015 года вице-премьер КНР Чжан Гаоли провел рабочее совещание по вопросам продвижения инициативы «Один пояс, один путь». В марте того же года китайским правительством был разработан и опубликован документ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века», где были формализованы пять связующих элементов: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное движение капитала и сближение народов, на основе которых сформировались ключевые положения «Одного пояса, одного пути».

Углубление политической координации и формирование широкого международного консенсуса

Политическая координация означает укрепление политического взаимного доверия, углубление контактов между людьми, решение проблем и разногласий в ходе сотрудничества посредством политической коммуникации, а также совместное оказание политической поддержки практическому сотрудничеству и реализации крупномасштабных проектов.

Политическая координация является гарантией эффективного совместного строительства «Одного пояса, одного пути» и важной предпосылкой для реализации различных мероприятий по взаимодействию и сотрудничеству¹. По состоянию на январь 2023 года Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве со 151 страной и 32 международными организациями для реализации инициативы «Один пояс, один путь» в сфере инвестиций, торговли, финансов, науки и техники, социальных и гуманитарных наук и жизнеобеспечения людей. Среди участников 52 страны Африки, 40 стран Азии, 27 европейских стран, 11 стран Океании, а также 9 стран Южной Америки и 12 стран Северной Америки (таблица).

¹ Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути» прогресс, вклад и перспективы. Источник: «Один пояс, один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm>

Страны, подписавшие соглашения о сотрудничестве с Китаем в рамках стратегии «Один пояс, один путь»

Регион	Страны	Количество
Африка	Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Гвинея, Джибути, Египет, Замбия, Зимбабве, Кабо-Верде, Камерун, Кения, Коморские острова, Конго (ДРК), Конго-Браззавиль, Кот-д'Ивуар, Лесото, Либерия, Ливия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Сенегал, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Центральная Африка, Чад, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Южная Африка, Южный Судан	52
Азия	Азербайджан, Армения, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Вьетнам, Грузия, Индонезия, Ирак, Иран, Йемен, Казахстан, Камбоджа, Катар, Корея, Кувейт, Кыргызстан, Лаос, Ливан, Малайзия, Мальдивы, Монголия, Мьянма, Непал, Объединённые Арабские Эмираты, Оман, Пакистан, Палестина, Саудовская Аравия, Сингапур, Сирия, Таджикистан, Таиланд, Тимор-Лешти, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Филиппины, Шри-Ланка	40
Европа	Австрия, Албания, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Греция, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Молдова, Польша, Португалия, Республика Северная Македония (Бывшая Югославская Республика Македония), Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Эстония	27
Океания	Вануату, Кирибати, Ниуэ, Новая Зеландия, Острова Кука, Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Федеративные Штаты Микронезии, Фиджи	11
Южная Америка	Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гайана, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор	9
Северная Америка	Антигуа и Барбуда, Барбадос, Гренада, Доминика, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Тринидад и Тобаго, Ямайка	12
Составлено по: «Один пояс, один путь». URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm		

1. Инициатива «Один пояс, один путь» соответствует тенденциям многополярности, экономической глобализации, культурной диверсификации и социальной информатизации в мире, провозглашает открытое региональное сотрудничество, глобальную систему свободной торговли и открытой мировой экономики. Поддерживая в рамках стратегии экономическую глобализацию и региональную экономическую интеграцию, Китай совершенствует механизмы сотрудничества с АСЕАН, Шанхайской организацией сотрудничества, странами БРИКС, пятью странами Центральной Азии, Центральной и Восточной Европы, Африканским союзом, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и Сообществом государств Латинской Америки и Карибского бассейна. 1 января 2022 года вступило в силу Соглашение о региональном всеобъемлющем партнерстве между 15 государствами, которое является самым масштабным международным соглашением о свободной торговле и серьезным стимулом для регионального и глобального экономического роста (Yuan Xi et al., 2023).

2. К концу 2021 года в Китае были созданы рабочие группы по упрощению процедур торговли с 17 странами, рабочие группы по инвестиционному сотрудничеству с 46 государствами

и регионами, разработаны двусторонние механизмы сотрудничества по электронному бизнесу с 23 странами и механизмы сотрудничества в сфере торговли услугами с 14 странами.

С 2016 года Китай подписал меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в сфере электронной торговли и создал двусторонние механизмы сотрудничества в области электронной коммерции с целым рядом стран, находящихся на пяти континентах, превратив электронную коммерцию «Шелкового пути» в новый канал и новое направление экономического и торгового сотрудничества. По состоянию на март 2023 года число стран-партнеров, с которыми Китай создал двусторонние механизмы сотрудничества в области электронной коммерции, увеличилось до 29².

В 2022 году Китай подписал 31 инвестиционный меморандум о взаимодействии с соответствующими странами в области «зеленого» развития, цифровой экономики и голубой экономики, расширяя пространство для сотрудничества в рамках «Одного пояса, одного пути».

² Министерство коммерции Китайской Народной Республики, Министерство коммерции: «Один пояс, один путь» – экономическое и торговое сотрудничество делает новые шаги. 14.02.2023. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/fwydy1/zgzx/202302/20230203384784.shtml>

Также Китай подписал документы о сотрудничестве на рынках третьих стран с 14 государствами, включая Францию, Японию, Италию и Великобританию³. При этом подразумевается, что предприятия Китая и других стран будут дополнять друг друга, получая взаимную выгоду, и совместно способствовать промышленному развитию, улучшению инфраструктуры и условий жизни населения третьих стран, достигая эффекта $1+1+1>3$.

3. Цели стратегии «Один пояс, один путь» также согласуются с механизмами глобального и регионального сотрудничества, представленными в «Повестке ООН – 2030», Генеральном плане АСЕАН по взаимосвязанности до 2025 года, Повестке дня африканского СОЮЗА-2063, для продвижения общего глобального развития и поддержки процесса региональной экономической интеграции. 10 июля 2015 года была опубликована Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, поддерживающая инициативу Китая по созданию «Экономического пояса Шелкового пути»⁴. 17 марта 2016 года Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2344, призвав международное сообщество укреплять региональное экономическое сотрудничество путем развития «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»⁵.

Укрепление связности инфраструктуры и повышение уровня взаимосвязанности

Развитие связности инфраструктуры является приоритетным направлением стратегии «Один пояс, один путь». Его цель – активизировать развитие инфраструктуры, улучшить взаимосвязь в сфере транспорта, перевозок, электроснабжения и связи, а также содействовать развитию внутрирегиональной торговли и инвестиций. Он способствует стимулированию

³ Китай подписал документы о сотрудничестве на рынках третьих стран с 14 странами. 09.09.2019. «Жэньминь жибао». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0909/c31518-9613295.html>

⁴ Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Источник: Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 10.07.2015. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/20150710/49075.html>

⁵ СБ ООН призывает к созданию сообщества с единой судьбой для всего человечества. Источник: «Один пояс, один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/ydyl/event/37074.htm>

межрегиональных потоков и оптимизирует распределение ресурсов и возможностей; устанавливает взаимовыгодное сотрудничество стран в целях совместного развития.

1. Согласно отчету о развитии торговли и инвестиций Китая в 2022 году, опубликованному Институтом международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР, с момента запуска инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году сумма новых контрактов, подписанных Китаем по проектам в странах, расположенных вдоль маршрута, увеличилась с 71,57 млрд долларов США в 2013 году до 134,04 млрд долларов США в 2021 году, т. е. ежегодный темп роста составил 8,2%. Завершенный оборот вырос с 65,40 млрд долларов США в 2013 году до 89,68 млрд долларов США в 2021 году, среднегодовой темп роста равнялся 4,0%.

Из-за последствий глобальной пандемии COVID-19 количество подписанных новых контрактов и товарооборот китайских предприятий в странах, расположенных вдоль «Одного пояса, одного пути», сократились. Доля вновь подписанных контрактов и товарооборот составили 51,9 и 57,9% соответственно от общего объема бизнеса по зарубежным контрактным проектам Китая. Как видим, их доля оставалась выше 50%. Увеличилось количество строительных проектов, осуществляемых китайскими компаниями.

2. В соответствии с базовым принципом «шесть коридоров, шесть дорог, множество стран и портов»⁶ в рамках проекта «Один пояс, один

⁶ В соответствии с важными пунктами сотрудничества и пространственным размещением объектов совместного строительства «Одного пояса, одного пути» Китай предложил рамки сотрудничества «шесть коридоров, шесть дорог, множество стран и портов».

Шесть коридоров означает шесть основных международных коридоров экономического сотрудничества, включая новый евразийский континентальный мост, Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Индокитай, Китай – Пакистан и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Шесть дорог – железные, автомобильные, водные, воздушные дороги, трубопроводы и комплексная информационная сеть. Это главное содержание взаимосвязи и взаимодействия инфраструктур.

Множество стран – страны, с которыми Китай уже начал сотрудничество.

Множество портов – различные сотрудничающие порты, обеспечивающие безопасные и беспрепятственные морские перевозки по главным морским транспортным путям.

путь» продолжают расширяться международные транспортные каналы, повышается уровень глобальной связанности, обеспечивается стабильность глобальных цепочек поставок, улучшается упорядоченность потоков и оптимальное распределение ресурсов между регионами.

За последние 10 лет сформировалась китайско-европейская железная дорога, помогающая странам вдоль маршрута наладить взаимосвязь и взаимовыгодное сотрудничество. Во время пандемии COVID-19 она стала «спасательным кругом» для всего мира, помогая объединить усилия стран в борьбе с эпидемией.

3. Благодаря совместным усилиям всех стран более быстрыми темпами формируется всеобъемлющая, многоуровневая и многомерная инфраструктурная сеть с железными дорогами, автомагистралями, судоходством, авиацией, трубопроводами и интегрированными сетями пространственной информации. Межрегиональные операционные издержки на сырьевые товары, капитал, информацию и технологии были значительно снижены, что эффективно способствует оптимальному распределению межрегиональных ресурсов, достижению взаимовыгодного сотрудничества и развития.

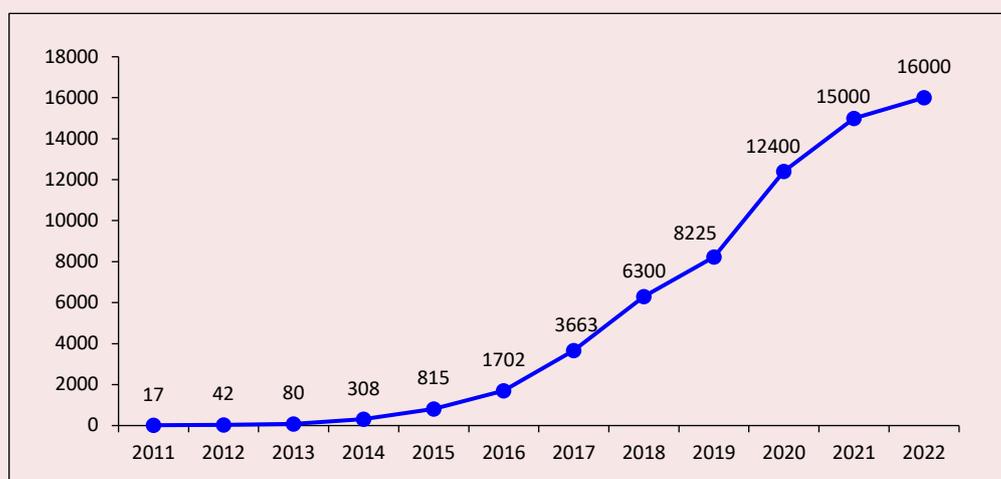
Сотрудничество в сфере судоходства. Система судоходства в Китае продолжает совершенствоваться, международные морские маршруты ведут к крупным портам более 100 стран и регионов, что делает Китай ведущей страной в мире по судоходным связям. Китай подписал 38 дву-

сторонних и региональных соглашений о морских перевозках с 47 странами, расположенными вдоль «Одного пояса, одного пути».

Сотрудничество в сфере авиатранспорта. В настоящее время в Китае насчитывается 254 транспортных аэропорта. Китай подписал двусторонние межправительственные соглашения об авиационных перевозках со 126 странами и регионами мира, расширил открытость воздушного пространства в рамках программ сотрудничества с Люксембургом, Россией, Арменией, Индонезией, Камбоджей, Бангладеш, Израилем, Монголией, Малайзией, Египтом и др. За последние пять лет Китай и страны, расположенные вдоль маршрута «Один пояс, один путь», дополнительно открыли 1239 международных авиалиний, что составляет 69,1% от общего количества новых международных авиалиний.

Сотрудничество в сфере железнодорожных перевозок. Являясь важной частью инициативы «Один пояс, один путь», китайско-европейская железная дорога представляет собой ключевой аспект национального планирования развития и важной мерой по углублению взаимовыгодного сотрудничества на международном уровне. По данным Китайской Национальной Железнодорожной Группы Лимитед, количество китайско-европейских железных дорог выросло с 80 в 2013 году до 16000 в 2022 году (рисунок), при этом они достигают 208 городов примерно в 25 европейских странах.

Количество китайско-европейских железных дорог в 2011–2022 гг.

Составлено по: данные Китайской Национальной Железнодорожной Группы Лимитед.

Усиление бесперебойных торговых потоков и расширение экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества

Важным направлением стратегии «Один пояс, один путь» является обеспечение бесперебойной торговли. Реализация проекта способствовала либерализации и упрощению процедур торговли и инвестирования в странах и регионах, расположенных вдоль указанного маршрута, снижению затрат на заключение и обслуживание сделок и ведение хозяйственной деятельности, высвобождению потенциала развития, позволяя всем заинтересованным странам на более глубоком уровне участвовать в процессе экономической глобализации.

1. За последние десять лет масштабы торговли в рамках «Одного пояса, одного пути» постоянно расширялись. С 2013 по 2022 год объем торговли товарами между Китаем и странами и регионами вдоль «Одного пояса, одного пути» увеличился с 1,04 до 2,07 трлн долларов США, со среднегодовым темпом роста 8%; доля импорта и экспорта Китая в указанные страны и регионы в общей внешней торговле Китая значительно возросла: с 25% в 2013 году до 32,9% в 2022 году⁷. Официальный представитель МИД КНР Мао Нин отметил, что по мере дальнейшего становления «Одного пояса, одного пути» все больше и больше высококачественных проектов сотрудничества будут приносить результаты развития и пользу для жизнеобеспечения людей, открывая новые возможности для общего процветания всех стран⁸.

Ци Синь, директор Исследовательского института «Одного пояса и одного пути» Академии международного торгово-экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР, сказал, что с 2022 года на фоне повторяющихся всплесков COVID-19 и медленного восстановления мировой экономики инициатива «Один пояс, один путь» добилась значительного прогресса, выдержала суровые испытания и продемонстрировала высокую устойчивость. Постоянный рост торгового и инвестицион-

ного сотрудничества Китая со странами-участниками не только эффективно способствует установлению новой модели развития, но и служит стабилизатором восстановления мировой экономики⁹.

По информации Главного таможенного управления Китая, годовой объем торговли между Китаем и странами, расположенными вдоль «Одного пояса, одного пути», в 2021–2022 гг. вырос с 1,8 до 2,1 трлн долларов США, то есть на 16,7%. Согласно данным Министерства коммерции Китая, в 2022 году китайские предприятия инвестировали 141,05 млрд юаней прямых нефинансовых инвестиций в страны, находящиеся на маршруте «Один пояс, один путь», что на 7,7% больше, чем в 2021 году (эквивалент 20,97 млрд долл. США, рост на 3,3%). Это 17,9% от общего объема инвестиций, что соответствует показателю аналогичного периода прошлого года, в основном в Сингапуре, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме, Пакистане, Объединенных Арабских Эмиратах, Камбодже, Сербии и Бангладеш. С января по февраль 2023 года этот показатель равнялся 27,53 млрд юаней, увеличившись на 37,1% (эквивалент 4,04 млрд долларов США, рост на 27,8% в годовом исчислении) и составив 20,2% от общего объема за тот же период¹⁰.

2. Важной движущей силой, содействующей бесперебойной торговле, становятся новые модели и отрасли хозяйствования, например трансграничный электронный бизнес и зарубежные склады. Они в полной мере используют цифровизацию для раскрытия торгового потенциала, обогащают и расширяют международное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

По данным Главного таможенного управления Китая, доля трансграничной электронной коммерции во внешней торговле Китая увеличилась с менее чем 1% в 2015 году до 5% к 2022 году¹¹. В первом квартале 2022 года объем экспорта трансграничной электронной торговли Китая в страны вдоль «Одного пояса, одного

⁷ Министерство коммерции Китайской Народной Республики. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/xwfb/xwztfbh/202303/20230303394394.shtml>

⁸ Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Мао Нин ведет очередную пресс-конференцию 10 марта 2023 года. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202303/t20230310_11039036.shtml

⁹ «Один пояс, один путь». URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/314721.html>

¹⁰ Китайская сеть деловых новостей. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1761851007092062626&wfr=spider&for=pc>

¹¹ Китайская правительственная сеть. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/13/content_5717999.htm

пути» возрос на 92,7%. На конец 2021 года в мире насчитывалось более 2 тысяч зарубежных складов для китайских товаров общей площадью более 16 миллионов квадратных метров.

3. К концу 2022 года Китай подписал 1919 соглашений о свободной торговле с 26 странами и регионами, причем партнеры по свободной торговле находятся в Азии, Океании, Латинской Америке, Европе и Африке.

Таможенное сотрудничество между Китаем и странами, расположенными вдоль «Одного пояса, одного пути», постоянно расширяется. Эффективность таможенного оформления импорта и экспорта повышается, а затраты снижаются. В 2022 году продолжительность таможенного оформления импортируемых в Китай и экспортируемых из страны товаров составила 32,02 и 1,03 часа соответственно, что на 67,1 и 91,6% меньше, чем в 2017 году. На сегодняшний день Таможенное управление Китая подписало соглашения о взаимном признании уполномоченного экономического оператора (УЭО) с 35 странами (регионами), участвующими в реализации стратегии «Один пояс, один путь».

По оценкам Всемирного банка, если все транспортные связи, предложенные в рамках схемы «Один пояс, один путь», будут завершены, к 2030 году будет получен ежегодный прирост в размере 1,6 трлн долларов США, что составит 1,3% мирового ВВП. В период с 2015 по 2030 год около 7,6 млн человек выйдут из границ крайней бедности, а 32 млн — из умеренной бедности¹².

Расширение движения капитала и создание более совершенной финансовой системы

Свободное движение капитала является важнейшей поддержкой и основой совместного строительства «Одного пояса, одного пути». Ключевая задача в этом направлении состоит в улучшении инвестиционной и финансовой среды в регионах путем укрепления финансового сотрудничества, расширения денежного обращения, расширения валютных свопов и совместного содействия развитию Азиатского инвестиционного банка.

За последние десять лет Китай активно включился в финансовое сотрудничество со странами вдоль «Одного пояса, одного пути»,

¹² «Один пояс, один путь». URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/268357.html>

способствуя созданию многоуровневой системы финансовых услуг и предоставляя разнообразную финансовую поддержку и услуги. Создан Центр развития потенциала Китая и Международного валютного фонда для оказания поддержки в оптимизации макроэкономической и финансовой базы стран «Одного пояса, одного пути». Также для обеспечения инвестиционной и финансовой поддержки, развития взаимосвязей были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и другие многосторонние институты финансового сотрудничества.

1. К концу 2022 года правительства 29 стран, включая Китай, одобрили принципы финансирования «Одного пояса, одного пути», направленные на более эффективное использование сил правительства и рынка, поощрение участия стран, международных организаций, финансовых институтов и инвесторов, построение долгосрочной, стабильной, устойчивой и контролируемой диверсифицированной системы финансирования¹³. К концу 2022 года в реализации принципов зеленых инвестиций «Одного пояса, одного пути» участвовали 44 подписанта и 14 поддерживающих учреждений из 17 стран и регионов, при этом учреждения-участники продолжают прилагать усилия для расширения зеленых инвестиций на развивающихся рынках.

2. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути, Китайско-Африканский фонд развития, Новый банк развития БРИКС, Банк развития ШОС и ряд других финансовых институтов быстро развиваются.

С момента создания в 2015 году количество членов-учредителей АБИИ, первого многостороннего банка развития, инициированного Китаем, увеличилось с 57 до 106. В настоящее время АБИИ охватывает шесть континентов, 81% населения мира и 65% ВВП, что делает его вторым по величине в мире международным многосторонним институтом развития с меньшим количеством членов, чем Всемирный банк. С 2016 по 2022 год АБИИ одобрил 202

¹³ Серия докладов о достижениях экономического и социального развития после 18-го Национального съезда партии. Государственное статистическое управление КНР. 09.10.2022. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/09/content_5716806.htm

проекта в 33 странах с общим объемом финансирования более 38,8 млрд долларов США и привлеченным капиталом почти 130 млрд долларов США, включая устойчивое строительство инфраструктуры и восстановление «зеленой» экономики стран-членов в области энергетики, транспорта, водоснабжения, коммуникаций, образования, здравоохранения и т. д.

Фонд Шелкового пути был создан в декабре 2014 года в Пекине с целью поддержки и развития торгово-экономического сотрудничества в рамках концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» посредством осуществления средне- и долгосрочных инвестиций в странах. По данным официального сайта Фонда Шелкового пути¹⁴, к концу 2022 года подписано более 60 проектов с долевым инвестированием, с объемом инвестиций более 20 млрд долларов США, из которых 70% инвестируется в страны, расположенные вдоль маршрута «Один пояс, один путь».

С момента создания в 2007 году Китайско-африканский фонд развития осуществил инвестиции в общей сложности в 110 проектов в 37 африканских странах.

3. За последнее десятилетие устойчивый рост экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества между Китаем и странами вдоль «Одного пояса, одного пути» ускорил интернационализацию юаня, который неуклонно повышал свои функции в качестве платежной валюты, валюты инвестиций и финансирования, а также резервной валюты, постепенно усиливая свою роль в качестве валюты обмена.

К концу июля 2022 года Китай подписал двусторонние соглашения о валютных свопах с более чем 20 странами, а также клиринговые соглашения в юанях в более чем 10 странах «Одного пояса, одного пути». Объем бизнеса и влияние системы трансграничных межбанковских платежей в юанях (CIPS) неуклонно растет. По состоянию на конец марта 2023 года CIPS насчитывает 1427 участников (79 прямых и 1348 непрямых участников) из 106 стран и регионов. В их числе — 965 из Азии, 185 — из Европы, 46 — из Африки, 23 — из Океании, 29 — из Северной и 17 — из Южной Америки.

¹⁴ Официальный сайт Фонда Шелкового пути. URL: <http://www.silkroadfund.com.cn/cnweb/>

По данным Общества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций, с 2013 по 2022 год доля юаня в международных платежах увеличилась с 0,63 до 2,15%, а в глобальном рейтинге валют он поднялся с 15 на 5 место после доллара США, евро, фунта стерлингов и японской йены. В мае 2022 года Международный валютный фонд повысил вес юаня до 12,28% (с 10,92% в 2016 году). Это отражает признание возросшей степени свободы использования юаня¹⁵.

Содействие контактам между народами

Сближение народов является гуманитарной основой совместного строительства «Одного пояса, одного пути» путем развития культурных обменов, сотрудничества в области образования, укрепления понимания и дружбы между народами.

На фоне глубоких и сложных изменений в международной и внутренней политической и экономической обстановке Китай всегда придерживался правильной концепции справедливости и выгоды, углублял международное сотрудничество в области развития при строительстве «Одного пояса, одного пути», активно осуществлял помощь за рубежом, вносил позитивный вклад в содействие реализации Целей устойчивого развития ООН 2030 и совместное развитие человечества.

1. Китай учредил стипендию правительства в рамках инициативы «Один пояс, один путь», подписал соглашение о взаимном признании образовательного ценза и ученых степеней и дипломов о высшем образовании с 24 странами, расположенными вдоль «Одного пояса, одного пути». Сегодня в 54 странах открыто 153 Института Конфуция и 149 классов Конфуция¹⁶.

2. После вспышки COVID-19, руководствуясь видением сообщества, заботящегося о здоровье людей, Китай начал самую продолжительную и масштабную операцию по оказанию чрезвычайной гуманитарной помощи

¹⁵ Отчет об интернационализации юаня в 2022 году. Источник: Китайская правительственная сеть. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-09/24/content_5711660.htm

¹⁶ Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути» прогресс, вклад и перспективы. Источник: «Один пояс, один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm>

с момента основания Китайской Народной Республики. Достижения Китая в координации профилактики эпидемий и борьбы с ними с экономическим развитием были признаны международным сообществом. Китай совместно с 31 партнером выступил с инициативой в области вакцин в рамках проекта «Один пояс, один путь»; активно оказывал помощь и возглавлял международное сотрудничество в борьбе с COVID-19. В 2020 году Китай предоставил 150 странам и 13 международным организациям более 4 млрд комплектов защитной одежды и свыше 6 млрд комплектов ПЦР-тестов, около 350 млрд защитных масок и другие материалы для профилактики эпидемий, а также направил 37 групп медицинских экспертов в 34 страны.

К концу 2021 года Китай предоставил более 2 млрд доз вакцин от коронавируса более чем 120 странам и международным организациям. Значительная часть этих доз предназначалась для стран, расположенных вдоль маршрута «Один пояс, один путь». Совместная борьба с эпидемией обогатила международное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и укрепила дружбу между странами.

3. После проведения Первого форума по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай подписал 56 соглашений о содействии сотрудничеству в области здравоохранения с разными странами, в числе которых Монголия и Афганистан, а также с такими международными организациями, как Всемирная организация здравоохранения, и некоторыми неправительственными организациями. Также Китай предоставил 2 млрд юаней в качестве чрезвычайной продовольственной помощи развивающимся странам, расположенным вдоль «Одного пояса, одного пути», увеличил инвестиции в Фонд содействия сотрудничеству Юг – Юг на 1 млрд долларов США, реализовал 100 проектов по строительству «счастливых домов», 100 проектов по оказанию помощи малоимущим, 100 проектов по оказанию медицинской помощи больным для восстановления здоровья и реабилитации¹⁷.

¹⁷ Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути» прогресс, вклад и перспективы. Источник: «Один пояс, один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm>

4. Китай и страны, расположенные вдоль маршрута «Один пояс, один путь», имеют тесные связи в сфере туризма. Проведен Год туризма, созданы механизмы туристического сотрудничества, такие как Международный союз по продвижению роста туризма на «Шелковом пути», Международный союз по продвижению туризма на «Морском Шелковом пути», Международный туристический союз «Великого чайного пути». Китай подписал соглашение о безвизовом режиме, применяемом к различным гражданам и держателям различных типов паспортов, с 57 странами, добился договоренности по 19 документам об упрощении процедур оформления визы с 15 странами.

Согласно специальному отчету по туризму «Один пояс, один путь», опубликованному Китайской академией туризма, страны, расположенные вдоль маршрута, в 2017 году получили доход от международного туризма в размере 385,1 млрд долларов, 30,82% – туристы с материковой части Китая. Кроме того, туризм обеспечивает 5,36% прямой занятости и 14,11% совокупной занятости в сфере туризма в странах вдоль маршрута «Один пояс, один путь», что значительно сокращает безработицу и бедность. В 2018 году 150 миллионов китайских туристов побывали за границей, а 30,54 миллиона иностранных туристов посетили Китай. Россия, Мьянма, Вьетнам, Монголия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и другие страны стали основными рынками сбыта для китайских туристов.

Возможности и вызовы в процессе продвижения инициативы «Один пояс, один путь» в Китае

В настоящее время мир переживает беспрецедентные перемены. В связи с пандемией COVID-19 мировая экономика стала более уязвимой, усилилась геополитическая напряженность, глобальное управление серьезно ослаблено, а многочисленные кризисы, такие как продовольственный и энергетический, накладываются друг на друга. Международная обстановка формирует все более сложные условия для реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Серьезные вызовы, с которыми сталкивается сотрудничество в рамках стратегии «Один пояс, один путь», связаны со следующими аспектами.

Растущие глобальные экономические риски усиливают неопределенность в рамках сотрудничества. В отчете Всемирного банка «Перспективы развития мировой экономики», опубликованном 10 января 2023 г., прогноз роста мировой экономики на 2023 год пересмотрен в сторону понижения до 1,7%, что на 1,3 процентных пункта меньше, чем в прогнозе, сделанном в июне прошлого года, и является одним из самых низких показателей роста за почти 30 лет (еще ниже были только показатели 2020 года вследствие COVID-19 и 2009 года из-за международного финансового кризиса)¹⁸. Агрессивное ужесточение денежно-кредитной политики, ухудшение финансовых условий, падение доверия и повсеместный дефицит энергоресурсов привели к резкому понижению прогнозов глобального роста. Общая инфляция в странах с формирующимся рынком и развивающихся экономиках в настоящее время составляет более 9,4%, что является самым высоким показателем с 2008 года; инфляция в странах с развитой экономикой – 6,9%, что является самым высоким показателем с 1982 года.

В октябре 2022 года Всемирный банк предупредил, что 25% стран с формирующимся рынком находятся в долговом кризисе или близки к нему, а более 60% государств с низким уровнем дохода находятся в долговом кризисе. Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны, такие как Шри-Ланка, Пакистан, Ливан, Турция, Египет, Гана и Аргентина, пережили финансовые кризисы, вызванные увеличением краткосрочного оттока капитала (обесценивание валют, увеличение бремени внешней задолженности и падение цен на внутренние активы)¹⁹. Ожидаемый глобальный экономический спад усугубил нестабильность и неопределенность в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Геополитические конфликты усилили нестабильность сотрудничества. В настоящее время

конфликты продолжают затрагивать многие регионы, влияя на мирную обстановку для сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Возглавляемую США Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС), в которую входит ряд стран Юго-Восточной Азии²⁰, нельзя недооценивать с точки зрения негативного влияния на развитие стратегии.

Под влиянием конфликта между Россией и Украиной отношение некоторых европейских стран к Китаю в определенной степени изменилось. Поскольку Африканский регион становится новым очагом конкуренции между крупными державами, инициатива «Один пояс, один путь» столкнется со все более жесткой конкуренцией в нем, особенно в таких областях, как цифровая экономика, кибербезопасность, критически важная инфраструктура и ключевые минеральные ресурсы. Риски, связанные с геополитическими факторами, значительно возросли, что усугубляет сложность развития стратегии «Один пояс, один путь».

Несмотря на вызовы, для развития сотрудничества стран в рамках инициативы «Один пояс, один путь» существуют *важные стратегические возможности*.

1. *Восстановление экономики государств после COVID-19 поможет ускорить развитие их сотрудничества.* Эпидемия оказала значительное влияние на глобальную цепочку поставок и производство, поэтому всем странам необходимо как можно скорее восстановить и улучшить цепочки поставок и производственные связи, ускорить строительство инфраструктуры, особенно транспортной. Хотя глобальный экономический спад невозможно преодолеть в краткосрочной перспективе, решимость и меры, принятые правительствами для ускорения экономического восстановления после COVID-19, придадут импульс устойчивому прогрессу сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

¹⁸ Государственный комитет КНР по делам развития и реформам. 29.01.2023. URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fgzh/gjzzychydj/gjzzyjdt/202301/t20230129_1347419_ext.html

¹⁹ Чжан Мин. Обзор отечественных и зарубежных финансовых рынков за 2022 год и перспективы на 2023 год. Круглый стол журнала «Китайская валюта». 12.12.2022.

²⁰ Первыми 14 членами Индо-Тихоокеанской экономической структуры являются США, Южная Корея, Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Индонезия, Таиланд, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Бруней и Фиджи, на долю которых приходится около 40% мирового валового внутреннего продукта (ВВП).

Например, Правительство Вьетнама утвердило Стратегию инвестиционного сотрудничества с зарубежными партнёрами на 2021–2030 годы, в которой предлагается девять конкретных решений по повышению эффективности сотрудничества в связи с иностранными инвестициями. Камбоджа приняла новый Закон об инвестициях Королевства Камбоджа, поощряющий инвестиции в 19 отраслей промышленности, включая высокотехнологичные отрасли, научно-технические инновационные парки и пищевую промышленность, с тем чтобы стимулировать экономическое развитие страны. Президент Республики Узбекистан подписал Указ № УП-101 от 08.04.2022 «Об очередных реформах по созданию условий для стабильного экономического роста путем улучшения предпринимательской среды и развития частного сектора», представив ряд инициатив по стимулированию развития частного сектора и улучшению бизнес-среды. Филиппины внесли поправки в Закон об иностранных инвестициях, разрешив иностранным инвесторам создавать предприятия на территории страны (включая малый и микробизнес) и полностью владеть ими.

В то же время цепочки поставок в Китае устойчивы, имеется полный производственный цикл; экономика обладает огромным потенциалом и жизнеспособностью. Экономическое и торговое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» будет продолжать играть роль стабилизатора международной производственной цепочки и цепочки поставок и способствовать глобальному экономическому росту.

2. *Существует потенциал международного сотрудничества в сфере экологии, цифровых технологий и здравоохранения.* В новых условиях «зеленая» экономика и устойчивое развитие, медицина, в том числе совместное реагирование на COVID-19, а также цифровые технологии и цифровая экономика являются ключевыми областями сотрудничества в рамках «Одного пояса, одного пути».

В постэпидемическую эпоху Китая, с ориентацией на долгосрочную перспективу, необходимо стремиться к экологичному, инклюзивному и устойчивому развитию, ускорять развитие новых отраслей энергетики, охраны

окружающей среды, снижать выбросы углерода, т. е. строить надежную экономическую систему, отличающуюся экологичным, низкоуглеродным и циклическим развитием. В рамках стратегии «Один пояс, один путь» следует укреплять сотрудничество в ключевых сферах, таких как борьба с загрязнением, охрана окружающей среды, ядерная и радиационная безопасность, развивать научно-технические инновации в области охраны окружающей среды. Китай должен развивать международное сотрудничество в борьбе с изменением климата, принимать активное участие в глобальном экологическом управлении, содействовать «зеленому» восстановлению мировой экономики, добиваться высококачественного экономического развития с учетом принципов охраны окружающей среды и экологии.

3. *Цифровая экономика – это будущее направление глобального развития.* Китай стал второй по величине цифровой экономикой в мире, и его сотрудничество со странами-участницами «Одного пояса, одного пути» в области цифровой экономики углубляется. Пандемия COVID-19 спровоцировала развитие новых технологий, таких как 5G, искусственный интеллект и «умные» города, новых видов бизнеса и платформ, ускорила развитие «бесконтактной» экономики (интернет-магазины, телемедицина, онлайн-образование, платформы для совместной работы). Интернет играет важную роль в содействии восстановлению экономики, обеспечении социального функционирования и развитии международного сотрудничества в борьбе с COVID-19. Китай должен воспользоваться возможностью нового витка технологической революции и промышленной трансформации, продвигать цифровую связь, инновации в области цифровых технологий, стимулировать новые движущие силы инноваций и развития, преодолеть цифровой разрыв и открыть новые перспективы для цифрового сотрудничества вдоль маршрута «Одного пояса, одного пути».

4. *Здоровье является основой развития и эффективным показателем для оценки устойчивого развития.* С 2016 года, когда Си Цзиньпин предложил построить «Шелковый путь здоровья», Китай совместно с другими странами и международными организациями углубляет координацию политики в сфере здравоохранения,

развивает медицинский альянс «Один пояс, один путь», строит зарубежные центры китайской медицины, развивает научные исследования и технологии здравоохранения. Реализованы такие проекты, как «Программа подготовки кадров в области общественного здравоохранения» в рамках отношений Китай – АСЕАН и сотрудничества КНР и стран Африки.

В постэпидемическую эпоху потребность в сотрудничестве в сфере общественного здравоохранения значительно возросла, и в рамках инициативы «Один пояс, один путь» открываются новые возможности для международного сотрудничества. Необходимо открывать больше «скоростных» и «зеленых» маршрутов, оказывать помощь в поставке противоэпидемических материалов в другие страны, осуществлять исследования, разработку и производство лекарств и вакцин, поддерживать ведущую роль Всемирной организации здравоохранения в координации глобальной профилактики эпидемий и борьбы с ними, изучить возможности создания регионального механизма связи в чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения и содействовать созданию сообщества здравоохранения для всех.

Заключение

В представленной статье проанализированы результаты реализации стратегии «Один пояс, один путь» за десять лет, рассмотрены основные достижения.

Китаю удалось достичь плодотворных результатов в строительстве «Одного пояса, одного пути» вместе со странами, находящимися вдоль маршрута. Инициатива «Один пояс, один путь» способствовала процветанию всех сторон, поддерживающих принцип «совместных консультаций», «совместного строительства» и «совместного пользования плодами», общему развитию и прогрессу.

С точки зрения политической координации Китай в полной мере взаимодействовал с государствами и организациями для формирования широкого консенсуса по международному сотрудничеству в целях совместного строительства «Одного пояса, одного пути». Благодаря совместным усилиям всех сторон, структура «шесть коридоров, шесть дорог, множество стран и портов» в основном сформировалась,

успешно реализовано большое количество взаимовыгодных проектов. Между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута «Один пояс, один путь», неуклонно растет уровень либерализации и упрощения процедур торговли, а способы торговли постоянно совершенствуются, поэтому торговые связи вышли на новый уровень. Быстро развивается финансовое сотрудничество, создана многоуровневая система финансовых услуг. С точки зрения сближения народов страны осуществляют различные формы сотрудничества в области культуры, образования, туризма и научно-технических инноваций.

Британский историк П. Франкопан в книге «Шёлковые пути: новая история мира» отметил: «Дух Шелкового пути, который когда-то помог сформировать мир прошлого, будет продолжать формировать мир сегодня и завтра» (Frankopan, 2015).

После десяти лет совместных усилий инициатива «Один пояс, один путь» стала крупнейшей платформой международного сотрудничества, внося устойчивый, прогрессивный и существенный вклад в восстановление мировой экономики. В настоящее время вооруженные конфликты, экстремальные погодные условия и продолжительные эпидемии усилили неопределенность и нестабильность в рамках сотрудничества, однако не подорвали стремления людей в странах, которые совместно строят «Один пояс, один путь», к лучшей жизни.

Чем тяжелее ситуация, тем лучше она может показать истинное значение «совместных консультаций», «совместного строительства» и «совместного пользования плодами»; необходимость высоких стандартов, улучшения благосостояния народа и устойчивого развития как цели для продвижения совместной реализации стратегии «Один пояс, один путь».

Председатель КНР Си Цзиньпин сообщил, что в 2023 году в Китае состоится третий международный форум в рамках «Одного пояса, одного пути». Китай воспользуется этой возможностью, чтобы совместно с международным сообществом проанализировать свой опыт и разработать план для постоянного улучшения качества реализации стратегии «Один пояс, один путь».

Литература

- Жильцов С.С. (2021). Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс, один путь» // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. № 4 (30). С. 207–215.
- Киреева А.А. (2018). «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. № 2. С. 61–74. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74
- Левченко Т.А. (2020). Реализация инициативы «Один пояс – один путь»: цели, достижения, вызовы // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 9. № 4 (33). DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0048
- Ли На (2018). Инициатива «Один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. Т. 10. № 4. С. 382–392. DOI: 10.22363/23128127-2018-10-4-382-392
- Cheng L.K. (2016). Three questions on China’s “Belt and Road Initiative”. *China Economic Review*, (40), 309–313.
- Frankopan P. (2015). *The Silk Road. A New History of the World*. London: Bloomsbury.
- Georgiev G. (2015). The Chinese “One Belt, One Road” Initiative – new opportunities for the European Union and its neighbours in the Black Sea region. *KSI Transactions on Knowledge Society*, 8(2), 33–40.
- Gu W. (2018). Positive impact of “the belt and road” initiative on world economic development. *Journal of Huaihai Institute of Technology (Humanities & Social Sciences Edition)*.
- Hu B. (2021). Promoting Belt and Road cooperation for global development and prosperity. *Economic Guide*, 268(08), 63–67.
- Hu B., Zhang K. (2022). Measure and evaluate the comprehensive development level of the countries jointly building the Belt and Road. *Learning and Exploration*, (3), 91–106190.
- Lyu H., Zhang C. (2023). Research on the impact of the “Belt and Road” initiative on the financial development of the countries along the route. *Modern Business*, (07), 75–79. DOI: 10.14097/j.cnki.5392/2023.07.017
- Ma W. (2020). The promoting role of the “Belt and Road” Initiative on the economic development of the countries along the route and the world. *China Collective Economy*, 20, 15–16.
- Wilson J.L. (2016). The Eurasian Economic Union and China’s silk road: Implications for the Russian-Chinese relationship. *European Politics and Society*, (17), 113–132.
- Wong H. (2015). China paves forward path on growth, reshaping its trade and economy. *Business Today*, (20), 1–3.
- Yuan X., Meng H., Qi X. (2023). *The 10th Anniversary of the Belt and Road Cooperation: Achievements, Experiences and Prospects*, 496(04), 69–80. DOI: 10.14114/j.cnki.itrade.2023.04.011

Сведения об авторах

Люй Хунин – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (191123, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; e-mail: islvhy@mail.ru)

Ван Чао – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (191123, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62; e-mail: chao920426@gmail.com)

Lyu Hongying, Wang Chao

The Belt and Road: Achievements and Prospects (to the Tenth Anniversary of the Initiative)

Abstract. September 7, 2013, Chinese President Xi Jinping proposed the Silk Road Economic Belt initiative in Astana (Kazakhstan), and October 3, 2013 – the 21st Century Maritime Silk Road in Indonesia. The year 2023 marks the 10th anniversary of The Belt and Road Initiative, which has received positive feedback from many countries and international organizations. The Belt and Road strategy corresponds to the course of historical development and meets the expectations of all parties. The

international community pays considerable attention to it. As of January 2023, China has signed more than 200 documents on cooperation with 151 countries and 32 international organizations. In ten years, The Belt and Road Initiative achieved fruitful results and brought tangible benefits to the population of the countries located along the route. Currently, cooperation within the framework of The Belt and Road project is facing the turbulence of the external environment, but its possibilities have not been exhausted. In the future, it will contribute to the development of international cooperation in more areas and at a deeper level, achieving mutual benefit. The article summarizes the achievements and experience of the construction of The Belt and Road for ten years, analyzes the problems and difficulties that have arisen, and also considers new opportunities and challenges in promoting high-quality development within the framework of The Belt and Road Initiative.

Key words: China, The Belt and Road Initiative, Silk Road Economic Belt, Maritime Silk Road, opportunities, challenges.

Information about the Authors

Lyu Hongying – postgraduate student, Saint Petersburg State University (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123; e-mail: islvhy@mail.ru)

Wang Chao – postgraduate student, Saint Petersburg State University (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123; e-mail: chao920426@gmail.com)

Статья поступила 31.05.2023.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2023 г.), а также за период с октября 2022 по октябрь 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

За период с августа по октябрь 2023 г. незначительно увеличилась доля положительных оценок деятельности Президента РФ (на 3 п. п., с 60 до 63%). Удельный вес отрицательных суждений существенно не изменился и составил 21–22%³.

За последние 12 месяцев (с октября 2022 по октябрь 2023 г. доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 4 п. п. (с 59 до 63%), отрицательных – снизилась на 3 п. п. (с 24 до 21%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

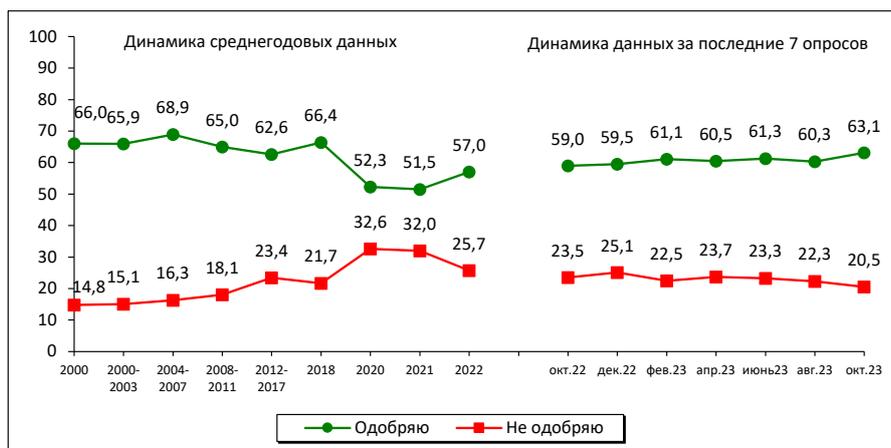
⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2022 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт.2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	окт. 2022	авг. 2023	
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	59,0	59,5	61,1	60,5	61,3	60,3	63,1	+4	+3	
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	23,5	25,1	22,5	23,7	23,3	22,3	20,5	-3	-2	
Председатель Правительства РФ*																		
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	48,1	50,1	49,3	48,3	49,2	50,8	51,3	+3	+1	
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	31,3	29,9	27,9	28,1	27,1	26,1	28,6	-3	+3	
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	43,0	45,5	47,1	48,3	48,7	48,1	47,5	+5	-1	
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	33,9	35,2	33,0	32,3	30,7	29,7	29,7	-4	0	

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»
 *Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
 (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Одобрю	+4	+3
Не одобряю	-3	-2

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, оценка деятельности Президента РФ с августа по первую половину октября 2023 г. существенно не изменилась: доля положительных суждений составляет 74%, отрицательных – 16%.

С октября 2022 г. по первую половину октября 2023 г. уровень одобрения деятельности главы государства незначительно снизился (на 3 п. п., с 77 до 74%); доля отрицательных характеристик составила 14–16%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Одобрению	-2	+1
Не одобряю	+1	-1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

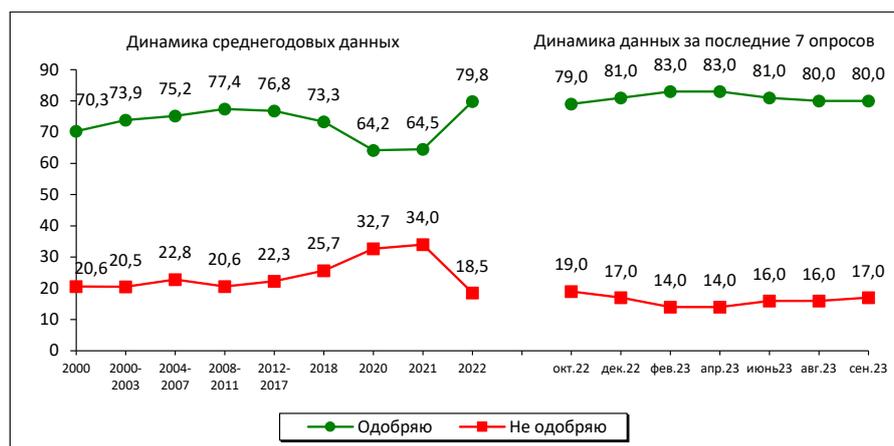
Данные за октябрь 2023 г. – среднее за три опроса (от 01.10.2023, 08.10.2023 и 15.10.2023).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в августе – октябре 2023 г. составил 80%; доля отрицательных характеристик – 16–17%.

В годовой ретроспективе также не наблюдается существенных изменений: за последние 12 месяцев доля положительных характеристик составила 79–80%, отрицательных – 17–19%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), сентябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Одобрению	+1	0
Не одобряю	-2	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, составил 48%. Для сравнения, доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше и также остается стабильной (32–34%).

С октября 2022 по октябрь 2023 г. оценки населения существенно не изменились: доля положительных суждений составляет 49%, отрицательных – 30–32%.

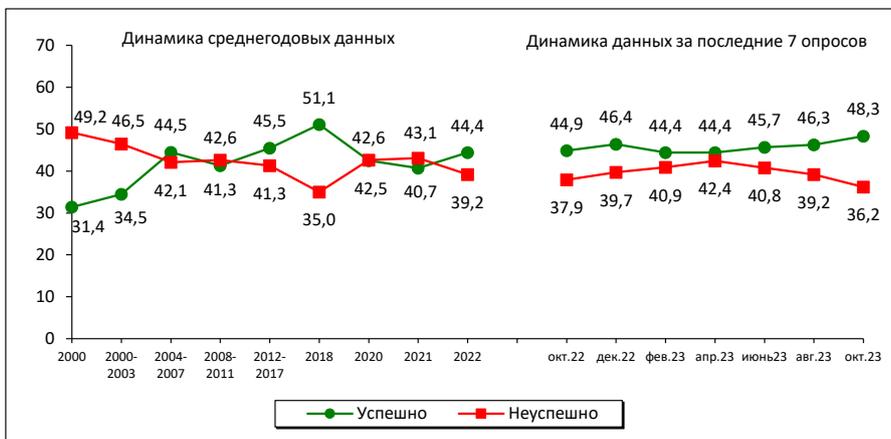
Укрепление международных позиций России

Постепенно продолжает увеличиваться доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране: в августе – октябре 2023 г. она составила 46–48%, однако с апреля по октябрь 2023 г. увеличилась на 4 п. п. (с 44 до 48%). Удельный вес отрицательных суждений за этот же период снизился на 8 п. п. (с 42 до 36%).

За последние 12 месяцев доля позитивных оценок успешности решения главой государства проблемы наведения порядка в стране увеличилась на 3 п. п. (с 45 до 48%). Удельный вес отрицательных отзывов составил 36–38%.

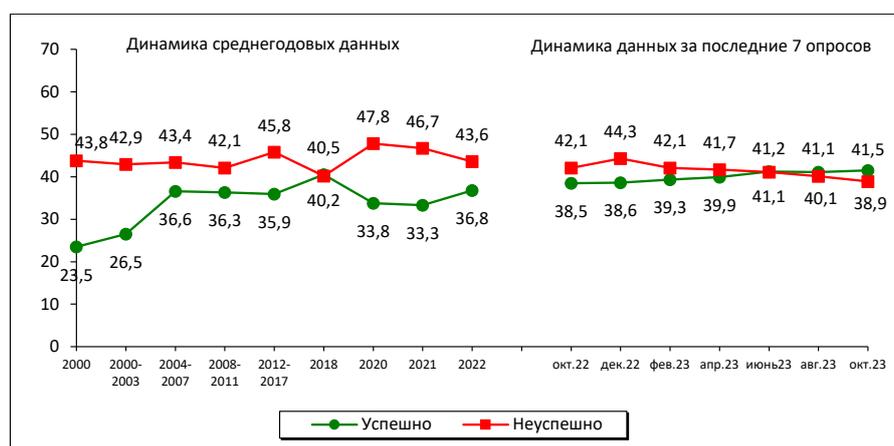
Наведение порядка в стране

В августе – октябре 2023 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан составила 41%, отрицательных – 40–39%.

За последние 12 месяцев незначительно увеличилась доля позитивных характеристик (на 3 п. п., с 39 до 42%) и снизился удельный вес негативных отзывов (на 3 п. п., с 42 до 39%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

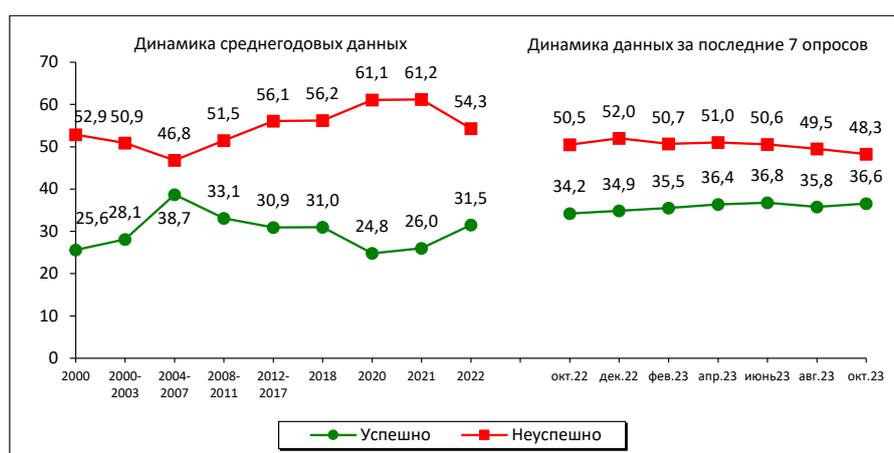

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Успешно	+3	0
Неудачно	-3	-1

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан остается стабильной с февраля 2023 г. (36%). Удельный вес негативных оценок сохраняется на уровне 48–50%.

С октября 2022 по октябрь 2023 г. доля позитивных суждений увеличилась на 3 п. п. (с 34 до 37%), отрицательных – уменьшилась на 3 п. п. (с 51 до 48%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Успешно	+3	+1
Неудачно	-3	-1

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца также не наблюдается существенных изменений: в августе – октябре 2023 г. доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 39–40%, КПРФ – 10%, ЛДПР – 8%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 2%.

За последние 12 месяцев отмечается рост поддержки партии «Единая Россия» (на 3 п. п., с 37 до 40%), а также заметное снижение доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 6 п. п., с 31 до 25%).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2023 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	окт. 2022	авг. 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	36,7	38,3	39,1	37,6	39,3	39,0	40,3	+3	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,9	9,3	9,5	9,3	9,5	9,8	9,8	0	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	6,0	6,3	5,9	6,9	6,7	7,8	7,9	+2	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,5	4,7	4,6	4,7	4,7	4,5	4,5	0	0
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,1	1,5	1,3	2,1	2,1	2,3	1,5	0	-1
Другая	0,9	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,5	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	-1	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	30,6	29,9	28,0	28,0	26,5	25,2	24,6	-6	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	10,8	9,9	11,4	11,4	11,4	11,2	11,4	+1	0

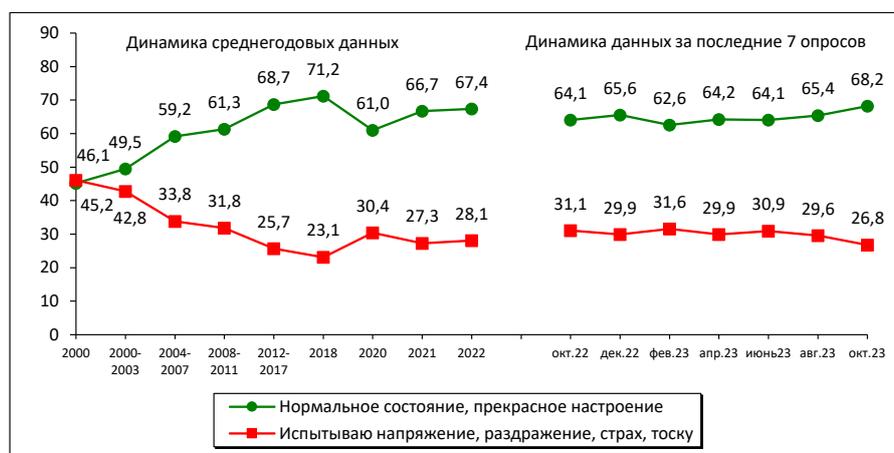
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В октябре по сравнению с августом 2023 г. увеличилась доля жителей области, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние (на 3 п. п., с 65 до 68%). Удельный вес негативных характеристик снизился также на 3 п. п. (с 30 до 27%).

В целом за последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 4 п. п. (с 64 до 68%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», снизился также на 4 п. п. (с 31 до 27%).

Социальное настроение

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	ОКТ. 2022	авг. 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+4	+3
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-4	-3

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 77% жителей области в августе – октябре 2023 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», также не изменилась и составила 14–15%.

С октября 2022 по октябрь 2023 г. удельный вес позитивных характеристик запаса терпения составил 75–77%; доля отрицательных суждений – 15–16%.

Запас терпения

Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	ОКТ. 2022	авг. 2023
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	+1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в августе – октябре 2023 г. составил 43%. Доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», 44%.

Ощутимых изменений не наблюдается также в годовой динамике. За последние 12 месяцев доля «бедных и нищих» жителей области составила 42–43%, «людей среднего достатка» – 43–44%.

Социальная самоидентификация

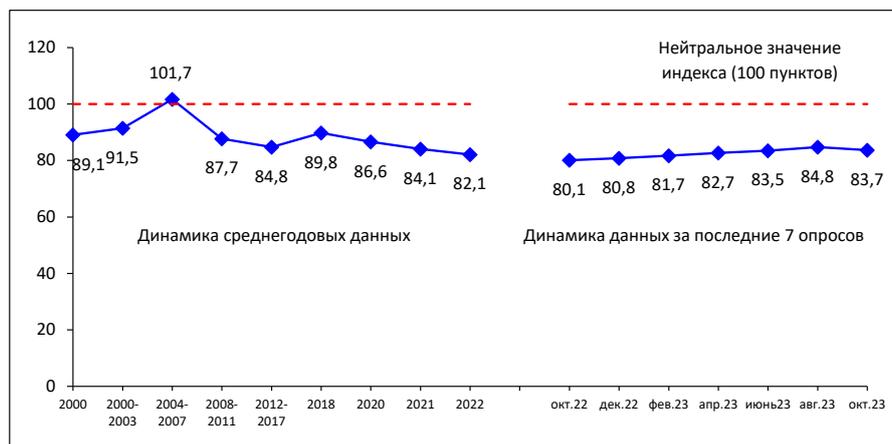
Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	окт. 2022	авг. 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+2	0
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 84–85 пунктов.

По сравнению с октябрем 2022 г. ИПН возрос на 4 пункта (с 80 до 84 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

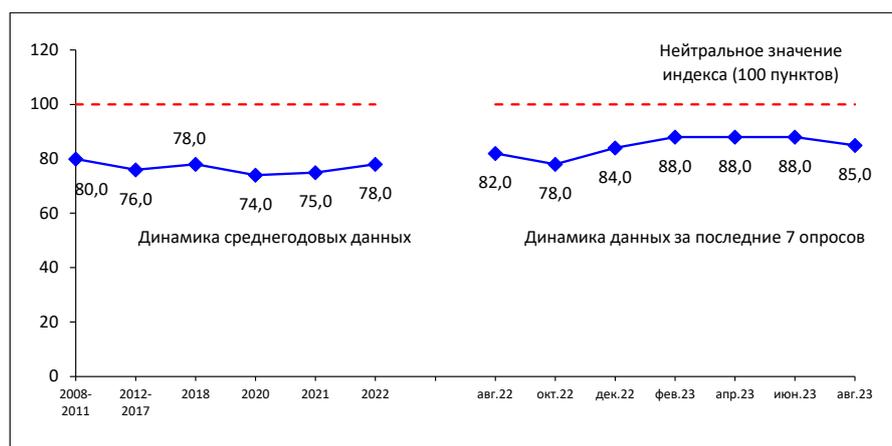
Изменение (+/-), октябрь 2023 г. к		
ИПН	окт. 2022	авг. 2023
Значение индекса, в пунктах	+4	-1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра*, индекс потребительских настроений за период с июня по август 2023 г. снизился на 3 пункта (с 88 до 85 п.).

С августа 2022 по август 2023 г. в динамике ИПН наблюдаются позитивные изменения (индекс возрос на 3 пункта, с 82 до 85 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), август 2023 г. к		
ИПН	авг. 2022	июнь 2023
Значение индекса, в пунктах	+3	-3

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за август 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

С августа по октябрь 2023 г. в большинстве основных социально-демографических категорий населения (в 11 из 14) доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 3–5 п. п., особенно среди людей со средним специальным образованием (с 65 до 70%) и лиц старше 55 лет (с 56 до 61%). Негативных изменений за прошедшие два месяца не отмечено ни в одной из основных социально-демографических групп.

В динамике общественных настроений за последние 12 месяцев (с октября 2022 по октябрь 2023 г.) также отмечаются преимущественно позитивные изменения, особенно среди жителей г. Вологды (доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 8 п. п., с 56 до 64%). Снижение доли позитивных оценок зафиксировано только в одной группе – среди людей, которые по самооценкам собственных доходов попадают в категорию 20% наиболее обеспеченных жителей области. В этой группе доля положительных оценок социального настроения за последний год уменьшилась на 6 п. п. (с 79 до 73%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	окт. 2022	авг. 2023
Пол																	
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,0	64,7	62,5	65,4	63,4	65,4	66,9	+2	+2
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	63,3	66,5	62,7	63,4	64,7	65,3	69,4	+6	+4
Возраст																	
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	74,5	78,7	70,6	72,9	72,9	76,2	79,4	+5	+3
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	65,2	68,5	63,9	67,7	68,6	69,2	71,1	+6	+2
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,7	57,2	58,1	56,9	55,4	56,3	60,5	+2	+5
Образование																	
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	58,9	62,7	57,2	60,2	61,6	63,2	64,4	+6	+1
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	65,8	64,3	63,7	65,1	63,7	65,1	70,1	+4	+5
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	67,5	70,6	67,3	67,3	68,2	67,4	70,0	+2	+3
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,7	55,4	46,2	47,8	50,4	49,6	52,5	+2	+3
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	65,9	66,1	62,2	64,4	65,7	67,9	71,0	+5	+3
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	78,7	74,9	73,8	78,2	72,1	70,3	73,2	-6	+3
Территории																	
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	55,7	57,2	54,5	56,0	57,8	60,8	63,8	+8	+3
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	67,9	69,1	65,9	68,4	67,9	66,4	69,4	+1	+3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	66,6	68,5	65,3	66,6	65,6	67,3	70,2	+4	+3
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	64,1	65,7	62,6	64,3	64,1	65,3	68,3	+4	+3

РЕЗЮМЕ

Как показали результаты очередной «волны» мониторинга, проведенной в период с августа по октябрь 2023 г., в динамике большинства индикаторов общественных настроений не произошло существенных изменений.

При этом отмечаются позитивные тенденции по ключевым параметрам мониторинга:

✓ во-первых, возрос уровень одобрения деятельности Президента РФ (на 3 п. п., с 60 до 63%); причем с апреля 2023 г. отмечается устойчивая позитивная динамика в оценках успешности решения главой государства всех ключевых проблем страны;

✓ во-вторых, увеличилась доля положительных оценок социального настроения (также на 3 п. п., с 65 до 68%); причем это произошло в большинстве (в 11 из 14) основных социально-демографических групп.

Следует также отметить, что аналогичные позитивные тенденции зафиксированы и по результатам общероссийских исследований. Так, по данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с августа по первую половину октября возрос с 73 до 74 п. п., а индекс общественных настроений с августа по сентябрь 2023 г. увеличился с 65 до 69 пунктов⁵.

Указанные изменения в оценках общественного мнения в целом соотносятся с тем, насколько успешно Россия справляется с комплексом внешних угроз национальной безопасности, с которыми она столкнулась после начала СВО:

✓ как отметил Министр обороны РФ С. Шойгу, обстановка на линии фронта «выглядит устойчиво, уверенно»; действия Вооруженных сил РФ вселяют «уверенность в том, что они не только удержат позиции, но и, естественно, продолжат реализацию тех планов, которые мы наметили»⁶;

✓ российская экономика под ударами санкций (как уже не раз подчеркивал Президент РФ В.В. Путин) «не только преодолела все трудности, но и ушла в плюс...; естественным образом началась её структурная перестройка»⁷;

✓ несмотря на отчаянные попытки коллективного Запада «отменить» Россию, её международные связи продолжают только укрепляться, и вместе с этим процессом продолжают всё более динамично проявляться очертания контуров многополярного мира⁸.

Наглядной иллюстрацией этих изменений стали, в частности, результаты региональных и муниципальных выборов, прошедших в России в Единый день голосования 10 сентября 2023 г. Как подытожили эксперты, «явка стала рекордной за десять лет – с 2013 года на выборах этого уровня, не считая федеральных голосований... Все действующие губернаторы, а также врио сохранили свои посты. Из них только двое глав регионов избирались от КПРФ, все остальные – единороссы»⁹.

⁵ Индексы социального самочувствия // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya>

⁶ Совещание по оперативным вопросам при Президенте РФ 16 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72510>

⁷ Выступление В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

⁸ Вслед за шестью странами, которые станут новыми участниками БРИКС с января 2024 г. (Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты), более 40 государств выразили заинтересованность в присоединении к БРИКС, из них 22 уже подали официальные заявки (источник: Российская газета. 22.09.2023. URL: <https://rg.ru/2023/09/22/strategicheskij-prioritet.html>).

В III международном форуме «Один пояс – один путь», который проходил в Пекине 17–18 октября 2023 г., приняли участие 130 стран и 30 международных организаций. Российский президент являлся почетным гостем данного мероприятия.

⁹ Памфилова назвала рекордной явку в 46% // РБК. 13.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2023/6501c3fe9a7947ea85beaf37>

Каких-либо существенных негативных тенденций (по результатам последней «волны» опросов) в динамике общественных настроений не наблюдается. Однако нельзя не отметить и тот факт, что некоторые характеристики, относящиеся преимущественно к самооценке людьми своего материального положения, по-прежнему остаются стабильными и достаточно тревожными. Например:

- ✓ на высоком уровне сохраняется доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» (43% на протяжении, как минимум, последних 12 месяцев);
- ✓ индекс потребительских настроений (ИПН) остается ниже 100 пунктов (что свидетельствует о преобладании пессимистических прогнозов населения в плане развития экономики страны и своего личного благосостояния), причем в октябре 2023 г. ИПН впервые за последние 12 месяцев незначительно снизился (с 85 до 84 п., хотя за предыдущий период с октября 2022 по август 2023 г. возрос с 80 до 85 п.);
- ✓ в оценках успешности решения главой государства проблемы подъема экономики страны и роста благосостояния граждан отмечаются определенные позитивные изменения (рост доли положительных оценок на 3 п. п., с 34 до 37%, за последние 12 месяцев), однако по-прежнему удельный вес негативных характеристик существенно превышает долю позитивных суждений (48–50 и 35–37% соответственно).

В этих условиях сохраняется необходимость повышенного внимания органов власти всех уровней к реализации мер по поддержанию уровня и качества жизни граждан. Несмотря на то, что успешное достижение всех целей СВО и снижение напряженности внешних угроз вокруг России по-прежнему являются ключевыми факторами, оказывающими влияние на тенденции общественных настроений, решение актуальных насущных проблем людей также играет немаловажную роль в этом вопросе. И вполне вероятно, что эта роль будет только усиливаться по мере того, насколько успешно система государственного управления будет справляться с внешними вызовами и как будет приближаться период главной избирательной кампании 2024 года – выборов Президента РФ.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 30.10.2023.
Дата выхода в свет 31.10.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,82. Тираж 500 экз. Заказ № 46.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru